

**Министерство культуры Омской области
Омский государственный историко-краеведческий музей
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
Союз краеведов России
Омский региональный общественный благотворительный фонд
«Культура Сибири»**

ЧЕТВЕРТЫЕ ЯДРИНЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России**

(Омск, 30–31 октября 2017 г.)

**Омск
2017**

ББК 63.3(2)61
УДК 94+908
Ч-52

Организаторы:

Министерство культуры Омской области
Омский государственный историко-краеведческий музей
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
Союз краеведов России
Омский региональный общественный благотворительный фонд
«Культура Сибири»

Соорганизаторы:

Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева
Омская государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина
Омское отделение Российского военно-исторического общества

Редакционная коллегия:

д.и.н. П. П. Вибе (ответственный редактор), к.и.н. О. В. Блинова,
д. культурологии Н. М. Генова, к.и.н. Н. В. Елизарова (ответственный секретарь),
к.и.н. Т. Н. Золотова, О. В. Котовщикова, Т. М. Назарцева,
д.и.н. В. Г. Рыженко, О. А. Свиридовский, д.и.н. Н. А. Томилов,
д.и.н. М. К. Чуркин, В. А. Шаркова.

Ч-52 Четвертые Ядринцевские чтения: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России (30–31 октября 2017 г.) / Отв. ред. П. П. Вибе. – Омск: ОГИК музей, 2017. – 469 с.

ISBN 978-5-8042-05-56-1

Рекомендовано к печати решением Редакционно-издательского совета Омского государственного историко-краеведческого музея (Протокол №4 от 17.10.2017)

В издание включены тексты докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции «Четвертые Ядринцевские чтения», посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России (Омск, 30—31 октября 2017 г.). Материалы сборника посвящены отдельным страницам и значимым событиям истории, связанным с трагическим периодом 1917—1921 гг.; также включены статьи, характеризующие личность Н. М. Ядринцева, выдающегося исследователя и общественного деятеля, 175 лет со дня рождения которого исполняется в текущем году. Статьи сборника представлены в четырех тематических блоках, соответствующих секционному и пленарным выступлениям докладчиков. Сборник может быть полезен историкам, культурологам, специалистам музейного, архивного и библиотечного дела, краеведам и всем, интересующимся историей региона.

© Омский государственный историко-краеведческий музей, 2017

**ДОКЛАДЫ
ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ**



Вибе Петр Петрович,
доктор исторических наук,
директор, Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: pwiebe@mail.ru

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ КОММЕМОРАЦИЯ СОБЫТИЙ
РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ:
ПУТЬ К ПРИМИРЕНИЮ ИЛИ РАСКОЛУ

В работе рассматриваются основные социальные функции памятников монументального искусства и их роль в формировании общественного сознания. Автор показывает, какое влияние «социальные рамки памяти» оказывают на формирование символического пространства в России, исследует причины и последствия монументального дисбаланса, сложившегося в России в связи с мемориализацией событий Революции и Гражданской войны. Опираясь на события региональной истории, автор формулирует конкретные предложения, направленные на объективное отражение истории Гражданской войны в памятниках истории и монументального искусства.

Ключевые слова: монументальная коммеморация; памятники монументального искусства; память; революция; гражданская война; общественное сознание.

Vibe Peter Petrovich,
Doctor of Historical Science,
Director, Omsk state historical Museum,
Omsk,
e-mail: pwiebe@mail.ru

MONUMENTAL COMMEMORATION OF EVENTS OF REVOLUTION
AND CIVIL WAR IN RUSSIA:
THE ROAD TO RECONCILIATION OR DIVISION

The paper discusses the main social function of monuments and their role in shaping public consciousness. The author shows how the influence of the «social frameworks of memory» in shaping the symbolic space in Russia, explores the

causes and consequences of the monumental imbalance prevailing in Russia in connection with the memorialization of the events of the Revolution and the Civil war. Based on the events of regional history, the author formulates concrete proposals aimed at an objective reflection of the history of the Civil war monuments of history and monumental art.

Key words: monumental commemoration; monuments of monumental art; memory; revolution; civil war; public consciousness.

Предстоящий 100-летний юбилей Революции и Гражданской войны в России неизбежно должен привести к актуализации памяти об этих судьбоносных не только для нашей страны, но и мировой цивилизации, событиях. Не сложно предположить, что с новой силой обострятся противоречия, связанные с социально-политическими и нравственными оценками белого и красного движений, с вопросами коммеморации тех трагических событий и их мемориализации. Причем эти споры наверняка проявятся не только в научных, но и в общественных дискуссиях. Как не прискорбно сознавать, но закончившаяся столетие назад на полях сражений Гражданская война в России продолжается и в наши дни на полях коллективной памяти. Напомню, что в 2012 г. в Омске кипели нешуточные страсти по поводу установки памятника адмиралу А. В. Колчаку работы известного скульптора М. А. Ногина. Общественная палата Омской области организовала опрос среди населения, в результате которого выяснилось, что за установку памятника высказались 54,4% омичей, 28,7% опрошенных ответили, что памятник городу не нужен, еще 16,8% затруднились ответить¹. Аналогичный опрос в 13 районах Омской области дал несколько иные результаты: 37,2% опрошенных высказались за памятник; 43,7% респондентов ответили отказом, а 19,1% респондентов затруднились с ответом². Эти данные, несмотря на некоторый перевес сторонников памятника, все же свидетельствовали о наличии очевидного раскола в общественном сознании омичей и с известной степенью погрешности экстраполировались на все российское общество. Вряд ли эта ситуация изменилась за прошедшие пять лет.

Авторы современных социологических исследований справедливо ставят вопросы: «Не является ли теперешняя антиномичность общественного

¹ Результаты опроса о памятнике Колчаку удовлетворили общественный контроль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://omskzdes.ru/society/8512.html>. – (Дата обращения – 08.10.2017).

² Против памятника Колчаку высказались жители сельских районов Омской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bk55.ru/news/article/12012/>. – (Дата обращения – 08.10.2017).

сознания предвестником возможных социальных потрясений? И возможно ли преодолеть многочисленные антиномии, не доводя общество до социального взрыва?» Ответ, по их мнению, очевиден: «Требуется одно принципиальное решение – отказ от прежней практики преодоления разногласий, которая видела в каждом ином мировоззрении врага, а не оппонента, с которым следует обсуждать все спорные проблемы, находить возможные согласованные решения и ни в коем случае не жаждать унижения. Несоблюдение этих требований ко всем функционирующим общественным силам ведет только к конфликтам, к утрате достигнутого, пусть и спорного, и неполного» [1, с. 82].

И это не сугубо российский феномен. Когда-то, например, США служили примером сосуществования разных систем коммеморации. В своих публикациях мы отмечали наличие в этой стране памятников лидерам обеих противоборствующих сторон в гражданской войне 1861–1865 гг. [2, с. 6]. Но недавние события в США, где решили «довоевать» гражданскую войну между Югом и Севером полуторавековой давности путем сноса памятников генералу Роберту Эдварду Ли – выдающемуся полководцу и мудрому политику Конфедерации, каким его воспринимают в южных штатах, свидетельствуют о всеобъемлемости и серьезности этой проблемы. Уличные беспорядки в некоторых американских городах, возникшие вокруг сноса памятников и приведшие даже к человеческим жертвам, говорят о том, что от подобных потрясений не застрахованы даже страны с сильными демократическими традициями и государственным аппаратом.

Почему же монументальные памятники способны вызывать такие реакции в обществе? Каковы их основные социальные функции?

Прежде всего, памятники создаются для сохранения памяти о важнейших событиях и выдающихся людях. Следовательно, главной функцией монументальных памятников является **информационная функция**, т.е. их способность транслировать историческую информацию, социальный опыт из поколения в поколение. Посредством художественных образов монументальные памятники передают большой объем информации о предшествующих эпохах и наиболее ярких их представителях, т.е. являются трансляторами исторической памяти.

Благодаря тому, что в монументальных памятниках изначально заложен значительный потенциал исторической и художественной информации, преумноженный с годами, они представляют собой очень важный источник исторических знаний, сравнимый по информативности с музейной экспозицией или учебником истории, а, следовательно, способны выполнять **познавательную или гносеологическую функцию**.

Известно, что процесс познания монументальных памятников характеризуется отражением и воспроизведением закодированной в них исторической информации в мышлении человека. Монументальное искусство – самое демократичное и доступное: чтобы увидеть монумент, не нужно идти в музей, достаточно выйти на улицу, площадь или прогуляться в парке. Грамотно сформированное монументальное пространство способно превратить город в своеобразный музей под открытым небом, который каждодневно будет формировать историческое сознание граждан так необходимое для гармоничного развития личности. Именно поэтому относиться к монументальной городской среде следует вдумчиво, осторожно и планомерно. Стихийная установка памятников в угоду чьим-либо амбициям, предпочтениям, политическим или эстетическим взглядам просто недопустима и вредна. Еще более недопустимо умышленное или ненамеренное искажение исторических реалий, в которых происходили события, воплощенные в монументе.

Важной функцией монументальных памятников всегда являлась **идеологическая функция**. Как правило, монументальные памятники создаются при непосредственном участии государства и несут определенную политическую нагрузку. Не случайно в эпоху революционных перемен первыми уничтожаются памятники как идеологические символы. Так было в нашей стране в 1918 и 1991 гг., так было и в период хрущевского наступления на культ личности Сталина. По образному выражению В. Э. Багдасаряна, «расправа» над памятником представляла собой необходимый для наглядно-образного мышления масс ритуал низвержения «неправедного режима» в лице его героев» [3, с. 5]. Особенно активно идеологическую функцию монументальных памятников в нашей стране эксплуатировали в советскую эпоху.

По мнению специалистов, «по количеству и характеру памятников можно дать характеристику режима, определить его силу и устойчивость. Для авторитарных неустойчивых режимов свойственно большое количество памятников и значительный перевес одного фигуранта. Для устойчивых демократических режимов характерна тематическая сбалансированность памятников, равномерность мемориализации разных сторон жизни. Для слабого государственного режима свойственна редкая сеть памятников. Тематика памятников указывает на идеологические приоритеты государства и особенности его политики. Преобладание императорских и военных памятников свойственно для расширяющихся империй, для демократических режимов характерны монументы деятелям науки и культуры» [4, с. 5].

Наконец, бесспорна **воспитательная функция** памятников. С одной стороны, она очень тесно связана с идеологической функцией и целенаправленно используется для воспитания подрастающего поколения в рамках господствующей идеологической парадигмы. С другой – монументальные памятники имеют мощный потенциал для воспитания всесторонне развитой личности. Как особая категория историко-культурного наследия, они широко используются в целях нравственного и эстетического воспитания.

Особенно велика роль монументальных памятников в воспитании патриотизма, любви к своему краю и гордости за него. К сожалению, в последнее время в омском регионе этому уделяется явно недостаточно внимания. Иначе как можно объяснить, что свой 300-летний юбилей наш город так и встретил без памятника его основателям? Или почему Омск, едва ли не единственный петровский город в России, не имеет памятника Петру I, как символ эпохе, в которой появился наш город? [5]. Или почему спустя четверть века после упразднения КПСС в Омской области по-прежнему монументально однобоко представлены события Гражданской войны – одна из наиболее ярких, вместе с тем, трагичных страниц в истории нашего края? [2]. Мы много говорим о патриотизме, но мало что делаем для того, чтобы омичи гордились своим городом, знали его историю и культуру; чтобы они с восхищением, а не с сарказмом восклицали: «Омск – необыкновенный город!»; чтобы они оставались в нем жить и работать, а не уезжали, даже не в Москву и Санкт-Петербург, а в ближайшие Новосибирск и Екатеринбург. Известная восточная мудрость гласит: «Сколько ни говори «халва», во рту слаще не станет». И патриотизм – не халва. Можно бесконечно много говорить о важности любви к малой родине, а омичи все равно будут продолжать искать счастье в чужих краях. Прав был Д. С. Лихачев, который подчеркивал, что «к патриотизму нельзя только призывать, его нужно заботливо воспитывать – воспитывать любовь к родным местам, воспитывать духовную оседлость. А для всего этого необходимо развивать науку культурной экологии. Не только природная среда, но и культурная среда, среда памятников культуры и ее воздействие на человека должны подвергаться тщательному научному изучению» [6, с. 224].

Таковы основные социальные функции монументальных памятников. Сгруппировав их, мы получаем два важных функциональных блока – информационно-познавательный и идеологически-воспитательный. Первый из них отвечает за память об исторических событиях или выдающихся людях, за процесс познания прошлого и формирование новых знаний. Функциональная задача второго блока – это «увековечивание памяти, т.е. прославление события или человека, внесение его в круг «актуальной»

памяти с воспитательными целями» [7, с. 8–9]. Благодаря этому формируется мировоззрение людей.

На бытовом уровне назначения этих двух функциональных блоков часто смешиваются. Представителям старшего поколения и детерминировано идеологизированным людям идеологически-воспитательный функциональный блок представляется наиболее важным, если не единственным. Именно поэтому споры по поводу установки новых или сноса старых памятников приобретают порой такой ожесточенный характер, как это было летом 2017 г. в США в связи со сносом памятников конфедератам, или как это было в Омске в ситуациях, связанных со сносом памятника Ленину у Законодательного собрания и предполагаемой установкой памятника А. В. Колчаку.

Кроме того, подобную реакцию в обществе может вызывать консервативность исторического мышления или его полное отсутствие. Как известно, на исторические представления людей о прошлом сильное влияние оказывают названные французским философом и социологом, основоположником теории исторической коллективной памяти Морисом Хальбваксом «социальные рамки памяти» [8]. Они, например, до сих пор удерживают представления достаточно многочисленной части россиян о Гражданской войне в пределах определенных стандартов объяснений тех неоднозначных событий. Дело в том, что на формирование этих «социальных рамок памяти» многие десятилетия мощное влияние оказывало советское государство, имевшее неограниченные информационные ресурсы и возможность подавлять инакомыслие. Именно оно определяло, что надо помнить, а о чем обществу лучше забыть. В результате формировались, так называемые, «навязанная память» и «навязанное забвение».

Уже более четверти века этого воздействия нет, мы живем по сути дела в другом государстве, а «социальные рамки памяти», сформированные в советскую эпоху, продолжают демонстрировать свою необычайную живучесть. Парадоксальность ситуации заключается в том, что сторонники победителей в Гражданской войне утратили монополию на установление памятников своим героям, но символическое пространство страны радикально не изменилось. В России, по мнению специалистов-памятниковедов, «новая идентичность не стала гегемонистским дискурсом даже по отношению к революционным памятникам» [7, с. 8]. Особенно наглядно это проявляется в провинции. Если в Москве в 1991 г. мы наблюдали активный демонтаж памятников Дзержинскому, Калинин и другим деятелям революционных событий, то в регионах это происходило редко. Практически все памятники в Омске и Омской области, связанные с Революцией

и Гражданской войной, остались на своих местах. Исключение, пожалуй, составляет лишь бюст К. Лигети, перенесенный в другое место. А вот памятники белому движению и его лидерам в «третьей столице» так и не появились. Подобный монументальный дисбаланс, с одной стороны, свидетельствует о слабости региональной власти, не решающейся в отсутствие общероссийского тренда к его устранению. С другой стороны, – этот дисбаланс способствует формированию искаженного исторического сознания у омичей и препятствует толерантному отношению к прошлому.

В этой связи хочется вновь вернуться к результатам опроса общественного мнения в 2012 г. Мало кто помнит, но тогда около половины опрошенных готовы были отдать право принятия решения об установке памятника А. В. Колчаку представителям законодательной и исполнительной власти города и области, а пятая часть – совету общественных организаций. Но ни те, ни другие не взяли на себя такую ответственность, уподобившись страусу, прячущему голову в песок. А вот большевики в свое время оказались значительно решительнее в подобных ситуациях.

Символическое пространство, отражающее события Революции и Гражданской войны в России, начало формироваться уже в 1918 г., когда вождем пролетарской революции В. И. Ленин, несмотря на тяжелое положение молодой Советской республики, выступил с идеей выработать стратегию развития монументального искусства в России. Придавая огромное значение памятникам, он предлагал использовать их в качестве важнейшего агитационного средства революции и коммунистической идеологии. Назначение монументальных памятников в значительной степени было подчинено большим общественным и государственным задачам и возникало из необходимости пропаганды и популяризации в массах коммунистических идей. Памятники являлись своего рода реперными точками, ценностными ориентирами существовавшей идеологической модели и политического устройства общества. За годы Советской власти вся страна покрылась густой сетью памятников, посвященных событиям Революции и Гражданской войны, прумножавшейся с каждым очередным юбилеем. В Сибири первые подобные памятники появились в Новосибирске (1922 г.) и Омске (1923 г.). При этом, по мнению некоторых исследователей, «звание столицы Белой России стало дополнительным поводом для возведения в Омске наибольшего числа памятников подобного типа» [9, с. 191]. В результате, к 1980 г. на территории Омской области из 262 памятников истории, взятых облисполкомом на государственную охрану, около 40% имели отношение к событиям Революции и Гражданской войны (в это число ошибочно были включены и некоторые монументальные памятники). Но все они, естественно, были связаны лишь

«с борьбой за установление Советской власти в Сибири» [10]. И это при том, что Омск в 1918–1919 гг. являлся центром антибольшевистского движения не только за Уралом, но и во всероссийском масштабе [11; 12]. Инерция человеческого сознания, те самые «социальные рамки памяти» не позволили показать многогранность событий Гражданской войны монументальными средствами ни в 1990-е годы, ни в наши дни.

Следует признать, что в наше время сохранившиеся памятники советской эпохи уже не выполняют той идеологической функции, что прежде, они просто стали частью городского ландшафта и ожидают своей участи, т. к. государственная политика в отношении этих памятников в Российской Федерации до сих пор не выработана. Более того, многие памятники Гражданской войны, в частности в северных районах Омской области, оказались заброшенными. Как это ни прискорбно, но нам очень часто приходилось встречать могилы «верных сынов партии», «борцов с колчаковщиной», законодательно объявленных памятниками истории, но забытых людьми. Таким образом, история сама расставляет все по своим местам. В отсутствии «навязанной памяти» эти памятники умирают своей естественной смертью.

Проблема монументальной коммеморации событий Революции и Гражданской войны в России требует ответов на два принципиально важных вопроса:

1. Как быть с монументальным наследием советской эпохи?

2. Как адекватно и без социальных потрясений отразить историю Революции и Гражданской войны в России монументальными средствами?

В научном сообществе единого мнения по этим вопросам нет. Так, например, один из ведущих современных специалистов в области истории памятникоохранительного движения в России А. М. Кулемзин считает, что «коммунистические истуканы, стоящие на площадях, раскалывают наше общество на тех, кто хочет и идет вперед, и на тех, кто хочет повернуть страну назад» [13, с. 6]. Признавая наличие фактов «войны с памятниками» в других странах, он задается риторическим вопросом: «Не пора ли и России освежить свое лицо от скверны?» [13, с. 9]. Такая радикальная постановка вопроса, на наш взгляд, близка к провокационной и чревата социальными противостояниями, подобными тем, что произошли в США летом 2017 г.

Вместе с тем, абсурдность ситуации, когда в Российской Федерации по данным открытых интернет-источников по-прежнему насчитывается около 6000 памятников Ленину, тоже не вызывает сомнения¹. Большинство

¹ В России с 1991 года снесли около 1000 памятников Ленину. Кто это – вандалы или фашисты? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://urayakunin.livejournal.com/2394059.html>. – (Дата обращения – 08.10.2017).

из этих памятников не имеют никакого отношения к монументальному искусству, но продолжают охраняться законом. Подобная ситуация будет сохраняться до тех пор, пока на поставленные нами вопросы не ответит государство. Хотя бы потому, что большинство памятников советской эпохи находится на государственной охране.

В России с 1991 г. было демонтировано около 1000 памятников Ленину, но все это происходило в отсутствии официальной государственной монументальной политики и, по сути дела, противозаконно. К примеру, памятник Ленину у Законодательного собрания в Омске был демонтирован под предлогом необходимости реставрационных работ, хотя все омиичи прекрасно понимали, что это было связано с восстановлением Успенского кафедрального собора. Некоторое время он в разрушенном состоянии находился на территории реставрационного центра Министерства культуры Омской области, но после настойчивых требований омских коммунистов вернуть памятник на место, был передан в ОГИК музей, где его отреставрировали и нынче используют в исторической экспозиции.

На прошедшей в 2016 г. в Омске Всероссийской научно-практической конференции «Гражданская война в России (1917–1922 гг.): историческая память и проблемы мемориализации красного и белого движения», справедливо отмечалось, что «... процесс мемориализации красного и белого движений в стране, событий Гражданской войны концептуально не обоснован, что приводит как к установке новых «спорных» памятников, так и к необоснованному разрушению старых», подчеркивалась необходимость приоритета «... и духовно-нравственного понимания исторической памяти и проблем мемориализации, выявление ценностных метафизических истоков Гражданской войны, произошедшего раскола и всплеска классовой ненависти. Осознание Гражданской войны как всеобщей национальной трагедии и закрепление этой идеи в общегражданских мемориалах станет напоминанием о великом нравственном историческом уроке и не позволит страшным событиям повториться вновь»¹. Такой подход к данной проблеме, на наш взгляд, является продуманным, взвешенным и отвечающим интересам гражданского мира.

В контексте данной проблемы известный интерес представляет мнение омского философа Г. В. Горновой, которая считает, что период истории Омска 1918–1919 гг. «... может однозначно интерпретироваться в дискурсе

¹ Подведены итоги Всероссийской научно-практической конференции «Гражданская война в России (1917–1922 гг.): историческая память и проблемы мемориализации красного и белого движения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sfrik.omskreg.ru/newspage.php?id=178>. – (Дата обращения – 08.10.2017).

травмы. Драматизм этой интерпретации обусловлен не только трагичностью эмоционального опыта Гражданской войны, но и тем, что этот опыт не был осмыслен должным образом, поскольку вполне осознанно применялась жесткая репрессивная стратегия забывания» [14, с. 20]. По ее мнению, тот «сильный эмоциональный отклик», который возник в нашем городе как в профессиональном сообществе историков, так и среди горожан при обсуждении возможности установки памятника адмиралу А. В. Колчаку свидетельствует «... о непроработанности травмы, о непреодолении прошлого, о том, что культурная память пока не может выполнить социально-терапевтическую функцию объединяющего характера, что характерно и для России в целом, а не только для отдельно взятого города». Тем не менее, она приходит к достаточно оптимистичному выводу о том, что именно «мемориальная практика «преодоления прошлого» способна стать основой формирования новой коллективной идентичности, в том числе сделать более сложной и многообразной городскую идентичность» [14, с. 20].

Разделяя этот оптимизм, выскажем собственные соображения по некоторым вопросам монументальной коммеморации событий Революции и Гражданской войны в нашем регионе:

1. Прежде всего, необходимо провести научную инвентаризацию исторических и монументальных памятников, посвященных Революции и Гражданской войне на территории Омской области на предмет их историко-культурной ценности. При этом приоритетными должны быть информационная и познавательная функции памятников, но отнюдь не идеологическая. На наш взгляд, бесспорный интерес с исторической точки зрения представляют памятник Борцам Революции, памятный знак в Старозагородной роще, памятное место Марьяновского боя и некоторые другие. Вместе с тем, целый ряд памятников сооружены исключительно по идеологическим соображениям. К примеру, при публичном обсуждении вопроса о памятнике Верховному правителю в 2012 г. представители КПРФ пытались поставить своих оппонентов в тупик, как им казалось, беспроигрышным вопросом: «Что полезного сделал А. В. Колчак для Омска?». Но ведь можно задать и им вопрос: «А что полезного для Омска сделали А. А. Масленников, П. А. Вавилов, М. А. Рабинович и некоторые другие революционеры, прожившие в городе на нелегальном положении всего несколько месяцев, но успевшие организовать два неудачных вооруженных восстания 22 декабря 1918 г. и 1 февраля 1919 г., повлекшие за собой многочисленные жертвы?». Тем не менее, в 1987 г. в самом центре Омска, в мемориальном сквере Памяти Борцов Революции были установлены 6 скульптур этим революционерам. Подавляющее большинство омичей об этих людях ничего не знают,

памятники сиротливо стоят в глубине сквера, цветы к ним никто не приносит. Такие памятники вполне безболезненно могут быть демонтированы и отправлены в музейную экспозицию под открытым небом.

2. Заслуживает всяческого одобрения начатая практика обозначения временными информационными знаками исторических памятников, связанных с деятельностью лидеров белого движения в Омске. Пройдя проверку временем, они могут быть заменены мемориальными досками.

3. Особое внимание следует уделить местам захоронений жертв Революции и Гражданской войны вне зависимости от того, на чьей стороне они оказались в то непростое время. Все они должны быть приведены в надлежащий вид. Не следует препятствовать установке памятников на могилах чешских легионеров и других противников большевизма.

4. Известно, что в годы гражданской войны в нашем крае погибли тысячи людей. Это были сторонники Колчака и Ленина, эсеры и меньшевики, чешские легионеры, австрийские, венгерские и германские военнопленные, далекие от политики крестьяне и горожане. В Старозагородной роще установлен памятный знак, но только жертвам белогвардейского террора. А ведь давно, еще до создания памятника А. В. Колчаку, можно было воздвигнуть недорогой, но очень важный памятный знак всем жертвам Гражданской войны в России – как символ гражданского примирения. Установить его можно было бы на народные деньги на левом берегу Иртыша, напротив Тобольских крепостных ворот, – там, где в декабре 1918 г. были расстреляны первые народные избранники России – члены Всероссийского Учредительного собрания, оказавшиеся неугодными и большевикам, и правомонархическим кругам.

5. Что касается памятника адмиралу А. В. Колчаку, то, конечно же, он имеет все основания быть установленным в Омске, также, впрочем, как и памятник командарму М. Н. Тухачевскому. Бесспорно, что А. В. Колчак – выдающаяся историческая личность, и его судьба была тесно связана с Омском. Поэтому исторически обоснованным в нашем городе мог бы быть памятник Верховному правителю России, а не флотоводцу и полярному исследователю. И не надо думать, что памятник обязательно превратится в идола, будет выполнять исключительно идеологическую функцию и ему будут поклоняться сотни тысяч омичей и гостей нашего города. Скорее всего, его будут воспринимать как произведение искусства, исторический источник, достопримечательность. Можно по-разному относиться к А. В. Колчаку, но при чем здесь памятник? Нельзя в памятнике видеть врага. К тому же, как бы ни хотелось противникам памятника вытравить имя А. В. Колчака из российской или омской истории, это уже невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тощенко Ж. Т. Раскол общественного сознания – угроза преобразованию России // Социология. – 2009. – № 4.
2. Вибе П. П. Об объективном отражении истории в памятниках гражданской войны в Сибири // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья. – Омск, 2005.
3. Багдасарян В. Э. Идеология и политическая семиотика. – М., 2010.
4. Сокол К. Г. Российские монументальные памятники конца XVIII начала XX вв. как объекты исторической географии: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – М., 2009.
5. Вибе П. П. Омск – необыкновенный город! или размышления историка накануне 300-летнего юбилея города о роли Петра I и его сподвижников в основании Омской крепости. – Омск, 2016.
6. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. – М., 1988.
7. Курилла И. И. Историческая память и публичная коммеморация // Память и памятники. – Волгоград, 2012.
8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М., 2007.
9. Петренко С. Д. Памятники героям Октябрьской революции на территории городов Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 36.
10. Вибе П. П., Вибе Т. К. О подготовке свода памятников истории и культуры Омской области // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2000. – № 8.
11. Вибе П. П. Материалы к истории Гражданской войны в Сибири // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 1993. – № 2.
12. Вибе П. П. Омское Прииртышье в период Гражданской войны (хроника событий) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1994. – № 3.
13. Кулемзин А. М. К толерантности без монументальной пропаганды // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 5.
14. Горнова Г. В. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2017. – № 2 (15).

УДК 94(57)

Добровольский Анатолий Владимирович,
*доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии,
Сибирский государственный университет путей сообщения,
Новосибирск,
e-mail: dobr@sgups.stu.ru*

ЭСЕРЫ СИБИРИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ 1917 ГОДА

В публикации рассматривается судьба социалистов-революционеров в Сибири, которые после Февральской революции 1917 г. сразу же превратились из оппозиционной (нелегальной) партии в правящую, а после Октября 1917 г. утратили власть и перешли вновь в лагерь оппозиции, теперь уже к бывшим своим соратникам по борьбе с самодержавием.

Ключевые слова: Сибирь; партия социалистов-революционеров; эсеры; большевики; власть.

Dobrovolskiy Anatoly Vladimirovich,
*Doctor of Historical Science, professor at the Department of history
and political science at the Siberian State Transport University,
Novosibirsk,
e-mail: dobr@sgups.stu.ru*

SOCIALISTS-REVOLUTIONARIES OF SIBERIA: HISTORICAL ALTERNATIVES 1917

This publication describes the fate of socialist-revolutionaries in Siberia, who after the February revolution of 1917 immediately transformed from the opposition (illegal) parties in the ruling and after October 1917 lost power and went again to the camp of the opposition, now his former comrades in the struggle against the autocracy.

Keyword: Siberia; the party of socialists-revolutionaries; socialists-revolutionaries; Bolsheviks; the power.

Февральская революция 1917 г. явилась для эсеров Сибири, впрочем, как и для всей партии социалистов-революционеров (ПСР), «приятной» неожиданностью. Тем не менее, с первых дней после получения известий

из Петрограда, они сумели развить в Сибири высочайшую активность. За их плечами были годы нелегальной деятельности, наличие кадров, в том числе и общепартийного уровня (ссылные эсеры), богатый опыт управленческой работы в органах кооперации.

Уже на первых легальных собраниях сибирские эсеры постановили делегировать своих представителей в формирующиеся органы новой власти – буржуазные временные комитеты и революционно-демократические Советы, наметили меры по организации агитационной работы среди населения, решили настаивать на скорейшем проведении демократических выборов в городские самоуправления. Первый номер Новониколаевской газеты «Земля и воля» (10 марта 1917 г.) стал первым в стране изданием местной партийной организации. В 1917 г. на территории Сибири действовало около 250 эсеровских организаций разного уровня, численность которых постоянно колебалась. В марте 1917 г. организационно оформились 60 организаций ПСР, в апреле – 46, мае – 58, июне – 21, июле – 37, августе – 23, сентябре – 2, октябре – 3, ноябре – 2 [1, с. 55–56].

На первых губернских конференциях и съездах (май – июль) эсеры Сибири повсеместно обсудили стратегию и тактику партийных организаций на предстоящих выборах в органы городского самоуправления. Сибирские эсеры горячо поддержали закон Временного правительства от 17 июня 1917 г. о реформе земского самоуправления. В этом документе они увидели олицетворение своей идеи народовластия и модель послереволюционного государственного устройства: Всероссийское Учредительное собрание, опирающееся на широкую сеть органов местного самоуправления, избираемых всем народом. К середине 1917 г. идеи народовластия становятся политическим лозунгом областников и социалистов-революционеров.

Избирательная кампания по выборам органов городского самоуправления (июль – август) стала мощным импульсом для активизации всех политических сил в Сибири, в том числе и эсеров, которые в большинстве губернских городов выступили с самостоятельными списками кандидатов. По итогам выборов социалисты-революционеры получили в Иркутске 47 мандатов (52%), Новониколаевске 67 (85%), Омске – 54 (51,4%). В Красноярске большинство мест получили большевики – 37, эсеры – 27, меньшевики – 4. В Барнауле большевики взяли 15 мандатов, меньшевики – 12, эсеры – 10. В Томской городской думе партия «народной свободы» заняла 127 мест, большевики – 34, эсеры – 24, домовладельцы – 10, объединенная социал-демократическая организация – 6, народные социалисты (с областниками) – 3 [2, с. 43–44]. Таким образом, выборы в городские органы самоуправления принесли эсерам Сибири большин-

ство мандатов в трех крупных городах (Иркутск, Омск, Новониколаевск); в ряде городов они обеспечили себе крепкие думские фракции, кое-где им пришлось пойти на блок с представителями других социалистических партий, чтобы обеспечить парламентское большинство. Власть законным путем пришла в их руки.

В Октябре 1917 г. у эсеров не оказалось сил, которые могли бы противостоять большевистскому восстанию. В воззвании ЦК ПСР «Ко всей революционной демократии России», выпущенном 25 октября, попытка захватить государственную власть вооруженной силой за день до открытия II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и за месяц до Учредительного собрания называлась «безумной» [3, с. 343].

На выборах во Всероссийское Учредительное собрание (ноябрь 1917 г.) ПСР в целом получила 58% голосов. За списки социалистов-революционеров в Сибири проголосовало 2 017 991 человек (74,5%), за большевиков – 231 295 (8,6%), за кадетов – 77 973 (2,9%), за меньшевиков – 36 341 (1,4%) [4, с. 86]. В городах избиратели отдали предпочтение большевикам, но сельское население голосовало за партию эсеров. Успех на выборах в Учредительное собрание вновь подтвердил право эсеров на власть, закрепленное ими в «Положении о временных органах управления Сибирью» (принято на Чрезвычайном областном съезде в декабре 1917 г.). Но реальная власть в центре, а затем и на местах уже была в руках другой партии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черняк Э. И. Эсеровские организации в Сибири в 1917 – начале 1918 гг. (К истории банкротства партии). – Томск, 1987.
2. Добровольский А. В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917 – 1923 гг.). – Новосибирск. 2002.
3. Ерофеев Н. Д. Уход с политической арены эсеров // Политические партии России: история и современность. – М., 2000.
4. Шиловский М. В. Сибирь и Учредительное собрание // Сибирь. Политика. Экономика. Управление. – 1993. – № 1 (2).

Козлов Владимир Фотиевич,
*кандидат исторических наук, профессор,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
председатель Союза краеведов России,
Москва,
e-mail: aleks-146@mail.ru*

ЦЕРКОВЬ И ВЛАСТЬ. СУДЬБЫ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ ОМСКА
И ОМСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

1917 г. коренным образом изменил религиозную жизнь России. Размах антирелигиозной политики пришелся на 1929–1930-е гг. Гонения сопровождались закрытием и уничтожением православных храмов. В ГАРФ в фонде Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК сохранилось 14 дел о храмах Омска и Омской области. Посланные с мест жалобы верующих во ВЦИК на действия местных властей содержат сведения о мотивах и обстоятельствах закрытия и уничтожения храмов, в том числе в Омске: Владимирского, Крестовоздвиженского, Знаменского, и в Омской области: в с. Ачаирском, Сладково, Ингалинском и др.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Секретариат ВЦИК; Постоянная комиссия по вопросам культов; Государственный архив Российской Федерации; гонения; жалобы верующих; местная власть; религиозная община; православные храмы Омска и Омской области; закрытие и уничтожение храмов.

Kozlov Vladimir Fotievich,
*Candidate of Historical Sciences,
Professor, Russian scientific research
Institute cultural and natural heritage named after D. S. Likhachev,
Moscow,
e-mail: aleks-146@mail.ru*

THE CHURCH AND THE AUTHORITIES. THE FATE OF THE
ORTHODOX CHURCHES OF THE OMSK AND THE OMSK REGION

AFTER THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917 (ON THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

1917 radically changed the religious life of the Russia. The scope of the anti-religious policies occurred in 1929–1930s. The Persecution was accompanied by the closure and the destruction of the Orthodox churches. The archive fund of the Permanent Commission on the issues of the cults in the SARF contains 14 affairs of the temples of the Omsk and the Omsk region. The complaints of the believers on the actions of the local authorities to the Central Executive Committee contain the information about the motives and the circumstances of the closing and the destruction of the temples in the Omsk: st.Vladimir, Holy Cross, Znamenskiy; in the Omsk region in the villages Achairskoe, Sladkovo, Ingalinskoe and other.

Key words: The Russian Orthodox church; The Secretariat of the Central Executive Committee; The Permanent Commission on the issues of the cults; the State archive of the Russian Federation; the Persecution; the complaints of the believers; the local authorities; the religious community; the Orthodox churches in the Omsk and the Omsk region; the closing and the destruction of the temples.

Октябрьская революция 1917 г. коренным образом изменила Россию, ее политическую, духовную, экономическую жизнь, общественный и семейный уклад жителей. По своему характеру она и установившаяся благодаря ей Советская власть были атеистическими, и практически все государственные законы и распоряжения были нацелены на ослабление всех конфессий, на ликвидацию институтов Русской православной церкви, уничтожение культовых зданий. Впервые в истории русской государственности религия была подвергнута тяжелым гонениям. Были созданы особые институты, надзиравшие за церковью и ее приходами. После известного декрета Совнаркома РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства» была создана сеть государственных и общественных атеистических по существу учреждений и обществ. В ЦК РКП(б) действовала Комиссия по проведению отделения церкви от государства (Антирелигиозная комиссия), в Наркомате юстиции – VIII Ликвидационный отдел, специальные подразделения и сотрудники занимались вопросами, касающимися церкви, в Секретариате ВЦИК, в ГПУ, в административных отделах местных исполнительных комитетов (так называемые церковные столы, подотделы) и др. В результате деятельности этих и других учреждений отложилось значительное число документации, ныне хранящейся в республиканских и областных архивах.

В апреле 1929 г. в стране был принят новый закон, резко ужесточивший отношение государства к церкви, по которому можно было легко закрыть

и даже снести приходской храм. Для разбора многочисленных жалоб верующих при Президиуме ВЦИК, в 1929 г. была создана Постоянная комиссия по вопросам культов (Культкомиссия) с отделениями при областных и республиканских исполнительных комитетах (ликвидированы в 1937–1938 гг.), оставившими после себя значительные массивы документов, хорошо иллюстрирующих политику государства в отношении Православной церкви и позволяющих проследить факты гонений, мотивы и реальные обстоятельства ликвидации храмов, преследования верующих, борьбы прихожан с беззаконием властей в отношении храмов [1].

В фонде Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК (ГАРФ. Ф. 5263) хранятся более 1800 дел, подавляющая часть которых сформирована по административно-территориальному признаку: по республикам, краям и областям. Здесь представлены и комплексы дел по регионам Сибири: по краям Восточно-Сибирскому, Западно-Сибирскому, Красноярскому, Омской области и др. Последний регион представлен в фонде 15-ю делами¹, объемом от 20–30 до 140–170 листов². Одно дело касается закрытия молитвенного дома баптистов в Омске (Д. 443), остальные содержат различные материалы о православных храмах Омска и Омской области.

Дела в Культкомиссии заводились в случае, если верующие обращались в нее или во ВЦИК (лично к председателю М.И.Калинину) с жалобой (заявлением, просьбой) на действия местных властей по отнятию у них или закрытию храма. Законодательство 1929 г. давало верующим право в двухнедельный срок обжаловать решения властей. Отметим, что далеко не каждая религиозная община решалась в реалиях 1930-х гг. жаловаться в Москву. Иногда же, не доверяя почте и желая лично объяснить ситуацию, община направляла в Приемную М. И. Калинина ходока.

Жалоба (заявление, просьба), написанная от имени уполномоченных Приходского Совета (иногда с многочисленными подписями прихожан) – самый яркий и драматичный источник и, безусловно, «центральный» документ омских дел, отложившихся в фонде Культкомиссии. Написанные от руки, часто малограмотно, они показывают широкую и трагическую по существу картину преследований религии и верующих на местах. В них упоминаются различные притеснения властей: административное закрытие храмов, непомерные налоги, требования произвести ремонт в кратчайшие сроки, запугивание

¹ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1439–1453.

² Особняком стоит совсем небольшое дело № 439, объемом 8 листов «Сведения о церквях, молитвенных зданиях и служителях культа в г. Тобольске, г. Тюмени и по Тюменскому району Омской области» (1936–1937 гг.).

прихожан арестами. В двух больших архивных делах, например, собрано около 50 жалоб верующих различных храмов сел Омской области: Авлы, Александровки, Артына, Астырывки, Бергамаков, Бердюжского, Боровлянки, Демьяновского, Каргалинского, Кукарки, Князевского, Кратовского, Липовского, Новотроицкого, Музоновки, Муромцева, Озернинского, Панова, Полтавского, Серебряного, Фирстова, Черлака, Чургана, Шабалинского, Шаблыкино, а также городов Тары, Усть-Ишима и др.¹ Жалобы содержат сведения о последних годах существования сельских храмов и о борьбе за них прихожан. Также сохранилось несколько дел, посвященных закрытию в 1935–1937 гг. отдельных сельских храмов: в селах Ачаирском, Сладково (есть фотографии), старообрядческой церкви в с. Ингалинском².

Фонды Секретариата ВЦИК и Культкомиссии содержат важные материалы о судьбе храмов Омска. В одном из общих дел Секретариата по церковным вопросам выявлен комплекс документов о закрытии омского Никольского Казачьего собора в 1929 г. Документы (жалобы прихожан во ВЦИК и Прокуратуру РСФСР, постановления Омского окружного исполкома, Секретариата ВЦИК и др.) содержат информацию о сложных взаимоотношениях различных групп прихожан (обновленцев, автокефалистов), об административных мерах омских властей по закрытию храма и передаче его под спортзал, о «мытарствах и хождениях» верующих, защищавших храм, об уничтожении церковного имущества и т.д.³ Здесь же есть «Список действующих церквей в г. Омске» на 18 мая 1929 г., в котором указаны 10 храмов, находящихся у общин «тихоновцев», и 1 (Успенский кафедральный), принадлежавший обновленцам.

В фонде Культкомиссии отложился «Список функционирующих религиозных общин по г. Омску» на 1935 г., в котором числится 9 православных храмов и 1 старообрядческий⁴. В 1937 г. в Омске по сведениям властей насчитывалось 17 церквей и молитвенных домов различных конфессий, включая 7 православных: «Игнатовская», «Шкроевская-Парасковеевская», «Галкинская», Никольская, кладбищенская-Всехсвятская, Знаменская и старообрядческий храм.

В этом же фонде хранятся дела о закрытии омских храмов: Владимирского в г. Кировске (бывший Ново-Омск) в 1935–1936 гг.;

¹ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 440, 441. 1932–1938 [названия сел могут быть неточны, ибо взяты из текста жалоб – прим. авт.].

² ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 451. («О закрытии церкви в с. Ачаирском Омского района», 76 л.), 452 («О закрытии церкви в с. Сладково Омского района», 45 л.), 453 («О закрытии старообрядческой церкви в с. Ингалинском Упоровского района Омской области», 45 л.).

³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 64. Д. 438. Л. 141–178.

⁴ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 64. Д. 327. Л. 7.

Крестовоздвиженского в 1936–1937 гг., и одно дело о расторжении договора с религиозным обществом Знаменского храма. Жалобы верующих во ВЦИК на решения Омского облисполкома от 29 октября 1935 г. о ликвидации и сносе Владимирского храма (основание – «невыполнение договора о ремонте церковного здания») Секретариат ВЦИК отклонил. Таким же трагизмом пронизаны материалы дела о закрытии омского Крестовоздвиженского храма. Постановления Омского облисполкома от 5 ноября 1936 г. о закрытии и сносе храма обжаловали верующие, написав несколько жалоб и заявлений во ВЦИК, дважды посылая в Москву ходочков, отправляя туда же телеграммы. Религиозная община в жалобах указывала на грубые нарушения местными властями религиозного законодательства. Властям, по всей видимости, удалось убедить членов Культкомиссии в том, что храм, находившийся в районе заводов и фабрик, следует снести и построить на его месте школу. 25 декабря 1937 г. Постановление Президиума ВЦИК о закрытии и сносе церковного здания подписал М. И. Калинин¹. Как и два вышеописанных дела о ликвидации омских храмов, третье дело «О расторжении договора со Знаменским религиозным обществом в г. Омске» также основано на нескольких жалобах верующих во ВЦИК и Прокуратуру СССР на решение омских властей по передаче храма обновленцам. Но опять же, как и в других случаях, несмотря на вопиющие нарушения со стороны властей, Президиум ВЦИК утвердил 20 февраля 1936 г. постановление облисполкома².

В целом омские дела о православных храмах, отложившиеся в фондах Секретариата ВЦИК и Культкомиссии, содержат подробную информацию, позволяющую последовательно реконструировать деятельность местных властей по ликвидации действующих храмов и отчаянные попытки верующих найти защиту во ВЦИК. Материалы дел позволяют увидеть механизм принятия решений по закрытию храмов, содержат бесценные свидетельства о крайне тяжелом положении Церкви в конце 1930-х гг., явившемся следствием антирелигиозной политики Советского государства, о самых трагических страницах летописи отдельных храмов, о степени ответственности омских властей за судьбы храмов, а также о подвижнической деятельности прихожан по защите своих святынь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлов В.Ф. Постоянная Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК и ЦИК СССР и судьбы православных храмов 1929–1937 гг. (по материалам ГАРФ) // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. – М., 2013.

¹ ГАРФ. Ф.5263. Оп.1. Д.327. Л.1–25.

² ГАРФ. Ф.5263. Оп.1. Д.449. Л.1–28.

Кокоулин Владислав Геннадьевич,
*доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России,
Новосибирский государственный университет,
Новосибирск,
e-mail: kwladislaw@yandex.ru*

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В МИФОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье предпринята попытка проанализировать составные части современного мифологического измерения революционных событий 1917 г. Автор рассматривает историческую мифологию как деятельность по конструированию объяснений исторических фактов, предпринимаемых определенными политическими силами, и как феномен массового сознания, воспринимающего исторические события в виде символов и упрощенных схем. Автор приходит к выводу, что миф «Великая русская революция 1917 года» выстраивается идеологами правящих в современной России политических сил.

Ключевые слова: Февральская революция; Октябрьская революция; исторический миф; «Великая русская революция 1917 года»; массовое сознание.

Kokoulin Vladislav Gennadjevich,
*Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of history of Russia,
Novosibirsk State University,
Novosibirsk,
e-mail: kwladislaw@yandex.ru*

REVOLUTION OF 1917 IN MYTHOLOGICAL DIMENSION

The article is devoted to analyze the components of the contemporary mythological dimension of the revolutionary events of 1917. The author considers historical mythology as an activity in the construction of explanations of historical facts undertaken by determined political forces and as a phenomenon of mass consciousness perceiving historical events in the form of symbols and simplified schemes. The author comes to the conclusion that the myth «The Great Russian Revolution of 1917» is built by the ideologists of the political forces ruling in modern Russia.

Keywords: February revolution; October Revolution; historical myth; «The Great Russian Revolution of 1917»; mass consciousness.

Революционные события 1917 г. были масштабным социальным катаклизмом, который изменил не только привычное течение повседневной жизни, но и экономические, политические и социальные структуры общества того времени. Осмысление происходивших событий началось уже современниками. Однако наряду с попыткой выявить причинно-следственные связи, отдельные черты революционных событий практически сразу же приобрели мифологическое измерение. Достаточно обратить внимание на газетные публикации лета 1917 г., в которых Ленин и другие видные большевики объявлялись агентами и подручными Германской империи на основании того, что они прибыли на территорию России в заплombированном вагоне из Швейцарии через территорию Германии.

Мифологическое измерение революционных событий наряду с их историческим осмыслением стало источником символов, которые в массовом сознании устойчиво ассоциировались с событиями 1917 г. Концепция «Красного Октября» сложилась уже через несколько лет после окончания Гражданской войны. Согласно этой версии революционных событий, Февральская революция лишилась самостоятельного значения и рассматривалась исключительно как предпосылка и предшественник «Великой Октябрьской социалистической революции». Все, что происходило после Октябрьской революции, становилось ее последствиями, за исключением Гражданской войны, которая по вполне понятным соображениям не относилась к таковым. Эта мифологическая концепция просуществовала до 1990-х гг., когда с изменением политической ситуации Февральская революция вновь стала выходить на первый план. Теперь Октябрьская революция была объявлена «большевистским переворотом», осуществленным кучкой заговорщиков и нарушившим «нормальное течение» событий российской истории, а Гражданская война соответственно превратилась в непосредственное следствие октябрьских событий. Объективные предпосылки революций ушли на второй план, и она трактовалась преимущественно с позиции «толпы и героев» и теории «ошибок», то есть существенно преувеличивался субъективный фактор. Одновременно зародился новый миф: «Россия, которую мы потеряли», то есть процветающая Российская империя конца XIX – начала XX в. Соответственно, свержение монархии Романовых рассматривалось как негативный факт, и Февральская революция, которая как раз и привела к свержению самодержавия, оказалась снова на периферии общественно-политических дискуссий.

Таким образом, мы можем определить исторический миф следующим образом: это, с одной стороны, искусственно создаваемое объяснение

реального исторического факта, призванное транслировать некий смысл, вложенный конструктором; и, с другой стороны, – восприятие массовым сознанием того же исторического события через призму обыденного. Во втором случае миф также отражает определенную потребность массового сознания увидеть некий смысл в событии, при этом неважно, присутствует ли он в самом событии или только в массовом восприятии.

В настоящее время мы присутствуем при рождении очередного исторического мифа «Великая русская революция 1917 г.». О массовом восприятии этого мифа судить пока достаточно трудно. Однако можно попробовать выделить те смыслы, которые вкладываются в этот миф его создателями, и понять, какие современные реалии он отражает.

Кратко опишем составные части этого мифа в том виде, как их пытаются представить нам его конструкторы.

В начале декабря 2016 г. президент Российской Федерации В. В. Путин в послании Федеральному собранию по поводу предстоящей 100-летней годовщины революций разъяснял, что «уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, для укрепления общественного и политического согласия, которого нам удалось сегодня достичь». Он настаивал на том, что недопустимо «в собственных политических и других интересах спекулировать на трагедиях, которые коснулись практически каждой семьи в России, по какую бы сторону баррикад ни оказались тогда наши предки» [1]. Итак, не было ни «белых», ни «красных». Точнее, они были, но теперь их не должно быть, и сторонники или поклонники тех и других должны примириться, очевидно, вокруг российского лидера. Дополняет его министр культуры В. Мединский, повторяя «сменовеховцев» и заверяя, что логика истории вынудила большевиков после захвата власти, вопреки собственным идеологическим установкам, восстановить разрушенное российское государство. Получается, что не «красные» одержали победу над «белыми», а победила «историческая Россия» – «третья сила, которая не принимала участия в Гражданской войне» [2]. Это первая составная часть этого мифа.

Пресекаются всякие попытки проводить аналогии между событиями 1917 и 2017 гг. Так, политолог Д. Травин [3] отмечает, что никаких параллелей быть не может, поскольку сейчас нет войны, которая бы «измучила» народ, нет распутищины, которая «дискредитирует царя», власть легитимна, хотя держится не на божественном происхождении, а на личной харизме национального лидера; уровень жизни снижается, но не так стремительно, как в годы Первой мировой войны; и войны ведутся маленькие, победоносные, а не безумные, мировые. Февральская революция 1917 г. была «колбасной» или «хлебной» революцией: недостаток

продовольствия в столице, причем искусственный, получившийся из-за неорганизованности и нерасторопности тех, кто должен был подвезти хлеб, привел к революционному взрыву. Сейчас это невозможно, поскольку хлеб сейчас имеется, – утверждает Д. Травин. В итоге он решительно вычеркивает из истории революции часть ее объективных предпосылок, оставляя лишь три: недовольство народа недостатком хлеба, затянувшуюся войну и дискредитированный распутищиной царизм. Почему он это делает, вполне понятно: раз это были причины революции, а сейчас ничего подобного нет, то и никакой революции быть не может. Это вторая черта данного мифа.

Третьей составной частью этого мифа являются рассуждения о том, что большевики «прервали естественный ход истории России», разорвали «связь с прошлым русского народа» и т.д. В качестве доказательств приводится Брестский мир, признание независимости Финляндии, Польши и стран Прибалтики, отделение церкви от государства с последующим уничтожением церковных зданий и православной веры в целом, насилие над народом в виде убийства священников, предпринимателей, чиновников, офицеров. Таким образом, события в Петрограде в октябре 1917 г. выступают как отрицание схемы: «Россия – сочетание самодержавия, православия и народности».

И, наконец, последняя часть этого мифа состоит в том, что «никакое насилие в истории не оправдано». Здесь даже пускаются в ход рассуждения о том, что Февральская революция произошла без всякого участия радикальных политических партий, поэтому она противоречит марксистскому учению о руководящей и направляющей роли партии и т.п. Муссируются рассуждения о том, что резкая и революционная смена власти никогда не происходит бескровно, а чаще всего сопровождается следующей за ней Гражданской войной. Этот сюжет допускает широкий спектр спекуляций на тему насилий большевиков, распада государственности и т. д. В эту схему органично вписываются и «красный» и «белый» терроры, и даже тема ГУЛАГа и сталинских репрессий. Это запугивание «кровью» привело к тому, что даже протестные выступления зимой 2011–2012 гг. проходили под знаком того, что они не хотят и ни в коем случае не допустят революции. С этим совпадают и заявления председателя Российского исторического общества С. Нарышкина на заседании оргкомитета по подготовке к 100-летию революции 1917 г. Он разъяснял, проводя явно несостоятельные параллели с событиями на Украине, что «мы видим, как романтическая риторика ораторов различных цветных революций влечет за собой кровь и человеческие страдания» [2].

При всем том, что массовое сознание пока, по-видимому, слабо воспринимает этот миф, его смысловые составные части имеют вполне

конкретное историческое содержание. Если мы их поставим в исторический контекст современности, то можно с уверенностью утверждать, что пришедшая к власти в России в 1991 г. буржуазия вовсе не заинтересована в раскрытии истинных причин и социально-классового содержания двух революций, а также их последствий. Но раз революцию нельзя «замолчать», то нужно спрятать основные проблемы за второстепенными, найти удобное место для революции в современной версии истории, а этому и способствует новый миф о «Великой русской революции 1917 года». Ставится и другая задача – возвеличить «общенародную» Февральскую революцию и противопоставить ей «октябрьский переворот». Хотя, разумеется, во всемирно-историческом масштабе эти две революции сопоставимы: если Февральская революция привела к свержению самодержавия в одной стране, то Октябрьская революция привела к образованию первого в мире социалистического государства, началу распада колониальной системы и установлению нового баланса сил в мире.

Предстоящая столетняя годовщина Гражданской войны позволяет предположить, какие смыслы будут вкладываться идеологами правящей партии в это событие далеких от нас 1918–1920 гг.: недопустимость и противостественность вооруженного насилия в истории; его спонтанный характер, порождаемый «радикалами», но ни в коем случае не являющийся ответной реакцией на то незаметное на первый взгляд насилие над основной массой населения со стороны правящей группировки; отрицание экономических, политических и социальных предпосылок такого сложного и многопланового явления, как Гражданская война, сведение ее к нескольким простым символам и смыслам. Именно в таком виде предстают сегодня в мифологическом измерении две революции 1917 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Путин В.В. Послание Федеральному собранию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/society/01/12/2016/> (дата посещения – 13.02.2017).
2. Фезер Р. Февральская революция 1917 года: победа «исторической России» [Электронный ресурс] // ИноСМИ.Ru. Россия сегодня. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/social/20170111/238502656.html>. – (Дата обращения – 13.02.2017).
3. Травин Д. Стратегия. Нереволюционная ситуация // Ведомости. – 2016. – 8 дек.

УДК 94(57)

Красильникова Екатерина Ивановна,

*доктор исторических наук, доцент кафедры истории и политологии,
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск,
e-mail: katrina97@yandex.ru*

**ОКТАБРЬСКИЕ ТОРЖЕСТВА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ:
КОММЕМОРАТИВНЫЙ АСПЕКТ (1920 – СЕРЕДИНА 1941 ГГ.)***

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект а(р) №16-11-54002).

Статья посвящена характеристике коммеморативной составляющей Октябрьских торжеств, которые устраивались в городах Восточной Сибири (Иркутск и Красноярск) в период между 1920 г. и первой половиной 1941 г. Автором определены основные сценарные элементы массовых торжеств и их роль в формировании унифицированной версии памяти о революции, которая транслировалась посредством организованных коммемораций, выражавших официальную политику памяти.

Ключевые слова: Октябрьские торжества; политический праздник; коммеморация; политика памяти; Сибирь.

Krasilnikova Ekaterina Ivanovna,

*Doctor of Historical Sciences, associate Professor of history and political science, Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk,
e-mail: katrina97@yandex.ru*

**OCTOBER CELEBRATIONS IN EASTERN SIBERIA:
COMMEMORATIVE ASPECT (1920 – MID 1941.)**

The article is devoted to the commemorative component of the October celebrations, which were held in the cities of Eastern Siberia (Irkutsk and Krasnoyarsk) in the period between 1920 and the first half of 1941. The author defines the basic scenic elements of public events and their role in the unified version's formation of a revolution's remembrance that was broadcast through organized commemorate expressing the official politics of memory.

Keywords: the October celebrations; political celebration; commemoration; memory politics; Siberia.

Столетний юбилей Октябрьской революции, очевидно, побуждает как российских, так и зарубежных ученых вернуться к изучению вопросов истории «Великого Октября», однако сегодня не менее актуально обратиться и к проблеме исторической памяти россиян о событиях 1917 г. Огромную роль в ее формировании сыграли ежегодные коммеморативные торжества, выражавшие унификаторскую советскую политику памяти. Сценарный шаблон официальных празднований, использовавшийся большевиками, в самых общих чертах сложился еще в имперский период. При этом, сценарные элементы, имевшие религиозный характер, заменялись на мероприятия гражданского характера. В начале 1920-х гг. праздники в честь годовщин Октябрьского переворота не привлекали массового внимания жителей городов Восточной Сибири. В 1920 г. с 5 по 8 ноября в Иркутске по клубам прошли концерты-митинги, ориентированные прежде всего на разъяснение текущей политической и экономической ситуации, сложившейся как результат «Великих революционных завоеваний»¹. Практически сразу митинг стал неотъемлемым праздничным мероприятием. Уже в начале 1920-х гг. его стандартной темой стало подведение политических и хозяйственных итогов за срок, истекший с 1917 г.

Постепенно в городах Восточной Сибири в практику входили вечера воспоминаний, устраивавшиеся 6 ноября. В Иркутске и Красноярске эти мероприятия иногда называли «митингами» или даже «торжественными заседаниями». В начале 1920-х гг. организация вечеров воспоминаний могла быть довольно спонтанной. Это касалось выбора докладчиков и содержания их рассказов. Изначально для участников вечеров важнее всего было традиционно помянуть павших в годы Гражданской войны товарищей. Однако, готовясь к празднованию пятилетия революции, организаторы мероприятий уже старались избегать спонтанностей и создания поминальной атмосферы. Существовала установка показать на вечере связь между событиями 1905 г., 1917 г. и «колчаковщиной». При этом иркутяне и красноярцы с наибольшим оживлением обсуждали все-таки не события 1917 г., а «колчаковщину», которую слишком хорошо помнили. Практика вечеров воспоминаний стала особенно популярна к середине 1920-х гг.² В 1930-х гг. интерес к вечерам воспоминаний несколько угас, хотя эти

¹ К празднованию трехлетней годовщины в Иркутске // Власть труда. – 1920. – 9 нояб.

² Седьмой Октябрь // Власть труда. – 1924. – 9 нояб.

мероприятия устраивались обязательно и повсеместно. Их содержательная часть стала формализованной и официозной.

Яркой приметой середины 1920-х – нач. 1930-х гг. были молодежные факельные шествия¹, традиция которых коренится в античной культуре. Это мероприятие символически выражало солидарность молодежи со старшим поколением революционеров. Военные парады в городах Восточной Сибири 7 ноября обычно не имели выраженной коммеморативной составляющей, в отличие от демонстраций. Первая демонстрация в Красноярске прошла лишь в 1922 г., а в Иркутске – лишь в 1923 г. Изначально эти мероприятия не являлись массовыми. Участие в них должны были принимать лишь члены профсоюзов². Однако уже в 1924 г. организаторам праздника в Иркутске удалось собрать на демонстрацию около 30 тыс. участников из числа красноармейцев, рабочих, детдомовцев и пионеров³. В 1933 г. в Иркутске перед трибуной прошло 50 тыс. трудящихся⁴.

Вплоть до 1924 г. демонстранты двигались к братским могилам жертв революции и Гражданской войны как к конечной цели, что акцентировалось местной печатью. На могилах обычно устраивался краткий митинг, начинавшийся с поминовения погибших. Особенно впечатляющим стало поминовение погибших в 1922 г., когда на братской могиле в Красноярске открыли памятник захороненным в ней лицам, считавшимся героями⁵. С середины 1920-х гг. коммеморативная составляющая демонстраций постепенно ослабевала. Символы памяти о военно-революционном прошлом занимали место фона торжеств.

Вечером 6 ноября в здании самого большого городского театра ежегодно устраивалось торжественное заседание местной администрации и партийной элиты. В начале 1920-х гг. заседание начиналось под звуки Интернационала, после чего объявлялась минута памяти о погибших героях революции, во время которой исполнялся похоронный марш⁶. В дальнейшем печать редко акцентировала этот коммеморативный ритуал. С 1920 г.

¹ Как мы будем проводить восьмую годовщину Октября? // Красноярский рабочий. – 1925. – 5 нояб.

² План проведения шестой годовщины Октябрьской революции // Власть труда. – 1923. – 6 нояб.

³ Седьмой Октябрь // Власть труда. – 1924. – 9 нояб.

⁴ Перед трибуной прошло 50 тыс. трудящихся // Восточно-Сибирская правда. – 1933. – 10 нояб.

⁵ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 382. Л. 131.

⁶ Торжественное заседание Иркутского совета рабочих и красноармейских депутатов 6 ноября // Власть труда. – 1920. – 9 нояб.

на таких заседаниях звучал обязательный доклад об итогах развития страны и региона к очередной годовщине революции. С середины 1930-х гг. основной темой докладов стали достижения пятилеток. В 1935 г. наибольшее внимание было уделено успехам местных стахановцев. Героев революции и Гражданской войны больше не вспоминали.

В дни Октябрьских торжеств театры, клубы и кино обязательно приглашали зрителей на бесплатные (либо по сниженным ценам) спектакли, концерты и фильмы. 7 ноября 1921–1922 гг. в Красноярске можно было посмотреть как первые агитационно-революционные пьесы, так и классические постановки, параллельно могли еще идти спектакли по сценариям авторов Серебряного века. Представления устраивали не только профессиональные, но и самодеятельные коллективы. Сценарии могли быть местными, посвященными местным же сюжетам. В 1930-х гг. праздничный театральный репертуар уже не отличался оригинальностью. На сцене шли преимущественно стандартные пьесы революционного содержания, как серьезные, так и комедийные.

Праздничные мероприятия, приуроченные к годовщинам Октябрьской революции, устраивавшиеся в Иркутске и Красноярске, отвечали общим для страны стандартам и тенденциям политики памяти. Однако в рассматриваемом контексте Восточная Сибирь выглядит большей глубиной, нежели Западная Сибирь. Здесь было меньше мемориальных инициатив, исходивших от населения, с трудом достигалась массовость мероприятий, которые, особенно в начале 1920-х гг., не отличались хорошей организацией. Общей для всей Сибири была тенденция вытеснения из коммемораций сюжетов, связанных с памятью о событиях и героях местной истории.

Леонтьева Ольга Борисовна,

*доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева,
Самара,
e-mail: oleontieva@yandex.ru*

**«ВНЕ ОБЫЧНОЙ МЕРЫ ВРЕМЕНИ»: СОБЫТИЯ 1917–1918 ГОДОВ
В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

В статье проводится сопоставление оценки революционных событий в дневниках и публицистических очерках видных российских мыслителей начала XX в.: И. А. Бунина, А. М. Горького, М. М. Пришвина и других. Выявлен ряд стержневых тем: осознание необратимости совершившихся перемен, разочарование в прежних представлениях о народе и интеллигенции, дегуманизация общества. В ситуации ценностного кризиса роль мировоззренческих ориентиров выполняли классическая русская литература и история.

Ключевые слова: российская революция 1917 г.; интеллигенция; дневники; публицистика.

Leontieva Olga Borisovna

*Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of history of Russian
Samara National Research University,
Samara,
e-mail: oleontieva@yandex.ru*

**«OUT OF THE USUAL MEASURE OF TIME»:
THE EVENTS OF THE 1917-1918 IN PERCEPTION
OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA**

The article is devoted to the comparison of the evaluation of the revolutionary events in the diaries and essays of the prominent Russian thinkers and writers: Ivan Bunin, Maxim Gorky, Mikhail Prishvin and others. Some common themes are revealed in their testimonies: irreversibility of the revolutionary changes, disappointment in the former vision of the people and the intelligentsia, dehumanization of the society. The classic Russian literature and history served as moral guides in the situation of the crisis of values.

Keywords: Russian revolution of 1917; intelligentsia; diaries; political journalism.

Восприятие Революции 1917 г. в сознании наших соотечественников неоднократно претерпевало перемены. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. отечественному читателю стали доступны эго-документы и публицистические очерки видных писателей, философов, ученых – современников революции 1917 г., ранее публиковавшиеся лишь за границей или с купюрами в СССР: дневниковые записи А. А. Блока, И. А. Бунина, З. А. Гиппиус, Ю. В. Готье, М. М. Пришвина, публицистические очерки А. М. Горького, В. В. Розанова, «веховцев» (Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. Б. Струве и других), относящиеся к 1917–1918 гг.

Первоначально читатели искали в этих публикациях запретную правду о революции или концептуальные обобщения, не совпадавшие с марксистско-ленинской схемой. Со временем пришло понимание, что эти источники ценны как опыт рефлексии представителей российской гуманитарной интеллигенции на переломе эпох. Будучи сиюминутными откликами на происходящее, такие источники позволяют проследить, как формировалась оценка тех или иных явлений, как менялись настроения и предчувствия авторов, какие исторические параллели возникали в их сознании. Сами создатели этих источников понимали, что их наблюдения далеки от беспристрастности, но при этом сознавали, что «наша «пристрастность» будет ведь очень и очень дорога для будущего историка» [1, с. 23].

Названные выше авторы могли сочувствовать разным политическим лагерям или же быть представителями внепартийной интеллигенции. Тем важнее, когда в их текстах обнаруживаются общие лейтмотивы и стержневые идеи: становится понятно, что тут был выявлен некий нерв эпохи.

Общим было восприятие 1917 года как «точки невозврата», осознание необратимости совершившихся перемен: «наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили» [1, с. 42]. Яркий образ отыскал М. М. Пришвин: «Все происходило вне нашей обычной меры времени», «само время треснуло» [2, С. 267; 3, С. 53].

Для каждого из авторов 1917–1918 годы стали временем болезненного переосмысления прежних представлений о человеке и обществе. Прежде всего переоценке подверглась «вера в народ» – один из стержней мировоззрения российской интеллигенции; высказывалась мысль, что народ, идеализировавшийся славянофилами и народниками, лишь теперь,

в революционную годину, показал свое истинное лицо (об этом писали, например, Пришвин и Бердяев). Изменялось отношение к самой интеллигенции: звучала «веховская» тема моральной ответственности интеллигенции за кровавые эксцессы революции, поскольку, по мысли ряда авторов (Бунина, Розанова, Франка), до сих пор интеллигенция учила российскую молодежь ненависти и разрушению. Вера в очистительную силу революции быстро сменилась констатацией, что новые революционные органы власти отличаются таким же отсутствием уважения к человеку, как и прежние (Горький, Пришвин).

Стержневой темой дневниковых и публицистических высказываний была дегуманизация общества. Главным потрясением для всех авторов стала агрессия толпы – от потоков вражды и раздражения, ощутимых на улице, до самосудов. Чрезвычайные органы, бессудные аресты и расстрелы, о которых с гневом писали Горький, Бунин, Пришвин, представляли как концентрированное выражение повседневной агрессии. Шокирующим стало осознание, что в революционные дни «раскрылась такая несказанно страшная правда о человеке» [1, с. 72], что «все человеко-звери сорвались с цепей культуры» [4, с. 32]. Подчас авторы эго-документов осознавали, что дегуманизация затрагивает их самих: «раньше казалось, так трудно, так невозможно убить, а теперь про это думается просто, и даже такой человек представляется, что убить его нужно» [3, с. 165]. Частой метафорой становится революция как «оргия смерти», смерть России; лишь Горький и Блок выражали надежду, что это родовые муки нового мира.

В ситуации распада прежних убеждений роль мировоззренческих ориентиров выполняли литература и история. Литература выступала как один из ключей к пониманию происходящего: Бердяев и Пришвин узнавали в революционных реалиях знакомые типы, описанные Гоголем, Толстым и Достоевским. Историческая наука представляла как зеркало современности: у Пришвина и Бунина встречаем отсылки к «Истории Французской революции» Тьера; Бунин, чтобы понять события революции, перечитывал труды Татищева, Соловьева и Костомарова, а Блок искал объяснений в 41-й лекции «Курса русской истории» Ключевского. Ценность исторических знаний хроникеры эпохи видели в том, что история учит видеть аналогии и повторяемость; но эта ценность, с их точки зрения, выявляется именно в катастрофическую эпоху. Утрачивая веру в народ, интеллигенцию, революцию и в самого человека, российские писатели и гуманитарии продолжали верить в силу мысли и слова. Вероятно, это было одним из мотивов, заставлявших продолжать вести свои записи в революционное лихолетье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунин И. А. Окаянные дни / Вступ. ст. О. Н. Михайлова. – М., 1991.
2. Пришвин М. М. Дневники, 1914–1917 / Вступ. ст. В.Д. Пришвиной. – М., 1991.
3. Пришвин М. М. Дневники: кн. 2 (1918–1919) / Коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. – М., 1994.
4. Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. Рассказы. – М., 1991.

Рыженко Валентина Георгиевна,
*доктор исторических наук, профессор кафедры
современной отечественной истории и историографии,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск,
e-mail: valentina948@mail.ru*

Рыженко Леонид Игоревич,
*кандидат технических наук, доцент, директор Ассоциации
Межмуниципального сотрудничества «Сибирский тракт»,
Омск,
e-mail: leonid_ryz@rambler.ru*

**ВОЗМОЖНОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ В РАМКАХ ПАРТНЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ
«СИБИРСКИЙ ТРАКТ»**

Обращается внимание на современную специфику взаимосвязей проблемы актуализации культурного наследия с официальной политикой памяти и ее соотношением с реалиями региональной и локальной ситуаций, с изменившимися приоритетами современной исторической науки (концепции «Мест и фигур памяти»). Предлагается вариант объединения локальных практик актуализации историко-культурного наследия России и ее регионов вокруг мест исторической памяти на основе опыта деятельности программы «Сибирский тракт» и акции «Маршрутом Чехова по Сибири на Сахалин».

Ключевые слова: культурное наследие; историческая память; «фигуры памяти», Сибирский тракт; А. П. Чехов; партнерская программа.

Ryzhenko Valentina Georgievna
*Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of
modern Russian history and historiography,
Omsk State University by F.M. Dostoevsky,
Omsk,
e-mail: valentina948@mail.ru*

Ryzhenko Leonid Igorevich

*Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Director of the
Association of Inter-Municipal Cooperation «Siberian Tract»*

Omsk,

e-mail: leonid_ryz@rambler.ru

POSSIBILITIES OF ACTUALIZATION THE HISTORICAL AND
CULTURAL HERITAGE WITHIN THE FRAMEWORK OF THE
AFFILIATE PROGRAM «SIBERIAN TRACT»

Attention is drawn to the contemporary specificity of the interrelationships between the problem of actualization of the cultural heritage and the official memory policy and its relation to the realities of regional and local situations, with the changed priorities of modern historical science (the concept of places and figure of memory). A variant of combining local practices for actualizing the historical and cultural heritage of Russia and its regions around historical memory sites is suggested based on the experience of the activities of the «Siberian Tract» program and the «Chekhov Route through Siberia to Sakhalin» action».

Keywords: Cultural heritage; historical memory; «figures of memory»; the Siberian Tract, A. P. Chekhov; affiliate program.

В начале XXI века внимание к культурному наследию (историко-культурному и природному) резко возросло, получив мощную подпитку со стороны неформальных структур, прежде всего, от различных общественных организаций. Это совпало с новыми тенденциями в официальной политике памяти (курс на формирование патриотизма с опорой на историю России и малой родины). Тогда же обнаружились принципиальные изменения внутри исторической науки, ее явный поворот к междисциплинарным исследовательским моделям и практикам, утверждение парадигмы исторической памяти в качестве наиболее эффективной формы, позволяющей разными способами актуализировать проблему использования историко-культурного наследия [1]. Один из вариантов научного осмысления вписывал обозначенную проблему в быстро ставшие популярными концепции «Мест и фигур памяти», в том числе с учетом региональной и локальной специфики наследия и его востребования в пространстве современной культуры.

Что же касается практических аспектов проблемы, то именно здесь накапливается взрывоопасный конфликт между прагматическими

представлениями «элиты» о рыночной стоимости территорий, на которых находятся историко-культурные объекты, и перспективной значимостью наследия (его сохранения и (или) утраты) для судеб России.

В качестве возможного компромисса стали появляться программы использования наследия в рамках туристического бизнеса, в который, в первую очередь, вовлекаются музеи как основные хранители наследия. К этому присоединялись разработчики имиджевых ресурсов регионов и брендов отдельных городов. Однако идея создания целостного представления о наследии регионов России как символическом капитале устойчивого развития территорий и истории как живой энергии, соединяющей прошлое, настоящее и будущее, пока не стала системообразующей. Интересные локальные проекты, разрабатываемые и реализуемые в отдельных регионах России, остаются набором камешков в калейдоскопе. Еще одно препятствие стратегическому объединению усилий разных субъектов, занимающихся востребованием и трансляцией наследия регионов, состоит в противостоянии ведомственных и общественных интересов.

Возможно ли преодоление обозначенных трудностей? Попытаемся наметить пути к этому, используя опыт деятельности в рамках реализации межрегионального проекта «Сибирский тракт».

Первым звеном объединения локальных практик актуализации историко-культурного наследия России и ее регионов вокруг мест исторической памяти стала акция «Маршрутом А. П. Чехова по Сибири на Сахалин» (с 2013 г. и по настоящее время).

Она начинается каждый год в Тюмени 15 мая, а заканчивается в середине октября в Южно-Сахалинске. Акция заключается в организации мероприятий, посвященных чеховской теме, которые приурочены к датам проезда писателя по соответствующим территориям во время его путешествия на Сахалин в 1890 году. Соответственно, главной национальной, региональной и локальной «фигурой памяти» в нашей иерархии (ссылка) оказалась личность А.П. Чехова. Результатом акций стало создание новых «мест памяти» и пробуждение локального самосознания. В отдельных пунктах маршрута писателя, отмеченных им особо в своих заметках, появились памятные знаки. Одним из первых в 2013 г. в районе деревни «Старая Козулька» (Козульский район Красноярского края) при активном участии главы местной администрации, его сотрудников и представителей общественности был установлен верстовой столб, под которым помещено колесо, символизирующее реальную поломку экипажа А. П. Чехова. Юбилейный 2015 г. привнес в копилку зафиксированных на карте региональных и локальных «мест памяти», связанных с именем писателя, еще два,

актуализировавших культурное наследие регионов в рамках программы «Сибирский тракт» (памятная доска на фасаде здания Абатского краеведческого музея, бывшего купеческого дома 1855 г. постройки (Тюменская область) и памятный верстовой столб в селе Могильное-Посельское Большереченского района Омской области).

Акция объединила как существовавшие ранее локальные формы памяти («Чеховские пятницы» в Томске), так и новые инициативы, большинство из которых становятся традицией (например, Межрайонный фестиваль театральных миниатюр «Играем Чехова» в г. Тюкалинске Омской области). В юбилейном 2015 году в акции участвовало уже более четырех десятков городов от Урала до Сахалина. По итогам двух первых акций был издан научно-популярный сборник [2].

Вторым звеном можно считать формирование и закрепление пространства исторической памяти «Сибирский тракт» с помощью материализованных ориентиров (новоделы верстовых столбов и благоустройство окружающей территории, реставрация сохранившейся торговой и культурной инфраструктуры городской среды уездных городов вдоль Сибирского тракта: Тюкалинск, 2014; Тара, 2015). Заметим, что независимо от акции и программы «Сибирский тракт» верстовые столбы были в 2013 г. использованы в композиции оформления смотровой площадки разреза «Бородинский» (Рыбинский район Красноярского края). Здесь причудливо соединились две ипостаси наследия давнего прошлого (подлинный фрагмент Московско-Сибирского тракта возле деревни Бородино) и не столь отдаленных великих достижений советской угольной промышленности. В 2016 г. у перекрестка дорог к селу Воскресенка Калачинского района появился верстовой столб – указатель Московско-Сибирского тракта, символизирующий важность познания истории малой родины.

Третье звено связано с поиском возможностей прикладной актуализации культурного наследия с использованием современных средств коммуникации и технологий обслуживания культурной деятельности.

В качестве примера приведем внедряемую в настоящее время партнерскую программу «Страна путешествий и приключений на Сибирском тракте». Данный продукт реализован в среде Интернет¹ и обеспечивает обслуживание культурных инициатив и организацию услуг в сфере досуга и туризма. Его можно рассматривать как специализированную социальную сеть. Партнерская программа оперирует четырьмя типами постов: места, события, темы, бизнесы. «Места» разделены на категории

¹ Сибирский тракт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sibtract.ru/>

(достопримечательности, учреждения культуры, населенные пункты и т.д.) и представлены постами с привязкой к карте. «События» вносятся их организаторами и объединяются в темы, которые регистрируют их координаторы. Характерный пример темы: акция «Маршрутом А. П. Чехова по Сибири на Сахалин». И, наконец, «Бизнесы» – это коммерческие заведения, оказывающие клиентам услуги. В партнерской программе бизнесы начисляют клиентам и принимают от них бонусы (право на скидку), ликвидные для всех партнеров данной программы.

Таким образом, партнерская программа становится инструментом актуализации и востребования историко-культурного наследия через формирование событий и тем, а главное – через включение участников процесса в единую информационно-технологическую среду, нацеленную на решение как указанных прикладных задач, так и на обеспечение устойчивых горизонтальных коммуникативных связей внутри общего реального пространства «живой истории» Сибирского тракта и символического пространства исторической памяти. Так может возникнуть долгосрочный ресурс развития территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонтьева О. Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 50. – М., 2015.
2. Маршрутом А. П. Чехова по Сибири на Сахалин: научно-популярный сб. ст. / Под ред. В. Г. Рыженко. – Тюкалинск, 2015.

Сизов Сергей Григорьевич,

*доктор исторических наук, профессор кафедры Общей экономики
и права, Сибирский автомобильно-дорожный университет,*

Омск,

e-mail: sizov-omsk@yandex.ru

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОЖАН И ЭПИДЕМИЯ ТИФА
В БЕЛОМ ОМСКЕ В 1918–1919 ГОДАХ***

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 17-81-01006 ««Белая столица России»: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.)»

В статье изучено влияние эпидемий на повседневную жизнь жителей Белого Омска в годы гражданской войны. Эпидемия тифа, резкий рост заболеваемости холерой, дизентерией, оспой были вызваны наплывом беженцев, перенаселенностью, отсутствием общедоступной чистой воды и канализации, неразвитостью системы уборки отходов, ослаблению медико-санитарной службы, нехваткой лекарств.

Ключевые слова: повседневность; Белый Омск; гражданская война; эпидемия тифа; медицина; санитария.

Sizov Sergey Grigorevich,

*Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General
Economy and Law, Siberian Automobile and Road University,*

Omsk,

e-mail: sizov-omsk@yandex.ru

**THE DAILY LIFE OF CITIZENS AND THE EPIDEMIC OF TYPHUS
IN WHITE OMSK IN 1918 – 1919**

In the article, the influence of epidemics on the daily lives of the White inhabitants of Omsk during the civil war. Epidemic typhus, a sharp increase in the incidence of cholera, dysentery, smallpox was caused by the influx of refugees, overcrowding, lack of public clean water and sanitation, inadequate waste disposal system, weakening of health services, shortage of drugs.

Keywords: daily occurrence; White Omsk; civil war; typhoid epidemic; medicine; sanitation.

Повседневная жизнь горожан в годы революции и гражданской войны в последние годы привлекает многих исследователей. С недавнего времени в этом списке есть и наши публикации. Столетний юбилей Великой российской революции (включающей Февраль, Октябрь и Гражданскую войну), публикация новых источников и исследований [1] заставляет более внимательно посмотреть на проблемы эпидемической ситуации в Омске и других сибирских городах.

В годы революции и гражданской войны Россию охватили эпидемии. Самой страшной стала эпидемия тифа, хотя имели место и холера, дизентерия, оспа. Зарождение этих эпидемий началось еще во время Первой мировой войны: случаи тифа были зафиксированы на Кавказском фронте и в Туркестане – в районах, которые являются природными очагами ряда инфекционных болезней. После развала армии и санитарных служб в результате революции вместе с тысячами солдат и беженцев эпидемия распространилась по России. Только по зафиксированным данным в 1918 – 1923 гг. было зарегистрировано свыше 7,5 млн. случаев заболеваний сыпным тифом; умерло от него более 700 тыс. чел. Но и эти данные не являются полными [2].

Эпидемии этого времени не могли не затронуть и повседневную жизнь Омска. Наплыв беженцев, перенаселенность, отсутствие общедоступной чистой воды и канализации, неразвитость системы уборки отходов, антисанитария стали причинами роста распространения инфекций. В деятельности российских медицинских служб сказывалось не только низкое материальное обеспечение, но и недостаток кадров и медикаментов.

Эпидемия тифа распространялась в Белой Сибири в направлении с Запада на Восток и в стороны от железных дорог. По мере продвижения вперед Белой армии появлялись все новые серьезные очаги эпидемий, так как вся советская часть России была охвачена эпидемией сыпного и возвратного тифа.

Абсолютное число жертв эпидемии во второй половине 1918 – первой половине 1919 года постоянно росло. Об этом свидетельствуют данные регистрации Отдела народного здоровья МВД. Согласно этим сведениям, во всех городах Урала и Сибири в июле 1918 года было зарегистрировано 92 случая заболевания сыпным и возвратным тифами, в августе – 191, сентябре – 117, октябре – 381, ноябре – 2494, декабре – 9938, январе – 11870 и феврале с 1 по 22 число, по одним лишь телеграфным сведениям из

35 городов – 9690; а всего за указанное время было зафиксировано 34773 заболеваний¹.

В Омске тифозная эпидемия с конца января 1919 года несколько уменьшилась, но вскоре появился новый очаг и число тифозных больных снова возросло. В ноябре количество больных было (за 2 недели) – 538, в декабре (за полный месяц) – 1477, в январе – 1773, в феврале (за 3 недели) – 1616. Помимо тифа распространялись холера, дизентерия, скарлатина и оспа.

Пресса неоднократно писала, что сибирские города и селения не полагают самым необходимым для противоэпидемической деятельности. В городах недоставало общественных бань, паровых прачечных, дезинфекционных камер. Больницы в губернских городах располагали недостаточным числом коек, а в уездных городах и селах, за малым исключением, они вообще отсутствовали. Санитарно-эпидемический надзор имелся не во всех городах. Ну и, наконец, всюду давал себя знать абсолютный недостаток медико-санитарного персонала.

Основными очагами распространения тифа стали тюрьмы и места компактного проживания беженцев – вокзалы, станции, загородные дачи и пригороды. Правительство периодически увеличивало суммы, отпускаемые на борьбу с эпидемиями. В сентябре 1918 года на борьбу с тифом было отпущено 2 млн. рублей. 3 декабря Совет министров отпустил на борьбу с тифом в местах заключения 250 тыс. руб. (вместо просимого 1 млн.). 6 декабря городам Западной Сибири на те же цели перечислили еще 5 млн. руб. 4 февраля 1919 г. Министерству юстиции выделили еще 500 тыс. руб. для борьбы с тифом в местах заключения² [3].

Особое внимание стали уделять и баням. В январе 1919 года Омская городская управа обратилась в отдел народного здоровья МВД с просьбой об отпуске ссуды свыше 200000 руб. для постройки бань для беженцев и беднейшего населения города. Пропускная способность существующих бань могла удовлетворить лишь 25% всех жителей города. Бани планировалось построить в короткий срок³. Вместе с тем, меры эти были весьма запоздалыми и недостаточными. Анонимный автор, подписавшийся «врач-беженец», писал, что главное внимание надо уделять борьбе с паразитами, поскольку именно вши являются переносчиком опасных заболеваний⁴.

¹ Деятельность Министерства Внутренних дел // Правительственный вестник. – 1919. – № 116. – 15 апреля. – С. 2.

² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 53. Л. 74.

³ Постройка новых бань // Сибирская речь. – 1919. – № 17. – 12 (25) янв. – С. 4.

⁴ Врач-беженец. Еще раз о сыпном тифе // Наша заря. – 1919. – № 32. – 12 фев. – С. 2.

В апреле 1919 года МВД ходатайствовало перед Советом Министров о дополнительном отпуске в его распоряжение на противоэпидемические мероприятия 10 млн. рублей¹. Одновременно сообщалось о начале массового производства упрощенных дезинфекционных камер (типа «Гелиос»), которые направлялись в распоряжения земств².

Местные органы власти предпринимали отчаянные усилия, чтобы нанять медицинский персонал. Но сделать это было нелегко. Во многих сибирских газетах встречались объявления о поиске врачей, готовых бороться с эпидемиями. Так, например, Омская уездная земская управа в январе 1919 года приглашала эпидемического врача с окладом 1000 руб. в месяц и фельдшеров с окладом 700 р. в месяц³.

В виду сильного развития эпидемии тифа правительство принимало спешные меры по разгрузке городов и местечек, где эпидемия развивалась особенно активно. Внимание уделялось размещению беженцев в особых изолированных районах⁴. Но сделать это было сложно из-за того, что счет беженцев велся на десятки тысяч и это число постоянно росло.

Борьба с эпидемиями поставила на повестку дня и ряд других вопросов. В частности, подвозку дров. Возникший топливный кризис резко усугубил эпидемическую ситуацию. В январе 1919 г. закончились дрова на омских складах, а подвоз угля с уральских копей прекратился, в результате стали закрываться предприятия в городе [4, с. 57]. Это сразу же привело к росту заболеваемости тифом. При недостатке дров наблюдался рост антисанитарии, поскольку нечем было топить общественные бани, да и в частных банях люди мылись реже⁵. Городским властям пришлось идти на чрезвычайные меры: все, кто занимался ломовым и извозным промыслами, а также крестьяне селений, находившихся не далее 10 верст от центра заготовок, были обязаны участвовать в доставке дров в Омск.

К маю 1919 года эпидемическая ситуация настолько ухудшилась, что Совет Министров принял «Постановление о регистрации заразно-эпидемических болезней и об ответственности лиц медицинского персонала за нарушение правил о регистрации». Врачи и фельдшера, виновные в неисполнении требования об извещении о эпидемическом заболевании или

¹ Тамарин И. Борьба с эпидемией // Наша заря. – 1919. – № 80. – 13 апреля. – С. 4.

² Деятельность Министерства Внутренних дел // Правительственный вестник. – 1919. – № 116. – 15 апр. – С. 2.

³ Объявление // Сибирская речь. – 1919. – № 14. – 9 (22) января. – С. 1.

⁴ Разгрузка городов // Наша заря – 1919. – № 25. – 4 фев. – С. 3.

⁵ Обязательная доставка дров // Наша заря. – 1919. – № 40. – 22 фев. – С. 4.

случае смерти от него, подвергались различным наказаниям (от денежных штрафов до тюремного заключения)¹.

Для улучшения санитарной обстановки в армии и госпиталях для жителей Омска и других городов была введена обязательная «бельевая повинность». За время с 3 по 8 мая 1919 года районными комиссиями по реквизиции белья было принято от населения города Омска и пригородов белья для нужд армии 1293 комплекта, а всего с ранее поступившими 11457 комплектов². Но поскольку белья не хватало, правительство стало действовать более жестко. Газеты сообщали, что по указу Верховного правителя была начата реквизиция бельевого материала для армии у торговцев. За день были изъяты товары, заполнившие 20 грузовиков³.

Помимо государственных средств существовали благотворительные организации для сбора средств и оказания помощи раненым и больным воинам. В Омске таких организаций могло насчитываться несколько. Как правило, они поддерживали конкретные местные лечебные учреждения. Заметную роль в организации медицинской помощи играло Временное главное управление Российского общества Красного Креста. Помощь оказывали и американцы через Американский Красный Крест, правительство Колчака большую часть их расходов компенсировало [5, с. 341].

Эпидемии тифа, массовые заболевания холерой и дизентерией в Белом Омске серьезно осложняли жизнь горожан. Причинами роста этих заболеваний стал почти неуправляемый поток беженцев, отсутствие необходимых медико-санитарных мер для борьбы с эпидемией. Несмотря на то, что наблюдался рост расходов на борьбу с эпидемиями, денег все равно не хватало. В условиях, когда фронт подходил все ближе к Омску, бороться с тифом становилось все сложнее. Справиться с эпидемиями можно было лишь с помощью чрезвычайных мер, что уже после взятия Омска смогли сделать большевики (зимой – весной 1920 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 гг.). – Новосибирск, 2013.

2. Морозова О. М. Тифозная вошь в солдатской шинели: о влиянии естественно-природных факторов на ход и исход Гражданской войны

¹ Омская жизнь // Русская Армия. – 1919. – № 100. – 15 мая. – С. 3.

² Поставки белья для армии // Русская Армия. – 1919. – № 100. – 15 мая. – С. 4.

³ Реквизиция бельевого материала для армии // Русь. – 1919. – № 14. – 24 июля. – С. 3.

в России [Электронный ресурс] // Релга: научно-культурный журнал – 2013. – № 1. – Дата депонирования: 05.01.2013. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3424&level1=main&level2=articles>.

3. Рынков В. М. Санитарно-медицинские службы на востоке России в антибольшевистский период Гражданской войны (вторая половина 1918–1919 гг.) // Чтения памяти профессора Е. П. Сычевского: сб. докл. – Благовещенск: 2007. – Вып. 7.

4. Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь Белого Омска // Гражданская война в Сибири: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. – Омск, 2013.

5. Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 гг.). – Новосибирск, 2008.

Смирнова Александра Геннадьевна,
*кандидат исторических наук, доцент,
главный редактор сайта «Российский краевед»,
первый заместитель председателя Союза краеведов России,
Москва,
e-mail: aleks-146@mail.ru*

1917 ГОД И СУДЬБЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

1917 год и коренные изменения в жизни российского государства повлияли на развитие отечественного краеведения. В 1920-е гг. возникло общественное краеведческое движение. Краеведение получило поддержку государства, была создана широкая сеть краеведческих организаций и обществ. Особую роль сыграли всероссийские краеведческие конференции. На рубеже 1920–1930-х гг. Советская власть усилила централизацию и идеологический контроль в краеведческой работе. Главной задачей нового «советского краеведения» стало участие в социалистическом строительстве. Это привело в 1937 г. к ликвидации всей системы общественного краеведения.

Ключевые слова: отечественное краеведение; краеведческие организации; краеведческое движение; Советская власть; Советское государство; всероссийские краеведческие конференции; идеологические рамки; социалистическое строительство.

Smirnova Alexandra Gennadievna,
*Candidate of historical sciences, first deputy chairman of the Union of Local History of Russia, chief editor of the site «Russian Local History»
Moscow,
e-mail: aleks-146@mail.ru*

1917 AND THE FATE OF THE DOMESTIC LOCAL HISTORY

1917 and the radical changes in the life of the Russian state influenced the development of the domestic local history. In the 1920s there was a public local history movement. The local history received the support of the state, created a wide network of the local history organizations and societies. A special role was played by the Russian studies conferences. At the turn of 1920–1930s the

Soviet authorities strengthened the centralization and the ideological control of the local history work. The main task of the new «Soviet local history» became involved in the socialist construction. This led to the elimination of the entire system of the public local history in 1937.

Key words: the domestic local history; the local history organizations; the local history movement; the Soviet authority; the Soviet state; the Russian studies conferences; the ideological framework; the socialist building.

События октября 1917 г. и вызванные ими коренные изменения в жизни государства и общества оказали самое глубокое влияние на судьбы российского краеведения, как в 1920-е гг. – «золотое десятилетие» для краеведения (по выражению С. О. Шмидта¹ [1, с. 60]), так и в дальнейшем.

В дореволюционный период, хотя уже был накоплен научный и методический опыт краеведческих исследований и выработаны организационные формы краеведения на местах, единого центра и организованного краеведческого движения в масштабах страны не было² [2, с. 11].

После 1917 г. старые государственные учреждения, связанные с краеведческой работой, прекратили существование. Но развивать краеведение продолжали некоторые пережившие рубеж 1917 г. научные общества: в 1920-х гг., по свидетельству современника, в Сибири Отделы Русского географического общества (1845 г.) «радикально меняют свой облик... удерживая, однако, свои культурные традиции и сберегая научное наследие прошлого...» [5, с. 304]. Особая роль в развитии краеведения в 1920-е гг. принадлежит Комиссии «Старая Москва» (1909 г.) Московского археологического общества.

Краеведческое движение как таковое оформилось лишь после 1917 г., получив в первые два десятилетия Советской власти не только широчайшее распространение на всех уровнях (от столичных центров до глубокой

¹ С. О. Шмидт (1922–2013) – историк, первый председатель Союза краеведов России, ввел в современную историографию этот термин. Характерно, что сами краеведы того времени так же оценивали переживаемый ими период: секретарь Центрального бюро краеведения (ЦБК) Д. О. Святский (1881–1940) употреблял термин «золотой век».

² Всероссийским центром координации краеведения на местах и организующим началом краеведческого движения еще до революции по характеру своих задач могла бы стать созданная в 1915 г. при Академии наук Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). См.: Муратов М. В. Изучение местного края. Опыт введения в краеведение. – М., 1925.

провинции), но и поддержку государства. Тогда были заложены важнейшие теоретические, методические, организационные основы краеведения (что во многом позволило полноценно возродить его уже в 1990-е гг.). Краеведение было тесно связано с наукой, в первую очередь, через Академию наук [3]. Главными факторами, обусловившими востребованность краеведения Советским государством, стали возникшая после революции и Гражданской войны необходимость в учете ресурсов, восстановлении хозяйства и связей между территориями, выявлении квалифицированных кадров на местах, а также задачи культурной революции, привлечения широких масс к культурной работе. Справедливо мнение В. Ф. Козлова, что «Советская власть смогла использовать в политических и просветительских целях огромный интерес на местах к комплексному изучению и освоению своего края» [4, с. 79].

Однако государственные, политические процессы, вызванные 1917 г., имели двойственный характер по отношению к краеведению, чья просветительная роль, нацеленность на изучение и сохранение традиций, памятников в совокупности с объединяющей функцией краеведческого движения, вобравшего в себя лучшие кадры не только старых краеведов, но и вообще интеллигенции, научно-педагогического сообщества, оторгнутые от профессиональной деятельности, не могли не войти в противоречие с новыми идеологическими установками, имевшими совершенно противоположную направленность. Процесс огосударствления краеведения изначально predetermined его путь: оформление краеведческого движения во главе с государственным учреждением – Центральным бюро краеведения (ЦБК; 1922–1937 гг.) – в строго иерархическую многоуровневую систему неизбежно вело к вписыванию краеведения в идеологические рамки Советского государства, к выхолащиванию его историко-культурной и научно-просветительной функции и, в конечном итоге, к полной ликвидации краеведения и как общественного движения, и как формы научно-общественной и просветительной деятельности. Вполне понятна в этом контексте мысль, высказанная секретарем ЦБК Д. О. Святским в начале 1930-х гг.: «Итак, краеведение – *finita la commedia*. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Можно ли было думать, что так все кончится. Если бы мы были дальнзоркими, пожалуй, и можно» [1, с. 59].

Характерно и то, что репрессии в отношении краеведов начались значительно раньше 1937–1938 гг.: в конце 1920-х – начале 1930-х гг. (одновременно с периодом гонений на Русскую православную церковь, с раскулачиванием и т.д.) и не просто совпали, но именно были обусловлены начавшимся «великим переломом».

Важнейшую роль в развитии краеведческой научной и организационной работы сыграли всероссийские краеведческие конференции 1921, 1924, 1927 и 1930 гг., каждая из которых четко обозначила главные тенденции развития краеведения на определенном этапе. Первая Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края 1921 г. заложила основы системы краеведческих учреждений всех уровней во главе с ЦБК, наметила научно-культурные задачи краеведения. Связь с академической наукой обусловила появление исследовательских краеведческих учреждений (институтов краеведения) в ряде регионов. Вторая Всероссийская конференция по краеведению (1924 г.) отразила динамику расширения краеведческого движения по всей стране и пусть пока предварительно, но все же уже наметила вектор огосударствления и идеологизации краеведения, придания ему форм массовой работы. В эти годы разрослась краеведческая сеть: на 1 марта 1926 г. в СССР было 1405 краеведческих обществ, кружков и музеев (75% в пределах РСФСР) [6, с. 237]. 1925 г. – важный рубеж: передача ЦБК из ведения Академии наук Наркомпросу РСФСР означала для краеведения снижение роли научных учреждений и усиление централизующего государственного начала.

III Всероссийская конференция по краеведению (1927 г.) обозначила начало «коренного перелома» и указала на «... недостаток связи с плановыми и руководящими органами, недостаточное еще вовлечение масс» в краеведческое движение¹. Итак, важнейшим становилось требование массовости краеведения, в этом смысле старое краеведение с его кадрами признавалось неспособным активно участвовать в социалистическом строительстве. Отметим наряду с нарастанием этих опасных тенденций и объективное расширение краеведческой работы: с конца 1920-х гг. оформляется сеть районных и городских краеведческих бюро.

Еще более четко грань между «старым» и «новым советским» краеведением² обозначила IV Всероссийская конференция по краеведению (1930 г.). В свете ее решений декларировалось: «Краеведение только тогда

¹ III Всероссийская конференция по краеведению // Там же. – 1928. – №1. – С. 45.

² Термин «советское краеведение», прочно введенный в практику на рубеже 1920–1930-х гг., закрепленный в названии центрального органа ЦБК журнала «Советское краеведение» (1923–1929 гг. – «Краеведение»), уже сам по себе означал, что краеведение предшествующего периода было «не советским», а следовательно, несоответствующим целям и установкам Советского государства, и, стало быть, – и враждебным (что доказывали на практике начавшиеся в начале 1930-х гг. репрессии против краеведов).

будет советским, когда в рядах краеведческих организаций будут участвовать подлинные массы трудящихся рабочих и крестьян... Необходимо перенести все внимание, всю энергию в низы – на фабрики, заводы, в совхозы, колхозы, в сельские школы, избы-читальни и т. д., и т. д.»¹. Краеведение официально объявлялось «массовым движением рабочих и колхозного крестьянства за активное участие в строительстве социализма»².

В 1930-е гг. прекратили свое существование или были коренным образом реорганизованы все крупнейшие краеведческие общества в стране. Однако и в этот период краеведами все еще предпринимались попытки научного изучения края: его археологии, природных особенностей, нового и отчасти старого быта деревни (программы монографического изучения деревни), жизни заводских рабочих, истории фабрик и заводов, кустарных промыслов и т. д. При этом все более жестко регламентировались содержание, формы и методы краеведческой работы, в 1931 г. была введена новая система краеведческих организаций во главе с ЦБК: «краеведческие ячейки на предприятиях, в совхозах, колхозах, школах и учреждениях», в республиках, автономных республиках, краях и областях – бюро краеведения при органах народного образования³. Таким образом, государство рекрутировало краеведческие кадры как одну из составляющих той, по преимуществу, бесплатной рабочей силы, ставка на которую была сделана руководством страны в этот период. При такой динамике развития краеведческого движения вполне закономерным стал 1937 г., когда вместе с ЦБК была ликвидирована вся краеведная сеть. Именно в середине – конце 1930-х гг. краеведческое движение как важнейшая часть культурно-научной жизни страны, возникшее в первые годы Советской власти и достигшее своего апогея к середине – второй половине 1920-х гг., фактически было уничтожено. В этом же историческом контексте следует рассматривать и уничтожение в тот же период всех форм церковно-общественной жизни, ликвидацию движения за сохранение памятников и системы органов их охраны, многих музейных учреждений, полную реорганизацию музейного дела и коренную перестройку исторической науки.

¹ Краеведение – на новые пути // Краевед массовик. – 1930. – № 2. – С. 1.

² Июньский пленум ЦК ВПК(б) и задачи краеведения на новом этапе // Советское краеведение. – 1931. – № 7–8. – С. 1–4.

³ О мероприятиях по развитию краеведческого дела. Постановление № 396 Совета народных комиссаров от 30 марта 1931 г., Москва, Кремль // Краевед-массовик. – 1931. – № 2 (6). – С. 48.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнова Т. В. Из истории краеведения 1920–1930-х гг. (По письмам Д. О. Святского) // Десятые всероссийские краеведческие чтения (Москва-Верея (Московская обл.) – Великие Луки (Псковская обл.), 13–17 мая 2016 г. – М., 2017.
2. Козлов В. Ф. Первая Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края (1921) и ее роль в организации краеведческого движения // Пятые всероссийские краеведческие чтения (Москва-Владимир, 27–28 мая 2011 г.). – М., 2012.
3. Шмидт С. О. Российская академия наук и развитие краеведения // Исторические записки. – Вып. 14. – М., 2012.
4. Козлов В.Ф. Центральное бюро краеведения и Союз краеведов России как руководящие и координирующие органы отечественного краеведческого движения в XX–XXI вв. // Девятые всероссийские краеведческие чтения (Москва-Воронеж, 15–19 мая 2015 г.). – М., 2016.
5. Турунов А. Краеведение Сибири // Краеведение. – 1924. – № 3.
6. Святский Д. О. Современное положение работы краеведческих организаций в РСФСР // Краеведение. – 1926. – № 2.

Томилов Николай Аркадьевич,

*доктор исторических наук, профессор, директор,
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
заведующий кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии,
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,
старший научный сотрудник, Омская гуманитарная академия,
Омск,
e-mail: n.a.tomilov@gmail.com*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ РОССИЙСКИМИ УЧЕНЫМИ: ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ

В статье раскрывается актуальность историографического осмысления изучения народной культуры, приводятся периодизации истории российской этнографии, этнографического сибиреведения и истории изучения народной культуры этносов Сибири.

Ключевые слова: этнография; историография; народная культура; периодизация; историко-культурное наследие.

Tomilov Nikolai Arkadevich,

*Doctor of historical sciences, professor, director, the Omsk branch of the
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Head of the Department of Ethnology, Anthropology, Archeology and
Museology,
Omsk State University named after FM Dostoevsky, senior research fellow of
the Omsk Humanitarian Academy,
Omsk,
e-mail: n.a.tomilov@gmail.com*

THE ETHNOGRAPHIC RESEARCH OF THE NATIONS OF SIBERIA BY THE RUSSIAN SCIENTISTS: THE QUESTIONS OF THE PERIODIZATION

The article develops the annalistic timeliness of the understanding of the folk cultures study. The article provides the historical periods of the Russian

ethnography, the Siberian region's ethnographic study and the history of the folk culture's study of the ethnos of Siberia.

Keywords: ethnography, istoriografii, folk culture, periodizaciâ, istoriko-cultural heritage.

Актуальность историографического осмысления научного изучения народной, или, по-другому, традиционно-бытовой культуры этнических общностей определяется в первую очередь сущностным значением этого пласта культуры в функционировании и развитии общества. А это значение детерминировано в целом базовой ролью культуры в жизни человеческих общностей, так как культура – это созданные человечеством ценности и способы жизнедеятельности людей.

Научное значение построения модели периодизации истории этнографических исследований культуры народов Сибири отечественными учеными связано напрямую с необходимостью выявления закономерностей и особенностей научной интерпретации исследовательских подходов и результативности этих научных работ на разных хронологических срезах. При создании периодизации вышеназванных исследований нужно учитывать целый ряд показателей. Из них основными, по нашему мнению, являются: 1) уровень социальных запросов на этнографические знания о культуре народов; 2) учет процессов в собирательной и в научно-интерпретационной деятельности ученых; 3) наличие (или отсутствия) научного сообщества в изучении народной культуры (уровень ее организованности – наличие учреждений, обществ, печатных изданий, организуемых конференций и других научных мероприятий); 4) наличие системы подготовки кадров этнографов и антропологов.

И здесь нам не обойтись без учета знаний о периодизации истории как российской этнографии в целом, так и о периодизации ее сибиреведческого направления. Предложенная нами в 2009 г. схема периодизации возникновения и развития российской этнографической науки выглядит следующим образом. 1-й период с XII в. до середины 40-х гг. XIX в.: накопление этнографических материалов. В нем выделяются 2 этапа: 1) XII – третья четверть XVII в., 2) последняя четверть XVII – первая половина 40-х гг. XIX в. (характеризуется появлением научных работ по этнографии). 2-й период – с середины 40-х гг. XIX в. до середины 20-х гг. XX в.: появление самостоятельной этнографической науки, ее развитие под влиянием мифологической, эволюционной и других научных школ, в том числе на втором этапе (70-е г. XIX в. до середины 20-х гг. XX в.) с влиянием и марксистской

научно-материалистической методологии. 3-й период – с середины 20-х гг. до конца 90-х гг. XX в.: развитие отечественной этнографии на основе марксистской методологии. 2-й (вторая половина 40-х гг. – 50-е гг. XX в.) и 3-й этап характеризуются мощными теоретическими разработками, появлением новых научных направлений, возникновением новых региональных центров российской этнографии и др. 4-й период – с 90-х гг. XX в. по настоящее время: внедрение в российскую этнографию методологического плюрализма, появление новых научных направлений и научных центров, возрастание авторитета в мировой науке российской этнологии (этнографии) [1, с. 379–380].

В самом общем виде периодизация истории этнографического сибиреведения включает следующие периоды: 1) донаучный, охватывает XVII – первую половину XIX в. – это период накопления этнографических материалов о народах Сибири и Дальнего Востока и их интерпретация в рамках истории, географии, фольклористики и некоторых других наук; 2) период становления этнографического сибиреведения, он приходится на время с середины XIX в. до 1920-х гг. – это период не только становления, но и развития этнографии благодаря появлению и возрастанию числа собственно сибирских этнографов и сибирских научных центров; 3) период социализации, если можно так выразиться, этнографического сибиреведения падает на 1920-е – 1950-е гг. – это период возрастания объема научно-практического изучения народов для решения национальных проблем в советском обществе, позволившего функционировать этнографии не только как исторической науке, но и как обществоведческой научной дисциплине; 4) период современного этнографического сибиреведения, он приходится на вторую половину XX – начало XXI в., начиная с 1960-х гг., – это становление и развитие новых научных направлений, в том числе и на стыке наук, в этнографии народов Сибири (включая Дальний Восток), становление новых этнографических научных центров в Азиатской России. В каждом периоде предложенной общей периодизации могут быть выделены внутри его этапы, но об этом мы уже писали ранее [2, с. 10–20].

Периодизация истории этнографического изучения культуры народов Сибири в целом совпадает с периодизацией этнографического сибиреведения. Особенности отдельных периодов, а в них этапов имеют определенную специфику. Так, на первом этапе второго периода, который приходится на середину XIX в. – середину 1870-х гг., усиливалась собирательская работа этнографов, которые пополняли создаваемые в это время музеи обществ, учебных и иных заведений этнографическими коллекциями,

поставляли предметы культуры народов Сибири на международные и российские выставки, а в научном плане использовали собранную информацию для решения проблем культурогенеза и этногенеза.

Второй этап этого периода, охватывающий вторую половину (скорее даже конец 1870-х гг. – 1910-е гг., определялся уже мощным развитием методолого-теоретических и эмпирических исследований в российской этнографии, возникновением в Сибири организаций, самостоятельно проводящих этнографические работы. В научно-теоретическом плане этнографы – сибиреведы работали чаще всего соответственно теоретическим разработкам Д. Н. Анучина, Л. Я. Штернберга, Н. М. Ядринцева и др. Анучинская этнологическая школа существенно расширила границы этнологии от проблем истории первобытного общества и первобытной культуры до социологических подходов к культуре. И здесь новый подход, провозглашенный Н. М. Ядринцевым, – изучать нужно не просто культуру, а те изменения, которые проходят в культуре и быту коренных народов Сибири под влиянием времени. Он считал, что эти исследования нужны для решения проблем жизнедеятельности этих народов [3, с.5].

Третий период этнографического сибиреведения характеризуется углубленным, скрупулезным и монографическим исследованием фактически всех сторон и явлений традиционно-бытовой культуры.

А вот в четвертом периоде в связи со ставшим одним из самых главных направлений в советской этнографии – изучением современных этнических процессов – стали происходить изменения в сторону исследований этнокультурных и – шире – социокультурных явлений. В целом в этот период значительно расширилась тематика в изучении народной культуры в связи с формированием как новых субдисциплин и направлений в российской этнографии (этнологии), так и новых этнографических научных центров в самой Сибири. А с 1980-х гг. в поле этнографических исследований внедрилась проблема сохранения и использования на практике историко-культурного наследия, что еще теснее связало российскую этнографию с историей, краеведением, культурологией, искусствоведением в изучении народной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Томилов Н. А. Российская этнографическая наука в исторической ретроспекции // VII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. / Отв. ред. В. А. Тишков. – Оренбург, 2009.

2. Захарова И. В., Томилов Н. А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр / Отв. ред. В. П. Корзун, В. И. Матющенко. – Омск, 2007.

3. Ядринцев Н. М. Из статьи «Научные знания местных музеев // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 1993. – № 2.

Чуркин Михаил Константинович,

*доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории,
Омский государственный педагогический университет,
Омск,
e-mail: proffchurkin@yandex.ru*

«ЧЕЛОВЕК ВЛАСТИ», «ЧЕЛОВЕК КУЛЬТУРЫ»
И «КОЛОНИАЛЬНЫЙ СУБАЛТЕРН»: СЮЖЕТЫ ВНУТРЕННЕЙ
КОЛОНИЗАЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ Н. М. ЯДРИНЦЕВА

В статье на материалах литературного наследия Н. М. Ядринцева выявляются знаковые сюжеты внутренней колонизации Сибири во второй половине XIX – начала XX вв. С опорой на текст-ориентированный подход предпринимается попытка установить, каким образом в сибирской литературной традиции фиксировался имперский опыт самоколонизации, реализуемый в практиках доминирования и принуждения. При этом априори фиксируется, что столкновение персонажей, представляющих «Человека власти», «Человека культуры» и «Колониального субалтерна», являлось метанарративом большого числа текстов, описывающих ситуацию внутренней колонизации.

Ключевые слова: «внутренняя колонизация»; самоколонизация; «Человек власти»; «Человек культуры»; «Колониальный субалтерн».

Churkin Mikhail Konstantinovich,

*Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National
History, Omsk State Pedagogical University,
Omsk,
e-mail: proffchurkin@yandex.ru*

«MAN OF POWER», «MAN OF CULTURE» AND «COLONIAL
SUBALTERN» PLOTS OF INTERNAL COLONIZATION IN THE
LITERARY HERITAGE OF N. M. YADRINTSEV

In the article, on the materials of the literary heritage of N. M. Yadrintsev, reveals the landmark stories of internal colonization of Siberia in the second half of the XIX - early XX centuries. Based on the text-oriented approach, an attempt is made to establish how the imperial literary tradition recorded the

imperial experience of self-colonization, realized in practices of domination and coercion. At the same time, it is a priori fixed that the collision of the characters representing «Man of Power», «Man of Culture» and «Colonial Subaltern», was the metanarrative of a large number of texts describing the situation of internal colonization.

Key words: internal colonization; self-colonization; «Man of Power»; «The Man of Culture»; «The Colonial Subaltern».

В последнее десятилетие тема внутренней колонизации как части имперского опыта России обсуждается за пределами традиционных схем отечественного колонизационного процесса, сложившихся в историографическом дискурсе второй половины XIX – начала XX вв., в центре которого располагались практики хозяйственного освоения и административного управления подведомственными государству территориями [1].

В работах А. Эткинды, Д. Уффельманна и И. Кукулина сложилось определение внутренней колонизации как регулярных практик колониального управления и знания внутри политических границ государства. При этом подчеркивается, что перед нами – особый тип отношений между государством и подданными, в рамках которого государство относится к подданным как к покоренным в ходе завоевания, а к собственной территории – как к захваченной и загадочной, требующей заселения и «окультуривания», направляемых из одного центра [2; 3]. Перефразируя, можно говорить, что в условиях российской колонизации реализовывался вариант более сложного доминирования, определяемый как «внутренний империализм». Основными его составляющими были: культурная экспансия, гегемония власти, а также ассимиляция в пределах государственных границ. Решение поставленных задач имперские власти осуществляли в интересах безопасности империи, поиска ресурсов обеспечения ее устойчивости, что выводило на первый план задачи колониального принуждения.

Утверждение того факта, что Россия создается путем самоколонизации и самопожертвования, а российская идентичность вмещает в себя субъектность суверена и субалтерна, требует и иной системы аргументации, посредством перепрочтения старых сюжетов внутренней колонизации, в центре которых располагаются хорошо известные события сибирской истории: ссылка и каторга, переселенческое движение, инородческий вопрос, общественная жизнь окраины и т. д. Текст-ориентированный подход

к проблеме, предложенный А. Эткингом [2, с. 20], может быть реализован, по крайней мере, по двум основаниям.

Во-первых, перипетии сюжетных линий колонизации Сибири являлись предметом научно-исследовательской, литературной и публицистической работы широкого круга региональных авторов, к числу которых, несомненно, принадлежал и Н. М. Ядринцев. Так, во втором издании фундаментальной монографии Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония» исследователь приводит обширный список статей и книг, общим число около 100, изданных автором за 1864–1892 гг., весомая часть которых отражает устойчивый интерес к колониальному вопросу.

Во-вторых, сибирская литература и публицистика, в системе координат которой заметное место занимал Н. М. Ядринцев, в полной мере подтверждает тезис А. Эткинга и М. Липовецкого о сформировавшемся в русской культуре XIX века сюжете внутренней колонизации, который строился вокруг конфликта трех основных персонажей: «Человека власти», «Человека культуры» и «Колониального субалтерна» [4, с. 809].

Обращение к текстам Н. М. Ядринцева с целью обнаружения в сюжетах внутренней колонизации названных групп, непременно должно соотноситься с ключевым моментом его доктрины, в основе которой располагалась идея о Сибири как колонии. Другими словами – территории, которая нуждается в официальном присвоении колониального статуса, что категорически отрицалось как имперскими юристами, так и адептами национал-консервативных партий и течений.

В данной связи, «Человек культуры» (условно – интеллигент) для Н. М. Ядринцева – это, прежде всего, сторонник и транслятор идей современных автору западных социологических теорий колонизации в трактовке Ж. Дюваля, П. Леруа-Болье, В. Рошера, провозглашавших в своих работах тезис о неизбежном отделении колоний от метрополий. «Человек культуры» в рецепции Н. М. Ядринцева предстает в двух ипостасях: как патриот и одновременно как космополит в отношении своей малой угнетенной родины. В данном отношении показательна оценка Ядринцевым личности А. П. Щапова: «Щапов любил свою родину... и был когда-то несомненным патриотом (Сибирь – это будущая Америка!), хотя патриотизм его, изменяясь сообразно возрасту и зрелости, потерпел в конце жестокое разочарование»¹.

В подобном же ключе Н. М. Ядринцевым оценивается и личность еще одного представителя группы «Человек культуры» – Ч. Ч. Валиханова. За

¹ Жизнь и труды А. П. Щапова // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Н. М. Ядринцева. – Красноярск, 1919. – С. 27.

два года до смерти Николай Михайлович, подчеркивая вненациональность облика «Человека культуры», писал: «До сих пор мы пренебрегали инородческими способностями; но эти народности и племена ввиду данных уже образцов просвещения, как и общего выражения своих способностей, едва ли мы имеем право признавать бездарными. Мы можем указать на выдающиеся личности инородцев, получивших образование, подобно ученому Банзарову и блестящему Валиханову, известному путешественнику, другу ученых и поэтов, – подобные личности могли бы сделать честь своим присутствием любому образованному европейскому обществу» [5, с. 157]. И об увлечениях юности Ч. Ч. Валиханова: «В 60-х годах Валиханов следил за движением русской жизни, за обновлением ее, он читал лучшие журналы, Костомаров (непримиримый сторонник федералистских взглядов – прим. авт.) был тогда любимым профессором, и Валиханов заходил в университет слушать его, точно так же с интересом Валиханов следил за тем, что делает в Императорском Географическом Обществе, и помогал своими сведениями по географии, киргизской степи, приготовлял этнографический материал о киргизах и т. д.» [6, с. 67].

«Человек власти» в сюжетах внутренней колонизации, запечатленных на страницах работ Н. М. Ядринцева, осуществляет практики принуждения, инициируемые империей. Наиболее рельефно имперские доминанции отражены в фельетонном корпусе литературного наследия Н. М. Ядринцева: «Сибиряки-эгоисты и цивилизаторы-альтруисты», «Сибирские Гарун-аль-Рашиды» [7, с. 186–188.]. «Человек власти» выступает в качестве российского (читай – русского) культуртрегера. Его деятельность определяется писателем как «цивилизаторство» и «администрирование». Ноздрев, позиционируемый Н. М. Ядринцевым как «просветитель и распространитель сведений о Сибири» [7], поминутно восклицает: «Вопросы! Какие там вопросы у самоедов-то... вопросы!»; «На что им (русским – прим. авт.) университет! Кто в нем учиться будет? Кто к ним пойдет из профессоров?»; «Новый суд им нужен! Да кто у них будет присяжными?» и т.д. [7] В фельетоне «Сибирские Гарун-аль-Рашиды», настойчиво генерируется мысль о том, что опыт распространения в Сибири российских либеральных институтов и идей включения региона в состав империи, исторически основан на грубом администрировании и регламентациях. Чиновник, главный герой, в преамбуле фельетона говорит: «Видите эту палку? Я ее вам рекомендую. Эта палка...я ею цивилизацию в Сибири вводил!» [7]. И далее: «В городе театра не было. Призываю купцов. Что у вас театра нет? Не нужно? Трах, трах! 50 000 выложили и театр готов»; «Вы все вздыхаете о железной дороге? Я бы вам ее давно построил. Трах!

И была бы дорога» [7]. И там же Н. М. Ядринцев дает предельно точное определение логики поступков «Человека Власти»: опека и вмешиваться [7, с. 187].

«Колониальный субалтерн» как действующий субъект сюжетов «внутренней колонизации» выведен Н. М. Ядринцевым как жертва, сопротивляющаяся пассивно, вязко, бездейтельно. М. Липовецкий, определяя субалтерна, пишет следующее: «Субалтерн – это именно Другой, по отношению к которому создается имперская идентичность. Образы «взрослых детей», живущих не в истории, а в природе, интуитивно мудрых и экзотически чарующих «дикарей»... есть главная примета колониальной субалтерности» [4, с. 821].

Наиболее яркие образы колониальной субалтерности выведены Н. М. Ядринцевым в работах «Русская община в тюрьме и в ссылке», «Крепостнические традиции в Сибири», «Иностранцы Сибири и их вымирание», «Общественная жизнь Сибири» и т. д. [8, 9, 10, 11].

Показательны в этом смысле размышления Н. М. Ядринцева о судьбе субалтерна в колонизации: «Тысячи поселенцев легли здесь костями под изнурительными работами, под жестокими наказаниями, в лихорадках, тифе, в цинге и под пятном «сибирской язвы», но новые толпы, осужденные на смертность, заменяли их» [8, с. 571]; «повсеместный грабеж народа, пытки в застенках, бесчеловечные казни, зверские убийства и истязания... жалобы сибиряков на несправедливость властей дали повод называть их ябедниками...» [11, с. 7].

Подводя общие (во многом, предварительные, поверхностные) итоги, следует сказать, что текст-ориентированный подход к проблемам внутренней колонизации (самоколонизации) помещает исследователя в условия весьма зыбкой почвы: понятия «Человек власти», «Человек культуры», «Колониальный субалтерн» часто имеют неточные демаркационные разграничения. Вотчинный (собственнический) подход к колонизируемым территориям объективно предполагал конструирование временных союзнических отношений власти и интеллигенции, выполнявшей, например, функции колониальных экспертов. С другой стороны, в общем контексте имперских проектов и практик колонизации, когда государство абсолютно присваивало себе сеньориальные права, оставшимся, несомненно, отводилась роль колониальных субалтернов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Любавский М. К. Обзор истории Русской колонизации с древнейших времен и до XX века. – М., 1996; Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. – М., 1987. – Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1.

2. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – М., 2016.
3. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – М., 2012.
4. Липовецкий М. Советские и постсоветские трансформации сюжета внутренней колонизации // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – М., 2012.
5. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Новосибирск, 2003.
6. Ядринцев Н. М. Сибиряки-эгоисты и цивилизаторы-альтруисты // Ядринцев Н. М. «Я сын девственной и могучей страны...»: сб. ст., очерков, фельетонов Н. М. Ядринцева. – Омск, 2004.
7. Ядринцев Н. М. Сибирские Гарун-аль-Рашиды // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Н. М. Ядринцева. – Красноярск, 1919.
8. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. – М., 2015.
9. Ядринцев Н. М. Крепостнические традиции в Сибири // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Н. М. Ядринцева.
10. Ядринцев Н. М. Иностранцы Сибири и их вымирание (Из доклада на заседании Императорского географического общества, декабрь 1881 г.) // Русская мысль. – 1883. № 3.
11. Ядринцев Н. М. Общественная жизнь Сибири // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Н. М. Ядринцева.

Шелегина Ольга Николаевна,

*доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск,
e-mail: oshelegina@yandex.ru*

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ МУЗЕЙНОГО МИРА СИБИРИ

В статье применительно ко второму десятилетию XXI века в региональной музейной историографии выделяется интеграционно-аналитический подход. К числу актуальных тенденций отнесены: контекстное, в рамках мирового музейного сообщества, изучение музейного мира Сибири; формирование историографического ресурса по актуализации и освоению регионального наследия.

Ключевые слова: музейный мир Сибири; региональная музейная историография; интеграционно-аналитический подход; мировое музейное сообщество; актуализация и освоение наследия.

Shelegina Olga Nikolaevna,

*Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk,
e-mail: oshelegina@yandex.ru*

ACTUAL TRENDS IN STUDYING THE MUSEUM WORLD OF SIBERIA

In the article as applied to the second decade of the 21st century, an integration-analytical approach is singled out in the regional museum historiography. Among the current trends are: a contextual, within the world museum community, the study of the museum world of Siberia; The formation of a historiographic resource for the actualization and development of the regional heritage.

Key words: museum world of Siberia, regional museum historiography, integration-analytical approach, world museum community, heritage development.

Музейный мир Сибири, исследовательская модель, базирующаяся на концепте «музейный мир», является универсальной для изучения региональных музейных процессов [1]. Во втором десятилетии XXI в., в сибирской музейной историографии приоритетное значение получает интеграционно-аналитический подход: обобщение результатов исследований в области музееведения (Томилов Н. А.) [2], монографические и докторские диссертационные исследования (Шелегина О. Н., Полякова Е. А.) [1, 3], международные сборники научных статей (серия «Новации в музейном мире», совместные издания Института истории СО РАН и Комитета музееологии стран Азии и Тихоокеанского региона), расширение диапазона научных проблем, обсуждаемых на всероссийских и межрегиональных конференциях.

К числу актуальных тенденций следует отнести контекстное, в рамках мирового музейного сообщества, определение и представление новационных явлений и процессов, происходящих в музейном мире Сибири. Сибирские новации в музейном мире были отражены в статьях, посвященных: проведению Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» (Новосибирск, 2011), интеграционной деятельности музея Бурятского научного центра¹, созданию нового коммуникационного поля социально-ориентированного на диалог с аудиторией на основе музейных интернет-ресурсов², традициям и перспективам Минусинского музея в тренде – от музеев местного края к новому типу музеев локальной истории³.

В настоящее время активизировалась исследовательская деятельность по изучению проблем историко-культурного наследия, сопряженного с развитием музейного мира Сибири. Можно назвать ряд перспективных диссертационных работ: Курьяновой Т. С. «Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири», Дияновой А. М. «Культурное наследие сибирских татар в деятельности музеев Западной Сибири на современном этапе», Колгановой Е. Ю. «Особенности

¹ Новации в развитии музейного мира России в первое десятилетие XXI века: сб. науч. ст. / Отв. ред. И. В. Чувилова, О. Н. Шелегина. – Новосибирск, 2011. – С. 178–187, 208–238

² Новации в музейном мире. Музей как коммуникационный протокол: сб. науч. ст. / Отв. ред. И. В. Чувилова, О. Н. Шелегина. – Новосибирск, 2013. – С. 194–210

³ Новации в музейном мире. На пути к музею локальной истории нового типа: сб. науч. ст. / Отв. ред. И. В. Чувилова, О. Н. Шелегина. – Новосибирск, 2017. – С. 11–23, 183–185.

музеефикации культуры переселенцев Предбайкалья в комплексах под открытым небом», Кравцовой Л. А. «Актуализация историко-культурного наследия угольной отрасли в музейной практике», Коваленко П. С. Музеефикация памятников культурного наследия русской православной церкви (по материалам города Бийска), Глушковой П. В. «Актуализация календарной обрядности русских в деятельности музеев под открытым небом в Сибири», Каплунова В. А. «Комплексный музей-заповедник на основе археологического памятника как тип современного музея.

В рамках глобального перехода от актуализации наследия к его освоению можно говорить о формировании, при участии сибирских ученых, международного историографического ресурса, связанного с обобщением опыта и поиском эффективных форм, позволяющих синтезировать процессы в сфере наследия. Институтом истории СО РАН совместно с Академией наук Монголии, Министерством образования и Ассоциацией музеев Тайваня, Алтайским государственным педагогическим университетом, Комитетом музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона издан сборник научных статей, отражающий результаты исследований в области изучения наследия 40 известных и молодых музеологов из Германии, Канады, Китая, Монголии, России, Франции¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шелегина О. Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития. – Новосибирск, 2014.
2. Томилов Н. А. Музееведение и музеи России: избранные научные работы в 2-х ч.: Ч. 1. Музееведение (музеология): теоретические и историографические аспекты. – Омск, 2016.
3. Полякова Е. А. История светских и церковных педагогических музеев Западной Сибири как образовательная форма культуры (вторая половина XIX – начало XXI века): автореф. дис... д-ра ист. наук. – Томск, 2015.

¹ Наука, образование, музеи: формы освоения наследия: сб. науч. ст. / Отв. ред. В. А. Ламин, О. Н. Труевцева, О. Н. Шелегина. – Барнаул, Новосибирск, 2016.

Шиловский Михаил Викторович,

*доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории,
Новосибирский государственный университет,
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск,
e-mail: storik.novosib@gmail.com*

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. Н. ПОТАНИНА
ПО МЕМОРИАЛИЗАЦИИ ПАМЯТИ Н. М. ЯДРИНЦЕВА
И ВЫЯВЛЕНИЮ ЕГО ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ.**

Анализируются усилия, предпринятые Г. Н. Потаниным после смерти в 1894 г. Н. М. Ядринцева по увековечению его памяти, сбору и публикации его творческого наследия. В результате увидел свет биографический очерк Б. Б. Глинского, Т. М. Фарафонтова начала разбор бумаг Ядринцева из архива музея ВСОИРГО в Иркутске. Часть из них публикуется в газете «Восточное обозрение». Самым масштабным сочинением Потанина, в котором он пытается рассказать о друге и единомышленнике, стали его «Воспоминания», публиковавшиеся в 1913–1916 гг. в томской газете «Сибирская жизнь». Тем самым Григорий Николаевич заложил прочные основы изучения жизненного пути и заслуг Н. М. Ядринцева как идеолога сибирского областничества и собрал значительный массив источников, исходящих от последнего.

Ключевые слова: Н. М. Ядринцев; Г. Н. Потанин; областничество; воспоминания; источники личного происхождения; биография.

Shilovsky Mikhail Viktorovich,

*Doctor of Historical Sciences, Professor, Novosibirsk State University, Institute
of History of the Siberian Branch
Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk,
e-mail: storik.novosib@gmail.com*

**POTANIN'S ACTIVITY ON MEMORIALIZATION OF N.M. YADRINTSEV
AND REVEALING HIS CREATIVE HERITAGE**

The paper analyzes efforts undertaken by G.N.Potanin after N.M.Yadrintsev's death in 1894 to commemorate his friend and to collect and publish his creative heritage. As a result B.B.Glinskiy published a biographical essay, while

T.M. Farafonova began to analyze documents from the archives of the Museum of the East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society in Irkutsk. Some of them were published in the newspaper «Vostochnoye Obozreniye» (Eastern Review). Potanin's most voluminous work where he tried to tell about his friend and co-thinker was his «Memoirs» published in 1913–1916 in the Tomsk newspaper «Siberian Life». Thus, G.N.Potanin laid a solid foundation for studying the life and accomplishments of N.M.Yadrintsev as ideologist of the Siberian regionalism. He also collected a considerable amount of N.M.Yadrintsev's egodocuments.

Keywords: N.M. Yadrintsev, G.N. Potanin, regionalism, memoirs, egodocuments, biography.

Первой реакцией Г. Н. Потанина на смерть друга и единомышленника Н. М. Ядринцева стало письмо В. Н. Семидалову от 17 июня 1894 г., в котором, помимо слов сожаления, Потанин информировал корреспондента: «Я хочу обратиться к Надежде Федоровне [Ржевской, сестре жены Ядринцева] с просьбой, чтобы за мной оставлено было право издать избранные статьи Ник. Мих., не вошедшие в его большие книги («Сибирь как колония», «Община в тюрьме и ссылке»), собрать его письма и воспоминания друзей об нем и позаботиться о составлении [его] биографического очерка»¹. В этих предложениях формулируется классическая для того времени программа увековечения памяти известного общественно-политического деятеля.

Потанина интересовали взаимосвязанные вопросы увековечения памяти Ядринцева и судьба его газеты «Восточное обозрение». Желание «сохранить газету для сибиряков-литераторов» реализуется путем продажи ее И. И. Попову, которой, по мнению моего героя, ближе всего стоял к областникам. Одновременно в письме к последнему от 6 июля 1894 г. Потанин сообщает, что вместе с В. Н. Семидаловым начали собирать материалы к биографии Ядринцева и «если что найдете в Иркутске, его письма, рукописи, личные воспоминания, пожалуйста, просите дать мне для пользования...»². Уже к ноябрю 1894 г. он написал объемный очерк о жизни и деятельности Николая Михайловича. Но публиковать его под собственным именем не хотел, во-первых, из-за опасения быть обвиненным в пристрастности по отношению к единомышленнику; во-вторых, ему хотелось, чтобы авторство взял на себя кто-нибудь из русских общественных деятелей, а сама биография была

¹ Письма Г. Н. Потанина. – Иркутск, 1990. – Т. 4. – С. 254; Там же. – С. 260; Там же. – С. 263, 275.

² Письма Г. Н. Потанина. – Иркутск, 1990. – Т. 4.

бы издана в центре, что подчеркнуло бы всероссийское признание заслуг покойного лидера сибирского областничества.

С этой целью 11 ноября 1894 г. Потанин обратился к известному журналисту, историку и публицисту Б. Б. Глинскому с предложением: «Я написал заметку о Ник[олае] Михайл[овиче] Ядринцеве; остается переписать и переделать ее...» [2]. Заказ был выполнен, и книга вышла в том же году¹. В нее вошел отрывок, написанный им самим, представляющий своеобразный публицистический портрет друга. Тогда же Григорий Николаевич начал собирать бумаги Ядринцева (письма, рукописи публикаций) и даже его личные вещи, «чтобы составить Ядринцевскую витрину при Иркутском музее, которая потом может разрастись в целый Ядринцевский музей»². Идея начала реализовываться после приезда Потанина в июле 1901 г. в Иркутск на постоянное место жительства. Он поручил разбор архива учительнице Т. М. Фарафонтовой, с которой был знаком с 1890 г. Таисия Михайловна в газете «Восточное обозрение» в 1902–1905 гг. вела рубрику «Из записок сибирского патриота», в которой публиковались письма Ядринцева. В приложении к газете – «Сибирском сборнике» – она напечатала ряд его статей и рассказов.

В письме Н. Ф. Ржевской от 5 апреля 1902 г. из Иркутска Фарафонтова сообщала: «...В данное время приступлено к обработке бумаг и дневников дорогого всякому сибиряку Николая Михайловича Ядринцева. Вероятно, Вам известно, что бумаги эти хранятся в Иркутском музее Геогр[афическо-го] Общества. Теперь найдены средства от почитателей покойного, и вот мне досталась и поручена Григорием Николаевичем эта интересная работа»³. Таисия Михайловна начала составление каталога произведений своего подопечного, в который включила 139 его публикаций в повременных изданиях.

Потанин осуществлял методическое руководство студиями своей подопечной. В письме от 16 мая 1905 г. он высказывается по поводу использования его писем Ядринцеву: «Надеюсь, что Вы с тактом воспользуетесь моими письмами. Меня не беспокоит, если я в своих письмах обрисуюсь педантом, филистером и т. п., а беспокоит меня мысль, что разрешение автора писем на пользование ими предполагает в нем самомнение, как будто он считает свои письма историческим документом. А потому мне кажется, Вы должны прибегать к ним только для проверки дат и вообще только как

¹ РГАЛИ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

² Письма Г. Н. Потанина. – Иркутск, 1990. – Т. 4.

³ РГАЛИ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

к коррективам»¹. В 1902 г. Потанин уехал из Иркутска в Томск, Фарафонтова в 1905 г. – в Европейскую Россию. Она увезла с собой часть архива, и только в 1916 г. удалось вернуть ее в Томск. Часть из собранного эпистолярного наследия Николая Михайловича была издана в 1918 г. в Красноярске с примечаниями Потанина.

Вплоть до 1913 г. Г. Н. Потанин написал и опубликовал несколько коротеньких эссе, посвященных другу и единомышленнику. Самым масштабным сочинением моего героя, в котором неоднократно автор пытается рассказать о своем друге, являются его мемуары, публиковавшиеся с 20 января 1913 по 14 мая 1916 г. в томской газете «Сибирская жизнь». Увидело свет свыше 60 фрагментов. В 1970-е гг. Н. Н. Яновский собрал, обработал и издал их в двух томах «Литературного наследия Сибири». Фрагменты, посвященные Ядринцеву, включены в контекст сочинения, иногда выделены в отдельные главы. Так, в части четвертой она включает краткие биографические данные на Николая Михайловича, пребывание в Петербурге, знакомство с Потаниным, организацию сибирского земляческого кружка и начало литературно-публицистической деятельности. Далее он упоминается в контексте пребывания вместе с автором в Омске и Томске после возвращения в Сибирь, а также в связи с арестом в 1865 г. и пребывания под следствием в связи с делом сибирских сепаратистов. Наблюдая за единомышленниками в тюремной камере, Григорий Николаевич сравнивает Ядринцева и С. С. Шашкова. Он замечает: «По сравнению с Ядринцевым необыкновенно более богатый знаниями, Шашков оказался менее самостоятельным. В нем было мало субъективности, мало чувства; это был голый ум, кабинетный публицист; он как будто сидел на западной границе государства, набирал европейских товаров и забрасывал ими русскую территорию; это была машина, поставлявшая либеральные статьи для русской журналистики... Ядринцев со своим незначительным научным багажом вышел рельефнее Шашкова» [3, с. 223–224].

Информирует мемуарист об участии своего друга в качестве чиновника при западно-сибирском генерал-губернаторе Н. Г. Казнакове в решении вопроса об открытии сибирского университета и его местоположении, наконец, его усилия по организации и изданию газеты «Восточное обозрение». Этому сюжету посвящена заключительная часть воспоминаний. Потанин пытается осмыслить роль единомышленника в пробуждении сибирской интеллектуальной элиты.

Касаясь значения мемуаров, не только применительно к биографии Ядринцева, Т. М. Фарафонтова, встречавшаяся с автором летом 1914 г.,

1 Письма Г. Н. Потанина. – Иркутск, 1999. – Т. 5. – С. 79.

зафиксировала его слова: «Я пользуюсь своими «Воспоминаниями», чтобы изложить свои идеи; я хочу «выгрузиться» перед смертью, – с грустью прибавил он. – Публицист я плохой, и в этой области могу высказывать, пожалуй, детские мысли, а в моих «Воспоминаниях» меня никто не стеснит, я на них смотрю, как на место, где могу высказать свои взгляды на областную сибирскую жизнь» [2. с. 150].

Последней работой Потанина о Николае Михайловиче стала статья, увидевшая свет в газете «Сибирская жизнь» в 1919 г. в связи с 25-летием со дня его смерти, в которой раскрываются причины острого идейно-мировоззренческого кризиса, случившегося с редактором «Восточного обозрения» в Иркутске, предопределившего его смерть [4, с. 139–140].

Таким образом, Г. Н. Потанин заложил прочные основы изучения жизненного пути и заслуг Н. М. Ядринцева как идеолога сибирского областничества и собрал значительный массив источников, исходящих от последнего. К сожалению, до сих пор данные обстоятельства не привели к созданию монографических работ, посвященных биографии Николая Михайловича.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глинский Б. Николай Михайлович Ядринцев. – М., 1895.
2. Фарафонтова Т. М. Черты из жизни сибирского патриота. К 80-летию юбилею Г. Н. Потанина // Русская мысль, 1915. – № 9.
3. Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1983. – Т. 6.
4. Потанин Г. Н. Ядринцев – жертва конфликта между колонией и метрополией // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1986. – Т. 7.

Шишкин Владимир Иванович,
*доктор исторических наук, профессор,
заведующий сектором истории общественно-политического развития,
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск,
e-mail: patric@academ.org*

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГЕНЕЗИСА
ШИРОКОМАСШТАБНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
НА ВОСТОКЕ РОССИИ (КОНЕЦ МАЯ – НАЧАЛО ИЮНЯ 1918 Г.)***

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ исследовательского проекта № 17-81-01023а (ц) «Гражданская война в Сибири в антропологическом, институциональном и геополитическом измерениях».

В статье подвергнуты критике до сих пор встречающиеся в отечественной историографии утверждения о том, что инициатором гражданской войны в России являлся международный империализм, а руководящую роль в ее развязывании сыграл дипломатический корпус Антанты. Имеющиеся источники позволяют утверждать, что в конце мая – начале июня 1918 г. находившиеся в Сибири дипломатические представители США и Франции добивались прекращения военных действий между Чехословацким корпусом и советскими войсками, которые, однако, не увенчались успехом в основном из-за непримиримости руководства большевиков.

Ключевые слова: Россия; Сибирь; Советская власть; Чехословацкий корпус; военные действия; дипломаты; переговоры; перемирие.

Shishkin Vladimir Ivanovich,
*Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk,
e-mail: patric@academ.org*

**DIPLOMATIC COMPONENT OF THE LARGE-SCALE
CIVIL WAR'S GENESIS IN THE EAST OF RUSSIA
(END OF MAY – BEGINNING OF JUNE, 1918)**

The paper is devoted to criticism of statements, still occurring in Russian historiography. Assertions about the world imperialism as an initiator of the

civil war in Russia, about the leading role of Entente's diplomatic corps in its unleashing are estimated as false ones. Available sources allow us to prove that American and French diplomatic agents, staying in Siberia in the end of May – beginning of June, 1918, sought the cessation of hostilities between Czechoslovak corps and Soviet military troops. Their efforts, however, have failed, mostly because of Bolshevik leaders' irreconcilable position.

Keywords: Russia; Siberia; Soviet power; Czechoslovak corps; military actions; diplomats; negotiations; cease fire.

В отечественной историографии на протяжении почти десяти десятилетий разрабатывалась концепция о международном империализме как инициаторе и организаторе Гражданской войны в России, а также об интервенции как воплощении плана империалистов по свержению Советской власти и расчленению бывшей Российской империи.

Важнейшей составной частью этой концепции стали утверждения о руководящей роли, которую сыграл в развязывании Гражданской войны в России дипломатический корпус стран Антанты. В частности, широкое распространение получил тезис о том, что Антанта подготовила вооруженное выступление Чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г., а ее представители и контрреволюционное русское офицерство спровоцировали антисоветское выступление легионеров.

Такая трактовка военно-политических событий конца мая – начала июня 1918 г. на востоке России свидетельствует о недостаточном знании исследователями фактического материала или тенденциозности его отбора и интерпретации. Но самое главное – складывается впечатление, что писавшие на эту тему авторы плохо понимали специфику Гражданской войны в России: как она зарождалась, развивалась и протекала, какое место в ее возникновении и развитии занимали случайность и стихийность, амбиции, самоуправство, авантюризм политиков и военных разного ранга и т.п.

Напомним, что 25–26 мая в ряде городов и поселков, расположенных на Транссибирской железнодорожной магистрали произошли вооруженные столкновения между красными и легионерами, повлекшие человеческие жертвы с обеих сторон. Главной причиной этих конфликтов была жесткая политика центральных и местных советских властей, настаивавших на полном разоружении чехословацких эшелонов.

Вместе с тем для понимания причин того, почему произошло выступление Чехословацкого корпуса, принципиальное значение имеют оценки

названного события, которые дал по свежим следам заместитель председателя филиала Чехословацкого национального совета в России и комиссар корпуса П. Макса. 29 мая в разговоре по прямому проводу с руководством Омского совдепа он сообщил: «Начальник 2[-й] дивизии капитан Гайда, эшелоны которого находятся в Н[ово]николаевске, грубым образом нарушил обязанность чехословацкого офицера руководствоваться [в] вопросах политических указаниями Чехословацкого национального совета и строжайшего приказа Масарика не вмешиваться во внутренние политические дела и соблюдать строжайший нейтралитет»¹.

Поскольку вооруженное выступление против Советской власти противоречило планам французского правительства и Чехословацкого национального совета как можно быстрее перебросить корпус в Западную Европу, находившиеся в Сибири дипломатические представители стран Антанты незамедлительно приняли участие в ликвидации происшедших конфликтов и нормализации положения на местах. Уже 27 мая на ст. Военный Городок при посредничестве французского генерального консула Г. Буржуа, американского генерального консула Э. Гарриса и консула Д. Макгауана был подписан договор между руководством Центрального исполнительного комитета советов Сибири и представителями Чехословацкого корпуса. В соответствии с этим договором Центросибирь брала на себя обязательство приложить все усилия для того, чтобы «продвижение чехословаков на восток происходило без всяких препятствий и с [максимально] возможной скоростью». Легионеры в свою очередь обязались сдать все оружие, кроме личного, включая револьверы, но советская сторона согласилась для обеспечения безопасности чехословаков оставить на каждый эшелон по 30 винтовок и по 20 патронов каждой винтовке².

На условия этого договора как на образец ориентировалось советское руководство Енисейской и Томской губерний, требуя от местных совдепов нормализации взаимоотношений с легионерами. Более того, участие в переговорах между совдепами и легионерами американских и французских дипломатических представителей красноярцы и томичи считали залогом успеха переговоров и гарантией соблюдения достигнутых договоренностей³.

¹ ГАРФ. Ф.Р-151. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

² Государственный архив Новосибирской области. Ф.Д-143. Оп. 1, Д. 68. Л. 82.

³ ГАРФ. Ф.Р-151. Оп. 1. Д. 11. Л. 98–99; Красноярский совет (март 1917 г. – июнь 1918 г.): сб. док. – Красноярск, 1960. – С. 486; Подвиг Центросибири

После боя у Марьяновки между руководством Западно-Сибирского и Омского совдепов и делегатами легионеров начались переговоры, приведшие к установлению перемирия до 12 часов 27 мая, которое затем было пролонгировано. В переговорах принимал участие один из членов французской военной миссии. Он квалифицировал происшедший вооруженный конфликт как досадное недоразумение, обусловленное решениями съезда и командного состава легионеров, принятыми в Челябинске. Французская миссия осудила эти решения и заявила, что в случае, если чехословаки не прекратят военные действия, то она сложит с себя ответственность за продвижение эшелонов на восток. Представитель французской миссии гарантировал советскому руководству, что чехословаки не будут предпринимать никаких военных действий до тех пор, пока он не выяснит позицию, занятую в Челябинске, для чего члены миссии немедленно выехали на запад. В то же время французские дипломаты считали, что легионеры не должны быть разоружены.

Последнее требование французской миссии натолкнулось на категорическое неприятие советской стороны. Особенно агрессивно вели во время переговоров приехавшие из Москвы в Омск А. Г. Шлихтер и Г. А. Усиевич. «О пропуске эшелонов с оружием не может быть и речи», – утверждал первый из них. Ему вторил Г. А. Усиевич: «Мы можем только предоставить [чехословакам] проезд без оружия в сопровождении наших комиссаров и под охраной безопасности эшелонов нашими силами».

Еще более агрессивную позицию занимала омская советская печать, провоцировавшая разжигание конфликта. Орган Западно-Сибирского и Омского совдепа считал, что чехословацкие эшелоны «должны быть окончательно добиты» и что только «победа советских войск сотрет контрреволюционное выступление чехословаков»¹.

Непримиримая позиция, занятая большевиками сначала в Омске, а потом в Томске и Красноярске, блокировала усилия западных дипломатов и политического руководства Чехословацкого корпуса по ликвидации военного конфликта в его начальной фазе, привела к дальнейшему обострению отношений и расширению масштабов гражданской войны.

(1917–1918): сб. док. – Иркутск, 1986. – С. 316.

¹ ГАРФ. Ф.Р-5871. Оп. 1. Д. 90, Л. 1–21; Известия Западно-Сибирского и Омского областного исполнительного комитета советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Омского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918. – 5, 6 июня.

**СОБЫТИЯ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В РОССИИ
В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ
РЕГИОНАЛЬНЫХ
И КРАЕВЕДЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**



Акопяниц Анаит Суреновна,
*доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и политологии,
Сибирский государственный университет путей сообщения,
Новосибирск,
e-mail: anaitak@mail.ru*

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РЕВОЛЮЦИИ
В МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

В статье рассматривается оценка перспектив революции после февраля 1917 г. в публицистике меньшевиков, предполагавшая развитие страны по капиталистическому пути; отмечены причины, по которым меньшевистская альтернатива курсу большевиков на социалистическую революцию оказалась отвергнутой ходом исторического развития.

Ключевые слова: меньшевики; революция; демократические преобразования; публицистика.

Акопянтс Анаит Суреновна,
*Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of history
and political science, Siberian State Transport University,
Novosibirsk,
e-mail: anaitak@mail.ru*

AN ASSESSMENT ON THE PROSPECT FOR REVOLUTION
IN THE MENSHEVICS JOURNALISM

The article is devoted to the assessment of the prospects of February revolution in the journalism of Mensheviks expecting the development of the country on a capitalism path; it also pointed out the reasons why Mensheviks alternative to Bolsheviks policy for the socialist revolution was rejected by the course of historical development.

Key words: Mensheviks, revolution, democratic reforms, journalism

После Февральской революции (с мая 1917 г.) социал-демократы-меньшевики вместе с эсерами входили во Временное правительство. Они резко разошлись с большевиками в оценке революции, ее дальнейших задач,

особенностей момента. В отличие от большевиков-радикалов меньшевики придерживались концепции, суть которой заключалась в следующем: «за социализм, но думать о нем и немедленно делать практические шаги к его осуществлению рано» [1, с. 195]. Курс на перерастание буржуазно-демократической Февральской революции в революцию социалистическую, предложенный В. И. Лениным в Апрельских тезисах, был для них неприемлем. В статьях «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен», «Логика ошибки» и др. Г. В. Плеханов обосновал свою позицию против курса на социалистическую революцию. Главными доводами Плеханова были «экономическая незрелость страны», «низкий уровень развития производительных сил», «культурная отсталость российского пролетариата». Считая социализм делом будущего, он был убежден в том, что очередной задачей момента было использование потенциала буржуазного строя [2, Т. I. С. 19–29, 217–219; Т. II. С. 53–54].

Эту точку зрения разделяли представители всех течений меньшевиков. Основным тезисом против курса на социалистическую революцию был тезис о ее преждевременности. В работах меньшевиков отмечалось, что социализм – «дело завтрашнего дня. Сегодня на очереди стоит лишь демократическое преобразование государственного строя России», «в будущем – социализм, а сейчас – демократия: широкая политическая свобода и влияние на государственную власть» [3, с. 6]. В меньшевистской публицистике утвердилось мнение о том, что о социалистической революции на данном историческом отрезке времени не могло быть и речи, что стране, преимущественно крестьянской, «предстоит еще долгий период буржуазно-демократического развития». Революция 1917 г. должна была до конца сохранять свой буржуазный характер и создать условия для широкого и свободного развития капитализма. «Преждевременный захват власти в стране пролетариатом был бы при настоящих условиях роковой ошибкой. Это повело бы к гражданской войне, к усилению контрреволюции, к краху демократических свобод»¹. Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций (май 1917 г.) заявила, что «рабочий класс не может ставить сейчас своей целью непосредственное социалистическое переустройство общества»². Ближайшую перспективу страны меньшевики видели в ее «полной демократизации» на базе буржуазных отношений. Именно поэтому актуальной темой меньшевистской публи-

¹ Рабочая газета. – 1917. – 12 марта. – С. 1–2; То же. – 22 апреля. – С. 1–2; То же. – 29 июля. – С. 2–3.

² Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. – Пг., 1917. – С. 46.

цистики стала пропаганда требования созыва Учредительного собрания, с которым связывалось начало осуществления политических и социально-экономических преобразований, решение аграрного и национального вопросов.

Аргументы меньшевиков не были беспочвенными. Однако меньшевистская альтернатива, направленная на то, чтобы вывести страну из кризиса реформистскими методами, обеспечивающими ее развитие по буржуазно-демократическому пути, оказалась отвергнутой реальным ходом исторического развития и потерпела политический крах. Продолжение войны, затягивание аграрной реформы и отсутствие новой национальной политики привели к сужению социальной базы, к упущенной возможности сплотить непролетарское большинство населения, что послужило причиной падения Временного правительства. Незрелость демократических институтов, слабость либерально-реформистского течения в общественном движении, придавленность и угнетенность значительной массы трудящихся, глубокий раскол в обществе, резкое обострение социальных противоречий в условиях войны, стихийное недовольство рабочих и солдат не давали возможности для эволюционного развития страны. По словам философа Н. А. Бердяева, большевизм «оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году» [4, с. 93].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 т. – Т. 31. – М., 1969.
2. Плеханов Г. В. Год на Родине. Полное собрание статей и речей. 1917–1918 г.: в 2-х т. – Paris, 1921. – Т. I; То же. – Т. II.
3. Дан Ф. Всенародное Учредительное собрание. – М., 1917.
4. Бердяев Н. И. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.

Алисов Дмитрий Андреевич,
*доктор исторических наук, начальник отдела изучения городской среды
и населения в условиях модернизации,
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Омск,
e-mail: alisovd@rambler.ru*

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СОВЕТСКИЙ ГОРОД: ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ КУЛЬТУРНОГО
ЛАНДШАФТА В ОДНОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ОМСКА)**

Статья посвящена анализу исторической памяти советского города и различным типам культурного ландшафта.

Ключевые слова: советский город; историческая память; культурный ландшафт.

Alisov Dmitry Andreevich,
*Doctor of Historical Sciences, Head of the Department for the Study of Urban
Environment and Population under Modernization Conditions, Siberian
Branch of the Russian Scientific and Research Institute of Cultural and Natural
Heritage. D. S. Likhachev,
Omsk,
e-mail: alisovd@rambler.ru*

**THE HISTORICAL MEMORY AND SOVIET TYPE OF CITY:
THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT DIFFERENT KIND
OF CULTURAL LANDSCAPE IN CITY**

The article focuses on the analysis of historical memory of The Soviet type of city and different cultural landscapes.

Keywords: Historical memory, Soviet type of city, cultural landscape.

В последние годы наблюдается рост активности историков в изучении культурных характеристик городского пространства. Постмодернистские

подходы и привлечение историками культурологии к изучению города позволили значительно обогатить методологию исторического исследования, полнее раскрыть «культурную составляющую» городского пространства [1, 2]. Однако целый ряд проблем требует более «глубокого» изучения, т. к. мы находимся все еще в начальной стадии понимания «исторической» и «культурной» составляющих Города.

В этом отношении одним из наиболее продуктивных является культурно-ландшафтный подход к изучению города. Он предполагает, что город имеет три оси формирования и развития. Первая – материальная, согласно которой культурный ландшафт города представляет собой «видимый результат человеческой деятельности» (Т. Джордан, Л. Раунтри), т. е. «очеловеченную» природу. Вторая ось развития – это антропогенная (духовная) составляющая, включающая в себя все разнообразие творений человеческого разума, культурные характеристики (искусственно созданные) городского пространства и населения. Третьей осью, на наш взгляд, является Время, т. е. История. Так, Р. Ф. Туровский выделяет «временную (историческую) структуру» культурного ландшафта. В связи со сложным и многомерным характером городского культурного ландшафта представляется непростым делом его «объемная» характеристика и определения основных элементов и маркеров [3].

Город – это многослойная культурная данность, в рамках которой пересекаются различные «культурные составляющие», образующие относительно устойчивые структурные связи. Историко-цивилизационный подход позволяет в рамках современного города определить различные типы культурного ландшафта, в том числе и в «пространстве политической культуры». К числу макротипов можно отнести такие понятия, как «дореволюционный город», «советский город», «современный город». Следует отметить, что они, в свою очередь, состоят также из целого набора культурно-исторических типов. Например, советский город не является однородным по оси времени и содержит целый ряд взаимосвязанных типовых конструкций. Обычно историки осуществляют работу по типологии культурного пространства путем выявления и определения этапов исторического развития. Примером подобного подхода могут служить работы В. Г. Рыженко, посвященные сибирскому городу [4, 5]. Однако следует заметить, что периодизация (хронология) только подводит нас к типологии. Типология – это самостоятельный род деятельности историка.

В советском городе, на взгляд автора, можно выделить и наблюдать следующие культурно-исторические типы (типы культурного

ландшафта): 1) город эпохи Революции и Гражданской войны; 2) город переходного типа (1920-е гг.); 3) ранний советский город (1930-е); 4) военный советский город (1941 – 1945), 5) послевоенный город (1945 – середина 1950-х); 6) классический советский город (конец 1950-х – начало 1980-х); 7) поздний советский город (1980-е).

В качестве одного из основных маркеров, характеризующих различные типы культурного ландшафта, можно использовать топонимы и топонимические системы, т. к. они «сводят» три оси формирования и развития города в конкретно-историческое целое. Наименования присваиваются материальным объектам культурного ландшафта (первая ось). Топонимы являются культурной характеристикой присваиваемой человеком городскому пространству (вторая ось). Топонимы закрепляют в исторической памяти культурные характеристики пространства (третья ось).

Взаимодействие различных типов культурного ландшафта с использованием топонимических маркеров можно развернуто представить на примере современного Омска¹. Омск, как и многие из российских городов, имел богатое историческое прошлое и вполне устойчивую топонимическую систему, на 1917 г. отражающую «культурный ландшафт до-революционного города». В результате революционных преобразований (1917–1920) эта система подверглась сначала критике, а затем пересмотру. Начальный этап отказа от старой топонимической системы и перехода к новой нашел отражение в докладных записках городского инженера Д. А. Вернера (1919).

В эпоху Революции и Гражданской войны в Омске появились топонимы, призванные закрепить в исторической памяти факт свершившейся революции как части мирового революционного процесса (Коммунистическая, 1920; Проспект Маркса, 1920; Ленина, 1920; Карла Либкнехта, 1920; Спартаковская, 1920; Пролетарская, 1921) и «вовлечение» Омска в эти процессы (Красный путь, 1920; ул. 5-й Армии, 1920). Омск периода перехода (1920-е) к социализму развивал и укреплял новую топонимическую революцию. Наименования улиц были посвящены не только революционным событиям: ул. 25 Октября (1921), ул. 1905 года (1923) и героям Революции: Декабристов (1923), Герцена (1920), Кропоткина (1921), Свердлова (1921), Плеханова (1923) и др., но и местным революционерам и героям Гражданской войны: Гусарова (1920), Лобкова (1921) и др.

Советский Омск (1930-е) был нацелен на воспроизводство советских праздников: ул. 1 Мая (1932), ул. 5 Декабря (1938), 20 лет РККА (1938)

¹ Улицы Омска города Омска: справочник. – Омск, 2008.

и устремлен в социалистическое строительство: ул. Беломорстроя (1935), Волховстроя (1935), Челюскинцев (1935), Дальневосточная (1938). Появились наименования улиц на актуальные «горячие» военно-политические события: Белорусская (апрель 1941), Карело-Финская (апрель 1941).

В годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945) в городе появляются улицы героев войны – ул. Бударина (1944). Это направление топонимики активно развивается в послевоенные годы (1945 – середина 1950-х). В Омске устанавливаются ул. Баранова (1948) и Гуртьева (1952). Продолжена линия политических наименований: Ялтинская (1954). XIX Партсъезда (1955), Проспект Мира (1955).

Советский Омск (конец 1950-х – начало 1980-х), как и вся страна, боролся за коммунизм (ул. XXII Партсъезда, 1962), побеждал на колхозных и совхозных полях (Агрономическая, 1958; Аграрная, 1962), устремился в космос (ул. Гагарина, 1961; Проспект Космический, 1962; Проспект Академика Королева, 1971; Проспект Комарова, 1977; бульвар Космонавтов, 1977).

Поздний советский город Омск (1980-е) переориентировался на местных героев войны (ул. Береженого, 1982; Дмитриева, 1983; Комкова, 1982; Лисицкого, Телегина) и труда (ул. Степанца, 1978; Штанина, 1998).

На исходе советской эпохи было принято решение Омского горисполкома № 135 «О возвращении исторических топонимов и названий улиц центральной части г. Омска» (27 марта 1990), его название говорит само за себя. Так, согласно этому постановлению ул. Веры Засулич была переименована (т. е. возвращено старое дореволюционное название) в ул. Ильинская. Вернулась на карты Омска и ул. Почтовая (1990).

В современной уже (постсоветской) топонимической системе сохранились остатки всех предшествующих исторических типов культурного ландшафта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алисов Д. А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.). – Омск, 2006.
2. Алисов Д. А. Городская цивилизация: этапы становления и развития (опыт научного поиска) // Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Барнаул, 12–13 ноября 2013 года). – Омск, 2013.

3. Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. – М., 1998.
4. Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурные характеристики (на материалах Западной Сибири) / Сибирский филиал Российского ин-та культурологии; Омское отделение межрегионального общества интеллектуальной истории; Отв. ред. В. Г. Рыженко. – Омск, 2004;
5. Рыженко В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект). – Омск, 2010.

Байдалы Рауан Жомартұлы,
*докторант PhD, старший преподаватель,
Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева,
Астана, Республика Казахстан,
e-mail: rbaidali@mail.ru*

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. ТУРЛЫБАЕВА
В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА**

В статье рассматривается жизнь и общественно-политическая деятельность Айдархана Турлыбаева в период гражданского противоборства.

Ключевые слова: гимназия; Санкт-Петербургский императорский университет; Омская судебная палата; Алаш; Сибирское областничество; комиссариат.

Rauan Zh. Baidaly,
*student PhD, L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Republic of Kazakhstan,
e-mail: rbaidali@mail.ru*

**POLITICALACTIVITYOFA.TURLYBAYEV
INPERIODOFCIVILCONFRONTATION**

In this article the author considered life and political activity of Aidarkhan Turlybaev in period of civil activity.

Keywords: gymnasium, Saint-Petersburg Imperial University, Omsk judicial chamber, Alash, Siberian regionalism, commissariat.

Одним из выдающийся казахских общественных деятелей был Айдархан Турлыбаев – активный участник национально-освободительного движения «Алаш» начала XX века. А. Турлыбаев родился 25 августа 1877 года в Акмолинской области Кокшетауского уезда Мезгильской волости. Его отец Турлыбай, заметив способности сына к учебе, отдал его в двухклассную русско-казахскую школу-интернат города Кокчетав. Затем Айдархан учится в Омской классической гимназии, которую успешно заканчивает

в 1897 году¹. Сразу после окончания гимназии А. Турлыбаев поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского императорского университета и 23 августа 1897 года пишет соответствующее прошение ректору о приеме². В 1902 году он окончил университет с дипломом I-й степени. Служебную карьеру начинает в Омской судебной палате. До революции Турлыбаев работает мировым судьей Тобольского, Томского и Омского окружного суда и присяжным заседателем³.

Турлыбаев активно включился в политическую жизнь после февральских событий. 2 марта 1917 г. в Омске состоялось объединенное заседание Городской думы и представителей общественных организаций, где был рассмотрен вопрос об организации нового органа власти – Омского коалиционного комитета. Заведующим казахским отделом в нем стал А. Турлыбаев [1, с. 273].

Турлыбаев участвовал в организации и проведении казахского съезда Акмолинской области, который проходил с 24 апреля по 7 мая 1917 в Омске⁴. В 1917 году он был одним из организаторов I Всеказахского съезда в Оренбурге, где была создана партия Алаш (21–28 июля 1917 г.). На съезде выдвигается требование территориально-национальной автономии в рамках Российской демократической федерации.

С 23 по 27 сентября в Омске происходил съезд представителей уездных киргизских исполнителей Акмолинской области, в котором председательствовали А. Турлыбаев и А. Сеитов⁵. В это время представители Алаш тесно поддерживали контакты с руководством областнического движения Сибири и приняли участие в работе созванного 8 октября 1917 г. Первого областного сибирского съезда в Томске. Турлыбаев избирается в Сибирский областной комитет от Акмолинской области⁶. Съезд обсудил вопросы о формах самоуправления, национальный, земельный, о создании общесибирского экономического совета и постоянно действующего областнического органа. 31 октября состоялось учредительное собрание Алаш в Омске с участием А. Букейханова, а 18 декабря 1917 г. газета «Казах» опубликовала состав Омского комитета, где А. Турлыбаев был указан председателем [2, с. 179–182]. Также Турлыбаев стал организатором

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 34521. Л. 29.

² Там же. Л. 20.

³ ГИАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1338. Л. 4.

⁴ Казахи Омского Прииртышья: энциклопедия. – 1 кн. – Омск, 2015. – С. 410–411.

⁵ Киргизский съезд // Степная речь. – 1917. – 6 окт. – № 226. – С. 3.

⁶ ГАТО. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

второго Всеказахского съезда, проходившего с 5 по 13 декабря 1917 г, где была образована Автономия «Алаш». Но участвовать в нем ему не удалось. Как свидетельствуют архивные документы, в это время он участвовал в работе Чрезвычайного Сибирского съезда, проходившем в г. Томске с 7–15 декабря 1917 г.¹ Тем не менее, Турлыбаев избирается членом Всекиргизского народного совета Алаш-Орда и выдвинут на пост ее председателя. Активно участвовал в создании милиции «Алаш», вместе с Х. Габбасовым, М. Тынышбаевым, Б. Маметовым. 28 июня 1918 г. приказом Западно-Сибирского Комиссариата Сибирского правительства назначается в Акмолинский областной комиссариат². Летом 1918 года Турлыбаев вступает в Омское отделение Союза возрождения России, и в сентябре этого же года избран гласным Омской городской думы [3, с. 170].

Таким образом, краткое исследование политической деятельности А. Турлыбаева по материалам исследователей и архивным документам дает понять, что он сыграл видную роль в истории Гражданского противостояния 1917–1920 гг. и внес большой вклад в развитие сотрудничества лидеров Алаш и областников Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жиренчин К. А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX веков. – Алматы: Жеті жарғы, 1996.
2. Аманжолова Д. А. Алаш: исторический смысл демократического выбора. – Алматы, 2013.
3. Шишкин В. И. Комиссары и управляющие Акмолинской области (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2006. – № 13.

¹ ГАТО. Ф. 578. Оп. 1. Д. 1. Л. 138.

² ГАРФ. Ф. 132. Оп. 5. Д. 808. Л. 1.

Балюнов Игорь Валерьевич,
*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник,
Тобольск, Тюменская область,
e-mail: balyunoff@mail.ru*

ТОБОЛЬСКАЯ ССЫЛКА ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ НИКОЛАЯ II.
ОТНОШЕНИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Отношение горожан к Романовым во время ссылки в Тобольске можно проследить на разных исторических источниках. Существовали как враждебные, так и благодушные настроения. Основная масса жителей была движима таким чувством как любопытство.

Ключевые слова: Тобольск; ссылка; Романовы; горожане.

Balyunov Igor Valerevich,
*Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Tobolsk historical and
architectural Museum-reserve,
Tobolsk, Tyumen region,
e-mail: balyunoff@mail.ru*

EXILE OF THE IMPERIAL FAMILY OF NICHOLAS II IN TOBOLSK.
THE ATTITUDE OF THE TOWNSPEOPLE

The citizens' attitude to the Romanovs in exile in Tobolsk can be traced on different evidence. Was both hostile and benevolent sentiments. The majority of residents showed a strong curiosity.

Keywords: Tobolsk, exile, Romanovs, townspeople.

Отречение от престола императора Николая II и последовавшая за этим ссылка его семьи в Тобольск являются важными событиями сибирской истории, которые продолжают вызывать не только интерес, но и многочисленные споры как специалистов, так и обывателей. Не претендуя на полноту освещения всех фактов ссылки и пребывания, хотелось бы отдельно остановиться на таком моменте как отношение местного населения к императорской семье. Следует отметить, что данная проблема в научной

литературе освещалась лишь попутно, когда не производилось сопоставления разных источников.

Достаточно показательно указанную тему иллюстрирует обстановка, в которой состоялось прибытие царской семьи в Тобольск. Бывший император пишет в дневнике 6-го августа: «На берегу стояло много народу, – значит, знали о нашем прибытии», и на следующий день добавляет: «Толпа продолжала стоять на шлюпочной пристани, ноги в воде, и убегала под крышу только тогда, когда шел дождь»¹. В газете «Сибирский листок» 13 августа сообщается, что чуть ли не весь Тобольск побывал в эти дни у пристани², хотя в заметке от 8 августа обозначено «публика состояла в большинстве из молодежи и обычных фланеров...»³. Следует отметить, что дом, предназначенный для проживания, не был готов, поэтому семья неделю обитала на пароходе, старательно прячась от любопытствующих взглядов. В газете описывается старушка, которая, по ее словам, была растрогана до слез тем, что «удостоилась» увидеть всех «их» в окне каюты. Вместе с тем звучали реплики: «...Дорого нам обойдется это развлечение, вот уж яйца стали 1 рубль десяток, а там, глядишь, и все прочее вздорожает!»⁴. Забегая вперед, можно привести слова комиссара В. С. Панкратова о том, что местные жители «стали жаловаться на непомерную скупку продуктов обитателями губернаторского дома» [1, с. 31].

Переезд в дом состоялся 13 августа, в раннее время, во время церковной службы, что позволило избежать скопления публики, однако позже появились группы любопытных. В. С. Панкратов пишет, что никакого паломничества со стороны горожан «с коленопреклонениями и без оных никогда не происходило. Все, что можно было заметить и наблюдать, так это простое любопытство, и то в ближайшие месяцы» [1, с. 22]. Напротив, П. Жильяр отмечает: «Вообще, жители Тобольска оставались очень привязаны к царской семье, и нашим стражам пришлось много раз не допускать стоять народу под окнами и не позволять снимать шапки и креститься при проходе мимо дома» [2, с. 226]. Как сообщалось в «Новом времени», тоболяки «только и ищут случая, как бы увидеть кого из этой семьи, потому что буквально изнывают от любопытства, не видавши никого из семьи со времени ее приезда»⁵. Капитан С. В. Аксюта сообщает

¹ Дневники императора Николая II. – М.: Орбита. 1991. – С. 647.

² Сибирский листок. – 1917. – № 95 (13 авг.). – С. 2.

³ Там же. – С. 1.

⁴ Там же. – С. 2.

⁵ Новое время. – 1917. – № 14868, 10 (23) сент. – С. 4.

«...Я приехал в Тобольск 18 сентября и до сих пор ни разу не видал никакой толпы около дома, да никаких толп и не собиралось» [3, с. 7]. Можно повторить слова В. С. Панкратова о любопытстве горожан «в ближайшие месяцы» и добавить, что до наступления холодов любопытство местных жителей «находило себе удовлетворение в том, что они могли видеть бывшую царскую семью на балконе» [1, с. 22]. Как пишется в «Новом времени» от 17 сентября: «...Публика привыкла уже к этому белому дому и только поворачивает голову, проходя по другой стороне, видя обычную картину. Есть любопытные, но их уже меньше»¹.

Весьма показателен случай, когда состоялось первое посещение местной церкви. Бывший император 8 сентября отмечает в своем дневнике: «...удовольствие было испорчено для меня той дурацкой обстановкой, при которой совершалось наше шествие туда. Вдоль дорожки городского сада, где никого не было, стояли стрелки, а у самой церкви была большая толпа! Это меня глубоко извело»². В. С. Панкратов отмечает любопытных тоболяков и тоболячек: «...Первые молчаливо провожали глазами своих бывших повелителей. Тоболячки же громко оценивали наружность, костюмы, походки» [1, с. 36]. Несколько иначе это описано в «Новом времени»: «...Вся процессия шла беглым шагом, низко опустив головы, торопливо оглядываясь только временем по сторонам, как будто тревожимая столпившейся публикой, которая хранила мертвую тишину»³. Характеризуя посещение храма, П. Жильяр пишет: «...На пути туда или обратно мне часто случалось видеть людей, которые крестились или падали на колени при проходе Их Величеств» [2, с. 226].

Бывший император в своем дневнике назвал В. С. Панкратова «цензором нашей переписки»⁴, на нем лежала обязанность «неприятная и даже противная» просматривать корреспонденцию [1, с. 25]. Поступали послания грязного и оскорбительного содержания, как пишет В. С. Панкратов: «Все это были анонимки от разных лиц. Многие письма были местного производства» [1, с. 34].

Подводя общий итог, можно констатировать, что горожане, тем более в те дни, не были единодушны в своем отношении к Романовым. Были как настроенные крайне враждебно, так и наоборот, относящиеся к царской семье со всем пиететом. Однако, как можно заключить, основная масса жителей была движима таким чувством как любопытство.

¹ Новое время. – 1917. – № 14874, 17 (30) сент. – С. 5.

² Дневники императора Николая II. – М., 1991. – С. 652.

³ Новое время. – 1917. – № 14874, 17 (30) сент. – С. 5.

⁴ Дневники императора Николая II. – М.: Орбита. 1991. – С. 651.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панкратов В. С. С царем в Тобольске: Из воспоминаний. – М., 1990.
2. Жильяр П. Император Николай II и его семья. – Вена, 1921.
3. Аксюта С. В. Тобольские узники // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – № 218, 7 (20) нояб.

Бурнашев Эдуард Григорьевич,
*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник,
Тобольск, Тюменская область,
e-mail: stormy.86@mail.ru*

АМНИСТИЯ МАРТА 1917 Г. В ТОБОЛЬСКЕ

Свершившаяся Февральская революция в Российской империи завершилась победой народного движения, ознаменовавшейся падением самодержавия. 2 марта 1917 г. Николай II подписал отречение от престола, в том числе и от имени своего сына, в пользу брата Михаила Александровича. Великий князь, будучи убежденным, что дальнейший политический режим в стране должен был быть определен народом, до созыва Учредительного собрания передал бразды правления Временному правительству. Так начался восьмимесячный период хаоса и упадка в государстве, обусловленный нерешительностью, безответственностью и беспомощностью новой власти.

Ключевые слова: революция; Временное правительство; император Николай II; Керенский; гражданский губернатор; амнистия; политические заключенные; Тобольск; каторжная тюрьма.

Burnashev Eduard Grigorevich
*Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Tobolsk historical and
architectural Museum-reserve,
Tobolsk, Tyumen region,
e-mail: stormy.86@mail.ru*

AMNESTY OF MARCH 1917 IN TOBOLSK

The come true February revolution in the Russian Empire has come to the end with the victory of people's movement which was marked by falling of autocracy. On March 2, 1917 Nicholas II has signed renunciation of a throne including on behalf of the son, in favor of the brother Mikhail Aleksandrovich. The grand duke, being convinced that the further political regime in the country had to be defined by the people, before convocation of the Constituent assembly has handed over the reins to Provisional government. The eight-months period

of chaos and decline in the state caused by indecision, irresponsibility and helplessness of the new power has so begun.

Keywords: revolution; Provisional government; Emperor Nicholas II; Kerensky; civil governor; amnesty; political prisoners; Tobolsk; unbearable prison.

Установленное в России Временное правительство незамедлительно, в качестве обозначения твердости своих политических позиций и определения дальнейших действий, 3 марта 1917 г. опубликовало Декларацию, первым пунктом в которой значилась – «Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным...»¹. В результате данного решения, которое, по мнению новых власть предержащих, должно было свидетельствовать о наступлении иной лучшей жизни, по всей стране на свободе оказалось порядка 90 тысяч человек, которых в истории отметили, как «птенцов гнезда Керенского».

Сам Александр Федорович Керенский, экс-премьер Временного правительства России, в 1964 г., в Нью-Йорке, дал необычайно ценное с исторической точки зрения интервью сотруднику Русской секции «Radio Canada» светлейшему князю Александру Андреевичу Ливену, в котором отметил, что первым мероприятием новой власти была – «...очевидно гениальная амнистия».

Вполне естественно, что высоко оцененное Керенским политическое решение главным образом повлияло на Сибирскую каторгу и ссылку, не пройдя мимо губернского центра – Tobolska.

По воспоминаниям Tobolsкого губернатора Николая Александровича Ордовского-Танаевского, телеграмма о предстоящем освобождении узников была получена из столицы 2 марта 1917 г. В сообщении министром юстиции Временного правительства было предписано выпустить всех политических арестантов из тюрем, а также позаботиться о проезде их в Петербург или в места, куда они пожелают.

На следующий день, в 7 часов утра, губернатор лично отправился в Tobolsкую каторжную тюрьму № 1, где, посетив камеры с политическими заключенными, озвучил решение новой власти о скором их освобождении. Кроме того, от узников он взял обещание не инициировать в городе волнений и беспорядков.

Для дальнейших быстрых и эффективных действий требовались значительные средства. Ввиду того, что финансирование из столичной казны,

¹ Декларация Временного правительства о его составе и задачах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/1471/> (Дата обращения – 2.06.2017).

необходимое для осуществления предписываемой амнистии, предусмотрено центральной властью не было, тобольским губернатором 3 марта 1917 г. было назначено совещание, на которое созывалось местное купечество и представители городского управления [3, с. 443].

Участниками совещания были определены первоочередные шаги по вышеозначенному направлению: во-первых, предоставление помещений для расселения освобожденных; во-вторых, сбор необходимых средств на их содержание. По личному обращению губернатора из городской казенной палаты были выделены денежные средства вне официальных смет. Местное Купеческое общество из кассы своего объединения ассигновало в пользу амнистированных каторжан 1000 рублей, кроме того, все присутствовавшие на заседании предприниматели от себя лично пожертвовали денежных средств на общую сумму 810 рублей¹. В тот же день прокурор и председатель суда города приступили к освобождению первых арестантов. С политических заключенных Тобольской каторжной тюрьмы № 1 были сняты кандалы.

В дальнейшем, несмотря на то, что указ Временного правительства об амнистии был подписан, а, соответственно, приобрел юридическую силу только 6 марта 1917 г., еще утром 4 марта из Тобольской каторжной тюрьмы № 1 были освобождены первые 98 заключенных². При выходе из тюрьмы бывших узников ждала торжественно настроенная публика, собравшаяся из представителей городской администрации, интеллигенции, учащихся и иного сочувствующего заключенным населения. Освободившимся арестантам была дана возможность отправить за казенный счет телеграммы родственникам, а уже через несколько дней все они получили личные документы.

Местная пресса 8 марта 1917 г. уведомляла о первых, отбывающих из города сухопутным путем, политкаторжанах в количестве 48 человек³. Однако основная масса освободившихся заключенных (более 100 человек) ожидала раскрытия ото льда реки Иртыш, чтобы первым пароходом отправиться до ближайшей железнодорожной станции в город Тюмень. Так как подвижка льда в указанном году произошла только 13 апреля, более месяца содержание политических заключенных лежало на доле городской администрации и общественности.

Для того чтобы прием пожертвований не выглядел только как акт подаяния, в городе осуществлялись и иные формы сбора средств.

¹ Сибирский листок. – Тобольск, 9 марта 1917. – № 29. – С. 2.

² Сибирский листок. – Тобольск, 7 марта 1917. – № 28. – С. 4.

³ Сибирский листок. – Тобольск, 9 марта 1917. – № 29. – С. 2.

В воскресенье, 12 марта, в пользу освобожденных узников, в аудитории народного дома был поставлен спектакль на пьесу Леонида Андреева – «Дни нашей жизни», разыгранную любителями драматического искусства. В зале был аншлаг, и сам театр был переполнен. Перед началом спектакля военный духовой оркестр исполнил «Марсельезу». После чего объединенный хор освобожденных арестантов, гимназистов, семинаристов и ученик фельдшерской школы исполнил революционный гимн¹. Необходимо отметить, что амнистированные заключенные не оставались только в качестве сторонних наблюдателей, а принимали активное участие в инициированных городской интеллигенцией мероприятиях.

Результатом подобных инициатив становилась не только материальная составляющая (только благодаря спектаклю было собрано 2419 рублей), которая сделала возможным длительное пребывания в городе бывших узников, но и необходимая для получивших долгожданную свободу людей нравственная поддержка.

В среду, 19 апреля, в Тобольск пришел пароход Западно-Сибирского товарищества – «Комета», на котором 23 апреля освободившиеся политкаторжане начали свой путь домой².

Государственные преобразования в области пенитенциарной системы отразились в Тобольске и менее позитивными последствиями. Помимо указа об общей политической амнистии, Временным правительством 14 марта 1917 г. было издано постановление о воинской амнистии, а 17 марта – постановление «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления».

В этой связи в Тобольске 22 марта 1917 г. была произведена амнистия заключенных, отбывающих срок по уголовным статьям в каторжных тюрьмах и арестантском отделении. По случаю освобождения данных узников не было создано ни одного собрания. Арестанты, оказавшись на свободе, были предоставлены сами себе. В местной прессе отмечалось, что на улицах города повсеместно можно было встретить людей, облаченных в тюремную одежду, от которых местные граждане, особенно женского пола, старались поскорее ретироваться³.

В результате, по подсчетам исследователя истории Тобольской каторги, А. П. Михеева, с марта по июнь 1917 г. только Тобольскую каторжную тюрьму № 1 покинули 709 арестантов, а на 1 июля в ней оставалось отбывать наказание всего 79 заключенных, которых в скором времени также

¹ Сибирский листок. – Тобольск, 14 марта 1917. – № 31. – С. 2.

² Сибирский листок. – Тобольск, 20 апреля 1917. – № 46. – С. 2.

³ Сибирский листок. – Тобольск, 23 марта 1917. – № 35. – С. 2.

ждало освобождение [1, с. 233]. В мае 1918 г. решением исполкома местной власти Тобольская каторжная тюрьма № 1 была упразднена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михеев А. П. Тобольская каторга. – Омск, 2007.
2. Керенский А. Ф. (1964) Мой 1917-й [Беседа с сотрудником Русской секции Radio Canada Александром Андреевичем Ливеном] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2013/270/k16.html/> (Дата обращения – 12.05.2017).
3. Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания (жизнеописание мое). – Simbach-am-Inn – Caracas, М.-СПб, 1948–1993.

Джумагалиева Куляш Валитхановна,
*кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры истории Казахстана,
Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина,
Астана, Республика Казахстан,
e-mail: d_kylash@mail.ru*

Аубакирова Хадиша Алькеевна,
*кандидат исторических наук, декан гуманитарного факультета,
Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина,
Астана, Республика Казахстан,
e-mail: hadishaaubakirova@mail.ru*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ ПАРТИИ «АЛАШ» В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена революционным событиям 1917 года и гражданской войны. В указанный период особенной заметной и значительной была роль партии «Алаш». В нынешнем году отмечается 100-летие образования данной партии. Многие лидеры этой партии составляли цвет национальной интеллигенции казахского народа. Политическая позиция лидеров партии в период революционного становления государства впоследствии отразилась на их судьбе. Роль и значимость деятельности данной партии имеет огромное значение и в настоящее время. Их идеи, не нашедшие воплощения в тот период революционных событий, актуальны и сейчас.

Ключевые слова: Алаш; политические партии; революции 1917 года; гражданская война; национальная интеллигенция; политическое сознание.

Dzhumagalieva Kulyash Valitkhanovna,
*Candidate of historical sciences, senior lecturer of the department of history of
Kazakhstan, Kazakh Agrotechnical University. S. Seifullina,
Astana, Republic of Kazakhstan,
e-mail: d_kylash@mail.ru*

Aubakirova Khadisha Alkeevna,
*Candidate of historical sciences, dean of the humanitarian faculty,
Kazakh Agrotechnical University. S. Seifullina,*

THE POLITICAL ALASH PARTY LEADERS DURING REVOLUTIONS AND CIVIL WAR

Article is devoted to revolutionary events of 1917 and civil war. The role of Alash party was special during the specified period noticeable and considerable. This year is celebrated the 100 anniversary of formation of this party. Many leaders of this party made color of the national intellectuals of the Kazakh people. Political position leaders of party during revolutionary formation of the state were reflected in their destiny subsequently. The role and the importance of activity of this party have huge value and now. Their ideas which didn't find embodiments during this period of revolutionary events are actual and now.

Keywords: Alash; political parties; revolutions of 1917; civil war; national intellectuals; political consciousness.

Политические события Первой буржуазной революции 1905–1907 гг., а затем последовавшие другие революционные события, привели к повышению национального самосознания многих окраин Российской империи. Среди них был и Казахстан. В начале XX столетия активизируется политическая деятельность передовой казахской интеллигенции. Начинают создаваться первые политические партии и движения в регионе.

Одними из первых политических партий становятся «Алаш» и «Уш жуз». В ходе революционных событий формируются три основных политических направления. Первое направление составляет передовая национальная интеллигенция, большая часть которой получила образование в вузах Российской империи. Они концентрируются вокруг нового печатного органа – газеты «Казах». Лидеры партии «Алаш» активно выступали за автономию Казахстана, видя только в ней будущее своего народа.

Второе направление носило духовный характер, объединив в своих рядах часть радикальной интеллигенции и духовенство. Основным центром становится южный Казахстан. Так образовались две партии «Шура-ислами» и «Шура-улема». Какой-то период времени с идеями этих двух партий созвучны были и взгляды партии «Уш жуз». Однако после раскола внутри партии осенью 1917 года сформировалось большевистское направление, закончившееся окончательным формированием партии «Уш жуз», которое возглавил К. Тогусов. Именно данная партия стала основным

оппозиционером партии «Алаш». В годы Гражданской войны «Уш жуз» активно выступало на стороне Советской власти. После ареста и расстрела К. Тогусова белогвардейцами партия распалась.

Наиболее значимую роль в общественно-политической жизни Казахстана в течение 1917–1920 гг. играла партия «Алаш». Лидеры партии участвовали в ходе всех революционных событий. В процессе установления Советской власти было создано правительство «Алаш» и на юге Советская Туркестанская (Кокандская) автономия. Стремление алашских лидеров к независимости в лице автономии вызвало недовольство и отрицательную реакцию Советов. Президентом и главой Временного правительства был избран М. Тынышбаев. В тоже время в ноябре 1917 года в Ташкенте по решению Краевого съезда Советов была провозглашена Советская Туркестанская автономия. Однако представители местного населения и передовая интеллигенция были отстранены от управления и руководства регионом. Ташкентское правительство не хотело признавать оппозиционное мусульманское правительство. В ноябре 1918 года при поддержке вооруженных сил и казачьих частей Кокандская автономия была разгромлена и потоплена в крови.

В годы Гражданской войны лидеры партии «Алаш» перешли на сторону белогвардейцев, сблизившись с атаманом Дутовым. Алашевцы планировали создание Алашской автономии. В ее состав должны были войти ряд областей Казахстана. Для управления избиралось правительство Алаш-Орда. Председателем стал А. Бокейханов. Правительство состояло из отделений – Восточного и Западного. Центром Восточного стал Семипалатинск, которое возглавил А. Бокейханов. Братья Досмухамедовы стали во главе Западного отделения. Действия партии «Алаш» вызвали недовольство большевистской власти.

В конце Гражданской войны алашевцы в процессе переговоров с Советской властью, после встречи с Лениным, пришли к соглашению и перешли на сторону Советов. Но доля недоверия к ним все же сохранялась. В 20–30-е годы в период политических репрессий многие члены партии «Алаш» были репрессированы в числе первых.

Долгова Анжела Валерьевна,
кандидат исторических наук, ведущий специалист,
Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка,
Москва,
e-mail: angela_dol@mail.ru

**КАДРОВЫЙ ВОПРОС В ОРГАНАХ ВЛАСТИ ПО БОРЬБЕ
С ДЕЗЕРТИРСТВОМ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

В статье рассматривается кадровая проблема в органах власти по борьбе с дезертирством в годы Гражданской войны в Пермской губернии. В связи с тем, что центральные губернии были менее удобными для крестьян-дезертиров, в Пермской губернии борьба с дезертирством отличалась жестокостью и носила затяжной характер. Нехватка финансовых средств, оружия, транспортная проблема, географические и климатические особенности региона осложняли борьбу с дезертирством.

Ключевые слова: дезертирство; Гражданская война; военные комиссариаты; Пермская губерния; крестьяне; комдезертиры.

Dolgova Angela Valerievna,
PhD in history, leading expert of Federal Service for
the Regulation of the Alcohol Market,
Moscow,
e-mail: angela_dol@mail.ru

**THE PERSONNEL PROBLEM IN AUTHORITIES TO COMBAT
DESERTION DURING THE CIVIL WAR IN PERM REGION**

The article is devoted to the personnel problem in authorities to combat desertion during the Civil War in Perm region. Considering that central provinces were less convenient for peasants-deserters struggle against desertion distinguished by cruelty and protracted. Financial stress, weapon, transportation problem, geographic and climate features complicated struggle against desertion.

Key words: desertion, the Civil War, military commissariats, Perm region, peasants, komdezertity.

В годы Гражданской войны с каждым днем все очевиднее становилась необходимость создания специальных чрезвычайных органов, которые бы занимались борьбой с уклонением от мобилизации и дезертирством. По быстро укоренившейся большевистской традиции в качестве оптимальной закрепились организационная форма в виде комиссии, и такими органами стали губернская, уездные и волостные комиссии по борьбе с дезертирством («комдезертиры»).

Сотрудники Пермской губернской комиссии по борьбе с дезертирством (губкомдезертир) не знали местных условий, будучи оторванными от реальной обстановки на местах, слепо воспроизводили директивные документы московского центра, вследствие чего контроль и отчетность носили формальный характер. У населения вызывали пересуды нерусские фамилии руководителей: Эпштейн, Олин и др. Все это вместе взятое делало неустойчивым положение сотрудников комдезертиров и военкоматов, в связи с чем была кадровая текучка. Так, на протяжении 15 месяцев сменилось порядка десяти председателей Осинской уездной комиссии по борьбе с дезертирством (уездкомдезертир), один из них был арестован за ложную сводку в докладе Окружной комдезертир¹.

Отдаленность уездов, разрушенное хозяйство в целом и транспорт в частности, трудности с финансированием создавали дополнительные серьезные препятствия в организации борьбы с дезертирством. Зарплата выдавалась не всегда полностью и два раза в месяц: многие работники комиссий и военные комиссары едва сводили концы с концами. Требовательные ведомости на выдачу зарплаты служащим комдезертир за первую половину октября 1919 г. показывают следующее: председатель Осинской уездной комдезертир А. Г. Филаретов из 1414 руб. получил положенные 707 руб., а вот члены комиссий – И. С. Козич и М. Д. Полеслов – вместо 1414 руб. получили всего 235 и 282 руб. соответственно².

Качество выполняемой работы сотрудников уездных учреждений, судя по многочисленным приказам, не удовлетворяла председателя губкомдезертир. Будучи членом Осинской уездкомдезертир, И. С. Козич Приказом Пермской губкомдезертир № 26 от 25 октября 1919 г. «за неправильные действия и грубое обращение с населением во время Карьевского восстания» был отстранен от должности и передан под суд Ревтрибунала³.

Председатель Пермской губкомдезертир Антипов вел жесткую политику не только по отношению к нерадивым кадрам. Именно он назначал

1 ГАПК. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 544. Л. 7 об.

2 ГАПК. Ф. Р-358. Оп. 2. Д. 20. Л. 50.

3 ГАПК. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 535. Л. 31.

председателей уездкомдезертир из числа сотрудников уездных военкоматов, уездной компартии, и осуществлял ротацию кадров, отдавал под суд Ревтрибунала или отправлял в армию, но на основании постановлений губернской компартии и показаний уполномоченного при губкомдезертир. Некоторые работники на местах, чувствуя, что не справляются и, опасаясь суда, сами просили отправить их на фронт, так как, по их мнению, там они «принесут больше пользы»¹.

То, что работники комдезертиров или другие служащие советских учреждений были малограмотными и потому не справлялись со своими обязанностями, – не более чем предположение. Многие обладали безупречной репутацией для того, чтобы там работать, так как ранее имели принадлежность к компартии и к службе в рядах Красной Армии. Помимо общего образования, у них было военное. Карьеру начали еще до Октябрьской революции. Так, например, председатель А. П. Ворожцов прошел путь от председателя дивизионной комиссии до комиссара Пермского окружного совета, командира батальона и начальника мобилизационного отдела Осинского военного комиссариата². Но приказом Пермской губкомдезертир № 26 от 25 октября 1919 г. «за халатное отношение к обязанностям службы и за неисполнение личного распоряжения председателя губкомдезертир» был отстранен от должности и передан в распоряжение уездного военкомата для зачисления в войсковую часть»³.

Важнейшими факторами повышения действенности работы пермских комдезертиров стали улучшение их кадрового состава, рост опыта и ответственности работников. Судя по пермским борцам с дезертирством, в этом новом типе работников резко преобладала молодежь – молодые революционеры, романтики, одержимые идеей построить новое общество и готовых отдать жизнь за «правое дело». Эти яркие личности заражали окружающих своим энтузиазмом, энергией, высокой работоспособностью. Голод, болезни, финансовые и материальные трудности в условиях напряженной работы их не останавливали.

Частая смена кадров была обычным явлением и мешала повышению действенности работы. Об этом свидетельствует журнал протоколов Пермской губкомдезертир. В него внесены очень характерные, яркие записи: «Член Усольской уездкомдезертир товарищ Бажин Павел Сергеевич помер в Пермской психиатрической лечебнице 15 ноя-

1 ГАПК. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 528. Л. 323, 323 об.

2 ГАПК. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 530. Л. 53.

3 ГАПК. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 535. Л. 31.

бря 1919 года, а потому исключается из списка комдезертир с того же числа»¹.

Таким образом, одной из причин частой смены председателей уездных и волостных комиссий была высокая требовательность и жесткость в принятии кадровых решений, характерные для председателя губернской комдезертир Антипова. Естественно, его подчиненные видели в этом, прежде всего, отрицательные последствия. Так, в марте 1920 г. председателем Осинской уездной комдезертир отмечалось, что «главным тормозом работы» является частая смена как председателей, так и членов комиссии: «Только что вступивший председатель или член начинает налаживать работу комиссии, отстраняется от должности, а его заместителю приходится вновь знакомиться с делом и постановкой комиссии»².

Вместо прежних работников приходили новые, чаще всего мало знакомые с основами делопроизводства, обучать которых было некому. Дела велись наспех, запускались, складировались до тех пор, пока не приходил новый работник, и все начиналось сначала. С другой стороны, ведением дел заниматься не было ни времени, ни желания. Шла война – остро ощущалась нехватка продовольствия, и условия работы были небезопасными. Вот и стремились многие работники военных комиссариатов или комиссий под любым предлогом уйти с занимаемых должностей. Тем не менее, вышестоящее руководство выдвигало жесткие требования и привлекало к ответственности нерадивых работников. Путем непрерывной политической работы и частой смены кадров борьба с дезертирством велась проверенными, подготовленными и опытными работниками.

1 ГАПК. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 544. Л. 3.

2 ГАПК. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 550. Л. 7 об.

УДК 94(47)

Елизарова Наталья Владимировна,

*кандидат исторических наук, заведующий редакционно-издательским
отделом, Омский государственный историко-краеведческий музей,*

Омск,

e-mail: elizarova_nv@mail.ru

МИФЫ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В КИНО

В статье исследуются некоторые политические мифы, интерпретирующие революционные события 1917 года, в контексте советского кинематографа.

Ключевые слова: революция 1917 года; политический миф; советский кинематограф.

Elizarova Natalia Vladimirovna,

*Candidate of historical sciences, head of the editorial and publishing
department of the Omsk State Historical and Local History Museum,*

Omsk,

e-mail: elizarova_nv@mail.ru

MYTHS OF THE 1917 REVOLUTION IN CINEMA

The article explores some political myths that interpret the revolutionary events of 1917, in the context of Soviet cinema.

Key words: revolution of 1917; political myth; Soviet cinematography.

Французский социолог Гюстав Лебон писал: «Все наши художественные, политические или социальные понятия непременно носят на себе могущественный отпечаток иллюзий» [1, с. 230]. Зная механизмы формирования и функционирования психологии масс, подбираются и соответствующие рычаги управления ими. Одним из таких рычагов является политический миф. По определению А. Цуладзе, «политический миф – это миф, используемый для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства» [2, с. 56]. Руководители Советского государства, понимая пропагандистскую силу искусства, эффективно использовали кинематограф при создании политических мифов. Кинематограф в качестве важнейшего средства

агитации и пропаганды рассматривал В. И. Ленин. Так, в беседе с А. В. Луначарским в 1922 г. вождем революции заявлял, что «... из всех искусств для нас важнейшим является кино» [3, с. 27].

Целую россыпь политических мифов демонстрирует фильм «Октябрь» С. Эйзенштейна. Для того чтобы приблизить художественный вымысел к факту, режиссер отказался от профессиональной актерской игры, взяв на роли исполнителей «с улицы» (к примеру, В.И. Ленина играет рабочий В. Никандров). В фильме весьма колоритно показан штурм Зимнего, когда огромная людская лавина несется от арки Главного штаба через Дворцовую площадь к парадным воротам. Сцена стала хрестоматийной и вошла во все школьные учебники по истории, хотя никакого отношения к реальности эти кадры не имеют. Но именно благодаря визуальной массовости штурма был реализован один из ключевых мифов Октябрьской революции 1917 г. По верному наблюдению О. Романовой, «в «Октябре» толпа превращается в «революционную массу», которая переламывает ход истории» [4]. На многочисленные отступления от реальности Эйзенштейну указывали современники. В частности О. Брик считал некорректным развитие темы «Женского батальона смерти» в гротесково-сатирической манере; тем более что защитницы Зимнего не играли в октябрьских событиях какой-то существенной роли. Плакатными и лживыми были названы сцены, в которых матросы препятствуют населению грабить царский винный погреб и разбирают груды бутылок, поскольку борьба матросов за винные погреба после переворота стала притчей во языцех. Подчеркивая искусственную природу многих сюжетных линий фильма, Э. Шуб в критической статье «Эта работа кричит» писала: «Нельзя, чтобы миллионы крестьян и рабочих, не участвовавших в боях, чтобы наша смена – комсомол и пионеры – думали, что именно по «Октябрю» Сергея Эйзенштейна и Александра произошли события тех великих дней. В таких вещах нужна историческая правда, факт, документ и величайшая строгость выполнения – нужна хроника» [5, с. 142]. Однако именно в фильме «Октябрь» заложены предпосылки для создания советской канонической версии революции 1917 г.

Фильм М. Ромма «Ленин в Октябре» заложил основу для еще одного политического мифа: у революции два вождя – великий Ленин и его ближайший соратник Сталин. Чрезвычайно обаятельный образ вождя пролетариата создал актер Б. Щукин. Именно таким – простым, человечным – будет в последствие восприниматься советскими гражданами Ленин. В фильме появляются и так называемые предатели – Л. Каменев и Г. Зиновьев. По ходу того как менялись политические приоритеты в высших

эшелонах власти, в фильм вносились коррективы, работающие на усиление той или иной версии. Так, после смерти Сталина и разоблачения культа личности, М. Ромм вырезал из киноленты все сцены, где тот был главным действующим лицом и перемонтировал фильм.

Если говорить о том, какие мифы нашли отражение в зарубежной кинематографии, то наиболее ярким из них, к воплощению которого на экране прибегали многие известные режиссеры, является миф о спасении Великой княжны Анастасии Романовой. После кровавого убийства царской семьи в доме Ипатьева в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. поползли слухи, что одной из царских дочерей чудом удалось выжить. В последствие существовало порядка 30 самозванок, выдававших себя за Анастасию. Западные мифотворцы не могли не воспользоваться этой историей для того, чтобы лишний раз затронуть вопрос о легитимности новой власти в России.

Краткий анализ советской и зарубежной фильмографии, в которой нашли отражение революционные события 1917 г., позволяет выявить, что миф активно использовался в качестве политического инструмента в кинематографе. В России родоначальником использования мифа в кино как политического инструмента был В. И. Ленин. Исторические события 1917 г., искусно обыгранные на экране, служили фундаментом для создания мифа о новом справедливом государстве – Советском Союзе. Анализ упомянутых выше фильмов позволяет увидеть динамику развития мифа: от захвата власти разгневанными народными массами до управления революционным движением сверхчеловеком с мессианской целью, то есть мы можем проследить истоки формирования культа личности вождей – В. И. Ленина и И. В. Сталина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебон Г. Психология масс. – Минск, 2000.
2. Цуладзе А. Политическая мифология. – М., 2003.
3. Кино в дореволюционной России (1896–1917). Становление и расцвет советской кинематографии (1918–1930). – М., 1992.
4. Романова О. «Октябрь» Эйзенштейна: между художественным произведением и мифом о революции: [Электронный ресурс] // Уроки истории. XX век. – Режим доступа: <http://urokiistorii.ru/learning/method/2549> (дата обращения – 10.06.2017).
5. Шуб Э. Эта работа кричит [Статья 1928 г.] // Шуб Э. Жизнь моя – кинематограф. – М., 1972.

Запорожченко Галина Михайловна,

*доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск,
e-mail: galinakoop@yandex.ru*

РОЛЬ КООПЕРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭЛЕМЕНТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Опыт самоорганизации населения в кооперативных потребительских организациях в начале XX в. рассматривается как основа процесса формирования социально активной личности и элементов гражданского общества. Изучается деятельность кооперативного клуба Омского потребительного общества в 1915–1916 гг. Подчеркивается важное значение клубных мероприятий для проявления новой идентичности кооператоров, связанной с принадлежностью к той части городской общественности, которая активно создавала новую динамичную культурно-деловую среду.

Ключевые слова: потребительская кооперация; гражданская идентичность; гражданское общество; Сибирь.

Zaporozhchenko Galina Mihailovna,

*Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History of
the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk,
e-mail: galinakoop@yandex.ru*

THE ROLE OF COOPERATION IN FORMATION OF CIVIL IDENTITY AND CIVIL SOCIETY

The experience of self-organization of the population in consumer cooperative organizations at the beginning of the XX century is considered as the basis of the process of formation of socially active person and elements of civil society. We study the cooperative activities of the Omsk consumer society in 1915-1916. Highlighted the importance of co-op club's events for the manifestation of the new identity of cooperators associated with belonging to that part of the urban community, which has created a new dynamic cultural and business environment.

Key words: consumer cooperation; civil identity; civil society; Siberia.

Изучение опыта самоорганизации населения в кооперативных потребительских организациях в начале XX в. раскрывает процесс формирования социально активной личности, гражданской идентичности и элементов гражданского общества. Исследование опыта самоорганизации и самодеятельности населения востребовано в современной России, где демократия и гражданское общество находятся в становлении. Теоретически кооперативные формы социально-экономической деятельности можно рассматривать в качестве институтов гражданского общества благодаря тому, что в социальной системе они выполняют свойственный гражданскому обществу комплекс функций: 1) функцию адаптации как способности к защите от внешних возмущающих воздействий, 2) функцию целедостижения как способности к эффективному взаимодействию с внешней средой и снятию социальных напряжений на основе мирных консенсусных средств,³⁾ функцию интеграции как ресубъективизации агентов социального действия и превращения их из объектов социальных воздействий и манипуляций в социальных субъектов.

Гражданская идентичность является симптомом и в то же время движущей силой зарождающегося гражданского общества и состоит из трех динамических компонент: самоконцепт (совокупность представлений, формируемых самой же личностью); ощущение самоценности (эмоциональная верификация этих представлений); контрольное убеждение в собственной действенности. Коллективная идентичность равным образом конструируется в социальном контексте на базе, с одной стороны, доверия и солидарности, с другой – обозначением границы между коллективом и внешним по отношению к нему миром, что сопровождается производством значимых символов и атрибутики. Подобная конструкция солидарности и размежевания имеет предпосылкой социальную дифференциацию и контроль над ресурсами (доступ к общественным благам, рынкам и т.п.) [1, с. 14–15, 22–23].

Потребительские кооперативы укреплялись в социально-экономической структуре городских поселений Сибири, начиная с 1912 г. По мере нарастания торговых оборотов кооперативы занимали все больше места в жизни пайщиков, охватывая все ее стороны. Создаваемые кооперативами площадки для общения и культурного досуга вносили в социокультурную жизнь сибирской провинции стандарты быта и нравов, присущие крупным городским центрам. Получили развитие передовые для того времени идеи внешкольного образования, благотворительности, народных домов

и кооперативных клубов как центров местной кооперативной и культурной жизни. Наиболее успешно кооперативный клуб работал в Омске. Он вырос из систематически проводимых с конца 1915 г. «кооперативных четвергов», которые устраивались культурной комиссией Омского городского потребительного общества совместно с музыкально-драматическим обществом, включали тематическое и развлекательное отделения. Мероприятия собирали по сто и более участников и зрителей, начинались и заканчивались хоровым исполнением кооперативного гимна. Местные газеты отмечали, что «кооперативные четверги» имели большой успех публики¹.

Один из клубных дней в мае 1916 г. был посвящен первой годовщине кооператива и праздновался как «День кооперации». План культурных акций разрабатывался с привлечением музыкально-драматического и педагогического обществ. Контору, магазины и хлебопекарню кооператива украшали белые флаги, символизировавшие идею кооперативного единения, и плакаты агитационного содержания. Несколько праздничных номеров газеты «Лучи» содержали статьи по истории кооперации и развитию кооперативного движения в Омске.

Завершился праздник кооперативным вечером с традиционным лекционным отделением и спектаклем. Лишь запланированное шествие с флагами членов общества и их детей на пикник с чаепитием в загородную рощу не было разрешено администрацией. Несмотря на то, что часть членов отсутствовала на кооперативном мероприятии из-за его совпадения с празднованием Троицы, большинство сделало выбор в пользу своей организации. Так спонтанно проявилась их новая идентичность, связанная с принадлежностью к той части городской общественности, которая активно создавала новую динамичную культурно-деловую среду. При обсуждении доклада, с которым на празднике выступил председатель Омского общества потребителей А. Н. Гладышев, высказывались пожелания о расширении культурной программы кооператива².

Потребительская кооперация как крупное общественное движение способствовала пробуждению социальной активности населения и продвижению в сознание и повседневную практику городской общественности ценностей и норм гражданского общества. В кооперативах устанавливались тесные контакты между большими группами горожан, преодолевалось сословное, территориальное и коммуникативное разобщение,

¹ ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 11–12. Омский телеграф. – 1916. – 4 февр., 16 нояб.; Степной край. – 1916. – 7 февр.; Иркутский кооператор. – 1916. – № 5–6. – С. 281.

² Омский телеграф. – 1916. – 13, 21, 24, 26, 28 мая, 1 июня.

формировалась новая ментальность, связанная с самостоятельностью на основе свободного осознанного выбора. Атрибутика (флаги, эмблемы, лозунги, гимн) выполняли консолидирующую функцию и обозначали положительный смысл социальной активности. Досуговые мероприятия, вовлекая членов семей пайщиков и посторонних участников, сплачивали местное сообщество. Участие горожан в кооперации способствовало формированию качественно новой гражданской и индивидуальной идентичности личности с характерным для модернизации рациональным типом мировосприятия – преодолевающей патерналистские ожидания, способной к сотрудничеству и новаторским решениям.

В период Советской власти кооперация сохраняла важное экономическое значение для своих участников, однако подвергнувшись полному огосударствлению, являлась лишь орудием власти для достижения политических целей. Государственная власть упрощенно гипертрофировала необходимость управляемости, контролируемости и предсказуемости социума. Развитие гражданского общества как стихийно порождаемого многообразного и разноразмерного комплекса социальных отношений, практик и институтов было заблокировано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пиетров-Эннкер Б., Ульянова Г. Н. Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепции книги // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. – М., 2007.

УДК 94(571)

Кабакова Наталья Васильевна,
*кандидат исторических наук, доцент кафедры общей экономики и права,
Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет,
Омск,
e-mail: natalya-kabakova@rambler.ru*

«В ТАКОЕ ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ Я РОДИЛСЯ»*

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 17-11-55006 «Повседневная жизнь в Западной Сибири накануне и во время Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.)».

Рассматривается влияние Октябрьской революции на судьбы поколения, рожденного в 1917 году, на примере жителя Омска, Ю. И. Кирьянова, в его самовосприятии накануне и в начале Великой Отечественной войны. Тематика представлена на основе анализа эго-документов (автобиографии и писем).

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 года; эго-документы; Великая Отечественная война.

Kabakova Natalia Vasilievna,
*Candidate of Historical Sciences, associate Professor of Department of
General Economics and law, Siberian State
Automobile and Road university,
Omsk,
e-mail: natalya-kabakova@rambler.ru*

«IN THIS INTERESTING TIME I BORN»

The influence of the October Revolution on the fate of a generation born in 1917 on the example of a resident of Omsk, Yu. I. Kiryanov, in his self-perception in the period before and at the beginning of the Great Patriotic War. The topic is presented on the basis of consideration of ego-documents (autobiography and letters).

Keywords: October Revolution of 1917; ego documents; Great Patriotic War.

Обращение к событиям вековой давности позволяет по-новому осмыслить их влияние на судьбы людей, родившихся в России в 1917 году, в год

Октябрьской революции. Многочисленные историко-литературные изложения способны предоставить примеры изломанных судеб, несостоявшихся возможностей. И, напротив, существуют диаметрально противоположные описания, связанные с новыми, ранее невероятными перспективами, открывшимися в Советской стране. Таким образом, перед исследователями выстраивается возможность реконструкции «большой» истории страны сквозь призму «малой», представленную через самовосприятие людьми своего времени. Несомненно, что спустя десятилетия после происшедших событий затруднительно обращаться к их непосредственным участникам, тем ценнее возможность использования артефактов памяти, сохранивших информацию в автобиографиях и письмах.

Используя в описании эпохальных исторических срезов судеб отдельных семей материалы, относимые к эго-документам, следует принимать во внимание стремление индивида акцентироваться на конкретике событий собственной жизни. Авторы писем, отражающих бытование «маленьких людей», не претендовали на то, что эти документы когда-либо явятся в качестве источников для исследования. Поэтому здесь редко встречаются пространные изложения исторических событий (скорее, упоминания о них), но достаточно откровенно высказывается отношение к исторической ситуации.

Для понимания жизненных перспектив Юрия Ивановича Кириянова, родившегося в 1917 году в Омске, отметим, что его предки заложили солидную материальную основу для собственного потомства. Один дед, Люциан Доминикович Тенчинский – дворянин, выпускник Горного института, директор Невского судостроительного завода. Другой, Василий Кириянов, – купец. Мать Юрия, Ольга Люциановна, закончила гимназию Е. Н. Стеблин-Каменской в Санкт-Петербурге, после – историко-филологическое отделение Бестужевских курсов. В 1915 году она переехала в Омск, выйдя замуж за Ивана Васильевича Кириянова, выпускника Санкт-Петербургского лесного института, служившего юрисконсультom в Омском управлении земледелия и государственных имуществ. По словам О. Л. Кирияновой, до Октябрьской революции 1917 года их семья была «состоятельной, имевшей недвижимость и государственные процентные бумаги». Впоследствии же земля и одно из домовладений были национализированы, а дом по улице Интернациональной безвозмездно передан семьей в жилищно-строительное кооперативное товарищество «Технотруд». Следуя за автобиографическими описаниями матери Юрия, можно увидеть все перипетии судеб поколений тех лет. Она говорит о сложности ухода за сыном, у которого было слабое здоровье, о необходимости оставить

из-за этого педагогическую деятельность. При этом отмечает, что работала делопроизводителем в канцелярии Иртышского лесничества, вынуждена была заниматься переводами с английского для экономического отдела Сибревкома.

Однако в оценке подобной жизненной коллизии не менее интересно отношение к собственной жизни самого Юрия, которое опосредованно выявляется в письмах, отправляемых им незадолго до начала в во время Великой Отечественной войны жене и матери. Сюжетную линию, определенную в этих посланиях, можно обозначить как форму романа, предполагающую «драму триумфа добра над злом» [1]. Обращаясь к своему прошлому, Юрий вспоминает его как нелегкое, но счастливое время, сопряженное с упорным трудом – будь это учеба (он в 1940 году окончил Сибирский автодорожный институт с красным дипломом), профессиональная практика в разных уголках страны, участие в общественной жизни. Ощущение оптимизма в неизбежности грядущей победы и светлого будущего присутствует и в письмах Юрия с фронта, отправленных адресатам осенью 1941 года. Эта его уверенность прослеживается в размышлениях о воспитании сына, которыми он делится с женой: «Воспитывать своих детей так, чтобы они соответствовали интересам своей эпохи. В наших условиях это значит, что нужно воспитывать советского человека. Этот путь труден, он требует много работ <...>, но конечный результат оправдывает заложенный труд» (ноябрь 1941 года).

Не склонный трактовать войну в дискурсе тотального горя, Юрий Кирьянов скорее воспринимает ее как ключевое испытание, ощущает себя участником величайшего исторического события, поэтому в его мифологии войны прорывается момент позитивно-созидающий: «В будущем эту войну будут изучать как особый раздел истории. Уж я своим детишкам смогу помочь в изучении этого предмета. Как ни говори – очевидец! Вообще, мне просто повезло – в такое интересное время я родился. Очень хочется прожить как можно дольше, чтобы полнее осмыслить все происходящее».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург, 2002.

УДК 002.2(091)

Кибасова Галина Петровна,

*доктор философских наук, профессор кафедры истории и культурологии,
Волгоградский государственный медицинский университет,
Волгоград,
e-mail: galina-kibasova@yandex.ru*

СУДЬБА ОДНОЙ КНИГИ: И. РОМАНОВ, Н. СОКОЛОВ
«ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. В ЦАРИЦЫНЕ
(СТАЛИНГРАДЕ)». – САРАТОВ, 1932.

Статья посвящена проблеме возвращения в научный оборот запрещенных в советское время книг, посвященных событиям 1917 г.

Ключевые слова: Революция 1917 г. в Царицыне (Сталинграде); запрещенные книги; «сталинская» история Октября.

Kibasova Galina Petrovna,

*doctor of philosophical Sciences, Professor of the
Department of history and cultural studies, Volgograd state medical University,
Volgograd,
e-mail: galina-kibasova@yandex.ru*

THE FATE OF ONE BOOK: I. ROMANOV, N. SOKOLOV, «ESSAYS
ON THE HISTORY OF THE REVOLUTION OF 1917 IN TSARITSYN
(STALINGRAD)» – SARATOV, 1932.

The article is devoted to the problem of the return into the scientific circulation of rarity, but banned in Soviet times, books on the events of 1917.

Key words: revolution of 1917. In Tsaritsyn (Stalingrad); banned books; «Stalinist» history of October.

В преддверии столетней годовщины Октябрьской революции 1917 г. крайне важно восстановить все историографическое богатство, утраченное в советское время по идеологическим причинам. Представить всю сложность событий 1917 г. без возвращения в научный оборот многих незаслуженно забытых изданий практически невозможно. Поэтому книга И. Романова, Н. Соколова «Очерки истории революции 1917 г.

в Царицыне (Сталинграде)» представляет определенный интерес. Год ее издания – 1932 – это особый, пограничный момент советской истории, когда сталинская официальная концепция Октября уже сформировалась, но еще не стала важнейшей составной частью тотальной идеологии. Поэтому, с одной стороны, стала возможна публикация подобного издания, с другой стороны, на нее сразу же был навешен ярлык «троцкистской брошюры». Главное обвинение состояло в том, что книга «необъективно» освещала историю Октября, «выпячивала» роль «троцкистов», в частности лидера большевиков С. К. Минина.

В 30-е годы XX века история Октября была переписана, что повлекло за собой необходимость избавиться от многих книг, документов и участников событий. С. К. Минин в 1932 г. был выслан в Нарымский край. Были расстреляны активные участники октябрьских событий в Царицыне, большевики Р. Я. Левин, И. П. Изюмский. Лидер царицынских меньшевиков Д. В. Полуян, который осенью 1917 г. «по идейным соображениям» вступил в партию большевиков, был расстрелян в 1939 г. В волгоградских архивах эта книга не обнаружена. Можно предположить, что она была изъята и уничтожена. Однако в центральных библиотеках «глубоко» в «спецхранах» сохранились отдельные экземпляры. Автор статьи в свое время обнаружил экземпляр в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина Санкт-Петербурга.

История Октябрьской революции 1917 г. в советское время относилась скорее к вопросам политическим, чем научным. Главная задача всех публикаций – продемонстрировать превосходство большевиков над своими политическими противниками. Эти моменты присутствуют и на страницах «Очерков...». Тем не менее, она весьма отличалась от пропагандистских работ того периода, а структура, содержание, широкое использование источников разной политической ориентации позволяют данную книгу отнести к первым научным исследованиям по истории революции в регионе.

В сентябре 1920 г. Ленин подписал декрет о создании комиссий по собиранию, изучению и изданию материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б), так называемых Истпартов. Нижневолжская комиссия была образована в 1921 году¹. Началась активная деятельность по изданию наиболее ценных материалов и документов. Они регулярно публиковались на страницах региональных журналов². Были

¹ Пролетарская революция. – 1924. – № 1 (24). – С. 280–309.

² Вестник: орган Саратов. ком. РКП (б). – 1921. – № 12; То же. – 1922. – № 25; То же. – 1923. – № 4, 8.

опубликованы первые воспоминания участников событий [1, 2]. Авторы «Очерков...» широко опирались на эту документальную базу. Был привлечен огромный архивный материал. Значительное количество документов приведено в самом тексте книги, часть дана в приложениях к изданию.

Важно подчеркнуть еще одну особенность, которая предопределила драматическую судьбу книги. Авторы активно привлекли материалы, исходившие из лагеря противников большевиков. Широко представлена информация газеты «Рабочая мысль», органа царицынских меньшевиков. Межпартийные отношения показаны как сложный и драматичный процесс. На страницах книги нарисованы яркие портреты людей, не только лидеров царицынских большевиков, но лидеров меньшевиков и эсеров.

Таким образом, книга И. Романова, Н. Соколова «Очерки истории революции 1917 г. в Царицыне (Сталинграде)» является важным источником по истории 1917 г. Ее возвращение из «небытия» будет способствовать восстановлению утраченного пласта местной науки и будет полезной в новых научных изысканиях. Ценность книги высока и в силу того, что многие архивные материалы погибли в дни Сталинградской битвы.

В заключение подчеркнем, что в постсоветское время мы отреклись от многих фактов, исторических имен, связанных с историей 1917 г. Но есть «время разбрасывать камни, и время собирать камни». Состояние современного общественного сознания позволяет предположить, что после периода «общественного беспамятства» наступит время переосмысления событий 1917 г. В преддверии этого главное – не потерять документальную базу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов-Саратовский В. П. Под стягом пролетарской борьбы. – М.-Л., 1925.
2. Минин С. К. Город-боец. – М.-Л., 1925.

Козлова Анна Александровна,
*кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории и политологии,
Сибирский государственный автомобильный университет,
Омск,
e-mail: beigul-1@yandex.ru*

БЫТОВАНИЕ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ
В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА ОМСКИХ ИСТОЧНИКАХ)*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ 17-11-55006 «Повседневная жизнь в Западной Сибири накануне и во время Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.)».

В работе уделяется внимание условиям экстремального быта жителей провинции – как коренных, так и эвакуированных. Военное время изменило не только условия работы, отношения между людьми, состав населения, но и элементарные потребности в пище, жилье, медицинской помощи. Люди выполняли не свойственные им профессиональные и социальные функции с целью выжить и быть полезными как своим близким, так и стране в военное время.

Ключевые слова: бытование; повседневность; эвакуированные; война; тыл.

Kozlova Anna Alexandrovna,
*Candidate of Historical Sciences, associate Professor of Department
of the domestic history and political science, Siberian state automobile & road
University,
Omsk,
e-mail: beigul-1@yandex.ru*

THE EXISTENCE OF THE INHABITANTS OF THE PROVINCE
OF SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(IN OMSK SOURCES)

The work focuses on the extreme life of the people of the province as indigenous and evacuated. War has changed not only the conditions of work, relations

between people, the composition of the population, but also basic needs for food, shelter, medical care. People did not in their usual professional and social functions in order to survive and be useful as your family, and country in wartime.

Key words. Existence; everyday life; evacuated; Great Patriotic war; the rear.

Последние десятилетия в исторической науке характеризуются постоянным вниманием к повседневной истории в целом, но особо важным является быт граждан в экстремальных условиях, каковые сложились в условиях Великой Отечественной войны. Особые сложности, конечно, были у мирного населения, оказавшегося под оккупацией врага, а также прифронтовой полосы, но серьезные изменения затронули и глубокий тыл, в том числе сибирскую провинцию.

Острой проблемой была нехватка жилья, связанная с тем, что прибыло большое количество эвакуированных, которых нужно было размещать, а поскольку свободных площадей не хватало, то вновь прибывших временно подсажали к местным жителям, что, конечно, стесняло их, особенно в вопросах топлива (большинство эвакуированных прибыло в город осенью 1941 г., поэтому нужда в дровах была особенно острой).

Омск начал быстро преобразовываться: одновременно с предприятиями строились бараки для работников новых предприятий и их семей, в результате в городе появился новый район, получивший название Молотовского. Кроме того, строились помещения под детские сады, ясли, детские площадки¹ [1], открывались больницы, чтобы не допустить эпидемий в столь сложное время. Конечно, это изменило облик города. Основная проблема заключалась в нехватке строительных мощностей, поэтому скорость строительства была не очень высокой.

Остро ощущалась нехватка мебели и предметов быта, поэтому началось их изготовление на предприятиях, хотя возможностей было крайне мало, ведь основная задача – это скорейшая организация производства и выпуск военной продукции² [2]. Уже в 1942 г. из отходов производства был организован выпуск чайников, кастрюль, ведер, тазов, причем не только для горожан, но и для деревни. Именно в это время начали устраивать ярмарки, на которых горожане продавали эти бытовые изделия, а крестьяне – продукты [3; 5].

Не менее сложно было решить вопрос о достаточном количестве продуктов. На предприятиях существовали столовые, где в конце 1941 г.

¹ ГИАОО. Ф. 2401. Оп. 1. Д. 34.

² ГИАОО. Ф. 2401. Оп. 1. Д. 40.

серьезно ухудшилось снабжение – такая ситуация была характерна не только для Омска, поскольку все ресурсы отправлялись на фронт. Санитарный надзор следил за тем, чтобы блюда подавались в горячем виде и были по возможности разнообразными. Уже к весне 1942 г. ситуация начала меняться в лучшую сторону, поскольку Горпищеторг стал выделять предприятиям совхозы, где рабочие заготавливали овощи, что, конечно, обогащало рацион питания омичей. Кроме того, предприятия стали брать шефство над МТС, помогая ремонтировать технику, поставляя вышедшие из строя детали, в ответ – помощь продуктами питания из сельской местности. Еще один способ решения нехватки продуктов – это предоставление земельных участков жителям, чтобы они занимались огородничеством [4]. В основном этим занимались служащие, ученые, домохозяйки, выполняя не свойственные им в мирное время функции, но в военный период это было необходимым условием выживания при наличии скромного пайка.

Уже к лету 1942 г. у крупных предприятий появились подсобные хозяйства, где выращивали необходимые овощи, прежде всего картофель, капусту. Основная проблема – это нехватка семян. В этом же году при помощи колхозов стали создавать скотные дворы для обеспечения мясом: строили пригодные для зимовья скота помещения.

Дефицитом для горожан были промышленные товары, особенно одежда, но, несмотря на это, теплые вещи и одежду постоянно собирали для фронта.

Таким образом, совершенно очевидно, что война явилась тем экстремальным фактором, который полностью изменил быт жителей Омска, причем, в большей степени это затронуло эвакуированных в Омск, поскольку они были вынуждены привыкать к новым природным условиям, провинциальному быту. Нужно отметить, что омичи находили способы решать свои бытовые проблемы в военное время, осваивая новые навыки промышленного и сельскохозяйственного производства, зачастую изменяя свой социальный статус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабакова Н. В. Повседневность экстремального времени: условия труда преподавателей СибАДИ в начальный период Великой Отечественной войны (1941 г.) // Архитектурно-строительный и дорожно-транспортный комплексы: проблемы, перспективы, новации: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Омск, 2016.

2. Козлова А. А. Эвакуация предприятий как один из главных факторов социально-экономического развития Омска в годы

Великой Отечественной войны (на примере производственного объединения «Полет») // Омск-300: Прошлое. Настоящее. Будущее: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Омск, 2016.

3. Козлова А. А. Повседневная жизнь эвакуированных в Омскую область рабочих на примере завода № 166 (1941–1945 гг.) // Архитектура. Строительство. Транспорт: материалы междунар. науч.-практ. конф. (к 85-летию ФГБОУ ВПО «СибАДИ»). – Омск, 2015.

4. Рыженко В.Г. История повседневности послевоенных лет в советской газетной рекламе // Университеты в системах развития и интеграции России: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 40-летию ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. – Омск, 2015.

5. Рыженко В. Г., Назимова В. Ш. Интеллигенция в эвакуации: настроения, труд и быт (по источникам личного происхождения) // Культурное наследие Сибири. – 2015. – № 5.

Кондрашихин Андрей Борисович,

доктор экономических наук, кандидат технических наук,

профессор кафедры экономики и менеджмента,

Институт экономики и права (филиал) ,

Академии труда и социальных отношений,

Севастополь,

e-mail: kondrashikhin.a.b@mail.ru

ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО АЛЬМАНАХА «МОРСКОЙ АРХИВ»

В работе сделан реферативный обзор материалов о Революции 1917 г. и Гражданской войне, опубликованных севастопольским альманахом «Морской архив». Подчеркнуты оригинальность авторских позиций, их связь с городской жизнью и разногласия в оценках исторического опыта.

Ключевые слова: военная история, патриотизм, Севастополь.

Kondrashihin Andrey Borisovich,

*doctor of economic sciences, Professor of the Department of Economics
and management, Institute of Economics and Law (branch) Educational*

Institution of the Trade Unions of higher education

Academy of labor and social relations,

Sevastopol,

e-mail: kondrashikhin.a.b@mail.ru

THEME OF REVOLUTION AND CIVIL WAR IN PUBLICATIONS OF SEVASTOPOL ALMANAC «MARINE ARCHIVE»

In this work, a review was made of materials on the Revolution of 1917 and the Civil War, published by the Sevastopol almanac «Marine Archive». The originality of author's positions, their connection with city life and disagreements in the assessments of historical experience are underlined.

Keywords: military history, patriotism, Sevastopol.

В преддверии юбилея Великой Октябрьской социалистической революции вполне объясним повышенный интерес к революционной те-

матике и идущей следом Гражданской войне. Для Севастополя с его патриотическими и военно-историческими традициями эта тема отражена в публикациях альманаха «Морской архив» – популярного севастопольского издания. Повествование о массовом участии в боевых действиях матросских отрядов Черноморского флота в начальный период Гражданской войны представлено в первых выпусках альманаха Колонтаевым К. В. [1, с. 33–42].

Севастопольский исследователь Рыжонков Г.Н. рассказал об отражении 29 октября 1914 г. силами Черноморского флота атаки германо-турецких морских сил, укреплении боевого и морального духа на флоте и среди жителей, предупреждению революционных настроений [2]. Он же повествует о первом бое эскадры Черноморского флота с германскими крейсерами «Гёбен» и «Бреслау» (т.н. Балаклавский бой 18 ноября 1914 г.) и упущенной возможности уничтожить опасный корабль противника, чем создавались предпосылки для тяжелого хода следующих военно-морских сражений, роста недовольства и революционных настроений среди народа [3, с. 76].

Созданию в этот период городской промышленной и оборонительной структуры, судьбам их создателей посвящены работы Островской И. В. [4, с. 56], Маркова А. Г. [5, с. 83], Швыдкого Д. В. [6, с.4-5]. Судьбы кораблей Черноморского флота и их экипажей исследованы в работах Чикина А. М. [7, с. 47], Юрлова М. Н. [8, с. 12–23], Рыжонка Г. Н. [9, с. 66], в приведенном отрывке из произведения Г. К. Паустовского [10, с. 106–108]. Севастопольцы пишут также об исторической роли выдающихся личностей в Революции, Гражданской войне и последующей истории города: о А. В. Колчаке [11, с. 33–44], А. А. Ханжонкове [12, с. 89–95] и И. Д. Папанине [13, с. 69].

Каждый выпуск альманаха «Морской архив» содержит материал исторической памяти о событиях Революции 2017 г. и Гражданской войне. В развернутом анализе его авторы не только обогащают современную историографию, но и выражают точку зрения многих севастопольцев, бережно хранящих память об ушедших людях, десятилетиях, величественных и трагических событиях в жизни города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Колонтаев К. Морская пехота Черноморского флота в боевых действиях Гражданской войны в период 1917–1918 и 1920 годов // Морской архив. – 2011. – № 1.
2. Рыжонков Г. Безнаказанное нападение // Морской архив. – 2012. – № 2.
3. Рыжонков Г. Бой у мыса Сарыч // Там же.

4. Островская И. Военспец // Морской архив. – 2012. – № 3.
5. Марков А. Вторая профессия Севастополя. Поучительная история известного предприятия // Морской архив. – 2012. – № 3.
6. Швыдкий Д. Институт «Военморпроект» – инструмент развития флота и города // Морской архив. – 2013. – № 6.
7. Чикин А. «Старушка» российского флота // Морской архив. – 2013. – № 6.
8. Юрлов М. Трагедия России (генералитет и офицерство империи на изломах гражданской войны) // Морской архив. – 2012. – № 4.
9. Рыжонок Г. Утренние взрывы в Северной бухте // Морской архив. – 2013. – № 5.
10. Паустовский К. Самоубийство кораблей. Глава из повести «Черное море» // Морской архив. – 2013. – № 7.
11. Рыжонок Г. Адмирал Колчак: мифы и реальность // Морской архив. – 2013. – № 6.
12. Павлотос В. Столица морского кинематографа России // Морской архив. – 2014. – № 8.
13. Веселов П. Наш легендарный полярник // Морской архив. – 2014. – № 9.

Конеv Евгений Викторович,
*кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии, истории и права,
Сибирский университет потребительской кооперации,
Новосибирск,
e-mail: konev1020@mail.ru*

**ХРИСТИАНЕ ВЕРЫ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1940-1960-Е ГГ.**

В статье на основе архивных материалов исследуются состояние и жизнедеятельность общин христиан веры евангельской Омской области на протяжении трех десятилетий XX века. Реконструируется взаимодействие верующих с местной властью. Автор также затрагивает проблему взаимоотношений христиан веры евангельской внутри общин.

Ключевые слова: христиане веры евангельской; пятидесятники; Совет по делам религиозных культов; верующие.

Konev Eugene Viktorovich,
*Candidate of Historical Sciences,
associate Professor of the Department of the philosophy, history and law,
Siberian University of Consumer Cooperatives,
Novosibirsk,
e-mail: konev1020@mail.ru*

**CHRISTIANS OF EVANGELICAL FAITH OF THE OMSK REGION
IN 1940-1960-IES**

The article based on the archival materials investigates the status and livelihoods of the communities of Christians of Evangelical faith of the Omsk region for three decades of the twentieth century. Rekonstruiрует interaction of believers with the local authorities. The author also touches upon the problem of the relationship of Christians of Evangelical faith within communities.

Key words: Christians of Evangelical faith, the Pentecostals, the Council on Affairs of religious cults, the believers.

Христиане веры евангельской (далее – ХВЕ) или пятидесятники относятся к поздним течениям протестантизма. В 70-е гг. XIX века в баптистских общинах США возникло течение «Движение святости», оформившееся в деноминацию пятидесятников. В течение нескольких десятилетий пятидесятничество стремительно распространилось в США, а затем и по всему миру. Придерживаясь основных протестантских догматов, пятидесятники особое значение уделяли учению о Святом Духе. Последователи ХВЕ верят, что каждый христианин в момент крещения может получить дары Святого Духа в виде способностей к пророчеству, исцелению больных, а также способности говорить с Богом на иных языках (глоссолалия). Главные особенности культа пятидесятников – личный мистический и экстатический опыт общения с Богом и крещение Святым Духом. Строгое следование заповеди «не убий» определяет пацифизм ХВЕ.

В России пятидесятники появились в начале XX века в Санкт-Петербурге, а в Сибири в середине 1920-х гг. С самого начала в России действовало несколько направлений пятидесятничества. Среди них следует назвать смородинцев или евангельских христиан в духе апостолов, воронаевцев, пятидесятников-сионистов, субботствующих.

Заметно увеличилась численность пятидесятников в Сибирском регионе во время Великой Отечественной войны и в первые годы после ее окончания, когда на спецпоселение прибыло огромное количество верующих из западных областей СССР. Так, на территории Омской области ХВЕ действовали в Омске, Любинском, Москаленском, Исилькульском, Ульяновском районах. В Омске, например, пятидесятники собирались в Кировском районе и численность их составляла 70. А в Любинском районе большинство верующих являлись немцами¹. По национальному составу в пятидесятнических объединениях находились также русские, украинцы, белорусы и др.

В связи с общим вкладом религиозных общин в победу, И. В. Сталин сделал шаг к либерализации церковной жизни. Так, в мае 1944 г. образовался Совет по делам религиозных культов (далее – СДРК), председателем которого стал И. В. Полянский. В течение 1945–1947 гг. в регионах регистрировались религиозные объединения, верующим возвращались молитвенные дома. Однако либерализация по отношению к протестантским конфессиям коснулась только отдельных баптистских общин. А пятидесятничество Советское государство с первых лет своего существования рассматривало как враждебное социализму вероучение. Властей не устраивали также методы проведения богослужений ХВЕ. В печати нередко

¹ ГИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 17. Л. 18, 111.

публиковались статьи об изуверском характере веры культа пятидесятников. Также в советских средствах массовой информации к объединениям ХВЕ использовался термин «секта». И поэтому организации верующих ХВЕ находились на нелегальном положении вплоть до перестроечных времен.

С целью легально проводить молитвенные собрания часть пятидесятников в основном Воронаевского толка в августе 1945 г. под нажимом органов власти решила войти в состав Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (далее – ВСЕХБ), образованного годом ранее в октябре. СДПК и пресвитеры общин ЕХБ потребовали от ХВЕ отказа от глоссолалии и омовения ног, а также для хлебопреломления не использовать пресный хлеб. А 2 апреля 1947 г. лидеры евангельских христиан в духе апостолов Н. П. Смородин, Н. И. Шишков и Е. М. Прудников решили объединиться с ЕХБ, и они выразили полное согласие с «Августовскими соглашениями»¹. Однако в Омске объединения ЕХБ и ХВЕ не произошло.

Большинство пятидесятнических объединений не шло на компромисс с ЕХБ. Более того, лидеры направлений ХВЕ стремились распространять свою веру и привлекать новых членов за счет миссионерской деятельности. Особо отличились в этом общины пятидесятников Омска и области, которые заметно активизировали свою деятельность во время «хрущевской оттепели». После смерти Сталина многие верующие, судимые ранее по ст. 58 УК за антисоветскую деятельность, получили амнистию. И на протяжении 1950-х гг. увеличивалась численность верующих, а во многих местах возникали новые организации пятидесятников. Так, в 1956 г. в Омске численность пятидесятников достигла 100, треть из них составляла молодежь². Пополняли общины как прибывшие в Сибирь бывшие спецпоселенцы, так и местные жители, работавшие вместе с верующими на предприятиях, учреждениях. Нередко часть баптистов и других конфессий переходила к ХВЕ. Например, в Любинском районе среди верующих немцев пятидесятнические объединения составляли большинство, и они пополнялись из лютеран. Кроме того, в объединениях ХВЕ находились репатрианты из Германии и судимые по ст. 193 за уклонение от службы в Советской Армии и по ст. 54-1 «а» УК за измену Родины. Амнистированные верующие становились лидерами и организаторами отдельных групп ХВЕ, и чаще их деятельность, как правило, являлась альтернативной к советскому образу жизни. Таким образом, во второй половине 1950-х гг. общины ХВЕ возросли численно и усилили миссионерскую деятельность.

¹ История ЕХБ в СССР: [издание ВСЕХБ]. – М., 1989. – С. 124.

² ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7250. Л. 80.

Пятидесятники Омской области, а также других регионов страны были не только связаны между собой общей судьбой, но и имели родственную линию. В трудных условиях они поддерживали друг друга. Например, омские ХВЕ постоянно сотрудничали и переписывались с единоверцами из Казахстана, Тюменской области, часто посещали близлежащие города. Пресвитеры П. И. Козубенко и Г. Ф. Шуг не раз выезжали в соседние регионы и районы области¹. В свою очередь, в Омскую область приезжали проповедники Э. Г. Янке, Г. Г. Шляк.

Между тем партийные и советские органы развернули широкую антирелигиозную кампанию среди населения. В 1954 г. вышло 2 постановления ЦК КПСС, непосредственно касавшихся научно-атеистической работы: «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» (7 июля) и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» (10 ноября)². Следует отметить, что ведущей формой пропаганды долгое время оставалась лекционная работа. Проводилась она специально подготовленными лекторами-атеистами в основном на предприятиях, учреждениях, и в большей степени была обращена к неверующим.

В областной, городских и районных газетах был опубликован ряд материалов, говоривших об изуверском, антигосударственном и антиобщественном характере веры пятидесятников. Необходимо отметить, что у ХВЕ не только имели место разногласия верующих, но и даже случались факты выхода из общин. О таких случаях часто упоминали в средствах массовой информации, и особо отмечали в отчетах уполномоченные СДРК. Например, в марте 1959 г. в областной газете «Омская правда» была опубликована статья, где выражены оценка и отношение КПСС и Советского государства к ХВЕ. После нее партсовработниками было помещено еще несколько публикаций. В этом же году в областной газете появилось несколько статей, которые обличали лидеров местных пятидесятников³. Однако научно-атеистическая пропаганда не имела для партийных и советских органов желаемого результата. И, несмотря на неблагоприятность к пятидесятникам со стороны большинства нерелигиозного населения, общин и верующих не становилось меньше. Тем более в это время объединения ХВЕ, как и другие протестантские течения, активно вели миссионерскую работу.

Информации, справки о конспиративной деятельности пятидесятников уполномоченные СДРК получали во многом благодаря сотрудникам КГБ.

¹ ГИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 24. Л. 13–15.

² О религии и церкви: сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. – М., 1977. – С. 67–72.

³ ГИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 25; Омская правда. – 1959. – 7 марта, 6 и 30 августа, 25 октября.

В каждой нелегальной общине присутствовали тайные агенты и осведомители, среди которых могли быть даже активные проповедники [1; 2]. Именно органы ГБ владели наиболее полной и объективной информацией о жизнедеятельности ХВЕ и конфиденциальными сведениями об их руководителях и активистах, которыми в ограниченных объемах впоследствии пользовались, главным образом, уполномоченный, а также партсовработники, пропагандисты, журналисты. Так, в декабре 1957 г. начальник УКГБ по Омской области Н. Г. Минаев предоставил секретарю омского горкома и уполномоченному СДРК справку о деятельности пятидесятников Омской области¹. ХВЕ не всегда подозревали, что каждый их шаг контролируется спецслужбами.

Под особым вниманием партийных и государственных органов находились верующие, имевшие судимость по ст. 58 УК РСФСР. Нередко проповедников обвиняли в паразитическом образе жизни, и в этот период их осуждали в основном за «тунеядство» (не могли устроиться на работу). На первый раз менее активных верующих административно предупреждали. А иногда даже проживание в каком-либо населенном пункте без прописки могло служить поводом не только для высылки из него, но и для осуждения на год изоляции. Так, в августе 1957 г. из Петровского совхоза Ульяновского района был выдворен И. Брауэр². Наиболее «злостных нарушителей» советского законодательства о культах органы МВД и прокуратуры привлекали к ответственности на основании ст. 142 и 227 УК РСФСР 1960 г. Постановление Президиума ВС РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественного полезного труда...» давало возможность властям выселять активных деятелей «религиозных сект» в отдаленные места.

Таким образом, ХВЕ на протяжении трех десятилетий XX века находились на полуполюгальном положении. Многие их обряды (глоссолалия, омовение ног, коленопреклонение, исцеление и др.) являлись неприемлемыми для идеологии Советского государства. Несмотря на запреты, преследования, непонимания и пренебрежения со стороны большинства населения пятидесятники поддерживали и распространяли вероучение, пополняли свои ряды, осуществляли богослужебную деятельность. Их высокая активность объяснялась не только наличием талантливых организаторов и проповедников, но и огромной солидарностью и сплоченностью самих верующих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобков Ф. Д. КГБ и власть. – М., 2003.
2. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг. – Томск, 2008..

¹ ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7250. Л. 80–89.

² ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7250. Л. 87.

Коньшин Анатолий Евдокимович,
доктор исторических наук, профессор,
Коми-Пермяцкий институт
повышения квалификации работников образования,
Кудымкар, Коми-Пермяцкий округ, Пермский край,
e-mail: kama-rod@yandex.ru

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

В статье освещаются малоизвестные страницы истории Гражданской войны в Коми крае. По Гражданской войне вообще мало литературы, мало архивных материалов. Случайно обнаруженные материалы в Коми республиканском архиве общественно-политических движений в г. Сыктывкаре, проливают свет на незаконные действия красных, коми и чердынских отрядов в 1918–1919 гг. Эти годы южные территории, заселенные коми-зырянами, входили в состав Чердынского уезда, и Советскую власть там должны были устанавливать чердынские красногвардейские отряды. При этом они также не останавливались перед грабежами и расстрелами невинных людей. Это усугубилось противостоянием военных руководителей М. Мандельбаума и братьев Э. Ф. и Ф. Ф. Аппогов.

Ключевые слова: Печерский уезд; чердынские отряды; контрибуция; реквизиция; конфискация; Мандельбаум, братья Аппоги.

Konshin Anatoly Evdokimovith,
Doctor of history, professor, Komi-perm Institute
of improvement of professional skill of workers of education,
Kudumkar, Komi-Permyak district, Perm Krai,
e-mail: kama-rod@yandex.ru

ESTABLISHMENT OF SOVIET POWER IN THE NORTH OF RUSSIA

The article highlights a little-known civil war history pages in the Komi region. On the civil war in general little populated Komi-zyrjanami literature, little and arhivynyh materials. Randomly found materials in the Komi Republic archive of socio-political movement th in Syktyvkar, shed light on illegal actions of red, and Komi and cherdyn detachments in 1918-1919. In these

years the southern territories inhabited by Komi-zyrjanami and permjakami were part of Cherdynsky County and Soviet power there must have been set cherdynskie krasnogvardejskie. They also did not stop before the looting and shooting innocent people. This was compounded by opposition military leaders M. Mandelbaum and the brothers E.F. and F.F. Appogi.

Key words: Caves, cherdynskie units; contribution; requisition; confiscation; Mandelbaum; brothers Appogi.

Для установления Советской власти в Ижмо-Печерском крае был направлен отряд во главе с красным командиром Морицом Мандельбаумом. Он родился в Австро-Венгрии в 1890 г. В империалистическую войну попал в русский плен и как военнопленный интернационалист поддержал Советскую власть. Имея чин прапорщика, ему доверили командовать интернациональной ротой под Самарой, а потом был направлен в Архангельск, где ему поручили роту губчека.

В связи с активизацией белых в печорском бассейне в августе 1918 г. командующий войсками Котласского района А.И. Геккер направляет туда лучший отряд ЧК (чрезвычайной комиссии) в количестве 12 человек во главе с М. Мандельбаумом. Прибыв в Усть-Сысольск, с помощью укомов (уездных комитетов) он завербовал в экспедиционный отряд более 60 добровольцев.

На двух пароходах отряд отправился вверх по Вычегде. На всем пути следования отряд занимался реквизициями, конфискациями и сбором денежных контрибуций с зажиточных слоев населения. Например, семья Казаковых в с. Корткерос была обложена контрибуцией на 15 тыс. руб., у А. Лыткина конфисковали 17 кусков мануфактуры, 5 фунтов чая и 13 дюжин ниток. Остановившись в Троице-Стефановском Ульяновском монастыре, пополнили продовольственные запасы: у монахов конфисковали 40 тыс. руб., двух коров, трех лошадей, 100 пар обуви, пуд масла, хлеб, церковное вино, перины, подушки и др. Причем многие реквизированные ценности в учетные книги не попали, часто не приходовались денежная контрибуция, золото, серебро, меха, драгоценные камни. Большая часть имущества из-за отсутствия учета оказалась награбленной¹.

6 февраля 1918 года в г. Чердынь прибыл большевистский отряд из Лысьвы (лысьвенские рабочие считались наиболее революционизированными). Собрали митинг и на нем взяли в свои руки основные руководящие посты

¹ Известия Пермского губернского исполкома рабочих, крестьянских и армейских депутатов. – 1918. – 2 июня.

езда. При этом был убит один из присутствующих. Александр Рычков стал председателем Чердынского совета, позднее Председателем Северо-Уральского военно-революционного комитета, Максим Барабанов возглавил уездный трибунал, Александр Трушкин – чрезвычайную комиссию, Эрнст Аппога – военный комиссариат, Владимир Дубровский (Эйхвальд) стал помощником Э. Аппоги, а Фриц Аппога возглавил Чердынский уком РКП(б). Все отчаянно молоды – от 20 до 23 лет, все беззаветно преданы революции. Кстати, отец и братья Аппоги были эстонцами, а брат и сестра Эйхвальд – немцами. Их революция застала на заработках на лысьвинских заводах и они, как и многие другие иностранцы, приняли сторону революции.

В первое время верховья Печоры считались в составе Пермской губернии (Печерская, Усть-Шугорская и Савиноборская волости), и для установления советской власти туда был послан экспедиционный отряд Пермского ЧК во главе с неким Н. Семеновым, в который в первую очередь, как ближние, вошли чердынские отряды.

Первые попытки «большевизации» местных органов власти в этом районе относятся к июню 1918 г. 2 июня 1918 г. Пермский экспедиционный отряд губернского ЧК во главе с Н. Семеновым прибыл на место и начал революционные преобразования. Отряд имел четкие цели: «Организация местных чрезвычайных комитетов, перевыборы кулацких Советов, разрушение белой армии, конфискация звонкой монеты, товаров и припасов у кулаков»¹.

Таким образом, здесь работали по установлению Советской власти чердынские красногвардейские отряды и устанавливали здесь свои порядки. Мандельбаум, спускаясь вниз по р. Печора на двух пароходах (его отряд уже сильно разросся), в с. Савинобор встретился с отрядом комиссара Эрнста Аппоги, который стоял здесь на пароходе «Москва». Между красными командирами начались разногласия по вопросу о старшинстве в Печерском крае. Мандельбаум приказал чердынцам расстрелять белогвардейского пленного поручика Пономарева и председателя Савинборского Совдепа, обвиненного в измене Советской власти. Но чердынские красногвардейцы отказались выполнять приказ. Тогда Пономарева отправили в Вятку, где по слухам он записался в Красную Армию. Председателя Савиноборского совдепа (обвиненного в том, что на крыше волисполкома не успел сменить белый флаг) от расстрела спас Э. Ф. Аппога. Тогда Мандельбаум вызвал его на свой пароход на переговоры, приказал разружить, расстрелять и выбросить за борт. Но тут раздался гудок парохода

¹ Известия Пермского губернского исполкома рабочих, крестьянских и армейских депутатов. – 1918. – 1 сентября.

«Михаил», приближающегося к Савинобору с 60 чердынскими красноармейцами под командованием чердынского военрука Фрица Аппоги. Мандельбауму ничего не оставалось делать, как извиниться перед Эрнстом, вернуть оружие и отпустить¹.

21 сентября 1918 г. Мандельбаум и братья Аппоги, каждый самостоятельно, выслали в сторону с. Усть-Щугор разведотряды. Возвращаясь, эти отряды не признали друг друга и вступили в перестрелку, а Мандельбаум, приняв это за бой с белыми, приказал открыть по лесу орудийный огонь. После этого совместные действия двух красногвардейских отрядов стали в принципе невозможными. Однако 22 сентября Мандельбаум и Аппоги на четырех пароходах двинулись в Усть-Щугор, а оттуда – в Усть-Цильму. По дороге они занимались открытым грабежом жителей печорских селений, захватили у белых пароход «Алексей», расстреляли двоих белогвардейцев.

В с. Усть-Ус чердынцы также грабили население. У торговки И. Г. Рочевой конфисковали 15 кг масла, 60 пудов рыбы, 3 ящика спичек, 3 пары валенок, 3 женские шубы, 3 одеяла, рубашки и т. д. У А. И. Фирсовой забрали малицу, шелковые сарафаны, несколько катушек ниток, пять серебряных ложек. У Д. А. Дьячковой увели со двора корову, взяли 5 пар валенок, женские рубашки, 6 пар нижнего белья, три шелковых платка, два ремня, швейную машинку и золотые кольца.

27 сентября 1918 г. экспедиция красных на шести пароходах подошла к Усть-Цильме – уездному центру Печерского края. Он был занят белыми и имел крепкие оборонительные сооружения. Мандельбаум приказал открыть по селу артиллерийский огонь, намереваясь «стереть село с лица земли», однако братья Аппоги отсоветовали ему использовать артиллерию, а сами высадили конную разведку, десант в 80 штыков, и атаковали село по суше. Белогвардейцы отступили, а шестеро замешкавшихся в штабе офицеров были забросаны гранатами и уничтожены.

Начались конфискации, аресты, расстрелы. Расстреляли хозяина дома, в котором размещался штаб белогвардейцев. Народный судья Г. Филиппов по приказу братьев Аппоги был пропущен «сквозь строй». Под конец строя он свалился, и его добили из револьвера. Расстреляли также местных наиболее влиятельных чиновников, более 10 человек, в том числе настоятеля Усть-Цилемского собора о. Анфала Суровцева. 10 дней его держали в подвале дома и били плетью, потом отрезали нос, уши, вырвали язык за то, что проповедовал царскую власть и называл власть красных властью сатаны. 8 октября его, наконец, застрелили на борту парохода, а тело сбросили в воду².

¹ Вестник Временного правительства Северной области. – 1919. – 12 марта.

² Северное утро. – 1919. – 4 марта (19 февраля).

Отношения Мандельбаума и его краскомов (красных комитетов) с советской администрацией были сложными. Он не считался ни с какой властью, кроме собственной. Не терпел инакомыслия, тем более критики в свой адрес. Поэтому, встретившись с чердынскими руководителями (братья Аппоги, Эйхвальд и др.), он чувствовал себя некомфортно.

При дележе захваченных трофеев (награбленного имущества) он заявил, что действия чердынских отрядов вне пределов Чердынского уезда неправомочны, следовательно, братья Аппоги не получают ничего. Чердынцы на пароходе «Москва» отплыли в Усть-Щугор, по дороге сгоряча обстреляв отряд М. И. Демина в с. Краснобор. Вслед за ними покинул Усть-Цильму и Мандельбаум, не позаботившись даже об установлении Советской власти, хотя для этого, собственно, и был туда направлен.

Мандельбаума не оставляла жажда мести братьям Аппоги. Выехав из Усть-Цильмы, он направился в с. Усть-Щугор, намереваясь расправиться с конкурентами. В г. Котлас он направил донесение, что «...чердынский отряд... оставил у населения впечатление, будто красноармейцы только и умеют делать, что забирать, что попало»¹ [1, с. 61].

Мандельбаум тоже высадился в Усть-Щугоре и под угрозой применения артиллерии разоружил чердынский отряд, посадил его на пароход и под началом Ф. Ф. Аппоги отправил домой. Сам же Мандельбаум вместе с арестованными Э. Ф. Аппогой и его помощником В. И. Дубровским (Эйхвальдом) выехал в Котлас, где размещался штаб А. И. Геккера.

В Троицко-Печерске Мандельбаум разоружил еще один небольшой чердынский отряд под командованием председателя Чердынского совдепа М. М. Барабанова, промышлявшего в этих местах, отобрал у них много награбленного у печерских крестьян имущества, в том числе золота и серебра. Правда, часть ценностей чердынцы успели утопить в р. Печора, чтобы не досталось команде Мандельбаума.

Здесь Мандельбаум оставил арестованного В. И. Дубровского, а сам с Аппогой двинулся в Котлас. Пока они были в дороге, чердынцы привезли в Троицко-Печерск пушку, и Дубровский написал депешу в Вологду, в штаб VI Красной Армии: «Дальнейшие действия с Мандельбаумом невозможны, как с человеком, у которого не все дома». Дубровский сообщил о незаконных арестах и расстрелах, произведенных Мандельбаумом, об изъятии грузов с продовольствием у экспедиции «Урал – Снабжение» и добавил, что «...необходимо принять срочные меры по освобождению из-под ареста Э. Аппоги, которому грозит опасность для жизни... необходимо командировать также на Печору комиссара для улаживания конфликта, ибо

¹ Северное утро. – 23 февраля (10 февраля).

чердынский отряд, оставшись без ответственного руководителя и имея в руках артиллерию, ... может при приближении Мандельбаумовского отряда к Троицко-Печорску... произвести выстрелы и погубить их и пароходы» [1, с. 63].

Из Котласа Мандельбаум и Аппогу отправили в Вологду, где Эрнст был освобожден. Дальнейшая его судьба нам неизвестна. В начале 1930 х годов Э. Ф. Аппога входил в состав Реввоенсовета СССР. Его брат Ф. Ф. Аппога погиб в Коми-Пермяцком округе в с. Юрла во время антибольшевистского мятежа в январе 1919 г. В. И. Дубровский (Эйхвальд) – третий руководитель Печерской экспедиции – также погиб в Коми-Пермяцком округе в 1919 году.

А Мориц Мандельбаум в декабре 1918 г. обратно вернулся в Коми край; красное командование подтвердило его полномочия командующего Ижмо-Печорского края. Однако по многочисленным жалобам и создавшейся сложной военной обстановке (наступление сил А. В. Колчака), 25 января 1919 г. по требованию РВС (революционно-военный совет) VI Красной Армии Мандельбаум был вновь отстранен от командования Ижмо-Печерскими отрядами, и вместо него был назначен Г. Комиссаров (бывший комиссар Вологодского губвоенкомиссариата). В феврале 1919 г. все ижмо-печерские отряды красных были развернуты в Ижмо-Печерский полк, чему Мандельбаум, будучи малокомпетентным в военных делах, долго препятствовал (очевидно в своих интересах).

Из тактических соображений, под напором белых, полк отступал с Ижемского края на Вычегду. Кстати, 29 марта, накануне отступления, Комиссаров вновь был заменен Мандельбаумом. 30 марта Ижмо-Печерский полк начал отступление из Ижмы. У населения было реквизировано более трех тысяч подвод. Обоз вез полковое имущество, продовольствие, массу награбленных у печерских крестьян вещей... «Когда Мандельбаум под напором белых отступал через с. Помоздино, – писал в своих воспоминаниях «Очерки...» местный краевед Н. И. Ульянов, – за ним шло множество подвод, нагруженных великолепными малицами, совиками, пимами, шелковыми и бархатными одеждами, швейными машинами, граммофонами, никелевыми самоварами и прочими предметами «роскоши и цивилизации», проникшими в этот почти первобытный край»¹.

Отступление в весеннюю распутицу проходило в трудных условиях. 23 апреля полк прибыл в Усть-Сысольск, а на завтра Мандельбаум был арестован за злодеяния, самоуправство и мародерство. Об обстоятельствах ареста один из участников тех событий М. Трубачев позже вспоминал:

¹ Зырянская жизнь. – 1918. – 20 июля.

«...Мандельбаум был заключен под стражу. Все его имущество было описано и опечатано. Обыск производили сотрудник политотдела Чижов и я на его квартире по ул. Набережная в присутствии жены... Найдены много золотых монет царской чеканки и разных изделий из золота и серебра. Кроме того, изъято большое количество шелковых изделий и дорогих мехов»¹. Сам Мандельбаум был этапирован в Вологду. Ревтрибунал западного фронта приговорил его к 5 годам лишения свободы, но из-за амнистии ко второй годовщине Октябрьской революции и за слабое владение Мандельбаумом русским языком по ходатайству Немецкой группы ЦК ВКП(б) Мандельбаум был выдан на поруки. Позже воевал на Южном фронте, а после Гражданской войны был направлен в распоряжение Коминтерна (Коммунистического интернационала)².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мурзин А., Новоселов В. Тайна долгой пристани. – Сыктывкар, 1972.

¹ КРГАОПД и Ф. Ф. 520. Оп. 1. Д. 56. Л. 14.

² КРГАОПД и Ф. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 257.

Косыгина Светлана Валерьевна,
аспирант 3 курса обучения,
Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск,
e-mail: cool.balanar2014@yandex.ru

ВОСПРОИЗВОДСТВО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1914–1923 ГГ.

В статье дается общая характеристика воспроизводства городского населения Западной Сибири в период 1914–1923 гг. Выделяются общие и отдельные черты воспроизводства горожан региона, прослеживается динамика демографических процессов. Эти данные сопоставляются друг с другом, и выявляется общая картина воспроизводства населения городов. В работе ставится задача выявить неравномерность демографических показателей в динамике населения, показать влияние войн и революций на рост и падение численности городского населения.

Ключевые слова: урбанизация; Западная Сибирь; динамика населения; демография; воспроизводство населения; рождаемость; смертность.

Kosygina Svetlana Valerevna,
postgraduate the third year of learning,
Novosibirsk state pedagogical university,
Novosibirsk,
e-mail: cool.balanar2014@yandex.ru

REPRODUCTION OF THE URBAN POPULATION OF WESTERN
SIBERIA IN 1914–1923

In the article there is general description of the reproduction of the urban population of Western Siberia during the period 1914–1923. The common and individual features of the reproduction of the townspeople of the region are singled out, and the dynamics of demographic processes are traced. These data are compared with each other, and an overall picture of the reproduction of the urban population is revealed. In the article the task is to identify the unevenness of demographic indicators in population dynamics. To determine the specific of the natural reproduction of citizens, to show the influence wars and revolutions that affected the growth and decline in their numbers.

Keywords: urbanisation, West Siberia, dynamic of population, demography, birthrate, deathrate.

После проведения Транссибирской железной дороги Западная Сибирь превратилась в цивилизованный регион России. Этот процесс в первую очередь затронул города. Процессы индустриализации и урбанизации ускорились, это благоприятно сказывалось на демографии городов. На 1.01.1914 г. в территориальные границы региона входили Тобольская и Томская губернии, Акмолинская область. Число городского населения в 1914 г. по Западной Сибири составляло 714,2 тыс. чел. или 9,4%. [1, с. 77].

Наиболее слабо урбанизированной территорией региона была Тобольская губерния. На 1 января 1914 г. число горожан составляло 142 957 или 6,8%¹. С 1914 по 1916 гг. их численность увеличилось на 14 543 человека или на 10,1%, в 1917 г. упала до 6,4% (130,2 тыс. из 2006,476)². К 1920 г. население уменьшилось до 96 404, это было связано не только с Гражданской войной, но и территориальными изменениями, а к 1923 г. сократилось до 92 988 тыс. человек, что почти достигло уровня 1897 г.

В Акмолинской области к 1914 г. проживало 1 333 178 тыс. чел., из них горожан 217 561 чел. или 16,3%³. В 1913 г. число жителей г. Омска составляло 90 000 человек, родилось 34,2%, умерло 29,3%, прирост составил 4,9% [5, с. 6]. В 1916 г. в Омске число горожан было 80327, коэффициент рождаемости составил 32,2%, умерших 31,0%, прирост выразился в 8,2%⁴. В 1920 г. число городского населения Омска вместе с пригородами составило 144 525 человек. В сравнении с 1917 г. население уменьшилось на 6875 или 4,54%. В 1923 г. в городе на 1000 человек родилось 38,8%, умерло – 32,6%, прирост составил 6,2%⁵. Согласно данным городской переписи от 1923 г., городское население Омска вместе с пригородами составило 189005 человек [3, с. 165], увеличившись на 44 480 человек или 30,7%.

Томская губерния превосходила другие губернии Сибири по количеству населения (3 701 414 чел. в 1914 г.). В 1912 г. число жителей городов составляло 8,6%, прирост горожан в 1914 г. к 1912 г. составил 7,7%, а в 1915 г. выразился в отрицательной величине – 8,5% [3, с. 154]. По данным за 1917 г. численность городского населения губернии сократилась до 7,9% (363,9

¹ Обзор Тобольской губернии за 1914 г. – Тобольск, 1916. – С. 5.

² Предварительные погубернские итоги Всероссийской с/х и поземельной переписи 1917 г. по 29 губерниям и 6 областям. – М.: ЦСУ, 1919. – С. 50–51.

³ Обзор Акмолинской области за 1914 г. – Омск, 1915. – С. 7.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

из 4609,1). В 1918 г. прирост в Томске также был отрицательным – 9,4%, в 1921 г. – 2,14% [3, с. 164]. По г. Томску в 1922 г. на 1000 населения родилось 19,7, умерло – 32,7, убыль составила – 13,0% [6]. В 1923 г. рождаемость составляла 36,5%, смертность – 24,3%, прирост составил 12,1% [6]. К 1923 г. число горожан составило 8,2% [3, с. 163], меньше, чем в 1912 г.

В 1921 г. Новониколаевская губерния выделилась из Томской. В 1922 г. число жителей Новониколаевска было 74000, родилось – 2429, умерло – 4425, убыль составила 1996 чел., рождаемость составила 32,8%, смертность – 59,7%, убыль – 26,9%. К 1923 г. наблюдается положительная динамика по городу: с числом жителей в 76491 чел. родилось 3562, умерло – 1795, прирост – 1767 чел., коэффициент рождаемости составлял 46,5%, смертность – 23,4%, прирост составил 23,1% [6].

По всем городам региона в период 1914–1923 гг., наблюдается катастрофическая картина, городское население постоянно убывает. Демографическая катастрофа остановила рост численности горожан и к 1923 г. городское население региона составило 10,6%, увеличившись всего на 1,2% с 1914 г.

В 1917 г. городское население Омской области составляло 151,4 тыс. чел. или 14,2%. Среднегодовой естественный прирост населения составлял 1,9% с 1909 по 1917 гг. [4, с. 63].

По данным переписи от 28.08.1920 г. в Новониколаевской, Алтайской, Томской и Омской губернии, по административно-территориальному устройству 1921 г., проживало 5720,5 тыс. человек, в городах 640,3 тыс., что составляло 11,2%¹.

Темпы роста численности населения Сибири в годы революции замедлились даже по сравнению с периодом мировой войны. На этапе с 1 января 1918 г. по 1 января 1920 г. население региона выросло всего на 6%. Существенно изменилось соотношение темпов роста городского и сельского населения. Количество жителей села за указанные годы возросло почти на 8%. Вместе с тем численность горожан сократилась более чем на 7%. Особенно заметно понизилось количество жителей Новониколаевска, Томска, Тобольска и некоторых других городов. Большинство вновь прибывших в сибирские города беженцев, не задерживаясь надолго, следовали далее на восток или в деревню. В результате для Сибири в 1918–1920 гг. было характерно редкое в ее демографической истории явление дезурбанизации, что выразилось в заметном снижении удельного веса горожан с 12% в 1918 г. до 10% в 1921 г. [7, с. 24].

¹ Население Сибири (по материалам Всерос. демогр. переписи 1920 г.): по губ., по уезд. и поволостные итоги. – Т. 1. – Вып. 5. – Новониколаевск, 1921.

На территории Новониколаевской губернии (учреждена в 1921 г.), в 1920 г. перепись зафиксировала 1297,4 тыс. чел. постоянного населения, 615,4 тыс. мужчин, и 682 тыс. женщин¹.

Несмотря на негативные перемены в тенденциях воспроизводства и миграций населения, для Западной Сибири в 1920–1930-е гг. были характерны повышенные темпы роста численности населения. По данным переписи населения 1920 г., в Западной Сибири проживало 6,8 млн. чел., в 1926 г. – 7,4 млн. человек [7, с. 38].

Таблица 1

Численность наличного населения Сибири по территориям, охваченным демографической переписью 28 августа 1920 г.²

Губернии	Все население	В том числе		Удельный вес городского населения, в %
		сельское	городское	
Алтайская	1634055	1493074	140981	8,6
Омская	1556797	1377346	179451	11,5
Новониколаевская	1345646	1234965	110681	8,2
Томская	1086271	882255	204016	18,8
Тюменская	1177374	1085707	91667	7,8

Основная масса сибиряков проживала в сельской местности. Численность горожан не превышала миллиона человек, удельный вес городского населения составлял 11,5% что было ниже общероссийских показателей, составлявших 14%.

¹ Наша малая родина: хрестоматия по истории Новосибирской области, 1921–1991 гг. / Сост. В. И. Баяндин, В. А. Ильиных, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов и др. – Новосибирск: Экор, 1997. – С. 14.

² Подсчитано по: Статистический ежегодник 1918–1920 гг. – М., 1920. – Вып. 1; Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы в Сибири в XX – начале XXI века / В. А. Ильиных, В. А. Исупов, А. И. Тимошенко и др. – Новосибирск: Ин-т Истории СО РАН, 2012. – С. 181.

**Динамика численности населения Западной Сибири
по данным переписей 1920–1939 гг.**

Год переписи	Всего население (тыс. чел.)	В том числе:		Удельный вес, в %	
		Городское	Сельское	Городское	Сельское
1920 ¹	6800,2	726,9	6073,3	10,7	89,3
1926 ²	7431,6	877,3	6564,3	11,8	88,2

Население Сибири замедлило темпы роста. Замедление темпов роста численности населения произошло за счет горожан. Городское население понесло самые существенные потери.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горюшкин Л. М. К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. – Новосибирск, 1976.

2. Исупов В. А. Источники по демографической истории Сибири. В первые годы Советской власти // Государство и общество Сибири XVIII–XX вв.: сб. науч. тр. – Новосибирск, 2008.

3. Дмитриенко Н. М. Сибирский город в XIX – первой трети XX века: локально-историческое исследование на материалах Томска. – Томск, 2000.

4. Сигутов П. Т. Особенности динамики населения Омской области в связи с основными этапами ее хозяйственного освоения (дореволюционный период) // Очерки населения и хозяйства Западной Сибири: сб. ст. / Отв. ред. Е. А. Батурина. – Новосибирск, 1965.

5. Клячкин В. Е. Естественное движение жителей города Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1920 и 1923–1926 гг. [с 50-ю табл.]. – Омск, 1927.

6. Ицкович А. А. Смертность и причины смертности в Новосибирске за 1925 г. // Сибирский медицинский журнал. – Новониколаевск, 1927. – № 5.

7. Исупов В. А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) / Отв. ред. С. А. Папков. – Новосибирск, 2008.

¹ В границах Алтайской, Омской, Новониколаевской, Томской и Тюменской губерний по административно-территориальному устройству 1921 г.

² Данные за 1926 г. представлены в границах Алтайского края, Омской и Новосибирской областей. См. Исупов В. А. Указ. соч. – С. 38.

Кротт Иван Иванович,
*кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой отечественной истории,
Омский государственный педагогический университет,
Омск,
e-mail: ivkrott@mail.ru*

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПРАКТИКИ АДАПТАЦИИ И МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются поведенческие стратегии и практики, социальная мобильность сельских предпринимателей Западной Сибири в период Революции и Гражданской войны. Показаны формирующиеся модели взаимодействия сельских предпринимателей, крестьянского сообщества, временных и постоянных органов государственной власти. Делается вывод о том, что в условиях политического и социально-экономического кризиса происходило формирование новой модели аграрных отношений, основными характеристиками которой стали, с одной стороны, постоянное вмешательство государства в жизнь деревни, с другой – уравнительность. При этом в послереволюционные годы наблюдалось деление социума на «своих» и «чужих», когда власть переводила в периферийное и дискриминационное состояние целые социальные слои, отдельные категории населения и сельские предприниматели в этом отношении были не исключением.

Ключевые слова: сельскохозяйственное предпринимательство; Западная Сибирь; Революция 1917 г.; Гражданская война; социально-экономические трансформации; поведенческие стратегии и практики; социальная мобильность; маргинализация.

Krott Ivan Ivanovich,
*Candidate of Historical Sciences,
head of the department of domestic history,
Omsk state pedagogical university,
Omsk,
e-mail: ivkrott@mail.ru*

AGRICULTURAL ENTREPRENEURSHIP IN WESTERN SIBERIA: THE PRACTICE OF ADAPTATION AND INTERACTION MODELS IN TERMS OF THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR

The article discusses behavioral strategies and practices, social mobility, rural entrepreneurs in Western Siberia during the revolution and Civil war. Shows the emerging interaction model for rural entrepreneurs, rural community, temporary and permanent public authorities. It is concluded that in terms of political and socio-economic crisis was the formation of a new model of agrarian relations, the main characteristics of which were, on the one hand, continued government intervention in the life of the village, on the other – equalization. Thus in the post-revolutionary years have witnessed the division of society into «us» and «them» when power is transferred to the peripheral and discriminatory as the whole social strata, certain categories of the population and rural entrepreneurs in this respect was no exception.

Key words: agricultural entrepreneurship, Western Siberia, revolution of 1917, civil war, social and economic transformation, behavioral strategies and practices, social mobility, marginalization

Социально-экономические перемены в конце XIX – начале XX вв. способствовали формированию и развитию в аграрной сфере Западной Сибири частной инициативы, предпринимательской системы хозяйствования. В итоге сельские предпринимательские хозяйства стали играть заметную роль в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции. При этом особое значение имели так называемые культурные хозяйства, сосредоточившие в себе последние достижения в области агрокультуры – лучшие сорта зерновых и технических культур, улучшенные породы животных, новейшую сельскохозяйственную технику. Кроме того, многие предприниматели самостоятельно производили научные опыты, направленные на интенсификацию технологий производства. Такие хозяйства являлись образцами организационно-хозяйственного новаторства для местного сибирского населения. Подчеркнем, что сельскохозяйственные предприниматели региона как «пионеры-культуртрегеры» имели значение не столько в количественном, сколько в качественном плане, являясь носителем именно новых социокультурных начал [1].

Определяющую роль в развитии сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири сыграл период Революции и Гражданской войны. В условиях политического и социально-экономического кризиса происходило

формирование новой модели аграрных отношений, основными характеристиками которой стали, с одной стороны, постоянное вмешательство государства в жизнь деревни, с другой – уравнительность. Разным политическим силам, временным или постоянным органам государственной власти и управления, для того чтобы использовать людские и экономические ресурсы сибирской деревни, приходилось осуществлять многочисленные мероприятия с учетом интересов различных групп сельского населения региона.

После свержения самодержавия в 1917 г. сибирское крестьянство не прочь было увеличить и качественно улучшить свои земельные наделы. Сельские предприниматели стремились сохранить свои хозяйства и налаженное в них сельскохозяйственное производство. При этом все ожидали поддержки со стороны как местных, так и центральных органов власти. Но Временное правительство не было готово к радикальным мерам решения имеющихся проблем в аграрной сфере. Все это привело к тому, что на местах ситуация вышла из-под контроля и стала очень сильно зависеть от позиции и действий местных органов, сформированных крестьянами, которые как раз и принимали решения о захвате земли у казны и крупных сельских предпринимателей.

В этой ситуации в поземельных отношениях между крестьянским населением и сельскими предпринимателями имели место быть конфликтные ситуации, которые являлись показателем осознания данными социальными сообществами новых условий жизни, необходимости приспособиться к ним так, чтобы иметь возможность участвовать в их использовании. Действуя в различных социокультурных пространствах, представители этих сообществ активировали различные сценарии социальной репрезентации с варьирующимся радиусом действия [2, с. 44–48].

В годы «первой» советской власти сельское население Западной Сибири получило дополнительные земельные прирезки, прежде всего, за счет бывших кабинетских, казенных, монастырских и церковных земель. Частновладельческие земли, а также арендные участки сельских предпринимателей не стали в этот период основой для дополнительного наделения сибирского крестьянства, но на их базе были образованы первые коллективные и государственные (советские) хозяйства. Необходимо подчеркнуть, что принципиальной разницы между курсом, проводимым земельными органами Временного правительства в начале 1918 г., и земельными отделами Советов, не прослеживается. Аграрные преобразования Советской власти в 1917 – первой половине 1918 гг. нанесли серьезный урон, прежде всего, хоть и немногочисленным, но наиболее эффективным в экономическом отношении предпринимательским хозяйствам [3, с. 26–30].

В период деятельности антибольшевистских правительств новая власть колебалась между двумя достаточно массовыми группами в сибирской деревне: «захватчиками» (крестьянами) и прежними владельцами земли (в основном сельскими предпринимателями). Выступая одновременно под лозунгами, с одной стороны, «восстановления правового порядка», разрушенного революцией, а с другой, защищая «революционно-демократические завоевания Февраля», Временное Сибирское и Российское правительства способствовали дальнейшему усложнению аграрного вопроса.

Отсутствие четкой аграрной политики в совокупности с постоянными захватами в предпринимательских хозяйствах земли и инвентаря местным населением способствовали угасанию частной инициативы, предприимчивости в локальном сообществе [4, с. 99–137].

Социально-экономические мероприятия Советской власти в начале 1920-х гг. привели к ликвидации сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири. В новых условиях многолетний опыт и хозяйственный потенциал сельских предпринимателей оказались невостребованными. Бывшие предпринимательские хозяйства использовались лишь только для образования коллективных и государственных хозяйств. Но если частновладельческие хозяйства предпринимательского типа в предшествующие два десятилетия были высокотоварными и многие из них являлись «рассадниками аграрной культуры», то коллективные хозяйства имели скромные показатели рентабельности [5, с. 216–230].

В результате революционных событий 1917 г. и «строительства нового общества» сельские предприниматели как представители «имущих и привилегированных» сословий и групп дореволюционного российского общества оказались выбитыми из привычной для них социокультурной и профессиональной среды. В новых условиях они лишились не только своего материального достатка, собственности, но и прежнего статуса, положения в обществе. Эти «осколки проклятого прошлого» оказались искусственно объединены властью в категории под символическими названиями: «враждебные классы», «бывшие», «эксплуататоры», «социально чуждые и опасные элементы». Политика в отношении «бывших господствующих классов» носила явный дискриминационный характер. Прикрываясь «классовой справедливостью» и задачами «классовой борьбы», местные власти изымали у сельских предпринимателей в «интересах революции» не только землю, но и имущество: одежду, мебель, посуду, предметы роскоши и пр. Бывшие владельцы и их семьи были выселены из собственных имений (хозяйств) и фактически остались без всяких средств к существованию. Кроме того, в изучаемый период наблюдается существенное

снижение социального статуса бывших владельцев предпринимательских хозяйств, их близких родственников. В этой ситуации сами «бывшие» пытались причислять себя к представителям «трудового» населения. Данную модель поведения можно объяснить, с одной стороны, страхом за свою жизнь, желанием принизить свой прежний социальный статус и имущественное положение. С другой стороны, определение социальной принадлежности новой властью делалось по внешним признакам, по «дореволюционному наследию» в виде количества обрабатываемых до революции десятин земли, количества скота, наличия сельскохозяйственной техники¹.

В итоге сельские предприниматели оказались за рамками искусственно формируемых политической властью социокультурных норм и традиций. Они не только были ограничены в своих статусных позициях, но и оказывались не в силах реализовать свои хозяйственные и экономические возможности [6, с. 71–75].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кротт И. И. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX – начале XX века. – Омск, 2009.
2. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: очерки истории / Отв. ред. В. А. Ильиных. – Новосибирск, 2008.
3. Кротт И. И. Ликвидация частновладельческих хозяйств предпринимательского типа в Западной Сибири (октябрь 1917 г. – май 1918 г.) // Омский научный вестник. – Омск, 2014. – № 3 (129). – Серия Общество. История. Современность.
4. Рынков В. М. Между Сциллой и Харибдой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (лето 1918–1919 г.) // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII – XX вв.). Бахрушинские чтения 1998 г.: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Шишкина. – Новосибирск, 2001.
5. Кротт И. И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы). – Омск, 2010.
6. Кротт И. И. Социальная мобильность сельских предпринимателей в период революции и Гражданской войны (1917–1920-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – № 4.

¹ ГИАОО. Ф. Р-209. Оп.1. Д. 728. Л. 65–66.

Ксенжик Галина Николаевна,
доктор исторических наук,
заведующий отделом истории Казахстана нового времени,
Институт истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова,
Алматы, Республика Казахстан,
e-mail: migkz@ya.ru

СТОЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИИ В КАЗАХСТАНЕ: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Данная статья направлена на осмысление новых направлений в междисциплинарных исследованиях, чтобы лучше понять всю сложность и трагичность происшедших революционных событий в Казахстане в 1917 г. Независимость и суверенность Казахстана оказала существенное влияние на интерпретацию прошлого, и в настоящее время историческая наука уделяет большое внимание поиску новых методов и источников по исследованию переломных событий, которые повлияли на текущую жизнь в Казахстане и в корне изменили ход исторического развития.

Ключевые слова: революция; метод; междисциплинарность; компаративистика; картография.

Ksenzhik Galina Nikolaevna,
Doctor of Historical Sciences,
Head of Department of History of Kazakhstan of Modern Times,
Institute of History and Ethnology of Ch. Ch. Valikhanov,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
e-mail: migkz@ya.ru

100TH ANNIVERSARY OF THE REVOLUTION IN KAZAKHSTAN: NEW DIRECTIONS IN INTERDISCIPLINARY RESEARCHES

This article is aimed at understanding the new directions in research to better understanding of the complexity and tragedy of the revolutionary events in Kazakhstan in 1917. Independence and sovereignty of Kazakhstan had a significant impact on the interpretation of the past, and now historical science pays great attention to the search of new methods and sources for investigating

critical events that affected the current life in Kazakhstan and radically changed the course of historical development.

Key words: revolution; method; interdisciplinarity; comparativistics; cartography.

В данном исследовании автор рассматривает опыт применения междисциплинарного подхода в изучении революционных событий, применяет сравнительный и картографический метод для рассмотрения и анализа особенностей установления Советской власти в Казахстане с целью выявления новых подробностей и данных.

Общеизвестно, что просчеты высшего руководства Российской империи в военном, экономическом и социальном планировании накануне и в период Первой мировой войны привели к тяжелым поражениям и большим потерям на фронте и как следствие – усугублению положения населения в Казахстане.

При этом создавшееся кризисное положение в Казахстане осложнилось вследствие массового изъятия рабочих рук из ведения казахских хозяйств, согласно царского указа от 25 июня 1916 г. о «Реквизиции» на тыловые работы (устройство оборонительных сооружений и путей военных сообщений в районе действующей армии) «инородческого» мужского населения Казахстана в возрасте от 19 до 43 лет. Данные обстоятельства привели казахские хозяйства к разорению. Социальный взрыв в регионах Казахстана вылился в национально-освободительное восстание 1916 г., которое способствовало обострению политического кризиса Российской империи и в дальнейшем ее краху в 1917 г. [1, с. 49–60].

Процесс установления Советской власти в Казахстане не был «триумфальным шествием»¹ как утверждалось в советской историографии, вследствие данных обстоятельств вековой юбилей революционных событий 1917 г. требует своего переосмысления.

Изучение и анализ трагических страниц истории, таких, как революция и последовавшая вслед за ней Гражданская война, представляют крайнюю сложность. Тем не менее историкам необходимо этим заниматься. Исследователям следует искать, изучать, анализировать новые источники, материалы и методы, чтобы прийти к верному осмыслению этого переломного процесса, изменившему ход исторического развития Казахстана, и создать единую концепцию отечественной истории Казахстана для подрастающего поколения.

¹ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. – Алматы, 2000. – Том 4. – С. 121.

На современном этапе в развитии методологии истории центральное место занимают идеи междисциплинарности и наблюдается планомерная интеграция исторической науки в единое исследовательское пространство с социологией, экономикой, психологией, картографией, географией и т. д.

К числу основных общеисторических методов научного исследования относятся сравнительный, но использование данного метода в синтезе с картографическим методом, который не принадлежит к числу хорошо разработанных методологий исторической науки, может с нашей точки зрения создать новое междисциплинарное направление и новые возможности в исследовании революции.

Что касается опыта использования сравнительного метода исследования революций, то следует обратить внимание на зарубежное исследование «Русская революция в контексте общеевропейской истории: размышления из Канады» Тони Рокки¹ (Торонто, Канада, 2017 г.), где отмечено, что «писать об оппозиционных и революционных движениях в Российской империи от отмены крепостного права в 1861 году до свержения царя Николая II во время Февральской революции в 1917 году – сложное дело. Самое главное – обратить внимание на масштабность и многообразие событий в России, особенно в революции 1905–1907, революциях 1917 года и в Гражданской войне (главным образом 1917–1921 гг.). Также необходимо учитывать тот факт, что Россия была самой многонациональной страной в Европе».

В связи с данным обстоятельством автор обращает внимание исследователей на возможности компаративистики в исследовании революции и отмечает, что «сравнительный подход не уменьшает значение и уникальность русской революции. Наоборот, он помогает нам глубже проследить элементы преемственности и перемен, сходств и различий между революциями и контрреволюциями, начиная с Французской революции. Этот подход иногда дискуссионный, потому что некоторые историки критикуют сторонников подхода за упрощение, игнорирование уникальных факторов или уменьшение значения великих революций (особенно Французской революции)».

Канадский историк пишет в исследовании, что Французская революция всегда была образцовой для русских революционеров. Русские революционеры делали сравнения этих революций вплоть до конца НЭПа. Однако при советском режиме в научных исследованиях, посвященных Октябрьской социалистической революции, о сравнительном подходе по идеологическим соображениям не могло быть речи. Даже названия

¹ Магистр в области исторических наук.

«Великая Французская буржуазная революция» и «Великая Октябрьская социалистическая революция» исключили возможность проследить элементы преемственности и сходства. Между буржуазной и социалистической революцией могли существовать только различия.

Тони Рокки отмечает, что советские историки обвиняли буржуазию в измене революции и подчеркнули, что только «Великая Октябрьская социалистическая революция» под руководством ленинско-сталинской партии большевиков могла принести освобождение трудовому народу».

Первое крупное зарубежное исследование «Анатомия революции» (*Anatomy of a Revolution*) гарвардского историка Крейна Бринтона, использующее сравнительный метод исследования, было издано в 1938 г. Данное исследование переиздавалось несколько раз. В нем использовался сравнительный анализ четырех революций – английской, американской, французской и русской. Американский историк определил эти четыре революции как «демократические революции, где большинство населения выступило против меньшинства. Все эти революции прошли через определенные этапы развития: кризис старого режима (революционная ситуация), власть умеренных элементов (либералы и Февральская революция), власть экстремистских элементов (якобинцы во Франции и большевики в России) и т. д.».

Сравнительный метод исследования революций использовался также американским историком Робертом Палмером и французским историком Жаком Годешо. Они изучали революции в Европе и Америке от 1760 до 1800 гг. и пришли к выводу, что эти революции имели много общего. Концепция Палмера и Годешо о всеобщей волне революций в конце XVIII века получила название «тезис Палмера-Годешо».

В заключение историк Тони Рокки в публикации «Русская революция в контексте общеевропейской истории: размышления из Канады» констатирует, что сравнительный метод исследования поможет нам лучше понять место русской революции в истории общеевропейских революций [2].

Об использовании картографического метода в исторических исследованиях после революции (1917 г.) необходимо обратить внимание на исследование советского картографа Н. В. Виноградова «Карты и атласы» (1941 г.), который отмечал, что «значение карты трудно переоценить. Даже примитивные картографические схемы, которые касаются военных операций, нередко оказываются для понимания явлений полезнее многословного текста». Ученый накануне Великой Отечественной войны писал о значимости картографического метода исследования в анализе военных действий и революций, «особенно существенна роль

карты в деле обороны страны. Недаром с давних пор карту называли глазами армии». Автор в своем исследовании дает историческую справку развития картографии после Октябрьской революции: «в 1918 г. для снабжения картами Красной Армии была учреждена на базе прежнего Корпуса военных топографов Военно-топографическая служба, выполнившая работу по изготовлению карт и снабжению ими многочисленных фронтов гражданской войны». Дальнейшее развитие картографии было определено Декретом об организации Высшего геодезического управления при ВСНХ, который был подписан В. И. Лениным 15 марта 1919 г. На высшее геодезическое управление возлагалась ответственная задача по регулированию и проведению съемочных и картографических работ. 7 августа 1919 г. В. И. Ленин подписал Постановление Совнаркома об изготовлении картограмм, диаграмм, картодиаграмм и других наглядных изображений с целью распространения среди рабочего и крестьянского населения правильных сведений о деятельности советских учреждений и знаний о народном хозяйстве, что тогда поручалось Центральному статистическому управлению совместно с Комиссариатом народного просвещения. В 1923 г. была закреплена для топографических карт система метрических масштабов (1:25 000, 1:50 000 и 1:100 000; позднее также 1:5 000, 1:10 000 и 1:200 000).

В послереволюционный период и до 1941 г. было издано свыше ста листов временного издания 1:1000000 карты (военным ведомством) и с 1940 г. издается «Государственная карта СССР масштаба 1:1000000» на всю территорию страны с использованием всех ранее составленных и учтенных материалов по типу международной миллионной карты. В том числе в предвоенный период издаются многочисленные административные карты по отдельным республикам, краям и областям (в крупных масштабах 1: 200000 – 1: 1000000), представляющие собой хорошие справочные издания. Н.В. Виноградов делает вывод в монографии, что «аналогичных изданий не было в дореволюционной России (кроме карты Тилло, охватывавшей не полностью Европейскую Россию)»[11].

Известный советский исследователь истории, географии, картографии Л. А. Гольденберг отмечал, что «потребность в карте, точно и наглядно передающей многочисленные пространственные связи всевозможных явлений и процессов, особенно остро ощущается в исторических исследованиях, таких как военные операции и ряд других проблем». Советский автор указывал на особую ценность применения картографического метода в исторических исследованиях: «размещение явлений при помощи карт и планов можно показать с такой точностью, с какой их нельзя

передать ни в каком описании». Л. А. Гольденберг критикует точку зрения некоторых авторов того периода, рассматривающих картографический материал как иллюстрации к издаваемым изданиям, а не как источник, имеющий самостоятельное историческое значение. Интересны его замечания, относящиеся к изучению картографического материала, отображающего события классовой борьбы (революций): «при использовании картографического метода историки могут преодолеть опасность игнорирования роли и значения географической среды при изучении исторических процессов». Автор дает рекомендации, какие сведения по военным действиям и революционным событиям может почерпнуть историк из картографического материала (переломные моменты сражений, даты и места сражений и т.д.) [3, с. 3–10].

Первое исследование с помощью картографического метода, посвященное Революции 1917 г. в Москве, было осуществлено историком А. Я. Грунтом в 1961 г., но при этом он ограничился лишь одним источником «Статистическим атласом 1924 г., в частности «Схематическим планом города Москвы» в масштабе 1:63000 [4, с. 16–29].

Использование картографического метода в исторических исследованиях проводили, помимо уже выше указанных ученых, следующие исследователи: В. К. Яцунский (1950 г.), Л. Г. Бескровный (1971 г.), О. М. Медушевская (1977 г.), Б. Г. Галкович (1980 г.), А. М. Берлянт (1985 г.) [5, с. 9].

На основании многолетнего опыта работы над картографическими источниками российским картографом, профессором МГУ А. М. Берлянтом отмечалось, что «картография не стоит на месте. В ней быстро развиваются новые методы. Карта теперь рассматривается как модель действительности и одновременно как источник информации» [6].

Автор пишет о том, что «Картографическая информация не может быть сведена к сумме условных знаков, она содержит еще нечто сверх этой суммы. Пытаясь понять сущность картографической информации, никак нельзя забывать, что карта не просто знаковая, но образно-знаковая модель действительности. Свойство образности имеет принципиальное значение для понимания картографической информации, поскольку именно это в корне отличает карты от других источников информации» [6, с. 4–51].

Современный исследователь применения информационных систем в исторических исследованиях Н. В. Пиотух утверждает, что, «как только в руках историка появился компьютер, картографический метод претерпел большие изменения. Овладения ГИС-технологиями широкими слоями исследователей, несомненно, сделает работы историков содержательней и интереснее» [7, с. 72–89].

Среди современных зарубежных исследователей наиболее широко использует в исторических исследованиях методы исторической географии и картографии американский ученый профессор, доктор Марк Басин, специалист по исторической географии и геополитике Германии и России. Монография М. Басина «Имперские грезы» выпущена в престижной научной серии Кембриджского университета «Кембриджские исследования по исторической географии». Публикация серии содействует развитию исследований, посвященных методологическим и методическим вопросам исторической географии и картографии. Работа автора предполагает новый взгляд на сложные проблемы, рассматривает понятие «предопределенного судьбой», зависимость населения от географического пространства.

М. Басин известен своим дискуссионным утверждением в монографии, что «Первая мировая война в корне изменила ситуацию: центр экономического и политического влияния на мировой арене сместился к Новому Свету, на Североамериканский континент» [8, с. 274–280].

Таким образом, опираясь на приведенный выше историографический анализ исследований, посвященных методическим вопросам картографии и исторической географии, можно утверждать, что использование картографического метода в рассмотрении установления Советской власти на территории Казахстана в 1917 г. позволит нам наглядно рассмотреть пространственно-временную сторону установления Советской власти и выявить динамику революционных действий, получить всевозможные оценки происходящих событий в зависимости от географического месторасположения населенных пунктов.

Поиск картографических документов, отражающих революционные события, происходившие в Казахстане в 1917 г., производился в фонде картографических изданий Российской государственной библиотеки (РГБ РФ), который содержит 250 тыс. единиц хранения с XVI в. по настоящее время. Основной фонд содержит атласы, планы, картосхемы, карты. В фонде находятся карты на листах и на тканях, настенные, в рулонах, на картоне, рельефные, в виде открыток и календарей. В собрание фонда входят текстовые, графические, иллюстрированные приложения к картографическим документам. Вместе с основным фондом картографических изданий как часть справочно-поискового аппарата действует специализированный справочно-библиографический фонд. В него входят справочники административно-территориального деления, топонимические и терминологические словари, библиографические и справочные издания универсального характера.

В ходе подборки материала в РГБ РФ, относящихся к установлению Советской власти в Казахстане, были обнаружены несколько тематических карт агитационно-пропагандистского содержания, демонстрирующих процесс установления советской власти в Казахстане¹. Данные карты имели яркое оформление, дополнялись различными диаграммами, рисунками и имели элементы плаката.

Остановимся более подробно на двух картах (рис. 1 и рис. 2) и применим метод сравнения для их анализа и выявления особенностей установления советской власти в Казахстане:

1). Дополнительная карта № 4. Великая Октябрьская социалистическая революция. Азиатская часть России. – 1:20000000. – М., 1958.² См. рис. 1.

1 Великая Октябрьская. Дополнительная карта № 4. Историческая, 1917–1918 гг. / Сост. в 1947 г., испр. в 1954 г.; редактор К. Б. Мартова // РГБ РФ Ко 37/II- (10-11), Ко 37/ II-12 . СССР. – 1:2500 000. – М., б.г.; Партия – вождь Октября. Подготовка социалистической революции / Сост. и подгот. к печати ПКО «Картография» в 1986 г.; ст. ред. И. Я. Сукетин, ред. И. Ю. Каменская // РГБ РФ Ко 73/V-26 СССР. – 1:6000000. – М., 1988. – 1 л., многокрасочная диаграмма; Дополнительные карты: 1). Подготовка вооруженного восстания Петрограде; 2). Сибирь и Дальний Восток. – 1:15000000. – Диаграмма «Расстановка партийных сил по районам страны накануне октября. Рост численности членов партии большевиков»; Партия – вождь Октября / Сост. и подгот. к печати ПКО «Картография» в 1986 г.; ст. ред. И. Я. Сукетин, ред. Г.В. Шаурина // РГБ РФ Ко 100 / N – 4, 5. – М., 1988; Партия – вождь Октября. Карта 1. Подготовка социалистической революции (март-октябрь 1917 г). / Сост. и подгот. к печати ПКО «Картография» в 1987 г.; ред. И. Ю. Каменская, науч. консультант д.и.н. П. А. Голут // РГБ РФ Ко 70 /X-447, 448, 449. – 1:12000000. – М., 1987. – 1л., текст, диаграмма; доп. карта Азиатская часть России.

2 Великая Октябрьская социалистическая революция. Дополнительная карта № 4. Азиатская часть России [при сост. использованы материалы сектора истории Гражданской войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС] / Ред. Н. А. Кузнецова // РГБ РФ Ко 62/ II-38,39; Ко 62/ II- 40 арх. СССР – Историческая, 1917–1918. – 1:20000000. – М., 1958.



Рис. 1. Дополнительная карта № 4. Великая Октябрьская социалистическая революция. Азиатская часть России / При сост. использованы материалы сектора истории Гражданской войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; ред. Н. А. Кузнецова // РГБ РФ Ко 62/ II-38,39; Ко 62/ II- 40 арх. СССР – Историческая, 1917–1918. – 1:20000000. – М., 1958.

Описание: На карте условными значками (знаменами) показаны места и даты установления Советской власти в Казахстане: Кустанай – 7.01.1918 г.; Актюбинск – 21.01.1918 г.; Петропавловск – 5.12.1917 г., Семипалатинск – 3.02.1918 г.; Верный – 24.02.1918 г. и т. д. Территория Казахстана по революционной активности на карте окрашена в три цвета. Наиболее интенсивный окрас – ярко-серый – соответствует наибольшей революционной активности и отмечен на юге Казахстана, охватывает территорию к югу от реки Сыр-Дарья до границы с Афганистаном. Серым цветом отмечена средняя революционная активность, которая занимает западную и центральную часть Казахстана до реки Сыры-Су. Бледно-серым показана наименее активная часть Казахстана в революционном отношении, которая включает территорию от реки Сары-Су до реки Иртыш (северо-восточная часть Казахстана). Причем условные знаки наглядно показывают установления Советской власти по границам территории Казахстана и ее отсутствие внутри степи.

2) Дополнительная карта. Азиатская часть СССР. Великая Октябрьская социалистическая революция и триумфальное шествие Советской

власти (октябрь 1917 – март 1918 г.). – 1:22000000. – М., 1982. – 2 л.¹
См. рис. 2.



Рис. 2. Дополнительная карта. Азиатская часть СССР. Великая Октябрьская социалистическая революция и триумфальное шествие Советской власти (октябрь 1917 – март 1918) / Сост. и подгот. к печати ПКО Картография ГУКГ в 1981 г.; ред. Н. А. Смирнова // РГБ РФ Ко 90/ VI-76, 77, 78. г. – 1:22000000. – М., 1982. – 2 л.

Описание: На карте условными значками (знаменами) показаны места и даты установления Советской власти в Казахстане: Кустанай – 25.12.1917 (в предыдущей карте 1958 г. – 7.01.1918 г.); Актобьинск – 6.01.1918 г. (в предыдущей карте 1958 г. – 21.01.1918 г.); Петропавловск – 22. 11. 1917 г. (в предыдущей карте 1958 г. – 5.12.1917 г.); Акмолинск – 27.12.1917 г.; Семипалатинск – 17.02.1918 г. (в предыдущей 3.02.1918 г.); Перовск – 30.10.1917 г.; Верный – 3.03.1918 г. (в предыдущей 24.02.1918 г.). Территория Казахстана по революционной активности на карте окрашена в два цвета. Серый окрас соответствует наибольшей революционной активности

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция и триумфальное шествие Советской власти (октябрь 1917 – март 1918 г.). Дополнительная карта. Азиатская часть СССР / Сост. и подгот. к печати ПКО «Картография» ГУКГ в 1981 г.; ред. Н. А. Смирнова // РГБ РФ Ко 90/ VI-76, 77, 78. – 1:22000000. – М., 1982. – 2 л.

и отмечен на севере, западе и юге Казахстана. Бледно-серым показана наименее активная часть Казахстана в революционном отношении, которая включает территорию от реки Сары-Су до реки Иртыш (северо-восточная часть Казахстана).

В результате сравнения двух этих карт (рис. 1 и рис. 2), наблюдаем такую закономерность: на карте «Азиатская часть СССР. Великая Октябрьская социалистическая революция и триумфальное шествие Советской власти (октябрь 1917 – март 1918–1981 г.)» (рис. 2) установление Советской власти в основном имеет более раннюю датировку. Причем на данной карте отмечается некоторое усреднение революционной активности, нежели на карте «Дополнительная карта № 4. Великая Октябрьская социалистическая революция. Азиатская часть России, 1958 г.» (рис. 1). Тем не менее она наглядно показывает, что Советская власть устанавливалась в первую очередь на приграничных территориях с Россией и по линиям железной дороги, которая имела массовое скопление рабочих-железнодорожников, тесно связанных с центральными районами России. Из сравнения и анализа карт следует, что революционная ситуация была привнесена извне и отсутствовала внутри степи Казахстана.

В результате сравнения двух картографических произведений можно утверждать, что карта 1981 г. (рис. 2) в более радикальном виде явно хочет продемонстрировать торжество нового мира над старым и показать триумфальное шествие Советской власти и идеологически запечатлеть революционные успехи в сознании людей.

Как было отмечено в исследовании «Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи» В. В. Тихонова (к.и.н, Институт российской истории РАН, 2017) в 80-х гг. XX в., «память о Великой Октябрьской социалистической революции буквально пронизывала символическое пространство: монументы, пантеоны героев, о которых знали с детства, города и улицы, названные в честь революционеров и даже юбилеев революции» [9, с. 92–112].

По свидетельству историка ГАРФ РФ А. Р. Литвина «карты, напечатанные в 70-х гг. XX в., исключали массу информации, там отсутствует информация, которая для западного потребителя подобного уровня карт была абсолютно естественной [10].

Карта Азиатской части России, выполненная в эпоху хрущевской «оттепели», (1958 г.) (см. рис. 1), стремится максимально достоверно показать процесс установления советской власти в Казахстане, тем самым редактор Кузнецова Н. А. начала процесс демифологизации революции, но только в дозволенных рамках того периода.

С целью выяснения достоверности и корректировки данных, полученных с картографического материала, используем для сравнения сборники документальных материалов. Произведем сравнение по датам, географическому положению населенных пунктов и выявим особенности установления Советской власти в Казахстане. Так, в материалах отмечено: «раньше всего Советская власть установилась южных районах Казахстана (Сыр-Дарьинская и южная часть Семиреченской области), примыкавших к г. Ташкенту, где уже 31 октября (13 ноября) 1917 года (30 октября) (см. рис. 2) победила Советская власть, но и то, что города Перовск (Кзыл-Орда), Чимкент, Туркестан и другие, расположенные по линии железной дороги, имели компактные массы рабочих-железнодорожников и были наиболее тесно связаны с центральными районами страны».

Вскоре после этого Советская власть победила в северных районах Казахстана, примыкавших к Западной Сибири: «22 ноября (5 декабря) 1917 года была установлена Петропавловскими рабочими и солдатами, которыми руководила местная большевистская организация, возглавляемая Дубининым».

Вооруженное восстание рабочих было проведено в «г. Верном (Алма-Ата) под руководством большевиков в ночь со 2-го на 3-е марта 1918 года. На протяжении марта 1918 года она была установлена во всех уездах Семиреченской области».

Исключительно большое стратегическое значение для победы Советской власти в Казахстане имела борьба «за г. Оренбург, расположенный на железнодорожной магистрали Самара – Ташкент и связывавший Казахстан с центральными районами России»¹.

Согласно данным исследования института истории СССР (1942 г.), революция победила в Акмолинске 29.12.1917 г. (на рис. 2 – 27.12.1917 г.)².

Из архивных данных мы узнаем, что на местах повсеместно испытывались значительные сложности в сохранении Советской власти на местах, например, уже «29 декабря 1917 г. общее собрание служащих, мастеровых, рабочих станции Перовск, обсудив всесторонне события в Оренбурге, постановило немедленно мобилизовать всех могущих носить оружие»³.

¹ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской АССР: сб. док. материалов / Под ред. С. Н. Покровского. – Алма-Ата, 1947.

² Летописи Великой Октябрьской Социалистической революции / Под. ред. А. М. Панкратовой, Г. Д. Костомарова. – М., 1942. – 147 с.

³ 1917 год в Казахстане: док. и материалы. – Алма-Ата, 1977. – С. 116.

Таким образом, в результате сравнительного анализа обнаружено, что имеются небольшие расхождения между письменными и картографическими источниками по историческим датам. Применение картографического метода в синтезе с методом сравнения дает возможность корректировки сведений и данных, тем самым возрастает степень достоверности и наглядности происходящих революционных событий.

Междисциплинарный подход представляет особую ценность в исследовании революции, так как при помощи карт, планов, схем можно показать пространственную динамику революционных событий в Казахстане с такой точностью, с какой их нельзя передать ни в каком описании. Рассмотрение картографических документов с привлечением архивных документов и материалов и использование метода сравнения позволяет исследователям не только уточнить исторические даты, но и выявить новые подробности о революционных событиях 1917 г. в Казахстане, а также дает возможность избежать возможных ошибок при интерпретации исторических малоисследованных фактов, заметно углубить и обогатить исторические знания.

Значительные успехи в применении междисциплинарного подхода в изучении революционных событий могут быть достигнуты с помощью средств географических информационных систем (ГИС), которые позволяют осуществлять накопление, хранение, обработку и использование картографического материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ксенжик Г. Н. Причины и последствия Семиреченского восстания 1916 г. в картографических источниках и документах // Отан тарихи. – 2016. – № 2(74).
2. Рокки Т. Русская революция в контексте общеевропейской истории: размышления из Канады» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/53569.html>. – (Дата обращения – 5.03.2017).
3. Гольденберг А. Г. Русские картографические материалы как исторический источник и их классификация: автореф. дис.... канд. ист. наук. – М., 1958.
4. Галкович Б. Г. Источниковые сведения старых карт и планов // Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. Исторические исследования / Отв. ред. Л. А. Гольденберг. – М., 1980.
5. Постников А. В. Развитие крупномасштабной картографии в России. – М., 1989.

6. Берлянт А. М. Карта – второй язык географии: (очерки о картографии). – М., 1985.
7. Пиотух Н. В. Картографический метод в исторических исследованиях: прошлое и настоящее // История. Карта. Компьютер: сб. науч. ст. – Барнаул, 1998.
8. Bassin Mark. Imperial Visions: Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865 (Cambridge Studies in Historical Geography, number 29). – New York, 1999.
9. Тихонов В. В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. – 2017. – № 2.
10. Литвин А. Р. Россия как цивилизация. Зеркало мира (картография) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: archive.svoboda.org/programs/civil/2004/civil. – (Дата обращения – 5.03.2017).
11. Виноградов Н. В. Карты и атласы / Под ред. М. С. Бондарского, М. П. Мурашова. – М.-Л., 1941.

Левина Жанна Ефимовна,
доктор исторических наук,
профессор кафедры литературы и культурологии,
Омский государственный педагогический университет,
Омск,
levinal@yandex.ru

**ФОРМЫ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ПРАКТИКЕ СИБИРСКИХ ХУДОЖНИКОВ
(20-Е – 30-Е ГОДЫ ХХ ВЕКА).**

В работе рассматриваются основные направления краеведческой работы в социокультурной практике сибирских художников в 20–30-е годы ХХ в. На основе комплексного анализа многообразных источников выделены особенности художественного осмысления образа Сибири и изучения региональной культуры представителями художественного сообщества.

Ключевые слова: история; история культуры; советское общество; советская культура; интеллигенция; социокультурный тип; художники; сибирская культура; краеведение; образ Сибири; омский краеведческий музей.

Levina Zhanna Efimovna,
Doctor of historical science, professor
Federal State-Funded Educational Institution of Highest Vocational Education
«Omsk State Pedagogical University»
of Ministry of Education and Science of the Russian Federation
e-mail: levinal@yandex.ru

**FORMS OF REGIONAL STUDIES IN THE SOCIAL AND
CULTURAL PRACTICE
OF SIBERIAN ARTISTS (1920S - 1930S)**

The guidelines of the regional studies in the social and cultural practice of Siberian artists in the 1920s - 1930s are considered in the paper. Some peculiarities of artistic understanding of the image of Siberia and some characteristics of regional culture study carried out by the representatives of the artistic community are highlighted on the basis of the comprehensive analysis of different sources.

Key words: history, history of culture, Soviet society, soviet culture, intelligentzia, socio-cultural type, artists, Siberia culture, Regional studies, the image of Siberia, Omsk Museum of Regional Studies.

В деятельности сибирской художественной интеллигенции можно выделить несколько направлений краеведческой работы.

Хронологически первым являлась фиксация природных и культурных особенностей Сибири. Со второй половины XIX в. художники участвовали в научных экспедициях, изучали художественное творчество народов Сибири [1]. В 1928 году члены общества «Новая Сибирь» сохраняли традицию изучения национального искусства. В 1929 г. одна из выпускниц художественно-промышленного техникума была включена в состав Карской экспедиции. Планировалась пятимесячная экспедиция по Омской области с целью исследования местного искусства в сотрудничестве с художественными обществами¹.

В дальнейшем появляется потребность в художественном осмыслении образа Сибири. На выставках 1927, 1928, 1937, 1940 годов больше всего было работ, посвященных сибирской природе в различных ее состояниях. Этническая экзотика и конфессиональное многообразие территории отразились в работах, представленных на выставке объединения «Новая Сибирь» в 1927 г.: «Тунгус», «Мусульманка» и др. В начале 30-х гг. широкое распространение получил лозунг «Страна должна знать своих героев!». В 1937 году на областной выставке в Омске «свои герои» были представлены портретами, большую часть которой составляли портреты интеллигенции (41,8%), причем более половины из них посвящены художникам (32,8%). Демонстрировалось, например, два портрета художника И. В. Волкова, выполненные Е. А. Крутиковым и С. Я. Фельдманом².

Одновременно появляется потребность в изучении собственно художественной жизни в Сибири. В 1928 г. местное изобразительное искусство исследовал художник Е. А. Клодт³. В 1929 году в свет вышел справочник «Научные работники Омска», содержащий краткие сведения об отдельных

¹ ГИАОО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 20. Л. 89; Ф. 1076 Оп. 1. Д. 99. Л. 49.

² 2-я выставка картин омского филиала А.Х.Р.Р. – Омск, 1928. – Б. и., б. с.; Каталог 1-й Всесибирской выставки живописи, скульптуры, графики, архитектуры / Сиб. общ-во худ. «Новая Сибирь». – 1927. – 23 с.; Первая омская областная выставка живописи и графики, 1937: каталог. – Омск, 1937. – 31 с.; Каталог работ IV отчетной выставки художников Омской области. – Омск, 1940.

³ ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 99. Л. 49.

представителях художественной интеллигенции¹. Директор Государственного Западно-Сибирского музея Ф. В. Мелехин первоочередной задачей работы художественной галереи считал «описание и изучение образцов искусства», в том числе и сибирского. К концу 1932 г. члены агитмассового сектора Западно-Сибирского краевого филиала АХРР (ассоциация художников революционной России) Амосенко, Гулецкий, Крутиков, Макаров, Волков, Чукалов, Ивакин и Пудовкин организовали исследовательский кабинет. Для пропаганды и изучения деятельности АХР (ассоциация художников революции) планировалось начать издание стенгазеты и бюллетеня Западно-Сибирского филиала АХР². В декабре 1932 года художник и научный сотрудник музея Е. Крутиков активно собирал материал о профессиональном сибирском искусстве. Известным местным художникам В. И. Уфимцеву, Н. Н. Сверчкову, И. В. Волкову, А. М. Монбланову, С. Я. Фельдману, П. Н. Горбуновой и др. предлагалось изложить свою краткую биографию, данные о развитии творчества, а также охарактеризовать омское искусство дореволюционного периода. Предполагалось собрать в одном месте все источники по истории местного искусства. Большое внимание уделялось восстановлению биографических данных и сведений о судьбах художников Куртукова, Клементьева, Чувалкова, Чорос-Гуркина, Эттель и др. План работы на 1933 год намечал издать историю изобразительного искусства в Сибири. В плане работы музея на 1934 год значилось издание брошюры Амосенко «История сибирского изобразительного искусства». Е. Крутиковым было написано «историко-социальное и формальное» исследование Омской художественной галереи. Амосенко опубликовал семь статей газетно-журнального характера по вопросам изобразительного искусства, в том числе и сибирского. В тематическом плане издания литературы Омского краеведческого музея на 1935 год стояла работа Е. Крутикова «Путеводитель по художественной галерее» (1 печатный лист) и А. Амосенко «Материалы к истории сибирского искусства» (3 печатных листа)³. Постоянно выпускались каталоги художественных выставок, включавшие не только список представленных работ, но и краткие биографические сведения об участниках и их фотографии⁴.

¹ Научные работники Омска: справочник. – Омск, 1929. – С. 15, 16.

² РГАЛИ. Ф. 2941. Оп. 1. Д. 309. Л. 9; БУ ИсА, Ф. 1076. Оп. 1. Д. 156. Л. 1.

³ ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 156. Л. 1; Там же. Д. 152. Л. 1; Там же. Д. 161. Л. 1. Д. 165. Л. 17; Там же. Д. 174. Л. 1.

⁴ 2-я выставка картин омского филиала А.Х.Р.Р. – Омск, 1928; Первая омская областная выставка живописи и графики, 1937: каталог. – Омск, 1937. – 31 с.; Каталог работ IV отчетной выставки художников Омской области. – Омск, 1940.

Отсутствие определенных исследовательских навыков, по-видимому, явилось основной причиной того, что планы остались в большинстве своем нереализованными. Разобщенность усилий приводила к тому, что почти каждый, пытавшийся воссоздать картину провинциальной художественной жизни, начинал работу заново, по сути дела с нулевого цикла.

Почти одновременно возникает стремление сохранить творчество сибирских авторов. В 1928 году омский филиал АХРР передал в дар музею коллекцию картин, гравюр, рисунков сибирских художников, включавшую 27 предметов. К 1932 году оформляется идея создания отдельного собрания произведений сибирских художников. К концу года была организована постоянная выставка сибирских художников, включавшая 108 экспонатов¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Свиридовская О. Н. К вопросу о взаимопроникновении процессов развития краеведения и художественной жизни Сибири (конец XIX – начало XX века) // XX век. Художник. Творчество, Эпоха. Диалог культур: материалы междунар. науч. семинара. – Омск, 2003.

¹ ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 156. Л. 1; Там же. Д. 152. Л. 1; Там же. Д. 161. Л. 1. Д. 165. Л. 17; Там же. Д. 174. Л. 1.

Лосунов Александр Матвеевич,
преподаватель, Сибирский казачий юридический колледж,
Омск,
e-mail: losunoff@mail.ru

МАРТОВСКИЕ СОБЫТИЯ 1917 Г. В Г. ОМСКЕ

Статья посвящена актуальной теме – февральским событиям в конкретном регионе России. Автор показывает, как революционные процессы протекали в провинции. В основу публикации положены воспоминания очевидцев, хранящиеся в Историческом архиве Омской области и статьи опубликованные в местной газете «Рабочий путь» за 1926–1927 гг.

Ключевые слова: Февральская революция; Омск; март 1917 г.

Losunov Alexander Matveyevich,
Lecturer, Siberian cossack juridical college ,
Omsk,
e-mail: losunoff@mail.ru

THE EVENTS OF MARCH 1917 IN OMSK

The article deals with an actual problem – to February events in a specific region of Russia. The author shows how the revolutionary events proceeded in the province. The publication is based on eyewitness accounts stored in the Historical archive of the Omsk region and has published articles in the local newspaper «Work path» for 1926–1927.

Key words: February revolution, Omsk region, March, 1917

События февраля – марта 1917 года показывают картину своего рода «победного шествия революции по стране». В Сибири перемена власти в марте 1917 года также прошла удивительно быстро. Во всех сибирских городах практически сразу появились органы новой власти. Не стал исключением в данном плане и наш город Омск.

1(14) марта 1917 г. телеграф принес в Омск первое известие о событиях в Петрограде. В этот день, в 7 часов вечера, в редакции газеты «Омский Вестник» было получено телеграфное сообщение, подтверждающее факт

совершившегося переворота. Сообщалось о том, что русское самодержавие во главе с Николаем II низложено. В этот день в Омске проходило совещание продовольственных органов с участием представителей различных общественных организаций. После того, как сообщения о событиях в Петрограде дошли до этого совещания, то по его решению было образовано специальное бюро в составе 5-ти человек. Жители г. Омска еще не были официально оповещены о событиях местными властями. По городу ползли слухи, порой совершенно искаженные, но зато все чувствовали, что случилось что-то важное и особенное.

2-го (15) марта 1917 г. в этот день, в 1 час дня, газета «Омский вестник» в дополнительном выпуске напечатала все телеграфные сообщения, поступившие в течение суток. Вести о падении самодержавия с молниеносной быстротой распространились по всему городу, производя на людей самое различное впечатление. Некоторые из них предчувствовали, что падение русского самодержавия неизбежно, поэтому сообщение об этом встретили как закономерный, но неприятный факт. Для многих других такое событие казалось совершенно невероятным и не потому, что они были против монархии, а просто в рамки их сознания не укладывалась мысль о том, что Царя, помазанника Божьего можно свергнуть. Эти люди просто не верили в свершившееся. Некоторые считали, что их просто обманывают, поэтому большинство из них заняло выжидательную позицию, и, именно поэтому, они не защищали ни произошедший переворот, ни рухнувшее самодержавие¹. Публика, жаждавшая получения новостей и подтверждения всего прочитанного и услышанного, большими толпами стала стекаться к зданию бывшей Городской Думы (сегодня его занимает Омский городской совет). В это же время уже в полном сборе были представители различных общественных организаций. Они прибыли на совместное заседание, чтобы обменяться мнениями, обсудить создавшееся положение и высказать отношение к произошедшим событиям. Вначале присутствующие заслушали полученные телеграммы. После чего их зачитали присутствующей публике, которая восторженно встретила сообщение об аресте царского правительства, и особенно бурно рукоплескала при упоминании имен царя Николая II, Штюрмера и Протопопова.

Затем в городской Управе началось заседание представителей Омских общественных организаций. Заместитель омского городского головы Галкин, ездивший незадолго перед началом заседания, к Степному генерал-губернатору Н. А. Сухомлинову, заявил, что начальник края на словах высказал «свое безусловное признание и верность новому правительству».

¹ ГИАОО. Ф. Р-2200. Оп.1.Д. 75. Л. 1.

И даже об этом подписал соответствующий «Приказ» для войск Омского гарнизона¹. Вместе с сообщением Галкину о полном своем признании Временного Правительства генерал просил передать просьбу населению и общественным организациям, чтобы они никаких шествий и демонстраций не устраивали.

Однако масса уже не хотела считаться с представителем уничтоженного правительства и просьб его не выполнила. По городу прошли многотысячные демонстрации. Свое признание в верности Временному Правительству и просьбу к населению о сохранении спокойствия выразил и Акмолинский гражданский губернатор В. А. Колобов.

После сообщения, сделанного гласным Галкиным, часть представителей общественных организаций выделилась из состава общего совещания и перешла в кабинет городского головы, чтобы решить вопрос о том, как реагировать на происходящие события. После этих обособленных совещаний, обе группы снова сошлись на совместное совещание. Обмен мнений вызвал некоторые разногласия, но затем было решено вечером 2-го марта созвать чрезвычайное заседание Городской думы с представителями всех общественных и сословных организаций, а так же представителей различных ведомств, учреждений и армии. На этом заседании и был избран, так называемый «Коалиционный комитет», в котором практически не было представителей от рабочих. Это вновь созданный орган за время своего существования выполнял функции областного правительства.

3(16) марта 1917 г. вечером, в городе начались массовые митинги. В общественном собрании (остатки старого и частично восстановленного здания имеют адрес ул. Ленина, 25) митинговали штатские, а в кинотеатре «Гигант» (находился в Воскресенском сквере) был созван митинг военных чинов. На митингах присутствовало 1.000 и 1.500 человек. Вечером этого же дня, в помещении Омского отделения Московского сельскохозяйственного общества на улице Лермонтова (там сегодня находится Омская таможня) состоялось первое заседание Омского Совета рабочих депутатов.

Несмотря на то, что в состав Совета входили представители различных партийных направлений, он занял более левые позиции. Самым первым решением было решение об аресте представителей старой власти² и замене их представителями революционно-демократических направлений. Арест представителей свергнутого правительства было поручено

¹ Приказ № 123 от 2 марта 1917 г. с пометкой «Срочно» // Приказы по Омскому Военному округу за 1917 г. – Омск, б.г.

² С. К. Дни февральской революции в Омске (Омский истпарт) // Рабочий путь (Омск). 1927. – 11 марта. – С. 3.

Исполнительному Комитету Совета. Коалиционный же комитет по вопросу ареста представителей старой власти устроил целый торг, показывая свое нежелание в решении этого вопроса и пытаясь, всеми возможными средствами, тормозить постановлению Совета рабочих депутатов. Он никак не мог решиться на такой шаг, как арест генерал-губернатора. Но, в конце концов, дал свое согласие.

4(17) марта 1917 г. Совет рабочих депутатов вынес решение об аресте в 12 часов ночи, а уже рано утром 4-го марта это решение было проведено в жизнь [1. с.2]. Причем Совету рабочих депутатов пришлось мобилизовать рабочих с заводов, что аресты царских генералов и губернаторов прошли без каких-либо эксцессов. В частности, были привлечены рабочие с завода «Рандруп», из которых организовали засаду расположенную в гостинице «Европа» (сегодня первый этаж этого здания занимает компания «Филипп»), напротив дворца генерал-губернатора (где сегодня помещается один из корпусов музея Изобразительных искусств имени М. А. Врубеля). Во время ночного ареста генерал-губернатора Сухомлинова рабочие разоружили и полицию. 4-го марта с 7 часов утра по городу началось торжественное шествие войск местного Омского гарнизона. Войска шли вооруженные, в полном боевом и образцовом порядке со знаменами, оркестрами и пением революционных песен. Присутствующая публика восторженно приветствовала войска. Кричали: «Да здравствует Народная Армия», «Да здравствует Россия». Все это покрывалось громогласным «Ура». Во главе войск шли офицеры и генералы, которые клялись в своей преданности народу, революции и свободе. Публика, присутствующая при этом зрелище, ликовала. Около 12 часов дня на автомобиле в сопровождении председателя Коалиционного комитета Буяновского прибыл для принятия парада новый командующий войсками округа генерал-майор С. М. Думбадзе. Шествие гарнизона продолжалось до самого вечера. Войска проходило мимо городской думы, где их приветствовали члены Коалиционного комитета и разных общественных организаций. В ответ на призывы членов Коалиционного комитета офицеры и войска давали клятву быть готовыми отдать себя на жертвование Отечества и «Народного Правительства», они себя и свое оружие отдавали в распоряжение Коалиционного комитета и Совета рабочих депутатов. Во время этого шествия в 3 часа дня на здании генерал-губернатора был снят царский трехцветный флаг и заменен флагом красным. А дворец генерал-губернатора был переименован в «Дом Республики».

В то время, пока продолжалась демонстрация гарнизона, офицеры клялись в своей «верности к свободе», народ гулял по улице, приветствуя весну революции, Коалиционный комитет в кабинете городского

головы назначил новое Омское Правительство. Бывший член Окружного суда И. И. Законов был назначен гражданским губернатором Акмолинской области, а гражданский инженер Н. И. Лепко – вице-губернатором. Вновь назначенные лица в 12 часов дня явились в здание Областного правления, предъявили дежурному чиновнику распоряжение о своем назначении. После этого собрали членов Областного правления, к которым обратились с речью о значении переживаемого момента. Затем новый губернатор Законов подписал первое распоряжение о переименовании текущего счета уполномоченного председателя особого совещания В. А. Колобова на свое имя. В этот же день был арестован жандармский полковник Козлов.

Вечером 4-го марта в здании городского театра при большом скоплении публики началось заседание объединенного Совета рабочих и военных депутатов. Первым вопросом, разрешением которого занялся объединенный Совет, был вопрос об организации милиции. Причем было решено, чтобы формирование милиции производить из учащейся молодежи, а командование милицией возлагалось на особого начальника и его помощника. Начальником милиции был избран прапорщик И. В. Кузнецов, товарищ председателя Совета рабочих и военных депутатов, а его помощником избран И. В. Тараканов. Наряду с организацией городской милиции Исполнительному комитету Совета было разрешено сельскую полицию так же назвать милицией. В связи с этим предложили губернатору Акмолинской области Законову расформировать сельскую полицию. Кроме этих вопросов был поставлен на обсуждение вопрос об организации выборов в Совет в частях, управлениях и учреждениях Омского военного округа. Решили выборы производить отдельно от офицерского состава и нижних чинов. Каждому пехотному полку было предоставлено право избирать шесть депутатов (одного офицера, четыре представителя от нижних чинов строевых частей и одного представителя от нестроевых нижних чинов). Ответственность за проведение выборной компании среди военных возлагалось на прапорщика Кузнецова и солдат: Бутакова, Иванова и Кузнецова. На этом же заседании Совета было выделено представительство в особое продовольственное совещание. Для выполнения функций представительства были избраны члены Исполнительного комитета: Аронов, Гладышев и Лукашев, кандидатами Ишмаев и Курочкин. После закрытия заседания Совета был проведен многолюдный митинг.

5(18) марта 1917 г. Коалиционный комитет и Совет рабочих и военных депутатов переехали в дом Республики. Коалиционный комитет

поместился в нижнем этаже, а Совдеп занял верхний этаж. Только после этого в Доме Республики были сняты царские портреты¹.

Этим, собственно говоря, и закончилась февральская революция происшедшая в мартовские дни 1917 г. в Омске. Результат этих дней был аналогичен тому, что и в Петрограде, правда, удалось обойтись «без крови». В нашем городе создалось двоевластие: с одной стороны, Коалиционный комитет, как представитель Временного Правительства, а с другой – Совет рабочих и военных депутатов. В дальнейшем, все основные преобразования (как, например, борьба за восьми часовой рабочий день), были проведены Советом рабочих депутатов, а Коалиционный комитет фиксировал данные события не вынося ни одного важного решения без согласования Совдепом. Кстати, февральские события явилась толчком к тому, что в Омске, очень быстро, начали возникать различные профессиональные организации. Первыми вступили в «Союз» служащие торгово-промышленных предприятий. 4-го марта по старому стилю, а по-новому 17-го они имели, хотя и временное, но правление «Союза». Между прочим, следует отметить, что торгово-промышленные служащие еще до Февральской революции имели намерение организовать свой «Союз». Так, например, на 28 февраля (по старому стилю) было назначено заседание Акмолинского Областного Присутствия, на котором должен был рассматриваться вопрос об утверждении «Устава» общества торгово-промышленных служащих города Омска, но 28 февраля было получено известие о Февральской революции, и это заседание Областного Присутствия не состоялось, рабочие и служащие Омска начали объединяться явочным порядком.

Подводя итог всему вышесказанному, следует помнить, что до февраля 1917 г. Российское государство развивалось поступательно. Пусть с ошибками и падениями – но мы шли вперед, являя миру особую русскую цивилизацию, а в феврале – марте 1917 г., произошла ее гибель, равно как и государственных институтов Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов Ф. Десять лет назад. Аресты царской администрации. Аресты провокаторов // Рабочий путь (Омск). – 1927. – 3 сент.

¹ ГИАОО. Ф. Р-2200. Оп.1.Д. 75. Л. 9.

Минина Наталья Алексеевна,
старший научный сотрудник,
Новосибирский государственный краеведческий музей,
Новосибирск,
e-mail: mi.nata.12@yandex.ru

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В НОВОНИКОЛАЕВСКЕ: ФАКТЫ И МИФЫ

В статье рассматривается центральный сюжет революционной истории Новосибирска – установление Советской власти в городе в конце 1917 – начале 1918 гг. Исследуется историография этого события, в том числе воспоминания его участников и последующий многолетний процесс мемориализации и мифологизации. Цель исследования – определить соотношение реального факта с его отражением в городском пространстве и в историографии.

Ключевые слова: советская власть; Городской торговый корпус; мемориальная доска; Красная гвардия.

Natalia Minina Alekseevna,
Senior research associate, Novosibirsk State Museum of History and Nature,
Novosibirsk,
e-mail: mi.nata.12@yandex.ru

THE ESTABLISHMENT OF SOVIET POWER IN NOVONIKOLAEVSK: FACTS AND MYTHS

The article deals with the central theme of the revolutionary history of Novosibirsk: the establishment of Soviet power in the city in late 1917 - early 1918. In this article, the historiography of this event is, including the memories of its participants and the subsequent long process of memorialization and mythologization, is investigated. The aim of the research is to determine the correlation of the real fact with its reflection in the urban space and in historiography.

Key words: Soviet power; City commercial building; Commemorative plaque; Red Guard; the mythologization of History.

Город Новосибирск (до 1926 г. – Новониколаевск) после Гражданской войны стал партийным и административным центром Сибири, хотя до 1917 г. был заштатным городом и никакого административного значения не имел. Новая власть активно приступила к пропаганде через создание революционных символов – памятников, мемориалов, строительство символических зданий и переименование улиц (только в 1920 г. – 37 улиц городского центра). Позже, в 1950–1980 гг., особое место в мемориальном пространстве Новосибирска заняло событие установления Советской власти в городе.

Новосибирский государственный краеведческий музей с 1979 г. занимает здание – памятник истории федерального значения с официальной формулировкой «здание Городского торгового корпуса, где 14 декабря 1917 г. была провозглашена Советская власть». Этот статус присвоен в 1974 г. постановлением Совета министром СССР¹. Позже, вероятно, к 70-летию революции, на северном фасаде здания поместили мемориальную доску-барельеф с текстом об этом событии, которая находится на здании по сей день. Факт же состоит в том, что это событие в торговом корпусе не происходило. Как же так получилось?

Впервые Городской торговый корпус был поставлен на охрану в 1960 г. решением Облисполкома как памятник истории республиканского значения – как здание, где была восстановлена Советская власть после Гражданской войны. Согласно этому решению соседний дом № 21 по Красному проспекту признан памятником местного значения за произошедшее в нем событие: «В этом доме в ночь с 13 на 14 декабря (старого стиля) 1917 г. состоялось пленарное заседание Горсовета, принявшее решение о взятии власти в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города». В документе предписывалось изготовить для всех объектов мемориальные доски и усилить пропаганду революционного наследия в городе². В ближайшее время были изданы путеводители и справочники, в 1962 г. изготовлен фотоальбом исторических мест и достопримечательностей Новосибирска, где подтверждалась информация по обоим объектам охраны³.

Несмотря на статус памятника, в 1968 г. дом № 21 был снесен вместе с двумя старыми кварталами по Красному проспекту. На месте дома-

¹ Постановление Совета министров СССР № 624 «О дополнении и частичном изменении постановления Совмина РСФСР от 30.08.1960 №1327» от 4.12.1974 г.

² ГАНО. Р-1020. Оп. 2. Д. 873. Л.190–195.

³ ГАУК НСО НГКМ. ОФ-19557/174.

памятника были построены «красивые и современные здания» – 12-этажный институт измерительных приборов и большой магазин «Одежда». Далее произошла банальная подмена исторических фактов: к 70-летию революции на фасад торгового корпуса установили мемориальную доску с «обновленным» содержанием, но первоначальная доска была сохранена сотрудниками музея, а позже сдана в фонды¹. Подлог обнаруживается и в историко-краеведческой литературе: если в брошюре 1967 г. указано, что в здании корпуса с 14 декабря 1919 г. заседал ревком², то в более поздних изданиях утверждается, что в торговом корпусе была провозглашена Советская власть, а также восстановлена в 1919 г.³ В издании 1989 г. «Памятники Новосибирской области» об утрате дома № 21 написал журналист А. Брат, но в тексте историками даны уже «верные», с точки зрения текущего момента, сведения⁴. Лишь в 2009 г. развернутая информация об этих двух зданиях была опубликована в буклете, изданном к 100-летию торгового корпуса, тиражом 500 экземпляров⁵.

Мемориализация события установления Советской власти в Новониколаевске началась в 1950-е гг., когда к написанию истории революционного прошлого города были привлечены старые большевики – участники и очевидцы тех событий. Их воспоминания хранятся в НГКМ, в том числе рукописи воспоминаний и переписка, где отражен процесс выверения именно этой ключевой даты – провозглашения советской власти, а не ее фактического установления⁶. Дело в том, что Новониколаевск стал советским только в конце января 1918 г., когда Совет запретил работу городского самоуправления, применив силы Красной гвардии⁷. Вероятно, позже оказалось важным закрепить в городском мемориальном пространстве знаковый для советского человека 1917 год, нежели 1918, который ассоциируется, прежде всего, с крушением Советской власти в Сибири.

¹ ГАУК НСО НГКМ. ОФ-22568.

² Новосибирск. Памятные места, достопримечательности. – Новосибирск, 1967. – С. 226.

³ Памятники Новосибирска / Сост. Л. М. Горюшкин, Г. А. Бочанова, М. Зоркий, Е. Глухих. – Новосибирск, 1980. – С. 50.

⁴ Памятники Новосибирской области / Сост. Л. М. Горюшкин, Б. И. Семко. – Новосибирск, 1989. – С. 9, 98]

⁵ Городской торговый корпус. 100 лет / ГАУ НСО НПЦ, ГАУК НГКМ. – Новосибирск, 2009. – С. 19.

⁶ ГАУК НСО НГКМ. ОФ-11392, ОФ-11396.

⁷ 10 лет на службе городу: Новониколаевская Городская Дума в документах и материалах / Отв. ред. В. И. Баяндин. – Новосибирск, 2008. – С. 466.

Итак, остается вопрос: почему в Новосибирске в 1960–1980-е оказалось так просто «жонглировать» фактами, которые, казалось бы, были дороги Советской власти? Есть два предположения. Во-первых, власть показала свою принципиальную незаинтересованность в сохранении старого исторического центра Новосибирска, который и был уничтожен именно в советские годы – об этом ярко и эмоционально написал А. Брат. Во-вторых, в годы застоя память о революционных событиях превратилась в безжизненную догму, и факт провозглашения Советов оказался неинтересным даже городской партноменклатуре – в противном случае здание, где была провозглашена Советская власть, было бы сохранено.

Наумов Сергей Сергеевич,
*аспирант кафедры современной
отечественной истории и историографии,
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,
Омск,
e-mail: naumov_s_s@mail.ru*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОСТИ А. В. КОЛЧАКА
В РАБОТАХ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ИСТОРИКОВ И ПУБЛИЦИСТОВ
В КОНЦЕ 1980-Х – НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.

В статье представлен краткий обзор происходившей в годы перестройки эволюции восприятия историками и публицистами одной из ключевых фигур сибирской культурной памяти. Личность адмирала А. В. Колчака рассматривается в различных качественных проявлениях: полярный исследователь, офицер, политический деятель и др. Фиксируются важнейшие сюжеты биографии А. В. Колчака, введенные в научный оборот в отечественной литературе в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Ключевые слова: А.В. Колчак; исторические сюжеты; сибирские историки.

Naumov Sergey Sergeevich,
*graduate student of the Department
of modern Russian history and historiography,
Omsk state University of F.M. Dostoevsky,
Omsk,
e-mail: naumov_s_s@mail.ru*

TRANSFORMATION OF PERCEPTION TO THE PERSONALITY
OF A. V. KOLCHAK IN THE WORKS OF THE WEST SIBERIAN
HISTORIANS AND PUBLICISTS IN THE LATE 1980S – EARLY 1990S.

The article presents a brief overview of the evolution of the perception by historians and journalists of one of the key figures of Siberian cultural memory that took place in the years of perestroika. The personality of Admiral A. V. Kolchak is considered in various qualitative forms: polar researcher, officer, politician, etc. The most important stories of the biography of A. V. Kolchak entered in

scientific turnover in Russian literature in the late 1980s - early 1990s are fixed in the article.

Keywords: A. V. Kolchak; historical subjects; Siberian historians.

В трудах советских историков «колчаковщина» трактовалась как кульминация процесса неизбежной смены «демократической контрреволюции» контрреволюциями буржуазно-помещичьими (кадетско-монархической, белогвардейской) [1, с. 8]. Фигура А. В. Колчака как предводителя белогвардейской диктатуры оценивалась историками и публицистами исключительно негативно, а ярко выраженные отрицательные характеристики («черный адмирал Волчак», «наемник англо-американских интервентов» и др.) [2, с. 167; 3, с. 156] закрепляли зловещий образ в массовом сознании.

Несмотря на то, что А. В. Колчак на десятилетия стал символом всего самого мрачного, что было в Белом движении, на изучение его биографии был фактически наложен запрет. Во второй половине 1980-х гг. ситуация изменилась. Стремление историков к беспристрастной оценке личности Верховного правителя России, в условиях общей демократизации периода перестройки, явило на свет ряд публикаций, качественно отличавшихся от традиционных работ советской историографии.

Памятуя о сегодняшней кинематографическо-брендовой популярности А. В. Колчака (публикации в информационно-рекламных изданиях, телевизионные сериалы, названия ресторанов и алкогольных напитков), следует заметить, что историки перестроечной поры, разумеется, не имели намерений его героизировать. Исследователи стремились устранить «белые пятна» в отечественной истории, перейти от тенденциозности оценок к объективности анализа. Челябинский историк и краевед И. Г. Непеин писал: «На поверхность выплыли фальшивки, ходульные и лубочные изображения, из которых видно, что наш злейший враг был тупым, глупым, ограниченным человеком... Никакой радости от победы над таким врагом победитель испытывать, естественно, не мог... Самое плохое – полуправда» [4]. Как специалисты, так и любители, занимавшиеся изучением биографии А. В. Колчака в конце 1980-х гг., отмечали, что многочисленные мифы о нем были растиражированы не только советской литературой, но и белоэмигрантской мемуаристикой, склонной идеализировать личностные качества адмирала.

Новосибирский историк, доктор исторических наук В. И. Шишкин в ряде публикаций 1989–1992 гг. [5; 6] развенчивает миф о монархическом характере политических взглядов А. В. Колчака: «Если Колчак и был

монархистом, то только в том смысле, что признавал такую форму правления как данность и до 1917 г. никогда не ставил под сомнение ее целесообразность... Наконец, он рассчитывал, что революция... приблизит победоносный исход войны. А победу над Германией и ее союзниками Колчак считал «самым важным делом, стоящим выше всего, – и образа правления, и политических соображений» [7].

Безусловный интерес в публикациях времен перестройки вызывает эпизод, связанный с судом над А. В. Колчаком и последующей его казнью. Коллега В. И. Шишкина, доктор исторических наук В. С. Познанский, не подвергая сомнению необходимость юридического осуждения А. В. Колчака, отмечал: «С позиции юрисдикции, конечно, нельзя признать верным суд трибунала, когда судьи были подобраны отнюдь не беспристрастные, процесс проходил в атмосфере общественного давления, мера наказания предопределялась партийно-советскими органами» [8].

Особенностью трудов, посвященных А. В. Колчаку, в конце 1980-х–начале 1990-х гг. является и то обстоятельство, что «слава» сибирского диктатора оказалась потеснена славой крупного полярного исследователя. К этому сюжету обращаются и ученые, и писатели, и журналисты. Доктор исторических наук и известный литератор М. Е. Бударин в начале 1990-х гг., характеризуя научную деятельность Колчака, замечает, что как исследователь Севера он мог считаться «гордостью русского флота»¹. В работе «А. В. Колчак – полярный исследователь» автор развивает мысль: «Если бы адмирал занимался только своим любимым делом – наукой, его имя было бы вписано в историю отечественной и мировой географии, как вписаны имена Шокальского, Вилькицкого. Но своей военной диктатурой, беспощадной борьбой с революционным народом адмирал многое перечеркнул в своей противоречивой биографии»².

Кроме того, именно на рубеже 1980-х–1990-х гг. в посвященных Колчаку статьях, появился еще один сюжет, который ранее специалистам был совершенно не интересен, а в наши дни вышел чуть ли не на первый план современного «колчаковедения» – бурная личная жизнь адмирала. О романе А. В. Колчака и А. В. Тимиревой упоминается в тех же публикациях В. И. Шишкина [7]. Омский писатель и краевед И. Ф. Петров в газете «Вечерний Омск» посвятил этой истории цикл статей под названием «Расплата» [9].

В той или иной мере ранее недоступные читателю подробности биографии А. В. Колчака появляются в начале 1990-х гг. в публикациях А. Д. Колесникова [10], Н. Г. Линчевской [11], И. Ф. Плотникова [12] и др.

¹ ГИАОО. Ф.П-653. Оп. 1. Д. 66. Л. 7.

² ГИАОО. Ф.П-653. Оп. 1. Д. 66. Л. 16.

На рубеже 1980–1990-х гг. произошли стремительные качественные изменения в восприятии многих факторов исторического процесса. Активное развитие получил жанр «исторической биографии». На смену шаржировано-карикатурному изображению непримиримого врага и диктатора адмирала Колчака пришел образ сильного и умного противника, личности неоднозначной. Попытка дать этому историческому персонажу сколько-нибудь объективную оценку с позиций «это – белое, а это – черное» уже не представлялась возможной. В 1990–2000-е гг. трансформация восприятия образа А. В. Колчака продолжилась. И сегодня фигура «белого адмирала» вызывает бурные обсуждения как среди специалистов, так и в обществе в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. – М., 1983.
2. Юрасова М. К. Омск. Очерки истории города. – Омск, 1972.
3. Антология омского краеведения / Мин-во культуры Омской области, Омский государственный историко-краеведческий музей, ОРО СКР; Составитель, главный редактор П. П. Вибе. – Т. 1: Избранные труды А. Ф. Пашенкова. – Омск: Омскбланкиздат, 2013.
4. Непеин И. «Да, я адмирал Колчак...» // Вестник культуры (Омск). – 1990. – № 1.
5. Шишкин В. И. К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР (Новосибирск). – 1989. – Вып. 1.
6. Шишкин В. И. К характеристике политических взглядов адмирала А. В. Колчака в 1917–1919 гг. // Известия СО АН СССР (Новосибирск). – 1992. – Вып. 3.
7. Шишкин В. Колчак: человек, ученый, политик // Наука в Сибири (Новосибирск). – 1992. – 5 февраля.
8. Познанский В. С. Суд над министрами Колчака // Известия СО АН СССР (Новосибирск). – 1990. – Вып. 1.
9. Петров И. Расплата // Вечерний Омск. – 1990. – 1, 3, 4 октября.
10. Бударин М. Е., Колесников А. Д. Гуманист или кровавый адмирал // Омская правда. – 1991. – 16 ноября.
11. Линчевская Н. Из жизни белого Омска // Омский вестник. – 1991. – 22–29 июня.
12. Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак // История белой Сибири: тез. науч. конф. – Кемерово, 1997.

Озерова Ольга Алексеевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории, социологии и политологии,
Омский государственный педагогический университет,
Омск,
e-mail: 55oz@bk.ru

УЧАСТИЕ ПОЛЯКОВ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1918–1920 ГГ.)

В статье рассматривается участие поляков в Гражданской войне в Сибири и их преследование органами ЧК после ее окончания.

Ключевые слова: Гражданская война; Сибирь; поляки; польская дивизия; арест; расстрел.

Ozerova Olga Alexeyevna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of
General History, Sociology and Political Science, Omsk State Pedagogical
University,
Omsk,
e-mail: 55oz@bk.ru

THE PARTICIPATION OF POLES IN THE CIVIL WAR IN WESTERN
SIBERIA (1918–1920)

The article deals with the Polish participation in the civil war in Siberia and prosecution bodies of the Cheka after its completion.

Keywords: civil war; Siberia; the poles; the Polish division; arrests; executions.

Участие поляков в Гражданской войне в Сибири предопределила Первая мировая война (1914–1918 гг.). Значительная часть поляков, проживающих в Европе, воевала на стороне австро-германского блока против России. В ходе военных действий часть поляков попала в плен. Лагеря для содержания военнопленных находились в Сибири. Революция и последовавшая за ней Гражданская война изменили дальнейшую судьбу военнопленных поляков и польского населения, проживающего в Сибирском крае. Одни

воевали на стороне красных, другие – на стороне колчаковцев. Так, по приказу А. В. Колчака была сформирована 5-я Польская стрелковая дивизия. В 1919 г. она насчитывала 17733 военнослужащих. Часть солдат и офицеров не желали служить под началом Колчака. В дивизии распространялись листовки революционного содержания. В отдельных подразделениях началась нелегальная деятельность коммунистических ячеек. Численность в них была различной. Так, «в железнодорожной роте ячейка насчитывала 18 членов, в уланском полку – 20, в автоколонне – 50, а в 1-м пехотном полку, по данным контрразведки, революционных взглядов придерживалась целая рота» [1]. Добровольно перешел на сторону красных 1-й полк уланов. Более 200 поляков из его состава служили в 30-м кавалерийском советском полку. Наиболее революционным подразделением 5-й дивизии был литовский батальон, солдаты которого, охраняя участок железной дороги, убили часть своих офицеров и присоединились к одному из большевистских партизанских отрядов. Позднее на основе этого подразделения был создан 212-й батальон внутренней службы Красной Армии, солдаты которого служили, в частности, конвоирами в лагере военнопленных, где содержались их недавние товарищи по 5-й дивизии» [1]. В связи с этим командование Польской дивизии неоднократно расстреливало своих солдат в Новониколаевске.

В конце 1919 г. в Сибири Гражданская война приближалась к завершению. 14 ноября 1919 г. большевики вошли в Омск. Армия Колчака вынуждена была отступить на восток, а вместе с ней и 5-я Польская дивизия в количестве 1050 офицеров и 11200 солдат. Дивизия двигалась «в боевой готовности»: впереди ехал бронепоезд «Варшава», а сзади – бронепоезд «Познань» и авангард под командованием капитана Веробея. Самое крупное сражение между поляками и наступающими войсками красных произошло 22 декабря 1920 г. на станции Тайга. Битва началась вечером и продолжалась в течение суток. 7 января 1920 г. части польской дивизии достигли станции Клюквенная. «Стало ясно, что дальше пути нет, т.к. вся дорога забита чешскими эшелонами, которые из-за недостатка топлива и неисправности локомотивов не могли двигаться дальше. Поляки встали перед альтернативой: продолжать борьбу или капитулировать. Когда 10 января (1920 г.) военный комиссар 5-й армии предложил сложить оружие, то В. Чума после военного совета с высшими офицерами дивизии принял это предложение... Условия капитуляции предусматривали следующее: польская дивизия сдает оружие, офицеры и солдаты дивизии считаются военнопленными, польским военнослужащим гарантируется личная неприкосновенность. Те из поляков, кто не признал капитуляции, во главе с

полковником К. Румшей решили через Иркутск пробираться в Маньчжурию. Через два месяца им удалось добраться до Харбина, а 1 июля 1920 г. на английском корабле «Ярослав» 120 офицеров и 800 солдат из 5-й дивизии прибыли в Гданьск» [2].

Гражданская война имеет свои законы. После победы одной из сторон, как правило, начинается преследование бывших противников. В 1920 г. в России победили большевики. С первых дней установления Советской власти в Западной Сибири начались преследования солдат и офицеров, служивших в армии Колчака и 5-й Польской стрелковой дивизии, а также польского населения, оказавшего им помощь или содействие. Положение поляков осложнялось тем, что Советско-польская война завершилась поражением Красной Армии, тысячи солдат которой оказались в польском плену, а также сложившейся неблагоприятной международной обстановкой между Советской Россией и Польшей. По указанию партийного руководства Сибирского края были созданы чрезвычайные комиссии для выявления преступных действий по отношению военнопленных красноармейцев и мирного населения в период Гражданской войны. Так, по свидетельствам местных жителей, поляки отбирали у них скот (коров, свиней) и домашний скраб, распродавая впоследствии на базаре как военную добычу. В алтайском селе Орлеан во время военной экспедиции польских войск под командованием полковника Когутневского было расстреляно 10 человек, сожжены дома, у крестьян отобраны одежда, обувь, белье и швейные машины. В октябре 1919 г. мародерству и грабежам польских отрядов подверглись деревни в районе станции Каргат, а в селах Белое, Ирбизино и Лотошное были проведены расстрелы и сожжены дома [2].

С назначением полномочным представителем ВЧК по Сибирскому краю И. П. Павловского началась расправа над поляками, которые участвовали в карательных операциях против мирного населения или служили в контрразведке. Так, были приговорены к расстрелу польские солдаты в Томске и Красноярске. В 1920 г. в Омске «за службу в белой армии Колчака» были расстреляны братья Ярослав Иосифович и Вацлав Иосифович Корвин-Круковские (6 января), Фердинанд Иосифович Томашевский (6 октября), помощник фуражира польского пехотного полка Ковальчук Иван Адамович, солдат 5-й Польской дивизии Бжостек (Бжестак) Роман Сатурнович (18 июля), Филевич Людвиг Климентьевич (в документе дата расстрела не указана), Малишевский Станислав Адамович и полковник белой армии, начальник 1-го военного госпиталя (22 сентября) Матушевский Николай Иосифович, заведующий продовольственным складом

Неецких (Неецкий) Арнольд, Новаковский Франц Людвигович¹. В 1921 г. Омским губчека был приговорен к расстрелу Дроздовский Петр Леопольдович, офицер белой армии, комендант железнодорожной станции «Марьяновская». Однако через несколько дней мера наказания была изменена на ссылку в Польшу².

В 1920 г. органами ЧК были арестованы члены Омского польского национального совета, созданного еще до прихода к власти Колчака (Покладский Станислав Ипполитович, заведующий складом Омского Сибсельхоза, Розенталь Константин Аполлинарьевич, сапожник, Рогальский Земон Антонович, юрист, Турецкий Людвиг Францевич, слесарь мастерской Омского отделения железной дороги, Биллер Казимир Ричардович, Боровский Ян (Людвиг) Францевич, Жакович Болеслав Иосифович, техник Омского отделения железной дороги, Данилевский Ян Феликсович, помощник начальника железнодорожной станции «Омск», Левандовский Станислав Петрович, курьер железной дороги³. Подверглись арестам учителя-поляки омских школ (Филиппович Виктор Станиславович, Мручек Иосиф Яковлевич, Липинский Александр Адамович, крестьяне Павлюк Карл Иосифович, Панас Фома Антонович, Пентар Казимир Антонович, полковник Бржезинский Леонард Францевич, слесарь Завадский Петр Петрович, Залесский Антон Осипович⁴. «За службу в белой армии» Черноберевского Николая Павловича, уроженца Сибири, Николаевский губсуд приговорил к 7 годам лишения свободы и Соколовского Дмитрия Анатольевича, следователя Губсуда, осужденного Особым совещанием при ОГПУ, к 2 годам заключения в концлагере⁵. По обвинению в шпионаже в пользу Польши были высланы из СССР Носеровский Иосиф Михайлович, житель села Подковырово Марьяновского района Омской губернии, работник совхоза № 20⁶, и Густовский Ян Янович, наборщик Новониколаевской

¹ Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области: в 9 т. – Омск, 2000–2002. – Т. 4. – С. 176, 253; То же. – Т. 8. – С. 112, 221; То же. – Т. 1. – С. 278; То же – Т. 5. – С. 221, 269; То же. – Т. 6. С. 83, 105.

² То же. – Омск: Кн. изд-во, 2001. – Т. 3. – С. 145.

³ То же. – Т. 6. – С. 325; То же. – Т. 7. – С. 87, 99; То же. – Т. 8. – С. 140; То же. – Т. 1. – С. 282, 332; То же. – Т. 3. – С. 67, 250; То же. – Т. 5. – С. 86.

⁴ То же. – Т. 8. – С. 224; То же. – Т. 5. – С. 113, 378; То же. – Т. 6. – С. 210, 216, 250; То же. – Т. 1. – С. 354; То же. – Т. 3. – С. 293, 311.

⁵ Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. – Новосибирск, 2005. – С. 116, 118, 348, 318, 280.

⁶ Забвению не подлежит. – Т. 6. – С. 119.

типографии¹. Аресты поляков, участвовавших в Гражданской войне на стороне белых или сотрудничавших с ними, будут продолжаться в Западной Сибири практически до середины 1920-х годов.

Таким образом, в Западной Сибири репрессивная политика по отношению к полякам началась сразу после окончания Гражданской войны (1920 г.). Поводом для их преследований была служба в армии Колчака и 5-й Польской стрелковой дивизии, воевавших против большевиков. Советско-польская война и напряженная международная политическая обстановка стали дополнительным катализатором для преследования поляков. Часть из них вернулась на родину. Оставшиеся же в стране Советов стали вместе со всем советским народом строить социализм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нея Я. Об истории создания 5-й Польской стрелковой дивизии в Сибири / Сибирь в истории и культуре польского народа / Я. Нея. – М., 2002.
2. Островский Л. К. Польские военные в Сибири (1904–1920 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/316/image/316-088.pdf> – (Дата обращения – 27.10.2013).

¹ Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. – Новосибирск, 2005. – С. 94.

УДК 378(571.13)

Пахомчик Сергей Алексеевич,
*кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента, маркетинга и логистики,
Тюменский государственный университет,
Тюмень,
e-mail: homa380@yandex.ru*

ВЕКОВОЙ ЮБИЛЕЙ СТАРЕЙШЕГО ВЫСШЕГО АГРАРНОГО УЧЕБНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ СИБИРИ

Показана роль и значение Омского аграрного университета в развитии Сибири как одного из старейших аграрных вузов страны.

Ключевые слова: Омский аграрный университет; сельскохозяйственный институт; вклад в развитие Сибири.

Pakhomchik Sergey Alekseevich,
*Candidate of economic sciences, associate Professor of the Department of
management, marketing and logistics, Tyumen State University,
Tyumen,
e-mail: homa380@yandex.ru*

CENTENARY ANNIVERSARY OF THE OLDEST HIGHER AGRICULTURAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF SIBERIA

The role and significance of Omsk agrarian University in the development of Siberia as one of the oldest agricultural universities of the country.

Key words: Omsk agricultural University, agricultural Institute, contribution to the development of Siberia.

Омскому государственному аграрному университету имени П. А. Столыпина в 2018 г. исполняется 100 лет. В России насчитывается не так много высших сельскохозяйственных учебных заведений с такой историей. В современной России почтенным вековым возрастом может похвастаться лишь немногие из ныне действующих 56 вузов (РГАУ – МСХА им. К. А. Тимирязева, Санкт-Петербургский ГАУ, Воронежский ГАУ имени Петра Великого, Саратовский ГАУ им. Н.И. Вавилова, Вологодская

молочно-хозяйственная академия им. Н. В. Верещагина). В восточной части России он является первым, основанным в 1918 г., спустя 30 лет после открытия первого сибирского университета в Томске, и в своем роде уникальным.

Вуз в различные периоды своей истории носил разные названия. Омский сельскохозяйственный институт – 1918 г., Сибирский институт сельского хозяйства и промышленности – 1919–1922 гг., Сибирская сельскохозяйственная академия – 1922–1924 гг., Сибирский институт сельского хозяйства и лесоводства – 1924–1930 гг. В сентябре 1930 г. институт разделен на несколько вузов: 1. Сибирский институт зерновых культур, 2. Сибирский институт организации территории (СИОТ), 3. Сибирский институт молочного хозяйства – 1930–1933 гг. С 1 января 1933 г. три вуза были вновь объединены в один вуз – Сибирский сельскохозяйственный институт. В 1935 году он вновь стал называться Омским сельскохозяйственным институтом (ОмСХИ) им. С. М. Кирова [1]. С таким названием вуз просуществовал почти шесть десятилетий, до момента перехода в статус университета [2]. Омский государственный аграрный университет (ОмГАУ) создан на основании постановления Правительства РФ от 23.04.94 № 389 и приказа Минсельхозпрода России от 31.05.94 № 128 [3]. Приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 15.09.2014 № 357 университет переименован в Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина». В таком статусе и с таким названием вуз встречает свое 100-летие.

Задуманный основателями как первый сельскохозяйственный вуз в Сибири, ОмСХИ до преобразования в ОмГАУ внес огромный вклад в подготовку специалистов соответствующего профиля и квалификации. Одновременно он стал основой для создания новых учебных заведений. Так, в 1920 г. в «самостоятельное плавание» ушел Сибирский ветеринарно-зоотехнический институт, в 1921 г. на базе медицинского отделения ветеринарно-зоотехнического института создается Омский медицинский институт (с 2015 г. – Омский государственный медицинский университет). А в 1930 г. переехавший в г. Красноярск лесной факультет положил начало созданию Красноярского лесотехнического института.

Идея создания высшего аграрного учебного заведения в Сибири возникла еще в конце XIX века. Но лишь во время посещения Сибири тогдашним премьер-министром П. Столыпиным в 1910 г. и его краткосрочного пребывания в Омске был решен вопрос об основании Омского среднего сельскохозяйственного училища. Распоряжение П. А. Столыпина

о строительстве капитального здания училища на тогдашней Лысой горе – на самом высоком месте г. Омска – положило начало формированию будущего аграрного вуза и его территории. И сегодня это здание является центральным корпусом университета и архитектурным украшением города. Это событие через многие десятки лет послужило основанием для включения в название вуза им. П. А. Столыпина (как известно, десятилетия до этого вуз носил имя С. М. Кирова).

Первые занятия в Омском сельскохозяйственном институте начались, как указывают различные справочные издания, 24 февраля 1918 г. Институт начал деятельность, не имея на тот момент государственного учредительного акта. Упомянутые в советский период ссылки на решения Сибирского Совета рабочих и крестьянских депутатов об открытии Омского сельскохозяйственного института не нашли документального подтверждения. Фактически он открылся как частное учебное заведение, в статусе которого пробыл почти полгода. Лишь 10 августа 1918 года в короткий период существования Временного Сибирского Правительства выходит правительственное постановление «О признании Омского сельскохозяйственного института учреждением государственным и об отпуске ему необходимых средств». В соответствии с данным постановлением вуз был принят на государственное содержание с 1 июля 1918 г.

Сегодня, спустя век после своего основания, ОмГАУ им. П. А. Столыпина по праву является одним из ведущих отраслевых вузов Российской Федерации, находящихся в ведомственной подчиненности Министерства сельского хозяйства РФ. За годы своего существования он внес большой вклад в социально-экономическое, научно-образовательное и культурное развитие Сибири. Лишь после организации аграрных вузов в соседних территориях Сибири: Алтайском и Красноярском краях, Якутии (Саха) республике, Новосибирской, Иркутской, Тюменской, Томской, Кемеровской, Курганской и других областях его влияние приобрело несколько более локальное значение. Тем не менее и сегодня, интегрировав некоторые учебные заведения среднего сельскохозяйственного образования (Омска, Тары), он является крупным образовательным и научным центром Прииртышья.

Велика заслуга ученых и специалистов университета в выведении новых сортов сельскохозяйственных (зерновых, бобовых, плодовых, ягодных и других) культур; пород животных и рыб; лечебных препаратов и вакцин; сельскохозяйственных машин и механизмов; новых технологий; методов и способов инновационных решений в перерабатывающей и пищевой промышленности (в том числе молочной), экономике и управлении, агрохимии, мелиорации, землеустройстве, гидротехнике и т.д. и т.п.

Вуз дал путевку в жизнь более сотне тысяч специалистов высшей квалификации, среди которых – изобретатели, выдающиеся ученые, известные педагоги, руководители научных академических организаций, крупных предприятий и производств, государственные и общественные деятели, видные предприниматели, писатели, артисты, журналисты. Сегодня ОмГАУ является патриархом среди вузов Омска и старейшим аграрным вузом России, продолжает свои славные традиции и вносит свой вклад в развитие и процветание страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Червоненко В. Н. Очерки истории Омского сельскохозяйственного института (1918–1993) / ОмСХИ. – Омск, 1994.
2. Червоненко В. Н. Ученые Омского сельскохозяйственного института (1918–1994) / ОмСХИ. – Омск, 1995.
3. Это нашей истории строки. Омскому государственному аграрному университету – 90 лет: очерки / Под общ. ред. Н. М. Колычева. – Омск, 2008.

Подолько Валентина Владимировна,
*студент исторического факультета,
направление «Антропология и этнология»,
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,
Омск,
e-mail: valentina1497@mail.ru*

УЧАСТИЕ КАЗАКОВ СТАНИЦЫ КОТУРКУЛЬСКОЙ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ: ЛЮДИ И СУДЬБЫ

В работе рассматриваются события Гражданской войны на территории нынешнего Бурабайского района Акмолинской области Республики Казахстан (на примере станицы Котуркульской). Показано противостояние последнего атамана станицы Д. Н. Габченко со сторонниками установления Советской власти. В статье приведены примеры влияния Гражданской войны на судьбы жителей станицы Котуркульской.

Ключевые слова: казачество; гражданская война; Северный Казахстан.

Podolko Valentina Vladimirovna
*Student of the Faculty of History, direction «Anthropology and Ethnology»,
Omsk State University n. a. F.M. Dostoevskiy,
Omsk,
e-mail: valentina1497@mail.ru*

THE PARTICIPATION OF COSSAKS OF THE STANITSA KOTURKULSKAYA IN THE CIVIL WAR: PEOPLE AND FATES

The article deals with the history of the civil war on the territory of Burabai (district), Akmola region, Kazakhstan (on the example of the stanitsa Koturkulskaia). This shows the confrontation of the last ataman (a Cossak chieftain) of stanitsa, D.N.Gabchenko, with supporters of the establishment of Soviet regime (power). The article gives examples of the influence of civil war on lives of citizens of the stanitsa Koturkulskaia.

Keywords: Cossaks; the civil war; Northern Kazakhstan.

В середине XIX в. в ходе активной военно-хозяйственной колонизации Киргизской степи крестьян из Европейской России переселяли на земли

Сибирского казачьего войска. В 1849 г. в Кокчетавском внешнем округе крестьянами-переселенцами были основаны 6 поселений, в том числе станица Котуркульская [1, с. 99]. 1 октября 1850 г. крестьяне-переселенцы были зачислены в 10-й Сибирский казачий полк, официально вступив в казачье сословие. 2 октября 1851 г. данный полк был переименован в Сибирский линейный казачий конный полк № 1 [2, с. 75].

Целью нашего исследования является рассмотрение влияния гражданской войны на судьбы жителей станицы Котуркульской (в настоящее время – с. Катарколь Бурабайского района Акмолинской области Республики Казахстан). Основными источниками для исследования послужили: интервью с жителями с. Катарколь, архивные материалы, краеведческая литература.

Возвращение сибирских казаков с фронта произошло в конце 1917 – начале 1918 гг. Большевики не желали продолжать войну и приступили к демобилизации старой армии¹. 1-й Сибирский казачий полк был разоружен в Златоусте [3, с. 33–35]. Среди демобилизованных оказался котуркульский казак В. А. Тагильцев, который впоследствии вспоминал: «Пожили несколько месяцев дома с заботой... И вдруг новая мобилизация – теперь по указу адмирала Колчака. Мобилизация проводилась с жестокостью. Группа казачьих офицеров заходила в дом казака, давали команду собираться. Если казак отказывался от мобилизации, его тут же расстреливали» [4, с. 191–192]. Как и многие казаки, В. А. Тагильцев уклонялся от мобилизации, скрываясь в лесах. Впоследствии часть казаков, поступивших аналогичным способом, перешла к красным, и постепенно смогла установить в станице Советскую власть.

Другая же часть казаков станицы сопротивлялась и во главе с атаманом Д. Н. Габченко выступила против Советской власти. В повстанческую воинскую группу (позже ее стали называть «бандой») в основном входили зажиточные казаки, некоторые офицеры и родственники атамана. Туда же, к примеру, входил станичный судья Д. А. Подолько (1865–1921 гг.) [5, с. 330].

В истории есть масса примеров, подтверждающих тот факт, что гражданская война – самая беспощадная. Брат шел против брата, сын – против отца. Котуркульская станица – не исключение. Активным борцом за установление и упрочение Советской власти в станице был младший сын атамана, комсомолец Г. Д. Габченко, который родился в 1904 г. Одним из первых в станице Георгий вступил в комсомол. Когда эти сведения дошли до атамана, он стрелял в сына и ранил его. А уже в 1921–1922 гг. наблюдалась

¹ Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН (Музей народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук). Ф. VII–2. Д. Р–1. Л. 20.

обратная ситуация – сын выступал с оружием в руках против отца- контр-революционера [4, с. 196].

Секретарем штаба ЧОН (части особого назначения) в станице Котуркульской стал Павел Говоров. Он родился в 1905 г. в семье священника. В период борьбы с бандой Павел вместе с командиром ЧОН Федоровым был отправлен в разведку. По пути из Щучинска в Котуркуль они попали в засаду: Федоров и его ординарец были убиты, а Павел попал в плен. После безрезультатных попыток выведать у него планы чоновцев, повстанцы «переломили Говорова через дерево, сломали позвоночник, а затем добились его» [4, с. 196].

Весной 1921 г. в станице состоялся кровопролитный бой. В результате погибли коммунисты: С. Ф. Мельник, Г. П. Долженко, П. В. Филатов, М. Астафьев, А. Г. Грязнов и комсомолец А. Г. Романико. В том же году в станице установилась Советская власть. Д. Н. Габченко покончил жизнь самоубийством. Казаки из его банды вернулись в станицу, и «жили мирно, стараясь быть незамеченными» [4, с. 200]. Однако многим из них все равно не удалось избежать последствий. К примеру, Д. А. Подолько и К. Д. Подолько были расстреляны по приказу ЧК в том же году¹.

Таким образом, в ходе Гражданской войны жители станицы Котуркульской оказались по разные стороны баррикад, что повлекло за собой разрыв родственных и дружеских связей, большинство из которых не возобновляются до сих пор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крих А. А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII – XX века). – Омск, 2012.
2. Гусак (Подолько) Н. П. Переселение в станицу Котуркульскую (1849– 1850 гг.): история в документах. – Омск, 2015.
3. Шулдяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. – М., 2004. – Кн. 1.
4. Боргуль А. И. Труженики тыла: сборник рассказов. – Кокшетау, 2011.
5. Гусак (Подолько) Н. П. В начале пути // Недбаевские исторические чтения. – Омск, 2008.

¹ Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII–2. Д. Р–1. Л. 20.

Позднякова Анастасия Сергеевна,
*кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук,
Кировский государственный медицинский университет,
Киров,
e-mail: pozdnyakova.med@gmail.com*

ПОРТРЕТ ВЯТСКОГО БАНДИТА ЭПОХИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
ПО МАТЕРИАЛАМ ДОПРОСОВ ВЯТСКОГО
ГУБЕРНСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА*

* Статья подготовлена в рамках проекта РФНФ № 17-81-01003 «Вятская губерния в годы Гражданской войны: чрезвычайные органы власти».

В статье представлена характеристика лиц, осужденных Вятским губернским революционным трибуналом по статье «бандитизм» в 1920–1921 гг. Приведены примеры и дан типовой портрет вятского бандита времен Гражданской войны. Были выделены два типа преступников, проходивших по данному обвинению.

Ключевые слова: Вятская губерния; Гражданская война; бандитизм; революционный трибунал.

Pozdnyakova Anastasia Sergeevna,
*Candidate of Historical Sciences, lecturer of the Department of Humanities
and social Sciences, Kirov State Medical University,
Kirov,
e-mail: pozdnyakova.med@gmail.com*

PORTRAIT VYATKA BANDIT OF THE CIVIL WAR ERA: DOCUMENTS
FROM THE INTERROGATION OF THE VYATKA PROVINCIAL
REVOLUTIONARY TRIBUNAL

The article presents characteristics of persons convicted of Vyatka provincial revolutionary Tribunal under article «gangsterism» in 1920-1921 examples and given the typical portrait of the Vyatka bandit during the Civil war. Were allocated two types of criminals, held on this charge.

Key words: Vyatka province; the Civil war; banditry; revolutionary Tribunal.

На фоне разрухи, нестабильной власти, фронтовых реалий проблема бандитизма была одной из нескольких. Поскольку Вятская губерния в 1918–1919 гг. была частично занята белогвардейцами, являлась прифронтовой зоной, бандитизм здесь был особо распространен.

Классический портрет бандита времен Гражданской войны – молодой, до 30 лет, крестьянин, дезертировавший из Красной Армии более года назад. Скрываясь в лесу, он либо знакомился со «злостными дезертирами», либо сам создавал группировку. К примеру, 20-летний крестьянин С. А. Михеев, дезертировав, в июне 1919 г. «встретил в деревне Новые Кунаши Яранского уезда четверых вооруженных граждан, которые предложили ему ночью присутствовать при нападении»¹. Придя на место преступления и увидев, как бандиты после ограбления дома ведут на расстрел двух крестьян, Михеев решил более не участвовать в делах группировки, ушел в Симбирск. По приговору ревтрибунала Михеев был осужден к 10 годам общественных работ при Вятском исправительном рабочем доме. Трижды бежавший из рядов Красной армии 28-летний Н. В. Некрасов сам сколотил группировку из 12 человек, «терроризировал население Тороповской волости Котельничского уезда» с апреля 1919 г. по ноябрь 1920 г.: «совершал налеты, угрожал местному населению расправой в случае доноса на него»². О его «выдающихся» делах говорит и вынесенный ему 14 июня 1921 г. приговор Вятского губернского ревтрибунала: расстрел, который, несмотря на прошения, был исполнен.

Такою же меру наказания получил 22-летний крестьянин-бедняк П. Е. Климов из Нолинского уезда, который дезертировал из Красной Армии и скрывался от властей с ноября 1919 г. по февраль 1921 г. Климов приобрел шрифт на 50 печатных букв, изготовил штампы и печати воинских частей, больниц, фабриковал документы на свое имя, продавал их, пытался подделывать денежные знаки, трижды бежал из мест заключения, будучи в бегах, занимался грабежом, а при последнем задержании оказал вооруженное сопротивление³.

Скрывавшиеся в лесах дезертиры-бандиты имели зачастую негативное представление о коммунистах, что было связано с действиями властей в 1918 г. в отношении их семей: наложением чрезвычайного налога, произволом продовольственных отрядов. Один из дезертиров банды

¹ ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 2470. Л. 25.

² ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 3956. Л. 409.

³ ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 4428. Л. 104.

Чудиновской волости Орловского уезда, среди прочего, убил коммуниста Михаила Козьминых за то, что тот конфисковал у его отца 8 пудов хлеба и вел поиски дезертиров, более того, бандит именем убитого назвал револьвер¹. Дезертиры из Архангельской волости Котельнического уезда организовали нападение на местную ячейку РКП (б): обстреляли и подожгли помещение партии, пытаясь тем самым запугать администрацию, чтобы та прекратила поиски дезертиров². Таким отношением к власти пытались воспользоваться: ижевский бандит Кривоногов-Сибиряков проводил среди скрывавшихся в лесу собрания с целью устроить антибольшевистское восстание на Ижевском заводе, снабжал их оружием³.

Однако по статье «бандитизм» в Вятском губернском ревтрибунале проходили и совершенно иные личности – воры-рецидивисты. П. А. Карсаков был осужден за кражу впервые еще в 1916 г. Петроградским столичным судом, будучи малолетним отдан в исправительный приют-колонию. В 1919–1920 гг. Карсаков был осужден дважды народным судом Вятки за кражи. Г. М. Шилин впервые судился в 1904 году, к 1921 г. имел 5 судимостей. Этим личностей объединил совместный побег из Вятского концентрационного лагеря в мае 1921 г. В декабре 1921 г. ревтрибунал Вятки осудил сбежавших по статье «бандитизм», приговорил каждого к 3 годам при Вятском исправительном рабочем доме⁴.

Из судебно-следственной практики ревтрибунала Вятки видно, что за бандитизм могли быть осуждены совершенно разные группы людей: дезертиры-крестьяне, которые, не желая служить, выживали, занимаясь грабежом, и лица, занимавшиеся воровством еще в царской России.

1 ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 2216. Л. 393.

2 ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 3471. Л. 2.

3 ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 3851. Л. 28.

4 ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 4672. Л. 348.

Соловьева Ирина Абрамовна,
*кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории,
Вятский государственный университет,
Киров,
e-mail: soloweowaira@yandex.ru*

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Статья посвящена анализу архивных источников по истории Гражданской войны 1918–1920 гг. на Севере России. Автором использованы документы из центральных и региональных архивов: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Государственного архива Архангельской области, Государственного архива общественно-политических движений и формирований Архангельской области, Государственного архива Кировской области, Государственного архива социально-политической истории Кировской области. Изученные источники в комплексе с другими позволяют делать научно обоснованные выводы о деятельности Верховного Управления Северной области, а также о политических настроениях населения региона.

Ключевые слова: Гражданская война; Верховное Управление Северной области; архивные документы; политические настроения населения.

Solovieva Irina Abramovna,
*Candidate of Historical Sciences,
associate Professor of the Department of national History,
Vyatka State University,
Kirov
e-mail: soloweowaira@yandex.ru*

ARCHIVE SOURCES OF HISTORY OF THE CIVIL WAR AT NORTH OF RUSSIA

This article is devoted to analyzing of archive sources of history of the Civil War 1918-1920 at North of Russia. The author used archive files from State Archive of Russian Federation, Russian State Military Archive, Arkhangelsk Region is State Archive, Arkhangelsk Region is State Archive of social and

political motions and forming, Kirov Region is State Archive, Kirov Region is State Archive of social-political history. The studied sources, in a complex with other, allow to make scientifically reasonable conclusions about activity of the North Regionis Supreme Government and about the political moods of population.

Keywords: Civil War, North Regionis Supreme Government, archive files, political moods of population.

Одним из эпизодов начального этапа Гражданской войны 1918–1920 гг. стали события на Севере России. Со 2 августа по 28 сентября 1918 г. в Архангельске действовало Верховное Управление Северной области (далее – ВУСО) – правительство, состоявшее преимущественно из представителей партии эсеров, во главе с энесом Н. В. Чайковским. Оно воплощало идеи так называемой «третьей силы» в революции, или «демократической контрреволюции» (термин был введен И. М. Майским в 1923 г. и воспринят отечественной исторической наукой) [1]. По замыслу ВУСО, в состав Северной области должны были войти Архангельская, Вологодская, Вятская, Новгородская и Олонецкая губ. Несмотря на то, что события на Севере не имели в ходе Гражданской войны главенствующего значения, они представляют большой интерес для изучения социальной опоры различных направлений антибольшевистского движения. Источниковую базу исследования составляют, прежде всего, документы из фондов центральных и региональных архивов.

Наиболее объемный комплекс источников содержат фонды ГАРФ, среди которых фонды Канцелярии ВУСО (Ф. Р-16), отделов внутренних дел (Ф. 3695), иностранных дел (Ф. 17), земледелия (Ф. 5263), народного образования (Ф. 5235), Особой временной следственной комиссии (Ф. 3691) и др. Здесь отложились протоколы заседаний, постановления и другие официальные документы. В начале 1990-х гг. в ГАРФ были переданы материалы, принадлежавшие ранее Русскому заграничному историческому архиву, основанному в 1923 г. в Праге. Среди них – личный фонд Н. В. Чайковского (Ф. 5805) и фонд «Общества северян по собиранию и изданию материалов о Гражданской войне на Севере России» (Ф. 5867), содержащий воспоминания непосредственных участников событий.

Источники иного содержания можно извлечь из РГВА. В Политотделе 6-й армии Северного фронта (Ф. 188) аккумулировалась информация о настроениях населения. Эту картину существенно дополняют материалы региональных архивов. Директивное указание НКВД от 27 мая 1918 г.

обязывало волостные исполкомы регулярно передавать информацию об отношении населения к Советской власти, к мобилизации в Красную Армию, об имевших место контрреволюционных выступлениях¹. Данные источники позволяют выявить определенные тенденции в отношении к происходившим событиям населения Архангельской, Северо-Двинской, Вологодской, Вятской губ.

В архивах отложились также телеграммы и сообщения в адрес ВУСО, протоколы волостных, уездных и профессиональных собраний августа-сентября 1918 г.² Они позволяют составить определенное представление о реакции жителей Архангельска и Архангельской губ. на создание ВУСО, высадку в городе англо-французского десанта, неудавшуюся попытку отстранения ВУСО от власти 5 сентября 1918 г., его решение о самороспуске с передачей власти Временному правительству Северной области.

Архивные документы – один из важнейших пластов всего комплекса источников по истории Гражданской войны на Севере России. Их всестороннее изучение, наряду с мемуарами участников событий, периодической печатью и опубликованными документами, дает возможность приблизиться к объективному пониманию, в частности, ситуации в регионе на начальном этапе войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майский И. М. Демократическая контрреволюция. – М., 1923.

¹ РГВА. Ф. 188. Оп. 2. Д. 1, 4, 10, 12; ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 20а; ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 140, 157; Ф. Р-876. Оп. 1. Д. 93; Оп. 2. Д. 2; Ф. 1585. Оп. 8. Д. 46, 116, 117; ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38, 103а, 178.

² ГАРФ. Ф. 3695. Оп. 1. Д. 72, 225; Ф. 3811. Оп. 1. Д. 142; Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 45; ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 25; ГАОПДФ АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8.

Стельмак Максим Максимович,
кандидат исторических наук, главный архивист,
Исторический архив Омской области,
Омск,
e-mail: stelmakmm@mail.ru

**ОБРАЗ ЯПОНИИ В ПЕЧАТНОМ ОРГАНЕ ОМСКОЙ ДИРЕКТОРИИ
(НОЯБРЬ 1918 Г.)**

Рассматривается образ Японии как союзника антибольшевистского движения на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» – официального органа печати Временного Всероссийского правительства (Директории) в ноябре 1918 г. В данный период Директория сильно нуждалась в поддержке и пыталась продемонстрировать уважение к Японии, подчеркивая на страницах своей газеты ее бескорыстность и готовность в любой момент оказать помощь.

Ключевые слова: Гражданская война в России; антибольшевистское движение; Япония; союзники, пресса, международные отношения.

Stelmak Maxim Maximovic,
candidate of historical Sciences,
chief archivist,
Historical archive, Omsk region,
Omsk,
e-mail: stelmakmm@mail.ru

**THE IMAGE OF JAPAN IN THE PRESS OF THE OMSK DIRECTORY
(NOVEMBER, 1918)**

The image of Japan as an allies of the anti-Bolshevik movement is being studied on the pages of the «Herald of the Provisional All-Russian Government» - the official press organ of the Provisional All-Russian Government (Directory) in November 1918. During this period, the Directory was in great need of support and tried to show respect for Japan, showing in the pages of its newspaper its disinterestedness and readiness to provide assistance at any time.

Keywords: Russian Civil War; anti-bolshevik movement; Japan; allies; the press; foreign affairs.

9 октября 1918 г. в Омск прибывает Временное Всероссийское правительство (Директория). В нее входили Н. Д. Авксентьев, В. А. Виноградов, генерал В. Г. Болдырев, В. М. Зензинов, П. В. Вологодский. 3 ноября 1918 г. Временное Сибирское правительство принимает декларацию «О передаче верховной власти на территории Сибири Временному Всероссийскому правительству». Но, несмотря на это, в чужом городе эсеры чувствовали себя крайне неуютно. Новая власть продолжала нуждаться в поддержке иностранных союзников антибольшевистского движения. Новое правительство сформировало свой официальный орган печати – «Вестник Временного Всероссийского правительства». Первый номер газеты вышел 6 ноября, а 18 ноября издание прекратило свое существование в связи со свержением Директории [1, с. 182]. На его страницах выходили материалы, посвященные Великобритании, Северо-Американским Соединенным Штатам, Франции, Чехословацкому корпусу и Японии. Материалы о Японии носили положительный характер. Тем не менее, в самом правительстве отношения к действиям японских властей было довольно осторожным. П. В. Вологодский на заседании омского правительства 19 октября 1918 г. подчеркнул корыстные намерения Японии, которой будет выгодна ослабленная извне и изнутри Россия¹.

12 ноября 1918 г. в номере публикуются три статьи, на конкретных примерах показывающие реальную помощь японцев в различных сферах. Это и крайне необходимое снабжение лекарствами и медперсоналом, как показано на примере Читы. «Японские военные врачи предложили городу бесплатно оказывать помощь бедным, при условии предоставления помещения. Особенно ценно предоставление медикаментов»². В другой статье сообщаются новости из Харбина, куда прибыл представитель японской промышленной компании Курачи с целью выяснения условий для создания Русско-Японского банка. «Основной капитал, по плану Курачи, должен быть составлен поровну из вкладов русских и японских капиталистов. Японские финансовые круги придают большое значение проектируемому банку»³. Кроме этого, японцы не были замечены в присвоении трофеев, наоборот, они возвращали имущество законным хозяевам. «Япония

¹ Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.): сб. док. и материалов / Сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск, 2010. – С. 172.

² Японские врачи в Чите // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). – 1918. – 12 ноября. – С. 3.

³ Русско-японский банк // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). – 1918. – 14 ноября. – С. 3.

официально заявила согласие возвратить собственникам отбитые ее войсками у большевиков пароходы амурской флотилии»¹.

В продолжении этой темы на следующий день в новой статье публикуют материал, в котором сообщается, что нет никаких причин для опасений по поводу присутствия иностранных контингентов. Их наличие вынужденно, как только исчезнет надобность, они сразу же вернутся домой. «В Токио опубликовано сообщение военного министерства, что железнодорожное движение Сибири налажено, ввиду чего достаточно оставить японские войска на интендантской службе, а излишние войска возвращаются в Японию»².

И, наконец, чтобы уже окончательно успокоить читателей, 14 ноября 1918 г. в газете выходит перепечатка выдержки из трехчасовой беседы редактора «Приамурской жизни» с начальником двенадцатой японской дивизии генерал-лейтенантом Ооба, командующим всеми японскими войсками в Сибири. Перепечатка статьи должна была развеять все опасения по поводу посягательства на Российский суверенитет. И заявление генерала Ооба как раз соответствовало этой цели: «Мы делали и делаем все, чтобы охранить интересы России, мы не делали и не делаем никаких захватов и не желаем ничего взять на себя. Союзные армии обязаны охранять достоинство России и передать его в руки правительства, которое сформируется после очищения России от немцев и большевиков, мы обязаны оберегать железную дорогу и прииски, золото и военные предприятия, леса, мосты и прочее, мы не желаем вмешиваться во внутренние дела, но охрану ценностей берем себе. Это наша обязанность»³. Сомневающимся в бескорыстности японцев убеждают: «В смутные дни, переживаемые Россией, нас не понимают, это очень печально. Япония не помышляет брать ничего у России, мы, как и другие, понимаем ее тяжелое, трагическое положение. Разве можно поступать с ней плохо. У кого поднимется на это рука. Союзники не допустят этого»⁴.

Данные публикации в официальном органе печати омской Директории демонстрируют важность наличия сильного союзника в лице Японии. Но в то же время имели место серьезные опасения насчет ее намерений, о

¹ Японцы на Амуре // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). – 1918. – 13 ноября. – С. 3.

² Японцы и Китай // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). – 1918. – 13 ноября. – С. 3.

³ Беседа с генералом Ооба // Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). – 1918. – 14 ноября. – С. 3.

⁴ Там же.

чем говорилось в сообщении П. В. Вологодского. Еще в сентябре 1918 г. в докладе по министерству иностранных дел Временного правительства автономной Сибири говорилось о правонарушениях со стороны японских органов власти [2, с. 241]. Тем не менее за границей дипломатические представители антибольшевистской России делали все возможное для обеспечения помощи иностранными союзниками для победы над противником¹. Оказавшись в Омске в неустойчивом положении, лидеры Директории пытались продемонстрировать свое положительное отношение к Японии и одновременно показать своим противникам заинтересованность данной державы в новой власти в антибольшевистском лагере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шереметьева Д. Л. Газета «Вестник Временного Всероссийского правительства» (6–17 ноября 1918 г.) // Студент и научно-технический прогресс. История: материалы XIV Междунар. науч. студ. конф. / НГУ. – Новосибирск, 2007. – Ч. 2.
2. Петин Д. И. Документы Временного правительства автономной Сибири о хождении военных денег Сибирской экспедицией японских войск // Новейшая история России. – 2015. – № 3 (14).

¹ Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области: сб. док. / Авт.-сост., науч. ред. Д. И. Петин; вступ. сл. А. В. Сушко. – Омск, 2014. – С. 79.

Талапин Анатолий Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Омская государственная областная научная библиотека
имени А. С. Пушкина,
Омск,
e-mail: anatolytalapin@rambler.ru

**ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ГОРОДЕ ТОМСКЕ ГЛАЗАМИ ГЛАСНЫХ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ
(1914–1917)**

Данная статья содержит реконструкцию одного из образов врага в дореволюционной российской провинции. На примере восприятия военнопленных Первой мировой войны гласными Томской городской думы показывается несостоятельность упрощенного представления об образе врага как о некоем искаженном представлении, вытесняющем объективный образ. Показывается размытость образа неприятеля и его детерминированность как негативными, так и положительными характеристиками.

Ключевые слова: военнопленные; Первая мировая война; Томская городская дума; образ врага.

Talapin Anatoly Nikolaevich,
PhD in History, associate professor, senior researcher,
Omsk State Regional Scientific Library
named after A. S. Pushkin,
Omsk,
e-mail: anatolytalapin@rambler.ru

**MILITARY PRISONERS OF THE FIRST WORLD WAR IN THE TOMSK
CITY THROUGH THE EYES OF THE DEPUTIES OF CITY DUMA
(1914–1917)**

This article contains the reconstruction of one of the images of enemy in pre-revolutionary Russian province. On the example of perception of the First World War prisoners by the deputies of the Tomsk City Duma, it shows the failure of simplified image of enemy as a kind of incorrect representation that displaces the objective image. The article shows blurring of the image of enemy and its determinism both negative and positive characteristics.

Key words: prisoners of war; First World War; Tomsk City Duma, enemy image.

Анализ особенностей и поведения различных социальных общностей: групп, категорий населения и агрегаций (вроде попутчиков в транспорте или болельщиков на стадионе) является одной из актуальных проблем современных социологии, политологии и истории. Взаимные представления друг о друге представителей различных общностей – одни из ключевых для понимания их сущности и причин поведения. Особый интерес вызывает анализ этих представлений в условиях острых социальных конфликтов, прежде всего глобальных и локальных войн. Однако при всей фундаментальности отдельных работ по этой тематике [1; 2], исследователи предпочитают говорить о субъективности образа «другого», «врага» и его трансформации с течением времени, недооценивая объективные мотивы тех, кто сталкивался не с виртуальным образом, а с конкретными людьми и повседневными проблемами.

Дореволюционная российская провинция в условиях Первой мировой войны столкнулась не с условным врагом, о котором узнают из сообщений прессы, а получила возможность непосредственно общаться с обезоруженным противником. Сибиряки, жившие в глубоком тылу, при этом не были носителями опыта непосредственного общения с врагом на фронте. До 1916 г. российские власти рассматривали азиатскую часть страны как наиболее подходящую для размещения большой массы враждебно настроенных людей. Городские самоуправления оказались первыми, кто был вынужден решать бытовые проблемы долгосрочного размещения и содержания военнопленных в империи. Решая их буквально по мере поступления пленных, они формировали собственный, уникальный образ врага. Личные впечатления и пропаганда не были в этом образе определяющими, хотя и могли использоваться как аргумент при обсуждении насущных проблем.

В отличие от слишком одномерных, неконкретных или не универсальных представлений, сформированных под воздействием пропаганды или личных предрасположенностей, это многогранный, но достаточно приземленный образ, разделявшийся множеством людей, чьи интересы представляли гласные городской Думы. Он замкнут на решении противоречивой задачи: обеспечить содержание обезоруженного неприятеля, не ухудшив собственного материального положения. Как и всякий образ врага, он преимущественно негативный. Но основа этого негатива – не журналистские пассажи о далеких от сибирской провинции зверствах врага на фронте и не абстрактные рассуждения, вроде пересказа гегелевских – о «нравственном отрицании чужого», а конкретные факты.

Исходя из оценок и высказываний членов Томской городской Думы (гласных, городского головы) на думских заседаниях, во время работы Областного съезда представителей городов Западной Сибири или очередного Съезда представителей городов Всероссийского городского Союза о пленных и проблемах, связанных с их появлением, можно выделить следующие значимые характеристики этой категории временного населения:

Пленные спровоцировали ущемление прав Томской городской Думы: Городская Управа единолично уступила требованию Военного ведомства разместить пленных в черте города. «Вопрос был решен без согласия Думы, а теперь Дума должна только согласиться»¹.

Пленные – это враги, которых пришлось поселить в городе, заняв нужные для жителей помещения, в т.ч. учебные заведения. Этим был нанесен прямой ущерб жителям города и их детям: «... ненормальные условия, в которых работала школа... сопровождались полным изнурением учащихся и учащихся и нередко вызывали заразные болезни, значительное повышение общей заболеваемости... по причине большой скученности детей в одном помещении»².

Пленные – это дармоеды, содержащиеся в убыток городу даже при условии компенсации расходов государством, поскольку «существующие нормы квартирного довольствия, в той части, которая касается возмещения расходов... состоят в резком противоречии с действительными ценами...»³. Их растущее количество требует все новых помещений, постройки новых барачных лагерей⁴. Сюда же можно отнести и представление о том, что пленные усугубили проблему дороговизны жизни в Сибири.

Однако уже летом-осенью 1915 г. проблемы города от размещения пленных отошли на второй план в сравнении с размещением собственных войск и беженцев. Потесниться пришлось даже пленным: с размещением в Томске новых запасных батальонов численность местного гарнизона дошла до 50000 чел.; лагеря для военнопленных были частично заняты русскими войсками⁵. То есть пленные не считались самой тяжелой и долгосрочной обузой для города. Вся разница была в том, что русские войска и беженцы были «своими», а пленные – не просто «чужими», но врагами.

¹ Известия Томского городского общественного управления. – 1915. – № 5. – С. 95.

² То же. – № 6. – С. 56, 65–66.

³ То же. – № 9. – С. 92.

⁴ То же. – № 5. – С. 91–93; То же. – № 6. – С. 118–124; То же. – № 8. – С. 37–41 и др.

⁵ То же. – 1916. – № 1. – С. 56.

Их содержание не компенсировалось даже их трудом, поэтому осенью 1914 г. Томская городская Дума от последнего отказалась¹. Обещание Государственного казначейства возместить содержание работающих пленных сделало в 1915 г. благоустройство города «... силами военнопленных выгодным и желательным»². Но такая «бесплатность» не оправдывала их труд ни с материальной точки зрения («даровой труд всегда будет малопродуктивным»³), ни с моральной («...даровой труд является гарантированным только путем несчастья всех, путем несчастья всей России»⁴).

Спрос на рабочие руки пленников объясняется исключительно тем, что «за призывом в действующую армию массы людей из города и окрестностей», предложение рабочих рук на рынке труда сильно снизилось, расценка его крайне выросла...»⁵. То есть это произошло из-за войны с врагом, которого обезоруженного (пленного) разместили в Томске и вообще в России. В этом смысле труд пленников – лишь малая компенсация того ущерба, который они нанесли.

Пленные опасны для населения самим фактом существования с момента прибытия. Эпидемически они являются «самыми опасными носителями заразы в настоящее время»⁶. Уже в 1914–1915 гг. они были охвачены эпидемией сыпного тифа⁷. Концентрационный лагерь для их размещения, который город вынужден строить в своей черте, «...будет обильно загрязняться, как с поверхности, так и благодаря большому количеству отхожих мест и помойных ям...»⁸.

Устранение эпидемической опасности ведет к новому росту расходов на пленников, начиная со строительства специальных изоляционных пунктов (карантинов) и больниц, для которых также нужны свободные

¹ Известия Томского городского общественного управления. – 1915. – № 5. – С. 135.

² Там же.

³ Там же. – С. 138.

⁴ Там же. – С. 139.

⁵ То же. – № 9. – С. 12.

⁶ То же. – № 6. – С. 60.

⁷ То же. – № 9. – С. 32; Но уже к сентябрю 1915 г. в томской больнице для заразных пленников из 200 мест они занимали только 57, остальные пустовали, и городская Дума просила разрешить там размещение заболевших беженцев – см. Известия Томского городского общественного управления. – 1915. – № 11. – С. 125.

⁸ Известия Томского городского общественного управления. – 1915. – № 5. – С. 92; То же. – № 8. – С. 42–43.

площади, притом, что собственное «...сельское население Сибири беспомощно в медицинском отношении...»¹.

Пленные соблазняют местных женщин (последнее даже стало предметом шуток в сибирской прессе, высмеявшей томских гласных за их попытку вмешаться в этот вопрос) [3, с. 17–18].

Есть и амбивалентные характеристики пленных, самая яркая – не дисциплинированность, слишком свободное поведение в Сибири, которое кажется вызывающим. Однако отсутствие дисциплины или плохая дисциплина, с одной стороны – укор собственной власти, а с другой – почти нейтральная характеристика, если речь идет об использовании их труда. Невозможность установить строгую дисциплину работающих в городе военнопленных – не помеха к их привлечению на работы, тем более что «... не в лучшем положении дело обстоит на сельскохозяйственных работах, где пленные совершенно предоставлены самим себе на полях...»².

Не следует однозначно примешивать к негативной характеристике образа пленных известные высказывания местных патриотов, в том числе из среды гласных думы, о недопустимости их художественных представлений или музыкальных концертов для обывателей (в Томске у пленных был свой оркестр). Это прямая критика политики российских властей, а не собственно пленных, которым лишь позволяли так себя вести. Тем более что частью жителей города, чьи интересы Дума представляла, эта сторона деятельности пленных воспринималась положительно.

Положительные характеристики военнопленных и последствий их размещения в городе появляются хронологически чуть позже негативных и достаточно однотипны. К типичным примерам подобного рода оценок можно отнести следующие:

Опыт использования труда пленных обывателями Томска с начала 1915 г. доказал, что пленные, трудившиеся в городе «... охотно уходили из казарм по частным квартирам, спокойно и скромно выполняли свои обязанности и, так как на работы по преимуществу отпускались славяне, то с их стороны никем из обывателей... никогда замечено не было какой бы то ни было вредной деятельности»³.

¹ Известия Томского городского общественного управления. – 1915. – № 6. – С. 61, С. 66–91, 118–124; То же. – № 8. – С. 79–81; То же. – 1916. – № 4. – С. 100–148; То же. – № 5. – С. 124–127 и др.

² Известия Томского городского общественного управления. – 1915. – № 9. – С. 15.

³ Там же. – С. 13.

Большая часть пленных в Томске – «темная масса, лишенная всяких сведений о положении военных дел с родины, никогда никаких политических вопросов не возбуждала, ... даже мало интересовалась ими и, наоборот, заметно и скоро эти разрозненные между собой по отдельным квартирам обывателей военнопленные из славян быстро приспосабливались к местному населению и условиям жизни у них, скоро выучивались говорить по-русски и многие из военнопленных начали даже поговаривать о том, чтобы после войны остаться здесь, где, по их признанию, свободнее и легче живется в экономическом отношении»¹.

То есть пленные уже летом 1915 г. представляются гласными Томской Думы спокойными, скромными, добросовестными людьми, многие из которых положительно расположены к России и русским и даже хотят здесь навсегда поселиться, уже став свободными. Городская Дума единогласно просила командующего войсками Омского военного округа оставить этих людей на работах у обывателей². Враг не может быть скромным и добросовестным в хорошем смысле по отношению к России. Значит предыдущие негативные характеристики – субъективно-вынужденные. Волею обстоятельств эти люди стали врагами, а тот вред, который был нанесен их размещением и содержанием в Томске – не следствие их умысла.

Конечно, рассматривая положительные характеристики пленных, как и предыдущие отрицательные или амбивалентные, следует иметь в виду мотивы и обстоятельства, в которые были поставлены те, кто их давал. Мотивы негативных оценок – нежелание нести расходы на пленных и стремление продемонстрировать свою «патриотичность», мотив положительных характеристик – желание отстоять перед военным начальством право пользоваться их дешевым трудом. В любом случае все мотивы – исключительно корыстны: нажива или нужда. Эмоционально-личностные и психологические характеристики – второстепенны. По-сути это самый здравый и трезвый подход, он же и самый объективный, позволяющий реагировать на любое новое обстоятельство или условие, меняющее привычный ход жизни исходя из своих (в широком смысле) интересов: личных, города, страны.

С этой точки зрения и формировался рассматриваемый в настоящей статье образ военнопленных. Исходя из него военнопленные Первой мировой войны, размещавшиеся в Томске в 1914–1917 гг., представлялись неопасной и одновременно неудобной категорией временного населения.

¹ Известия Томского городского общественного управления. – 1915. – № 9. – С. 13–14.

² Там же. – С. 17.

В глазах томских гласных и городского головы они были лишены определенных личностных характеристик («темная масса») и сами «отцы города», рассуждая о пленных, предпочитали говорить обезличенно и абстрактно, от имени всех, всего города. Гласные говорили о пользе или вреде и обе эти характеристики присутствовали в созданном ими образе пленных. Вреда было существенно больше, но он был объективным, связанным со спешным размещением и содержанием в Томске большой массы не нужных для города людей, а не злонамеренным со стороны пленных. Сами пленные выглядели приземленными и человеческими, занятыми рутинным трудом и решающими обыденные задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Серебрянников В. В. Социология войны. – М., 1997.
2. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М., 1999.
3. Талапин А. Военнопленные в Сибири (1914–1925 гг.): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014.

Хмуркин Георгий Георгиевич,
*ассистент кафедры вычислительной математики
и математической физики, Московский государственный
технический университет имени Н. Э. Баумана,
Москва,
e-mail: ovilenine@yandex.ru*

О МАСШТАБАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВ
СРЕДИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ В 1917–1926 ГОДАХ

На основе официальных данных Православной российской церкви (1915 г.) и материалов Всесоюзной переписи населения (1926 г.) показывается, что православные священнослужители пережили первые революционные годы с меньшими потерями, чем другие слои населения страны в целом.

Ключевые слова: Православная российская церковь; священнослужители; духовенство; большевики; репрессии; Гражданская война; Революция.

Hmurkin Georgiy Georgievich,
the Department of mathematics and mathematical physics,
*Bauman Moscow State Technical University,
Moscow,
e-mail: ovilenine@yandex.ru*

HOW MANY VICTIMS
HAVE BEEN AMONG THE PRIESTS
OF THE ORTHODOX RUSSIAN CHURCH IN 1917–1926

The article proves that Orthodox clergymen experienced the first revolutionary years (1917–1926) with less losses than other segments of the Russian population as a whole. The article is written on the basis of the official data of the Orthodox Russian Church (1915) and the materials of the Population Census in USSR (1926).

Key words: Russian Orthodox Church; priests; priesthood; Bolsheviks; repressions; Civil War; Revolution.

Существует устоявшееся мнение, что в первые годы Советской власти Православная российская церковь (далее – церковь) понесла большие человеческие потери. При этом называемое количество погибших представителей духовенства колеблется в пределах от 1 247 человек¹ до 320 000 человек [1, с. 20]. Историческая наука не располагает надежной статистикой по этому вопросу, поскольку необходимых детальных исследований не проводилось. В настоящей работе предлагается методика подсчета общего количества жертв революционных событий среди священнослужителей церкви в 1917–1926 годах.

Согласно официальным данным церкви, в 1915 году в ней насчитывалось 66 335 священнослужителей². Очевидно, что в последующие два предреволюционных года – в 1916-м и в начале 1917-го – каких-либо существенных изменений в общей численности священнослужителей быть не могло. Во всяком случае, по данным аналогичных церковных отчетов за предшествующие 5 лет количество священнослужителей колебалось максимум на несколько сотен [2, с. 426–427]. Таким образом, с высокой степенью уверенности можно считать, что непосредственно перед Октябрьской революцией в церкви насчитывалось около 66 335 священнослужителей.

Если бы не обстоятельства революционного времени, эта численность сохранялась бы примерно на том же уровне и далее, поскольку «естественная убыль» священнослужителей (смерть по возрасту или от болезни, добровольное сложение сана) компенсировалась рукоположением новых членов. Через 9 лет после Октябрьской революции, в 1926 году, в СССР была проведена всеобщая перепись населения, которая, по заключению современных исследователей, готовилась в спокойной и деловой обстановке, разрабатывалась лучшими специалистами, не испытывала давления сверху и дала вполне точные результаты [3, с. 28–29]. Согласно этой переписи, в 1926 году в стране насчитывалось 58 587 православных священнослужителей. По сравнению с 1915–1917 годами имеем разницу примерно в 7748 человек. Откуда она взялась? Давайте рассуждать.

Во-первых, статистика 1915 года охватывала ряд территорий, которые в 1926 году не входили в состав Советского союза. Это, прежде всего, Поль-

¹ Данные С. П. Мельгунова, который ссылается на статью некоего профессора Sarolea из эдинбургской газеты «The Scotsman» за ноябрь 1923 года – см. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. – М., 1990. – С. 87.

² Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 год. – Пг., 1917. – С. 45–46. – Прил.: Ведомости за 1915 год. – С. 24–25.

ша, Литва, Латвия и Финляндия. Им соответствуют 5 крупных епархий: Варшавская, Холмская, Литовская, Рижская и Финляндская, в которых, опять-таки согласно официальным церковным источникам, насчитывалось 1256 священнослужителей¹.

Кроме того, автор этих строк не располагает статистикой по священнослужителям церкви, работавшим в Северной Америке, Японии, Китае и Урмии. Однако известно, что в 1915 году «заграничных церковей было 56»². Получается, что как минимум 1156+56=1212 православных священнослужителей, числившихся в церкви в 1915 году, не были охвачены переписью 1926 года.

Во-вторых, в годы Гражданской войны часть православных священнослужителей безвозвратно эмигрировала. По оценкам современных исследователей, их было около 2000 человек³.

В-третьих, некоторые авторы пишут, что в первые годы Советской власти участились случаи добровольного сложения сана⁴ [4, с. 144; 5, с. 97]. Интересно, что указанная тенденция наметилась незадолго до прихода к власти большевиков – в феврале 1917 года. Насколько чаще происходило сложение сана после 1917 года, чем до 1917 года, выяснить сложно. По некоторым оценкам, в первое десятилетие Советской власти по всей стране было от 1,6 до 6,6 тыс. таких случаев [6, с. 365–366.].

Подведем итоги. Первые две группы насчитывают как минимум 3212 человек. Все это – люди, которые: а) были православными священнослужителями перед Октябрьской революцией, б) пережили драматические события 1917–1926 годов, в) не вошли в графу «Православные священнослужители» во время всесоюзной переписи 1926 года. Исключив их из обсуждаемой разницы (7748), приходим к заключению: в годы Гражданской войны и в течение последующих четырех лет погибло не больше 4536 православных священнослужителей, что составляет 6,8% от общей численности право-

¹ Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 год. – С. 45–46. – Прил.: Ведомости за 1915 год. – С. 24–25; Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и российской церковной иерархии на 1915 год. – Пг., 1915. – Указатель именной: С. III–VIII.

² Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 год. – С. 45.

³ Сведения из частной переписки с известным исследователем истории Русской православной церкви, доктором исторических наук М. В. Шкаровским.

⁴ См., например: Четверухин Серафим. Толмачи. Воспоминания об отце / Доп. и ред. С. Четверухина. – М., 1992. – С. 23.

славных священнослужителей предреволюционной Российской империи.

Здесь сразу же необходимо сделать несколько принципиальных замечаний, иначе полученный результат будет истолкован неправильно.

1. Приведенную цифру (4536) можно существенно снизить за счет неучтенной третьей категории – добровольно снявших сан сверх среднестатистической нормы. На сколько снизить – вопрос трудный; скорее всего, на несколько сотен или даже на тысячи.

2. В 1917–1926 годах священнослужители погибали от всевозможных причин (эпидемий, голода, репрессий, вооруженных столкновений, от «красной» и «белой» пули), а не только от рук чекистов.

Таким образом, в годы Гражданской войны и в течение следующих нескольких лет от всевозможных причин погибло не больше (а скорее всего, значительно меньше) 4,5 тыс. православных священнослужителей, что составляет 6,8% от их общей численности в предреволюционной России. А поскольку, согласно современным оценкам, в годы Гражданской войны погибло 8–12% населения России, приходим к следующему заключению: священнослужители Православной российской церкви пережили первые революционные годы (1917–1926) с меньшими потерями, чем другие слои населения страны в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крапивин М. Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917–1941 гг.). – Волгоград, 1993.

2. Бабкин М. А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). – М., 2007.

3. Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. – М., 1996.

4. Михайлов С. В. Государство и церковь: отношения органов власти, религиозных организаций и верующих на Архангельском Севере в 1918–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Архангельск, 1998.

5. Крепицина Е. В. Государственная политика в сфере религии на территории Кузбасса в 1920–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2006.

6. Хмуркин Г. Г. Предчувствие Ленина. – М., 2017.

**МУЗЕЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
КОНТЕКСТЕ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ**



Адамсон Алексей Рудольфович,
*заведующий научно-экспозиционным и выставочным отделом истории,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: kinic84@mail.ru*

РЕДКИЕ БИБЛИИ В КОЛЛЕКЦИИ ОГИК МУЗЕЯ

В статье дается обзор редких экземпляров Библии на русском и немецком языках. Приводится информация о времени и источнике поступления, музейная легенда предмета.

Ключевые слова: Библия; христианство; церковь; православие; католицизм; протестантизм; музей.

Adamson Alexey Rudolfovich,
*head of scientific exposition and exhibition Department of history,
Omsk, Omsk State Museum of History and Regional Studies,
e-mail: kinic84@mail.ru*

RARE BIBLE IN THE COLLECTION OF OMSK STATE MUSEUM OF HISTORY AND REGIONAL STUDIES

The article provides an overview of the rare copies of the Bible in Russian and German. Provides information about the time and source of admission, Museum legend of the subject.

Key words: The Bible; Christianity; Church; Orthodoxy; Catholicism; Protestantism; Museum.

В коллекции иностранной литературы и периодики Омского государственного историко-краеведческого музея хранится порядка 7 тысяч экземпляров различных изданий. Существенную часть данной коллекции составляют Библии.

В Омском государственном историко-краеведческом музее хранится 10 изданий Библии и отдельных книг Священного Писания на немецком языке, изданные Британским и иностранным библейским обществом, а также Главным евангелическим библейским обществом (ОМК-13633/3,

ОМК-12352/2, ОМК-12561/20, ОМК-12561/1, ОМК-15547/1, ОМК-14708/2, ОМК-13390/3, ОМК-12562/28, ОМК-12562/25, ОМК-12562/10). Хронологически эти издания охватывают 80-летний период, с 1886 по 1966 г. Книги были выпущены на территории Германии. В коллекции музея содержатся издания как минимум трех вариантов перевода Библии на немецкий язык – перевод доктора Мартина Лютера 1534 г. (а также ревизии его перевода 1892, 1912, 1956 гг.), перевод доктора Леандера ван Эсса (перевод Нового Завета – 1807 г., Ветхого Завета – 1839 г.) и перевод, выполненный К. Брокгаузом, Дж. Нельсоном Дэрби, Ю. А. Фон Позеком, Г. К. Ворхуве в 1855 г. Одно издание до настоящего времени аннотировать не удалось в связи с ветхим состоянием книги.

Сотрудник Британского общества пастор Джон Патерсон стал инициатором создания в России сначала Санкт-Петербургского библейского общества (6 декабря 1812 г.), переименованного впоследствии в Российское (1814 г.) библейское общество (РБО). Деятельность организации была вполне созвучна общим либеральным настроениям большей части русской аристократии первой четверти XIX в. Российское библейское общество, позиционирующее себя как надконфессиональная организация, имело своей главной целью издание и распространение книг Священного Писания без каких-либо дополнительных толкований и замечаний, на доступных для разных групп населения языках. Таким образом, РБО занималось не только распространением, но и переводом Библии на разные языки, в том числе и на русский язык. Одно из подобных изданий, датированное 1819 г. и изданное в Санкт-Петербурге, хранится в фондах краеведческого музея. Данный экземпляр является одним из первых изданий Библии на русском языке. Необычно и то, как книга попала в музей. В 1979 г. при сносе дома по улице 9 Линия, внутри одной из стен было обнаружено 13 книг, в числе которых был и данный экземпляр Библии. К сожалению, более подробно проследить историю этой книги, пути, по которым она оказалась у нас в Омске, пока не представляется возможным [1, с. 260].

Одним из наиболее редких и интересных экспонатов является Священное Писание Ветхого и Нового Завета в переводе на немецкий язык доктора Леандера ван Эсса, поступившее в музей в 1993 г. от жительницы Омска Е. Ф. Хлапчерез. Последняя, в свою очередь, получила данную Библию от пресвитера Омской церкви евангельских христиан-баптистов И. И. Вибе. Издание датируется 1893 г., выпущено оно было Британским и иностранным библейским обществом в Вене.

Иоганн Генрих (Леандер) ван Эсс родился 15 февраля 1772 г. в Варбурге (Вестфалия) в купеческой семье. В 1790 г. становится

послушником в бенедиктинской общине при кафедральном соборе Падерборна. В 1796 г. принимает священнический сан, а после секуляризации монастыря в 1802 г. становится пастором в Шваленберге. В 1812 г. становится профессором теологии и содиректором семинара для учителей в Марбурге. В 1818 г. защищает диссертацию по теологии. С 1822 г. в качестве приват-доцента жил и работал в Дармштадте и Альцее. Основным трудом Леандера ван Эсса стал перевод Библии на немецкий язык и деятельное участие в распространении Священного Писания среди немецкоязычного населения.

Его перевод Библии и сегодня используется и распространяется, например, Вюрттембергским библейским учреждением в Штутгарте. Несмотря на критику его перевода Библии, его оправдания смешанных браков и издание проповедей Франца Фолькмара Рейнгарда, Эсс остался в своих убеждениях католиком, хотя и постоянно отдалялся от реставрированного католицизма [2, с. 89].

Представленные книги являются важным источником по истории и культуре российских немцев. Несут в себе информацию не только религиозно-конфессионального, но и историко-бытового характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шанева Р. А. Книжный клад в собрании ОГИК музея // Вторые Ядринцевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию начала Первой мировой войны (Омск, 29 – 30 октября 2014 г.) / Под ред. П. П. Вибе, Т. М. Назарцевой. – Омск, 2014.

2. Altenbehrend, J. Leander van Ess: Bibelübersetzer und Bibelverbreiter zwischen katholischer Aufklärung und evangelikaler Erweckungsbewegung. – Paderborn: Bonifatius Buchverlag, 2001.

Ашихмин Евгений Геннадьевич,
заведующий музеем истории, Публичное акционерное общество
«Мотовилихинские заводы»,
Пермь
e-mail: ashihmin_eg@mail.ru

О ЧАЙНОЙ-ЧИТАЛЬНЕ МОТОВИЛИХИ

Ashikhmin Evgeny Gennadievich,
the head of the museum of history, the public joint stock company
«Motovilikhinskiye Zavody»,
Perm,
e-mail: ashihmin_eg@mail.ru

ABOUT TEA-READING MOTOVILINI

В середине XIX в. в России, как и в других странах, стали все больше задумываться о вреде пьянства. Определенные меры, направленные на решение данной проблемы, были предприняты со стороны государства.

Так, в 1881 г. совет Министров предложил заменить кабаки трактиром и корчмой, то есть точками, которые бы торговали не только водкой, но и где к водке можно было бы получать еду, закуску, что, несомненно, вело бы к меньшему проявлению опьянения. В 1885 г. состоялся переход от ведерной продажи водки на бутылочную. Задачей такого перехода было стремление уменьшить потребление водки (вина и до этого времени продавались в бутылках).

Данные меры не могли кардинально решить проблему пьянства, и правительство приняло решение о постепенном введении в России государственной монополии на производство водки. Сама реформа шла в течение восьми лет, с 1894 по 1902 год, и включала в себя целый ряд преобразований.

Одним из итогов проведения реформы стало учреждение в середине 90-х годов губернских комитетов попечительства о народной трезвости. Комитеты состояли в ведении министерства финансов. Пермский губернский комитет, как и другие подобные комитеты, занимался организацией досуга населения и борьбой с пьянством, содержал лечебные заведения для алкоголиков, контролировал уездные комитеты и попечительства.

Интересно отметить, что борьба с пьянством – не чисто русское явление, а проблема многих стран и народов. Так, во многом российские

общества борьбы за трезвость учитывали иностранный опыт. Пермский епископ Петр призывал учитывать американский опыт подобных обществ¹.

Либеральная интеллигенция и духовенство отмечали, что уровень пьянства в Мотовилихе значительно выше, чем в Перми и в среднем по губернии (на одного жителя здесь приходилось примерно 12 литров алкоголя в год)². Поэтому с энтузиазмом поддержали создание в декабре 1894 г. общества борьбы с пьянством. Для заведования делами общества был избран комитет, председателем которого стал инженер Петр Савин. В комитет вошли представители местной технической интеллигенции. Почетным членом был избран горный начальник Пермских пушечных заводов Николай Гаврилович Славянов.

Большим подспорьем в деятельности мотовилихинского общества явилось решение Пермского уездного комитета попечительства о народной трезвости от 25 ноября 1895 г. Решением комитета ряду обществ, в том числе и Мотовилихинскому, было выделено по 600 рублей «на первоначальное устройство и обзаведение чайных с читальнями при них»³.

В начале XX в. в Мотовилихе работали две чайных-читальни. Самая первая была открыта в доме Боброва, на Рыночной улице (напротив современного входа в рынок). После возведения первой очереди Народного дома (ныне – СДЮШОР «Олимпия») чайная-читальня появилась и здесь. Кстати, вскоре здесь стало можно не только почитать газеты, но и купить книги и канцелярские принадлежности, т.к. здесь открылся первый в Мотовилихе специализированный книжный киоск.

На выделенные для читален попечительским советом 600 рублей был не только укомплектован книжный фонд, но и изготовлен большой 40-литровый металлический бак с краном – вроде самовара. Сюда заливали кипяток и пили чай мотовилихинские рабочие, читая периодику и книги.

Заведующей одной из чайных была назначена Вера Васильевна Старкова. О ней известно только то, что она была из пермских мещан. В 1896 г. ей было примерно 35 лет, и за год до этого у нее родился сын.

Общество борьбы за трезвость проводило большую просветительскую работу. Устраивались вечера, театральные встречи, народные гуляния.

Со временем, во втором десятилетии XX в., когда финансирование общества прекратилось, чайные были закрыты, а книжные фонды послу-

¹ Летопись православных храмов Мотовилихи / Авт.-сост. В. Г. Бояршинов. – Пермь, 2008 – С. 84.

² Отчет о деятельности комитета Мотовилихинского общества борьбы с пьянством. – Пермь, 1900. – Л. 6.

³ ГАПК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1 Л. 20–21.

жили основой для заводской библиотеки. Заведующей библиотекой была назначена та же Вера Васильевна Старкова. Сохранились свидетельства о работе библиотеки в дореволюционное время. Клавдия Степановна Рагозина вспоминает о том, что библиотека в те времена была платная. Для пользования библиотекой необходимо было приобрести абонемент на несколько месяцев или на год. Клавдия Степановна отмечает, что Вера Васильевна и ее супруг Василий Дмитриевич очень любили книги и от читателей требовали того же. Читателям они наказывали: не пачкать книги, не загибать страниц и даже обертывать новые книги.

В советские годы история общества борьбы за трезвость со своей просветительской работой была забыта и не представлена в музеях, так как основную часть музейных экспозиций занимал показ борьбы рабочего класса за свои права, революционные события.

Интерес к первым годам работы библиотеки был проявлен в середине 90-х годов XX в., в преддверии 100-летия заводской библиотеки. Тогда удалось разыскать правнука В. Старковой – Владимира Дмитриевича Старкова. Удалось собрать сведения о работе общества и о первых годах работы библиотеки. Даже был найден чайный бак из чайной-читальни. Он стоял в огороде В. Д. Старкова и использовался как резервуар для полива огорода. Для того чтобы медный бак не стал добычей охотников за цветными металлами, он был покрашен масляной краской. В ходе юбилейных торжеств бак был передан в заводскую библиотеку, находившуюся в то время во Дворце им. В. И. Ленина.

Шли годы, дворец был продан заводом. Часть книг была списана и сдана в макулатуру. Оставшиеся библиотечные фонды были перевезены на территорию завода в производственные здания. Не забыли наши работники культуры, несмотря на все сложности времени, и о баке. Чайный бак хранился в подсобке библиотеки. Во время юбилейных торжеств библиотеки, проводимых каждое пятилетие, бак занимал видное место, декорируемый баранками и вышитыми полотенцами.

В последние годы происходит переосмысление событий начала XX в. Больше внимания стало уделяться изучению культуры и быта населения. Такая более объективная, не политизированная история находит отражение и в музейных экспозициях. Для более широкого всестороннего освещения музеем истории Мотовилихи начала XX в. весьма уместен был рассказ о чайной-читальне.

Большая благодарность профсоюзному комитету и его библиотеке за передачу чайного бака в музей. Кроме бака, библиотека предоставила музею и несколько книг начала XX в.

Разбирая документы, связанные с вековым юбилеем, удалось наткнуться на упоминание о двух афишах Мотовилихинского общества борьбы за трезвость. Работники библиотеки не могли вспомнить эти афиши. Предположили, что во время векового юбилея библиотеки были лишь разговоры об афишах, а самих афиш не было. На этом разговоры, возможно, и закончились бы... Но во время просмотра фотографий столетнего юбилея я увидел следующее: за сидящими за столом людьми на стене находились большие, явно старинные афиши. Значит, афиши на самом деле были. Данное свидетельство воодушевило наших библиотекарей на активные поиски раритетов. Были перерыты все папки на многочисленных складах, куда переезжала за эти годы библиотека. И поиски увенчались полным триумфом. Были найдены обе афиши. Одна из них приглашала от имени общества борьбы с пьянством 25 мая 1901 года на спектакль «Испорченная жизнь». Вторая – на театральный кинематограф-биоскоп «Электрический мир, или жизнь на экране» 19 мая 1902 г. Кроме афиш, была найдена и фотография начала XX в. На фото стоит группа людей на крыльце дома, над дверью которого находится надпись «Чайная-читальня Мотовилихинского общества борьбы с пьянством». В центре группы священник и инженер, вероятнее всего – члены попечительского совета Общества борьбы с пьянством. Многие на фотографии держат в руках книги и газеты, давая понять, что они находятся здесь неспроста. Среди многочисленной группы людей – три женщины, одна из которых, видимо, – Вера Васильевна Старкова, заведующая чайной-читальней.

Правнук Веры Васильевны Старковой, Владимир Дмитриевич, передал в музей стул, который хранился в доме с незапамятных времен и, по семейной легенде, также был из чайной-читальни.

Найденные раритеты вошли в экспозицию зала, рассказывающую об истории заводского поселения начала XX в.

Балюнов Игорь Валерьевич,
*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник,
Тобольск, Тюменская область,
e-mail: balyunoff@mail.ru*

Бурнашев Эдуард Григорьевич,
*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник,
Тобольск, Тюменская область,
e-mail: stormy.86@mail.ru*

МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ НИКОЛАЯ II: НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ

В Тобольске сохранился дом, в котором находилась в ссылке императорская семья Николая II. В 2017 г. ведутся работы по созданию в этом здании музея. В экспозиции посетители смогут увидеть подлинные мемориальные предметы и узнать об истории ссылки.

Ключевые слова: Тобольск; музей; императорская семья; ссылка; экспонаты.

Balyunov Igor Valerevich,
*Candidate of Historical Sciences, senior researcher,
Tobolsk historical and architectural Museum-reserve,
Tobolsk, Tyumen region,
e-mail: balyunoff@mail.ru*

Burnashev Eduard Grigorevich,
*Candidate of Historical Sciences, senior researcher,
Tobolsk historical and architectural Museum-reserve,
Tobolsk, Tyumen region,
e-mail: stormy.86@mail.ru*

MEMORIAL MUSEUM OF THE IMPERIAL FAMILY OF NICHOLAS II: ON THE WAY TO CREATING

In Tobolsk there is a house where the imperial family of Nicholas II was in exile. In 2017 works are underway to create a museum in this building. In the

exposition, visitors will be able to see authentic memorial items and learn about the history of exile.

Keywords: Tobolsk, museum, imperial family, exile, exhibits

В текущем 2017 г. исполняется ровно сто лет со дня ссылки семьи последнего русского Императора Николая II в Сибирь. После отречения от престола, случившегося в начале марта 1917 г., императорская семья, пребывавшая до августа того же года в Царском селе, по решению Временного правительства была отправлена в Tobolsk. В губернский город они прибыли на пароходе «Русь» под охраной так называемого отряда особого назначения Е. С. Кобылинского и в сопровождении свиты в количестве 45 человек. Для размещения семьи был предоставлен бывший Губернаторский дом.

Здание, возведенное еще в конце XVIII столетия как купеческий особняк, впоследствии перешло в казенное пользование городской управы. Некоторое время в нем находилась резиденция генерал-губернатора. После переезда должностных лиц Главного управления Западной Сибири и Присутственных мест в Омск в доме проживал уже тобольский губернатор. В период Февральской революции передача власти от тобольского губернатора временному комиссару на несколько месяцев закрепила за особняком статус администрации Tobolskого губернского исполнительного комитета Временного правительства. С августа 1917 г. по апрель 1918 г., на 8 месяцев, дом стал местом заточения семьи российского Императора Николая II.

Дальнейшая судьба здания вновь определила за ним статус административного учреждения, чему способствовала развернувшаяся на объекте деятельность районного управления. В конце XX столетия лишь одна из комнат – кабинет Николая Александровича – была музеефицирована. Музейная экспозиция вызвала неподдельный интерес жителей и гостей города и отличалась высокой посещаемостью. Исходя из опыта, можно объективно утверждать, что «Генерал-губернаторский дом» стал одним из основных и обязательных объектов показа в осуществлении разнообразных городских и межрегиональных туристических маршрутов.

Совокупность целого ряда факторов: большой интерес, высокая посещаемость, произошедшая канонизация царской семьи, действие программы по превращению Tobolskа в туристский центр – все это стало основанием для принятия решения о музеефикации объекта. Кроме того, реализация проекта обусловлена рядом исторических аспектов. Во-первых, события, произошедшие с императорской семьей в период – март

1917 г. – июль 1918 г. – не имели аналогов в мировой практике. Длительная ссылка царственной четы в пределах собственной страны была первым случаем в истории. Во-вторых, сохранившийся в Тобольске памятник культурного наследия «Дом генерал-губернатора» является единственным архитектурным объектом – прямым свидетелем сибирской ссылки Императора Николая II с семьей.

Сегодня создание музейного комплекса ведется сразу в нескольких направлениях параллельно: проведение работ по реставрации и музеефикации историко-культурного объекта «Дом генерал-губернатора», благоустройство территории, создание музейно-туристической инфраструктуры.

Особо можно отметить экспозиционную составляющую проекта. Так, на первом этаже, кроме зон гостеприимства, будут находиться залы, посвященные истории здания и приближенным царской семьи, которые последовали за семьей в ссылку в Тобольск. В залах второго этажа (на основе сохранившихся фотодокументов) будут воссозданы интерьеры времен ссылки.

Говоря о наполнении экспозиционных залов, можно перечислить наиболее яркие экспонаты. Это, прежде всего, мемориальные предметы, связанные с проживанием императорской семьи Николая II в Тобольске, принадлежащие им и другим членам Дома Романовых: 1) переданные начальником охраны Е. С. Кобылинским через временного комиссара В. Н. Пиггнати в Тобольский губернский музей; 2) поступившие в фонды одновременно, с предметными описаниями, легендами и заключением экспертов об их подлинности и ценности; 3) поступившие в 20-е годы XX в. в Тобольский музей из церковного древлехранилища; 4) фотоальбомы и фотографии императорской семьи, переданные в архив Тобольского музея гражданами города и региона в 1918–1919 годах.

Кроме того в экспозиции найдут место подлинные предметы, свидетельствующие о посещении Тобольска в 1837 г. Цесаревичем Александром Николаевичем, посещении Тобольска в 1891 г. Цесаревичем Николаем Александровичем, его коронации, о юбилейных мероприятиях по случаю 300-летия императорского Дома Романовых. А также подлинные документы о пребывании императорской семьи Николая II в Тобольске из Государственного архива в г. Тобольске, фондов Тобольского музея-заповедника, Тюменского музейного комплекса. Предметы, позволяющие воссоздать подлинную обстановку дома в период пребывания в нем императорской семьи Николая II и сопровождающих их лиц, аутентичные времени и эпохе. Подлинные книги, переданные в научную библиотеку Тобольского музея-заповедника в начале XX столетия из генерал-губернаторского

дома после отъезда императорской семьи Николая II. Коллекция хромоли-тографий из фондов Тобольского музея-заповедника. Иконы, подаренные жителями царской семье, находившиеся в генерал-губернаторском доме «Тобольской Божьей Матери».

В целом, исходя из вышеизложенного, формируется объективное представление, что мемориальность, эксклюзивность и общественная значимость актуализируют создание указанного музея как учреждения мирового значения.

Беневаленская Евгения Николаевна,
аспирант кафедры отечественной истории,
Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул,
e-mail: rabota-ben11@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕСТНОЙ ИСТОРИИ В ЭКСПОЗИЦИЯХ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ 1940-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГОДОВ*

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований Отделения гуманитарных и общественных наук проект № 17-11-22005.

В докладе на основе неопубликованных архивных материалов о работе музейных учреждений Алтая дается анализ репрезентации историко-культурного наследия в общественно-политическом и социокультурном контексте второй половины 1940-х – первой половины 1950-х гг.

Ключевые слова: местная история; экспозиция; Алтай; коллективная память; идеологические установки; первое послевоенное десятилетие.

Benevalenskaya Evgenia Nikolaevna,
post-graduate student of chair of Russian history,
Altai State Pedagogical University,
Barnaul,
e-mail: rabota-ben11@yandex.ru

REPRESENTATION OF LOCAL HISTORY IN THE COLLECTIONS
OF THE STATE MUSEUMS OF THE ALTAI REGION
IN THE 1940S – THE FIRST HALF OF THE 1950S

In the report, based on unpublished archival materials of the work of museum institutions of the Altai the analyses of representation of the historical and cultural heritage in the socio-political and socio-cultural context of the second half of the 1940s – the first half of the 1950s is given.

Keywords: local history; exposition; Altai; collective memory; ideological statements; the first postwar decade.

В 1945–1955 гг. одним из ведущих направлений работы музейных учреждений страны была экспозиционная деятельность, имевшая определенную идеологическую направленность [1, с. 565]. Экспонирование отдельных сторон исторического прошлого должно было наглядно подтверждать концептуальные положения марксизма-ленинизма и постановлений Советской власти [2, с. 437–438].

Хронологический период до колонизации региона русскими был представлен в музеях Алтая в основном археологическими коллекциями¹. В краевом музее она состояла из 166 орудий труда и керамики, украшений разных эпох периодов древности и средневековья; ценными экспонатами являлись три, найденные в крае кольчуги XVI в.² Представленные в музеях региона этнографические экспонаты передавали местный колорит многонационального Алтая в период русской колонизации³.

Экспозиции в отделах дореволюционной истории музеев края показывали сюжеты об основании первых острогов на его территории. В частности, в Бийском краеведческом музее на обозрение посетителей были выставлены четыре пистолета XVII в., ружье с кремневым запалом, монгольский лук со стрелой, чугунная пушка с тремя ядрами из Бийской крепости, карта-схема расположения форпоста⁴.

Экспозиция отдела дореволюционной истории краевого музея реконструировала развитие горной промышленности в XVIII–XIX вв. Ее материалы показывали роль известных изобретателей и общественных деятелей региона К. Д. и П. К. Фроловых, И. И. Ползунова, Ф. В. Стрижкова и С. В. Литвинова в развитии экономического и культурного потенциала страны и края⁵.

В краевом музее экспонировался стенд об исследователях региона Г. Е. Щуровском, Ф. А. Геблере, Г. Н. Потанине, В. В. Радлове, П. Н. Крылове, М. П. Грязнове и других ученых и путешественниках, изучавших край в XVIII в. – 1940-х гг. В специально оборудованной витрине были выставлены отчеты Совета Общества любителей исследования Алтая за 1897–1899 гг., первый выпуск труда С. П. Швецова «Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 г. Население» и пять томов «Алтайского сборника», подготовленных членами Алтайского отдела русского географического общества⁶.

¹ ГААК. Ф.Р-1041. Оп. 1. Д. 106. Л. 12.

² ГААК. Ф.Р-288. Оп. 2. Д. 4. Л. 9.

³ ГААК. Ф.Р-288. Оп. 2. Д. 5; Ф.Р-1041. Оп. 1. Д. 106. Л. 17.

⁴ ГААК. Ф.Р-1041. Оп. 1. Д. 107. Л. 9.

⁵ ГААК. Ф.Р-288 Оп. 2. Д. 4. Л. 8–14.

⁶ АГКМ. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 37. Л. 2–3.

Однако из-за идеологизации музейной работы в 1945–1955 гг. в экспозициях отделов дореволюционной истории учреждений не были отражены важные для культурной памяти локального сообщества стороны местной истории, в искаженном свете представлялись некоторые события и явления прошлого. Оставался нераскрытым облик местных городов и их сельской округи в XVIII–XIX вв. Фотографии архитектурных сооружений и их видов сопровождалась пояснительными текстами, характеризующими низкий уровень жизни населения в досоветский период¹.

Идеологические установки определяли показ событий и участников Гражданской войны в отделах советской истории краеведческих музеев региона. В эти годы источники по истории белого движения, не вписывавшиеся в рамки концепции «Краткого курса ВКП(б)», объявлялись антисоветчиной и предавались забвению [3, с. 56]. По идеологическим мотивам в экспозициях отсутствовала репрезентация сюжетов о красном терроре, НЭПе, репрессиях в период коллективизации в крае. В связи с насаждением культа Сталина, в отделах советского прошлого были созданы «особо художественно оформленные» стенды о его пребывании на Алтае в 1928 г.² [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вибе П. П. Краеведческий музей как ресурсная база формирования историко-культурного пространства региона: анализ исторического опыта Омского государственного историко-краеведческого музея // Седьмые Всероссийские краеведческие чтения (Москва – Омск, 13–17 мая 2013 г.). – М., 2013.
2. Юренева Т. Ю. Музееведение. – М., 2004.
3. Вибе П. П. Об объективном отражении истории в памятниках гражданской войны в Сибири // Антология омского краеведения. – Омск, 2015. – Т. 2. Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках.

¹ ГААК. Ф.Р-1041. Оп. 1. Д. 106. Л. 11–12; Д. 107. Л. 9.

² ГААК. Ф.Р-288. Оп. 2. Д. 5. Л. 4.

Блинова Ольга Валерьевна,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник редакционно-издательского отдела,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: ogik_blinova_mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ОТДЕЛА
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В 1917–1919 ГГ.

Деятельность ЗСОИРГО в период Революции и Гражданской войны получила новые специфические черты. Проявился полугосударственный характер организации, пришедший на смену общественному. Особое место в этот период занимала комиссия архива войны, чья работа составила значительный объем в общем объеме деятельности ЗСОИРГО и до некоторой степени перекрыла ее.

Ключевые слова: Сибирь; ЗСОИРГО; гражданская война; архив войны.

Blinova Olga Valeryevna,
candidate of historical sciences, leading researcher,
The Omsk state regional history Museum,
Omsk,
e-mail: ogik_blinova_mail.ru

THE ACTIVITY OF THE WESTERN-SIBERIAN DEPARTMENT OF
RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY IN 1917–1919

The activities of the WSDRGS in the period of the revolution and civil war received new specific features. The semi-state character of the organization, which came to replace the public, was manifested. A special place in this period was occupied by the Commission of the Archives of War, whose work amounted to a considerable amount in the general layer of WSDRGS and to a certain extent blocked it.

Key words: Siberia, WSDRGS, civil war, Archive of war.

Деятельность Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества (далее – ЗСОИРГО) на период Революции и Гражданской войны

слабо выявляется по официальной документации организации – отчеты практически не велись. Основной материал по этому времени предоставляет отчет 50-летней деятельности отдела, составленный председателем объединения В. Ф. Семеновым в 1927 г.

В апреле 1917 г. старый Распорядительный комитет сложил полномочия и был избран новый во главе с А. Н. Седельниковым. Активно работали созданные комиссии – аграрная, об устройстве Западной Сибири, комиссия войны и революции [1, с. 34]. Из протоколов этого времени вырисовывается серьезное осложнение работы отдела, вызванное ухудшением экономического положения в городе и постоянными сменами власти. Возникли проблемы с отоплением и освещением, росла задолженность по старым договорам перед столярами, таксидермистами и т. д.¹

Сотрудники отдела не оставляли надежду на протяжении всего этого периода поменять помещение музея, переехав в просторное здание бывшего генерал-губернаторского дворца². Несмотря на принципиальное согласие Временного правительства, этому решению не суждено было сбыться. Постоянные смены власти не позволили довести задуманное до конца вплоть до 1920-х гг.

ЗСОИРГО изначально создавалось как объединение административных и общественных интересов в деле изучения региона. Представители администрации покровительствовали отделу, финансировали его деятельность, оказывая безусловное воздействие на характер и области научной работы членов отдела. В условиях гражданской войны для выживания и сохранения целостности отдела вновь налаживаются контакты с администрацией. Временное Сибирское правительство, правительство А. В. Колчака, новая Советская власть были заинтересованы в деятельности отдела как по сути единственного научного объединения в регионе, способного четко выполнить поставленные задачи и подготовить квалифицированные ответы³. Эта взаимная потребность научного объединения и администрации друг в друге определила устойчивое существование отдела и музея в сложнейшее переломное время.

Экспедиций в этот период было крайне мало, число членов отдела стремительно уменьшалось. Новым явлением в процессе формирования коллекций музея в период Гражданской войны стал осмотр складов в целях извлечения предметов старины, для чего заблаговременно сотрудникам отдела выдавались удостоверения на право осмотра пустовавших

¹ ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 233. Л. 13.

² ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 235. Л. 5–5 об.

³ Там же. Л. 5; То же. Д. 250. Л. 3.

помещений¹. Значительно пополнились коллекции музея за счет предметов, передаваемых в фонды материально нуждавшимся жителями Омска. Нередко передавали предметы, оценивавшиеся как исторически значимые (прежде всего, как отмечает исследователь Е. И. Красильникова, это были предметы, относившиеся к дореволюционному времени; вещи, принадлежавшие свергнутой политической элите [2, с. 306].

В 1918 г. отделу были переданы самые значимые архивы по истории и современности края – областной, генерал-губернаторский, жандармский [1, с. 35]. С осени 1918 г. ЗСОИРГО объединяет в себе и комиссию архива войны, явившуюся, по ее собственной оценке, «единственной научной организацией во всероссийском масштабе, выполняющей программу комиссии «Архива войны» при Центральном Географическом обществе в Петрограде и «Архива войны» при Академии наук»². Задача Омского отделения архива войны заключалась в том, чтобы объединить разрозненную деятельность на местах, а также отразить на примере собираемых экспонатов перелом, переживаемый страной³. Задачи корреспондентов архива включали в себя как сбор и аккумуляцию наиболее ценных материалов, так и подготовку документов пропагандистского характера (французская миссия обратилась в комиссию архива за предоставлением фотоснимков, иллюстрирующих наиболее ярко зверства большевиков)⁴.

Летом 1919 г. участниками заседания Распорядительного комитета отдела было принято решение о сохранении всего переданного комиссией архива войны материала в рамках ЗСОИРГО и об оставлении его в Омске при музее в случае вероятного отступления Русской Армии на восток⁵. В ходе ряда заседаний Распорядительного комитета неоднократно обращались к вопросу эвакуации архива согласно требованиям Министерства народного просвещения. Председатель комиссии архива войны И. И. Ульянов настаивал на обязательной эвакуации всего редкого и ценного из коллекций, что не встретило общей поддержки⁶. Общее собрание отдела отказалось вывозить экспонаты, решив убрать их в подвальные помещения.

В 1920 г. тема документов Гражданской войны была востребована представителями новой Советской власти. Нерешенность вопроса о месте и роли ЗСОИРГО и его музея в новой политической обстановке породило

¹ ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 250. Л. 15–15 об.

² ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 248. Л. 19.

³ Там же. Л. 20.

⁴ ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 249. Л. 46.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ ГИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 249. Л. 13; Там же. Л. 16.

очередную угрозу утраты коллекций путем их национализации. Приказом Сибнаробраза музей и библиотека были выведены из состава отдела, с 1923 г. музей был переведен под контроль ГУБОНО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семенов В. Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского Отдела Государственного Русского географического общества 1877 12.VII – 30 VI 1927. – Омск, 1927.

2. Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть: памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 гг.): моногр. – Новосибирск, 2015.

Буслаева Галина Борисовна,
старший научный сотрудник
отдела хранения и научного изучения музейных фондов,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: galina.buslaewa@yandex.ru

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ЛИЧНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ОМСКИХ КРАЕВЕДОВ В ФОНДАХ ОГИК МУЗЕЯ

В статье дан краткий обзор архивов омских краеведов, являющихся ценным источником по истории, культуре, этнографии, природе Омского Прииртышья. Ими был собран богатейший естественно-научный, историко-этнографический материал, составивший в настоящее время основу музейного собрания ОГИК музея.

Ключевые слова: музейные фонды; личная коллекция; ученые-краеведы; краеведческие материалы; источник исторических сведений.

A REVIEW OF PERSONAL COLLECTIONS OMSK ETHNOGRAPHERS IN THE COLLECTIONS OF THE MUSEUM OGIC

Buslaeva Galina Borisovna,
senior researcher, Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Omsk,
e-mail: galina.buslaewa@yandex.ru

The article gives a brief overview of the archives of the Omsk specialists in local history. They are a valuable source on the history, culture, ethnography and the nature of the Omsk Irtysh region. Local historians gathered the richest natural - scientific, historical-ethnographic material. Now it is the basis of the funds of the Omsk State Museum of History and Regional Studies.

Keywords: the funds of museum; personal collection; specialists in local history; local history materials; a source of historical information.

Большой интерес для исследователей представляют материалы личных коллекций ученых-краеведов, хранящиеся в фондах ОГИК музея. Многие

из фондообразователей на долгие годы или на всю жизнь избрали местом своего проживания Омск, а районом своих исследований территорию Омской области. Имена некоторых из них хорошо известны не только в нашем регионе, но далеко за его пределами. Среди них – минералог, профессор П. Л. Драверт; автор более 200 научных работ по истории края, бывший директор краеведческого музея А. Ф. Палашенков; ученый секретарь Омского отделения Географического общества С. Р. Лаптев; биолог, участник многих научных экспедиций по районам Сибири, профессор И. Н. Шухов; собиратель и исследователь песенного фольклора Н. Ф. Черноков; доктор географических наук профессор Д. Н. Фиалков; писатель, краевед, лауреат премии им. Г. Е. Катанаева И. Ф. Петров; доктор исторических наук, ученый, писатель, журналист, драматург М. Е. Бударин; известный советский архитектор и историк архитектуры В. И. Кочадамов и другие. Все они работали в различных научных областях. Ими был собран богатейший естественно-научный, историко-этнографический материал, составивший в настоящее время основу музейного собрания ОГИК музея.

Наиболее значительной по объему является коллекция профессора П. Л. Драверта. Общее количество составляющих ее материалов насчитывает более 12 000 ед. хр. Далее следуют коллекции В. И. Кочадамова – 1 318 ед. хр., А. Ф. Палашенкова – 1 243 ед. хр., профессора ботаники В. Ф. Семенова – более 400 ед. хр., Н. Ф. Чернокова – более 300 ед. хр., и др.

Время поступления коллекций в фонды и история их поступления различны. Личный фонд профессора П. Л. Драверта [1, с. 76–85] поступил в музей в 1946 г., после его смерти. Коллекция В. Ф. Семенова была передана в дар музею в 1951 г. его супругой Е. С. Волковой. Другие коллекции комплектовались музеем на протяжении нескольких лет. Коллекция Н. Ф. Чернокова формировалась на протяжении 1980-х гг. В отношении комплектования и поступления в фонды особый интерес представляет личная коллекция А. Ф. Палашенкова [2, с. 327–335]. В 2013 г. фонд персональных коллекций музея пополнился архивом В. И. Кочадамова. Документы и материалы были переданы его внуком, юристом В. Б. Наумовым, проживающим в г. Санкт-Петербурге.

Одна из важнейших отличительных особенностей всех коллекций краеведов заключается в разнообразии видового состава и тематики источников. Значительную их часть составляют рукописные материалы (черновики и машинописные экземпляры научных статей, заметки, дневники, письма, выписки из книг, архивных источников, газет, журналов). Примерно 1/3 объема составляют изобразительные источники (фотографии, карты, схемы). В каждой коллекции есть экземпляры периодической печати, среди

которых – научные краеведческие издания, различные полиграфические издания (наборы открыток, буклеты, листовки), часто подобранные по тематическому принципу. В коллекциях хранятся документы и фотографии членов семей, родных и знакомых, материалы родословной. Тематика собраний отражает основные направления деятельности фондообразователей, в первую очередь направления их научной деятельности.

В отношении хронологии в коллекциях есть материалы как советского, так и дореволюционного периода, общие хронологические рамки источников – XIX – 60-е гг. XX вв.

Материалы по археологическому изучению Омской области [3, с. 81–99] представлены наиболее полно в собрании А. Ф. Палашенкова. В них содержатся сведения об археологических находках в дореволюционный и советский период, описания археологических памятников, сведения о найденных предметах, лицах, производивших раскопки, названия изданий, где помещены публикации о них, археологическая карта Омской области, составленная А. Ф. Палашенковым.

В коллекции С. Р. Лаптева [4, с. 339–342] хранится несколько тематических подборок комплексного краеведческого характера под заголовком «Материалы по изучению Омской области», в которых содержатся описания и схемы школьных экспедиционных маршрутов по районам Омской области с прилагаемыми инструкциями.

Тематика материалов по истории Сибири, Омска и Омской области обширна и разнообразна. По своей полноте в этом отношении также выделяется коллекция А. Ф. Палашенкова. В ней есть интересные материалы о Сибирском ханстве, походе Ермака, сведения о строительстве крепостей в различных областях Сибири, данные по обследованию их остатков, проведенном А. Ф. Палашенковым в 1939–1940 гг. Интересные сведения по данной теме содержатся также в материалах обзорных лекций на тему «Дореволюционная история исследований территории Западной Сибири», хранящихся в коллекции С. Р. Лаптева. Значительную часть материалов по истории края составляют выписки, цитаты из опубликованных источников. В коллекции А. Ф. Палашенкова есть интересные материалы об истории революционных движений в крае, жизни и деятельности выдающихся революционеров, чьи имена названы многие улицы Омска и других городов Сибири, тематические подборки о деятелях омского большевистского подполья, их фотопортреты, полные биографические данные, а также фотоснимки зданий в Омске, где располагались явочные квартиры, подпольные типографии. В коллекции краеведа Ф. К. Нады хранится ряд материалов о деятельности венгерской большевистской организации

из «Легиона иностранных пролетариев». Среди них – копии рукописного журнала «Тоска по родине», издававшемся венгерскими военнопленными в Омске, копии документов колчаковской контрразведки 1919 г., а также фотографии венгров-революционеров. В коллекциях краеведов есть немало интересных материалов об истории омского комсомола, о советском строительстве, истории народного образования, о развитии промышленности, сельского хозяйства в Сибири в 1920–1930-х гг. Так, например, в коллекции П. Л. Драверта хранятся фотоснимки, отражающие процесс промышленного освоения территории Омской области, работу геологоразведочных экспедиций в 30-х гг.

Интересный комплекс представляют материалы по изучению и охране исторических памятников, наиболее полно представленные в коллекции А. Ф. Палашенкова. В них содержатся сведения обо всех исторических памятниках, находящихся на территории Омской области, выявленных, обследованных и описанных А. Ф. Палашенковым в 1940–1950-х гг. В данном разделе также хранится учетная документация – списки первичного учета памятников Омска, анкетные листы, паспорта на исторические памятники. Имеется комплекс материалов по обследованию памятников Тобольска и его окрестностей, содержащий исторические справки, сметы на реставрацию, описания и планы.

Интересный этнографический материал в виде рукописей и фотографий представлен в коллекциях И. Н. Шухова, Н. Ф. Чернокова, П. Л. Драверта. В коллекции профессора И. Н. Шухова хранятся фотоснимки, отражающие быт и хозяйственные занятия народов Северного Приобья хантов и манси. Оригинальные фотопортреты представителей этих народностей, а также старожилов-переселенцев различного возраста и пола были сделаны И. Н. Шуховым [5, с. 7–11] во время научных экспедиций 1913–1914 гг., организованных под руководством Академии наук. Интересные любительские фотоснимки, отражающие природу и быт местного населения, хранятся в коллекции П. Л. Драверта. Они были сделаны им в ходе научно-исследовательских экспедиций по районам Сибири и Казахстана. В коллекции известного собирателя фольклора Н. Ф. Чернокова хранятся собранные им материалы о песенном творчестве сибиряков, представленные текстами народных песен и частушек, записанных в 1950-х гг. в районах Омской области.

Большой интерес для исследователей истории строительства и архитектура городов Сибири представляет архив историка архитектуры В. И. Кочедамова [6, с. 150–153], автора книги «Омск. Как рос и строился город», излагающей историю города Омска с момента основания первой Омской

крепости до превращения его в крупный индустриальный центр Сибири в 50-х гг. XX в. Значительная часть материалов – выписки из архивных источников, фотографии и негативы, фотокопии планов города, чертежей различных сооружений.

Разнообразный блок материалов, хранящихся в личных коллекциях омских краеведов, показывает, насколько огромная и тщательная работа велась в разных направлениях научной и общественной деятельности. Эти источники могут оказать неоценимую помощь как начинающим, так и опытным краеведам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буслаева Г. Б. Личная коллекция П. Л. Драверта в собраниях Омского государственного историко-краеведческого музея // Дравертские чтения: материалы регионал. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня рождения П. Л. Драверта / Отв. ред. А. В. Ремизов. – Омск, 2015.

2. Буслаева Г. Б. Обзор личной коллекции А. Ф. Палашенкова в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея // Краеведение как феномен провинциальной культуры: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения А. Ф. Палашенкова / Под ред. П. П. Вибе, А. А. Кильдюшевой, Е. М. Бежан, О. А. Безродной. – Омск, 2011.

3. Конигов Б. А. К истории формирования археологического фонда Омского государственного историко-краеведческого музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 1998. – № 6.

4. Климова Н. Ф. Сергей Романович Лаптев // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея / Сост. П. П. Вибе, Т. М. Назарцева; науч. ред. П. П. Вибе. – Омск, 1997. – № 5.

5. Ремизов А. В. Знарок родного края: к 100-летию И. Н. Шухова // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 1994. – № 3.

6. Буслаева Г. Б. Обзор личной коллекции В. И. Кочадамова в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея // Вторые Ядринцевские чтения: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны / Под ред. П. П. Вибе, Т. М. Назарцевой. – Омск, 2014.

Герасимов Юрий Викторович,

*кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Омский научный центр Сибирского отделения
Российской академии наук,
Омск,
e-mail: ngajapti@yandex.ru*

Здор Максим Юрьевич,

*ведущий инженер, Омский научный центр
Сибирского отделения Российской академии наук,
Омск,
e-mail: max.zdor@gmail.com*

Корусенко Михаил Андреевич,

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Омск,
e-mail: otto.link@gmail.com*

Полеводов Альберт Викторович,

*кандидат исторических наук, ведущий специалист,
Министерство культуры Омской области, Управление по сохранению
и государственной охране объектов культурного наследия,
Омск,
e-mail: pole12w@yandex.ru*

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ «БИТЫЕ ГОРКИ»:
ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

В статье рассмотрены некоторые итоги изучения комплекса археологических памятников, расположенных в урочище «Битые горки». На основе данных полевых материалов авторов, изучения архивных материалов и музейных коллекций уточнены культурно-хронологическая атрибуция и характер памятников. Сформулировано положение о погребально-ритуальном назначении комплекса.

Ключевые слова: археологические памятники; Омская область; погребения; ритуальные комплексы

Gerasimov Yuri Viktorovich,
*candidate of historical sciences, researcher,
Omsk branch of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences,
Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of
the Russian Academy of Sciences,
Omsk
e-mail: ngajapti@yandex.ru*

Zdor Maxim Yurievich,
*Leading engineer, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of
the Russian Academy of Sciences,
Omsk,
e-mail: max.zdor@gmail.com*

Korusenko Mikhail Andreevich,
*candidate of historical sciences, senior researcher,
Omsk branch of the Institute of Archeology and Ethnography of
the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of
the Russian Academy of Sciences,
Omsk,
e-mail: otto.link@gmail.com*

Fields Albert Viktorovich,
*candidate of historical sciences, leading specialist,
Ministry of Culture of Omsk Region, Department for Preservation
and State Protection of Cultural Heritage Objects,
Omsk,
e-mail: pole12w@yandex.ru*

ARCHEOLOGICAL COMPLEXES «BITYE GORKI»:
HISTORY OF RESEARCH AND INTERPRETATION

The article examines some of the results of the study of the archaeological complex, located in the «Broken Hill. Based on the data of field materials

authors, studying archival materials and museum collections are refined cultural and chronological attribution and nature monuments. Formulated regulations on burial and ritual complex assignment.

Keywords: archaeological monuments; Omsk region; burial; ritual complexes.

Урочище Битые горки, расположенное в 15 километрах к северу от Омска на правом берегу Иртыша, – это небольшой останец обтекания, возвышающийся над низкой поймой на 12 м. Останец разрезан поперек остатком древнего лога, который когда-то выходил к террасе реки. Два подтреугольных в плане холма, морфология которых дала название урочищу, и сегодня видимые издали, не могли не привлечь внимания людей уже в далеком прошлом.

Начало археологического изучения урочища связано с деятельностью В. П. Левашовой. В 1926 году она провела археологическую разведку на участке террасы правого берега р. Иртыш близ сел Надеждино и Большие Кулачи, и тогда же начала раскопки; в следующем году работы были продолжены. На северном холме были заложены три траншеи, на южном – две. Была собрана коллекция керамики, обломки костей животных, а на северном холме, кроме того, вскрыты два погребения [1]. Кроме того, при вскрытии одной из траншей обнаружены три поздние могилы, свидетельствующие о существовании на территории урочища кладбища одной из близлежащих деревень [2]. В. П. Левашова считала, что урочище занято одним памятником – городищем Надеждино-I, но в публикации И. А. Талицкой 1953 года памятники уже разделены на Надеждинское городище и Надеждинский могильник [3]. В 1965 году раскопки на южном холме провела А. С. Чагаева, собрав немногочисленную коллекцию керамики, судьбу которой установить не удалось. В 1967 году обследование памятника проводил В. А. Могильников. В заложенной траншее раскопано погребение, отнесенное исследователем к раннему железному веку. В 1992 году памятник обследовал В. В. Дубко, разделив его на поселение бронзового века Надеждино-I, которое занимает оба холма, и грунтовый могильник раннего железного века Надеждино-II, расположенный на северном холме. В 2002 году раскопки на памятнике провел А. В. Матвеев. В Омском областном государственном историко-краеведческом музее хранятся материалы раскопок В. П. Левашовой, В. А. Могильникова и А. В. Матвеева. В 1979 году А. И. Петровым составлены научные паспорта на коллекции В. П. Левашовой (музейные №№ 4433, 4438). Керамика, собранная на южном

холме, делится на две группы. К первой принадлежат остатки 2 плоскодонных сосудов, которые датируются эпохой ранней бронзы, ко второй – венчики 6 сосудов, датированные ранним железным веком. Таким образом, результаты раскопок демонстрируют крайне слабую насыщенность слоя, нехарактерную для поселенческого комплекса. На северном холме собраны фрагменты двух сосудов раннего железного века и исследованы две могилы четырехугольной формы с закругленными углами, ориентированные север – юг. В одной могиле открыты останки 4 погребенных, во второй – одного. Инвентарь представлен костяными и железными наконечниками стрел, бронзовыми украшениями, бусами из янтаря и пестрого стекла.

В 2016 году нами проведен мониторинг памятника, заложены два стратиграфических шурфа и один разрез, найдены 3 фрагмента керамики, в числе которых два венчика, и несколько осколков костей животных. Венчики принадлежат типологически близким сосудам – слегка отогнутые наружу, с округлым срезом, орнамент представлен жемчужинами и оттиском крупнозубого штампа. Структура теста плотная, в качестве отощителей использованы песок и шамот.

Результаты полевых работ и изучения музейных коллекций позволяют сделать некоторые выводы относительно атрибуции памятника. По итогам работ предшествующих лет сложилась традиция, согласно которой на северном холме расположен могильник раннего железного века, а на южном – городище позднего этапа бронзового века. Проведенное нами сравнение коллекций из фондов ОГИК музея, полученных разными исследователями, демонстрируют высокую степень сходства фрагментов керамики, обнаруженной на разных холмах. Аналоги керамики Битых горок обнаруживаются в памятниках переходного времени от бронзового века в раннему железу: городище Большой Лог [4], поселения Николаевка-IV, Новотроицкое-I [5], Инберень VI [6], могильник Омская крепость-2 [7], хотя и обладают определенной спецификой. Вещевой материал погребений близок по облику прохоровским материалам, на что обратил внимание еще А. И. Петров. На основании этого сходства он предложил датировку памятника IV – III вв. до н.э., что соответствовало хронологическим рамкам культуры, предложенной К. Ф. Смирновым. Но в последнее время нижняя граница бытования прохоровской культуры удревнена до середины VI в. до н.э. [8] Такая датировка в определенной степени коррелирует с датами упомянутых выше памятников. Интересно также отметить, что на северном холме, на территории могильника, обнаружены фрагменты керамики в культурном слое (в том числе и авторами статьи). Культурный слой,

прослеженный на обоих холмах, характеризуется очень слабой насыщенностью, что резко отличает его от такового синхронных поселенческих памятников. Кроме того, ни разу за все время раскопок не были встречены объекты, которые могли бы быть интерпретированы как элементы поселенческой инфраструктуры. В то же время В. П. Левашова обнаружила любопытное сооружение, которое она посчитала очагом [9, с. 168]. Объект представлял собой яму, заполненную переслоями прокаленной глины и золы. Такая стратиграфия свидетельствует о циклическом использовании сооружения, что не характерно для очагов жилищ или производственных помещений, которые, как правило, регулярно очищались от остатков горения. В данном же случае уместно говорить об использовании места для разжигания огня в связи с какими-то событиями, которые происходили с определенной регулярностью. После окончания горения кострище закрывалось слоем глины, который являлся основанием для следующего костра. Такая цикличность характерна для ритуальных возжиганий, приуроченных к циклическим обрядам. Отмеченные обстоятельства позволяют предположить, что и погребения северного холма, и керамика южного представляют собой культурно-хронологическую общность, который можно интерпретировать как погребально-ритуальный комплекс предсаргатского времени и датировать VII – VI вв. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Левашева В. П. Предварительные сообщения об археологических исследованиях Зап.-Сиб. музея за 1926–1927 гг. // Известия Зап.-Сиб. музея. – Омск, 1928. – № 1.
2. Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. – 1953. – № 35.
3. Жук А. В. Старое кладбище на Битой Горке под лопатой В. П. Левашевой // Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий: кн. I / Отв. ред. Л. Р. Павлинская. – СПб., 2009.
4. Генинг В. Ф., Стефанов В. И. Поселение Черноозерье-I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург, 1993.
5. Герасимов Ю. В. Археологические памятники степного и южного лесостепного Прииртышья в коллекциях музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского. – Омск, 2010.

6. Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. – Новосибирск, 1985.
7. Герасимов Ю. В., Корусенко М. А. Могильник финальной бронзы на территории города Омска // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2015.
8. Гуцалов С. Ю. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н.э.: дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2000.
9. Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск, 1991.

Гуселетова Татьяна Вацлавовна,
*младший научный сотрудник,
Государственный историко-культурный
музей-заповедник «Старина Сибирская»,
Большеречье, Омская область,
e-mail: imobolzoo@yandex.ru*

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В СОВЕТСКОМ ИСКУССТВЕ

В статье рассматривается вопрос об отношении к советскому искусству накануне 100-летия событий 1917 г. Дается описание работ омских художников на тему Ленина и Революции из фондов Большереченской картинной галереи.

Ключевые слова: социалистический реализм; государственный заказ; революция; гражданская война.

Guseletova Tatyana Vatslavovna,
*junior researcher, state historical and cultural
the Museum-Reserve «Starina Sibirskaya»,
Bolsherechye, Omsk region,
e-mail: imobolzoo@yandex.ru*

REFLECTION OF HISTORICAL EVENTS IN THE SOVIET ART

The article deals with the question of the attitude to Soviet art on the eve of the 100th anniversary of the events of 1917. A description is given of the works of Omsk artists on the theme of Lenin and the revolution from the collections of the Bolsherechenskaya Picture Gallery.

Key words: socialist realism; government order; revolution; Civil War.

«В начале XX в. в России был осуществлен невиданный по масштабу проект, результатом которого стало образование уникального государства с новым политическим строем, социумом, культурой... Тотальный геополитический проект требовал тотальной вовлеченности в него сограждан, не приемля сомнений и колебаний» [1]. Отступления от социалистического

реализма карались, а художники «попадали в зависимость от государства. Средством существования и стимулом работы для них были государственные заказы, которые связывались с ... юбилеями, датами, великими достижениями...»¹.

Поэтому в последние десятилетия отношение к советскому искусству было неоднозначным. Лишь недавно стали появляться значительные выставочные проекты, посвященные этому периоду. Самой спорной и вызвавшей полярную реакцию стала выставка в Центральном выставочном зале «Манеж» в ноябре 2015 г., под названием «Романтический реализм», представившая около 80 работ советских художников с 1925–1945 гг. В проекте участвовали крупнейшие музейные собрания, от Третьяковки и Русского музея до Выставочного объединения РОСИЗО. Читаем отзыв в сети: «Могу только сказать: замечательно. Я на какое-то время окунулась в свое послевоенное детство: посещение Третьяковки, школьные учебники, щедро иллюстрированные нашими художниками»². А Валентин Дьяков полемизирует в газете «Коммерсантъ»: «В «Романтическом реализме» сталинская тема раскрыта с небывалой полнотой: он появляется сразу на многих полотнах, и смотреть на эти работы мы вроде как должны с незаинтересованно-эстетической точки зрения. Так вот, у этих работ низкое качество, они сделаны на заказ, по поводу, их авторы получили все мыслимые для художника земные блага и принадлежали к элите, до которой подавляющему большинству граждан СССР было не дотянуться. Мало того что на «Романтическом реализме» чистят Сталина, так еще и заставляют ценить мелких князьков соцреализма, не примечательных ничем, кроме умения делать то, что прикажут. Был, мол, культ, но были и талантливые личности!»³.

В Омске живопись советских художников, особенно на историческую тематику, с 1990-х годов представлялась очень редко. Стоит отметить выставку, посвященную 110-летию со дня рождения К. П. Белова в доме-му-

¹ Художники Омского Прииртышья: альбом-каталог, посвященный 75-летию Омской организации Союза художников России. – Омск, 2008. – С. 240.

² Романтический реализм. Советская живопись 1925–1945 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cultobzor.ru/2015/11/romanticheskiiy-realizm-manezh/> – (Дата обращения – 6 апреля 2017).

³ Стиль репрессионизм: выставка советского искусства в манеже [Электронный ресурс] // Коммерсант: газ. – 2015. – 11 нояб. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2850691> – (Дата обращения – 8.04.2017).

зее его имени в 2010 г. На ней были представлены ряд работ художника на тему революции и гражданской войны.

Большую часть фондов Большереченской картинной галереи (открыта в 1986 г.) составляют работы советских художников 1970–80-х гг. Среди них есть и работы, посвященные Ленину и революции. В этом году они будут представлены на выставке «Вся власть Советам», посвященной 100-летию юбилею событий 1917 года. В картине «Искусство, рожденное революцией» (пастель, 1979) А. Н. Либеров (1911–2001) обратился к сюжету установки памятника Борцам революции (ранее – Парижской коммуне) в Омске в 1923 г. Сложная, многофигурная композиция показывает нам момент разборки деревянных лесов; фигура в белом, возможно, сам скульптор Н. Н. Виноградов. На переднем плане картины изображены лошадь и подвода, на которую женщины грузят доски и бревна, рядом группа красноармейцев. О торжественности момента напоминают два красных пятна, косынка женщины и плакат слева на заднем плане. Замечательна по выразительности картина А. А. Федосенко (1947–1999) «Прииртышье – 19-й год» (1989). Тема ее возвращает нас к событиям Гражданской войны и переломному 1919 году, когда красные партизаны Тарского, Тюкалинского и др. уездов перешли к активным действиям против белых. На картине весенняя распутица, пока все спокойно и мирно, но впечатление ожидания грозных событий охватывает зрителя, ведь художник знает, какие кровопролитные бои совсем скоро предстоят его героям. И. И. Желистов (1936 г.р.) неоднократно обращался к событиям Революции и Гражданской войны в своих работах. В нашей галерее хранятся три линогравюры 1982 г. из серии «Революционное прошлое Омска»: «Провозглашение Советской власти в Омске», «Интернациональные отряды» и «Митинг».

Образ В. И. Ленина отражен в работах: «Ленин и дети» (1974) А. И. Голубецкого (1942–1982), «Ленин – вождь пролетариата» (1986) Е. А. Куприянова (1928–1994) и «Горки – 1924 г.» (1978) В. И. Маслова (1945 г.р.). Если первая нам показывает человечность вождя, то вторая – плакатного и великого Ленина на рубеже общественного перелома. Третья – похороны в театрально-фантастическом антураже. Среди огромных деревьев толпа несет гроб, где люди живые соседствуют со скелетами в шинелях и буденовках.

Закончить хочется цитатой из буклета московской выставки: «Но все это не было бы искусством, если бы не талант, остроумие, образованность... и мастерство художников, которым предстояло воплощать госзаказ в жизнь»¹.

¹ Романтический реализм. Советская живопись 1925–1945 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cultobzor.ru/2015/11/romanticheskij-realizm-manezh/> – (Дата обращения – 6 апреля 2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лубышева А. Г., СОЦРЕАЛИЗМ (размышления о судьбах художественного наследия) // XX век: Художник. Творчество. Эпоха. Диалог культур: вып. 3: сб. материалов регионал. науч. семинара (Омск, 1–2 июля 2004 г.). – Омск, 2006.

Девятьярова Ирина Григорьевна,
кандидат исторических наук, главный научный сотрудник,
Областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля,
Омск,
e-mail: sanfira9@mail.ru

**ДМИТРИЙ ЛИБЕРОВ – ИЛЛЮСТРАТОР КНИГИ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА К. В. САХАРОВА «БЕЛАЯ СИБИРЬ.
ВНУТРЕННЯЯ ВОЙНА 1918–1920 ГГ.» (МЮНХЕН, 1923)**

Статья посвящена забытому художнику, выпускнику Казанской художественной школы Дмитрию Алексеевичу Либерову (1891–1923). На основе архивных документов, периодики и мемуаров восстановлены эпизоды его жизни и творческой деятельности в период Гражданской войны, обнаружены ранее неизвестные произведения. Среди них – рисунки, исполненные во время службы в 15 Михайловском стрелковом полку 3-й Армии. Вошедшие в книгу генерал-лейтенанта К. В. Сахарова «Белая Сибирь» (Мюнхен, 1923), они дополняют представления о фронтовых буднях колчаковской армии в августе 1919 г.

Ключевые слова: Дмитрий Либеров; Казанская художественная школа; Гражданская война; 15 Михайловский Стрелковый полк; К. В. Сахаров.

Devyatyarova Irina Grigoryevna,
Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher,
The Regional M. A. Vrubel Museum of Fine Arts,
Omsk,
e-mail: sanfira9@mail.ru

**DMITRY LIBEROV – ILLUSTRATOR OF GENERAL-LEITENANT
K.V. SAKHAROV'S THE BOOK «WHITE SIBERIA.
INTERNAL WAR OF 1918–1920» (MUNICH, 1923)**

The article is devoted to a forgotten artist, a graduate of the Kazan Art School Dmitry Alekseyevich Liberov (1891–1923). Based on archival documents, periodicals and memoirs, episodes of his life and creative activity during the Civil war were restored and previously unknown works were found. Among them there are drawings made during the service in the 15th Mikhaylovsky

Rifle Regiment of the 3rd Army. Included in the book of Lieutenant-General K. V. Sakharov «White Siberia» (Munich, 1923), they complement the notions of the front-line everyday life of the Kolchak army in August 1919.

Keywords: DmitriyLiberov, Kazan Art School, Civil War, 15th Mikhailovsky Rifle Regiment, K.V. Sakharov.

Во время Гражданской войны в войсках адмирала А. В. Колчака было немало людей творческих профессий. Младшие офицеры и рядовые, мобилизованные в Поволжье в Народную армию или вступившие в нее добровольцами, они занимали разные должности в военных частях. Но и те, кто участвовал в боевых действиях, имел возможность на время передышки вернуться к любимому занятию и проявить свое дарование. Блокнот и карандаш помогали запечатлеть эпизоды фронтового быта и лица сослуживцев. По понятным причинам рисунки, исполненные на колчаковских позициях, не уцелели. Судьба карандашных набросков художника Д. А. Либерова, включенных в мемуарную книгу видного деятеля белого движения генерал-лейтенанта К. В. Сахарова «Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918–1920 гг.)» – один из редких случаев сохранности фронтовых зарисовок 1919 г.

Имя Дмитрия Алексеевича Либерова (1891–1923), выпускника Казанской художественной школы, на сегодняшний день оказалось забытым. Причины тому кроются, прежде всего, в короткой жизни художника (он умер в 32 года) и его малочисленном наследии. На основе архивных документов, периодики и мемуаров восстановлены эпизоды жизни художника и обнаружены его ранее неизвестные произведения, в том числе и рисунки, исполненные во время службы в 15 Михайловском стрелковом полку 3-й Армии.

Д. А. Либеров родился в 1891 г. в селе Хмелевицы Ветлужского уезда Нижегородской губернии в семье священника. Учился в Казанской художественной школе у замечательного художника и педагога Н. И. Фешина. Участвовал в Первой мировой войне¹. На одной из фотографий семейного архива изображен с Георгиевским крестом. Во время Гражданской войны Д. А. Либеров оказывается в составе 15 Михайловского стрелкового полка, сформированного летом 1918 в Уфе и входившего в состав 4-й Уфимской стрелковой дивизии. Несмотря на офицерское звание поручика, при Советской власти Д. А. Либерову удается избежать карательных мер. Оказавшись

¹ Из воспоминаний Е. Г. Либеровой. Семейный архив Е. А. Либеровой (г. Нижний Новгород).

в Новониколаевске в конце 1919–1920 гг., он работает в театре¹ и успешно участвует в выставках, экспонируя портреты и театральные эскизы². Летом 1920 г., после подавления Кольванского крестьянского восстания и в связи с массовыми репрессиями, Либеров был арестован, но вскоре отпущен³. В декабре 1920 г. с женой Евгенией Георгиевной художник покидает Сибирь и уезжает на родину – в село Хмелевицы.

Наследие Д. А. Либерова невелико, так как многие его работы погибли во время пожара в селе Хмелевицы. Несколько разнообразных по жанрам и технике исполнения произведений хранятся у внучки художника Е. А. Либеровой в Нижнем Новгороде. Поэтому особую ценность представляют шесть его рисунков, исполненных на фронте близ Ишима Тобольской губернии, после поражения в Челябинской операции. В книге В. К. Сахарова «Белая Сибирь», написанной в Нью-Йорке в 1920 г. и изданной в 1923 г. в Мюнхене, они воспроизведены без привязки к тексту. В предисловии к книге мемуарист пишет: «Рисунки, помещенные в этой книге, принадлежат карандашу поручика Михайловского стрелкового полка Л., давшего их мне еще летом 1919 года» [1, с. 6]. Определить автора и дату создания карандашных набросков позволила подпись под изображением конного разведчика-татарина на с. 74: «D. Liberov 13/VIII–19». Использование художником латиницы связано, вероятно, с присутствием в полку французских офицеров.

15-й Михайловский стрелковый полк первоначально состоял исключительно из крестьян Михайловской волости – партизан, и с ним передвигались на обозах семьи солдат и офицеров-татар [2]. Этим объясняется отчасти переданное Д. А. Либеровым своеобразие облика бойцов. Высоко ценивший в войсках внешний вид и выправку К. В. Сахаров, в то время командующий 3-й армией Восточного фронта, с досадой отмечал: «Военные напоминали нищих, собранных с церковных папертей. Одежда на них самая разнообразная, в большинстве своя, крестьянская, в чем ходил дома; но все потрепалось, износилось за время непрерывных боев и выглядит рубищем. Офицеры ничем не отличались по внешности от солдат. И изредка только попадаются солдатский мундир или гимнастерка» [1, с. 74].

¹ Из воспоминаний Д. П. Мошевитина. Семейный архив Н. Д. Мошевитиной (г. Истра Московской области).

² 2-я периодическая выставка художников // Дело Революции (Новониколаевск). – 1921. – № 132. – 14 июня.

³ Из воспоминаний Е. Г. Либеровой. Семейный архив Е. А. Либеровой (г. Нижний Новгород).

Отмеченные остротой психологических характеристик участников военных событий, обладающие несомненной художественной ценностью, рисунки Д. А. Либерова имеют также историко-документальную значимость. В зримых образах они дополняют представления о составе колчаковской армии в августе 1919 г., ее фронтовых буднях и проблемах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сахаров К. В. Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918–1920 гг.). – Мюнхен, 1923.
2. 15-й Михайловский стрелковый полк. Белое движение в России: организационная структура [Электронный ресурс] // Официальный сайт историка С. В. Волкова. – Режим доступа: <http://swolkov.org/> – (Дата обращения – 11. 06. 2016).

Дербуш Оксана Николаевна,
*кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
отдела хранения и научного изучения музейных фондов,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: onart_2010@mail.ru*

**КОЛЛЕКЦИЯ ФОТОГРАФИЙ СТАРООБРЯДЦЕВ НАЧАЛА XX В.
В ФОНДАХ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАК ИСТОЧНИК
ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО РУССКОГО КОСТЮМА**

Статья посвящена уникальной коллекции фотографий старообрядцев Алтая 1912–1914 гг., хранящейся в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея. В работе затрагивается проблема использования коллекции как источника для изучения традиционного русского костюма.

Ключевые слова: коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея; старообрядцы-поляки; изобразительно-натуральные источники; документальная фотография; русский костюм; орнамент.

Derbush Oksana Nikolaevna,
*candidate of historical sciences, leading researcher,
Omsk State Museum of Local History,
Omsk,
e-mail: onart_2010@mail.ru*

**COLLECTION OF PHOTOS OF THE OLD BELIEVERS BEGINNING OF
XX CENTURY IN THE COLLECTIONS OF THE OMSK STATE MUSEUM
OF HISTORY AND REGIONAL STUDIES AS A SOURCE OF STUDY OF
THE TRADITIONAL RUSSIAN COSTUME**

The article is devoted to unique collection of photographs of old believers of Altai 1912–1914, stored in the collections of the Omsk State Museum of History and Regional Studies. The work concerns the problem of the use of the collection as source for the study of traditional Russian clothes.

Keywords: the collections of the Omsk State Museum of History and Regional Studies, the old believers-«polyaky», the fine-natural sources, the documentary photography, the Russian clothes, ornament.

В современной музейной практике изучение музейных коллекций остается одной из главных задач. Музейный предмет является важнейшим носителем информации, а задача исследователя – извлечение и ввод в научный оборот нового материала. На современном этапе развития исторической науки все большую роль в исследованиях играют источники, ранее считавшиеся лишь вспомогательными. К ним относятся и выделенные в современной музеологии изобразительно-натуральные источники, включающие документальную фотографию [1, 65–66]. Именно они позволяют сформировать наиболее точный образ исторической реальности, что чрезвычайно важно в музейной практике. К сожалению, не всегда при формировании музейных коллекций это делалось комплексно – т.е. использовались различные способы фиксации исторической действительности. Но имеются и уникальные исключения. В фондах ОГИК музея хранятся коллекции, собранные А. Е. Новоселовым с 1912 по 1914 год у старообрядцев-поляков Алтая. Документальный архив исследователя был утрачен в период Гражданской войны, но коллекция одежды, обуви, украшений старообрядцев дополняется коллекцией фотографий, сделанных в местах сбора предметов. Она включает тринадцать черно-белых фотографий на картонных паспарту¹. Большинство снимков групповые. На них изображены представители разных возрастных групп: дети, старики, молодые девушки и женщины, а также имеются индивидуальные фотографии и целые семьи. Несмотря на то, что съемки проходили в теплое время года, имеются снимки людей, одетых в зимнюю одежду. Благодаря этому можно составить более полное представление об одежде различных половозрастных групп. Кроме того, на фотографиях представлены типы повседневной, праздничной и рабочей одежды. Особенно интересны изображения женщин верхом на лошади в т. н. «чамбарах» – мужских штанах.

По фотографиям сложно определить ткани, использовавшиеся для изготовления одежды, но все же на многих хорошо просматривается использование фабричных тканей. Также прослеживается разнообразие кроя одежды, в первую очередь мужских рубашек.

Сохранность подлинных фотографий неполная: имеется значительное угасание, заломы, утраты, что осложняет работу с ними, не позволяя получить всю информацию. Однако современные технологии позволяют преодолеть эти недостатки. Благодаря большой выдержке при фотографировании после сканирования возможно существенное увеличение изображения, позволяющее увидеть мелкие детали одежды, украшения,

¹ Омский музей краеведения. Основной фонд (ОМК)–4255/1–5, 7, 9, 10, 14, 15, 18–20.

орнамент. Особенно интересно именно рассмотрение орнаментов, выделение типичных элементов как для общерусской, так и для локальной традиции. Следует отметить, что у старообрядцев-поляков сохранились архаичные элементы в орнаментации одежды, что делает коллекцию фотографий очень ценным источником именно для исследователей в этой области.

Наиболее значимой для экспозиционной работы является информация о комплексах костюма. По фотографиям можно определить типичные сочетания различных предметов одежды, украшений, особенности их ношения. Данная информация необходима при оформлении музейных комплексов, а также при проведении экскурсий, лекций, бесед с посетителями.

Таким образом, изучение коллекции фотографий старообрядцев в фонде ОГИК музея позволяет активизировать использование других фондов как в музейной практике, в первую очередь в экспозиционной и экскурсионной деятельности музея, так и в научно-исследовательской работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шляхтина Л. М. Основы музейного дела. – 2-е изд., стер. – М., 2009.

Доровенчик Елена Ивановна,
*научный сотрудник, Томский областной краеведческий музей
имени М. Б. Шатилова,
Томск,
e-mail: dei@tomskmuseum.ru*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О СОБЫТИЯХ ПЕРИОДА
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТОМСКОМ КРАЕ
И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье показано значение историй повседневности и микроисторий в исследовании событий периода Революции и Гражданской войны и подход к их представлению на примере выставки Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова «Сибиряки вольные и невольные»; дается сравнительный анализ исторических источников и легенд, созданных в разные периоды.

Ключевые слова: истории повседневности; микроистории; музейная деятельность; Гражданская война.

Dorovenchik Elena Ivanovna,
*Researcher, Tomsk Regional Museum of Local History
named after M. B. Shatilov,
Tomsk,
e-mail: dei@tomskmuseum.ru*

HISTORICAL SOURCES ABOUT THE EVENTS OF THE CIVIL WAR
PERIOD IN THE TOMSK REGION AND THEIR REPRESENTATION IN
MUSEUM ACTIVITIES

The article shows the significance of «daily histories» and «microhistory» in study of events of the period of Revolution and Civil War and approach to their presentation on example of exhibition of the Tomsk Regional Museum of Local Lore. M.B. Shatilov «Siberians Voluntary and Involuntary». A comparative analysis of historical sources and legends created in different periods is given.

Key words: history of everyday life; Microhistory; Museum activity; Civil War.

В современном музееведении высказывается идея о предоставлении посетителям музеев максимальных возможностей для самостоятельной интерпретации идей, заложенных создателями выставок и программ. Знакомясь с выставкой Томского областного краеведческого музея «Сибиряки вольные и невольные», музейные посетители получают возможность доступа к большому количеству информации и базе данных на сайте выставки, состоящей из семейных историй, архивных материалов, литературы. Можно добавить свою историю и тем вписать ее в историю государства. Истории начала XX века включают события Революции и Гражданской войны.

В музейном пространстве трансляция исторических знаний происходит с помощью музейных средств. Перед исследователями всегда встает проблема достоверности исторических источников. Материальные источники, представленные в музее, наиболее достоверно передают информацию о прошлом. Устные и письменные исторические источники менее достоверны, но они вызывают интерес к теме исследования.

Обратимся к опыту публикаций семейных историй на сайте выставки, которые доказывают, что жизнь гораздо сложнее, чем ее описание. Семейная история А. В. Паленик¹ дополнена автобиографией ее мужа, И. И. Паленик, в жизни которого было три войны и три семьи². Сапожник из Австро-Венгрии во время Первой мировой войны попал в плен, воевал в Забайкальском партизанском отряде. Жене сообщили о его гибели. И. И. Паленик остался в Советском Союзе, работал в Ленинграде на обувной фабрике, создал семью. Во время Второй мировой войны из блокадного Ленинграда он был эвакуирован в Томскую область, где нашел свою третью жену. Семья уезжала в Венгрию, но вернулась. Содержание этой истории может послужить сюжетом для литературного произведения; а дальнейшие исследования по теме «Участие венгров в Гражданской войне» помогут в изучении истории Томска, в котором есть улицы, названные в честь интернационалистов.

¹ Беседа с Паленик А. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--90anba9ad0j.xn--80asehdb/documents/beseda-s-anastasiej-vasilevnoj-palениk-urozhenkoj-pereselencheskoj-derevni-grishino-molchanovskogo-rajona/> – (Дата обращения – 30.05.2017).

² Автобиография Паленик И. И. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--90anba9ad0j.xn--80asehdb/documents/avtobiografiya-palениk-iosifa-ivanovicha/> – (Дата обращения – 30.05.2017).

Художественное описание истории предков, переселенцев из Черниговской губернии, дает на сайте выставки Н. И. Жук¹. Редактируя материал, отмечаешь его литературный дар и наличие вымысла. В описании событий Гражданской войны он приводит легенды, сохраненные детской памятью. Например, о мужчинах, скрывавшихся от призыва в Колчаковскую армию, и «детях лесовиков»².

В архиве Томского краеведческого музея хранятся воспоминания жителей о баржах смерти, в том числе записанные сотрудником музея В. Добычиным в 1962 году³. Они объясняют отвращение народа от белого движения вследствие зверств колчаковских карательных отрядов⁴.

В интерпретации событий Гражданской войны, когда «шел брат на брата», большое значение имеет обращение к общечеловеческим ценностям. Воспоминания жителя деревни Казанка П. Расторгуева содержат страшные свидетельства об отрубленных головах и загубленных жизнях⁵. «Перепахивал огород, тяжело перепахивать кровь брата было»⁶.

В Томской области много памятников и топонимов Советского периода, посвященных героям Революции и Гражданской войны. В 90-е годы XX века памятники стали разрушаться, а на смену героической теме пришла тема репрессий⁷.

Опыт работы с материалами выставки и архивными документами позволяет сделать вывод о том, что начало изучения исторических событий с семейных историй, микроисторий вызывает интерес к продолжению исследований, а сравнительный анализ разных типов источников дает возможность интерпретации исторических событий.

¹ Жук Н. И. Деревня Верхняя Федоровка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--90anbaj9ad0j.xn--80asehdb/documents/derevnya-verhnyaya-fedorovka-svezhaya-gar-molchanovskogo-rajona-tomskoj-oblasti/> – (Дата обращения – 30.05.2017).

² Там же.

³ Воспоминания об истории братской могилы в с. Молчаново Томской области // Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 351. Л. 1–4.

⁴ Материалы к теме «Баржи смерти» (обследования, воспоминания, переписка, фотографии) / Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 3. Т. 1. Д. 275. Л. 47–49.

⁵ Воспоминания Павла Расторгуева // Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 337. Л. 81–105.

⁶ Воспоминания Павла Расторгуева // Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 337. Л. 105.

⁷ Сторона зырянская, родная / Сост. Н. Е. Флигинских – Томск, 2016.

Дьякова Ольга Петровна,
*старший научный сотрудник
отдела хранения и научного изучения музейных фондов,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: djakova.3525.@gmail.com*

ИСТОРИЯ МЕМОРИАЛЬНОГО СКВЕРА ПАМЯТИ БОРЦОВ РЕВОЛЮЦИИ В ФОТОГРАФИЯХ

В публикации дается обзор материалов фотофонда Омского государственного краеведческого музея по истории сквера Борцов революции, прослеживается развитие его территории с конца XIX века до настоящего времени.

Ключевые слова: генерал-губернаторский сад; перезахоронение жертв колчаковщины; памятник Парижской коммуне; вечный огонь; мемориальный сквер памяти Борцов революции.

Dyakova Olga Petrovna,
*Senior Researcher, Omsk State Museum of History and Local Lore,
Omsk,
e-mail: djakova.3525. @ gmail.com*

HISTORY OF THE MEMORIAL PARK TO THE MEMORY OF THE FIGHTERS OF THE REVOLUTION IN PHOTOS

The publication provides an overview of the materials fotofond Omsk state Museum of the history of the square of the fighters of the revolution, traces the development of its territory since the late nineteenth century to the present.

Key words: Governor-General's garden; the reburial of victims of Kolchak; the monument to the Paris commune; the eternal flame; a memorial square in memory of the fighters of the revolution.

История сквера памяти Борцов революции и памятника Парижской коммуне, который является его неотъемлемой частью, достаточно хорошо освещена в краеведческой литературе [1, 2, 3]. Мы ставим своей задачей познакомить исследователей с фотоматериалами из фондов Омского

государственного историко-краеведческого музея, которые позволяют получить более полное представление об изменениях данной территории и формировании сквера в его современном виде.

Первый по хронологии снимок¹ может быть датирован началом 1860-х гг.; это часть панорамы Омска, автором которой предположительно называют А. Темкина. На фотографии виден дворец генерал-губернатора и большая огороженная площадка перед ним с редкими деревцами. На снимке И. Кесслера, выполненном в 1884 г., площадка уже выглядит как молодой сад с беседкой-ротондой². С 1901 г. это генерал-губернаторский сквер, который в 1914 г. вместе с прилегающей улицей получил наименование Лермонтовского³. В 1917 г. сквер стал популярным местом революционных митингов⁴; на снимках этой поры видны разросшиеся деревья, прогулочные дорожки, садовые скамейки. Эти редкие снимки выполнил М. И. Абросимов, которого по праву называют фотолетописцем революционных событий в Омске [4].

Следующий этап связан с перезахоронением тел 120-ти заключенных омской тюрьмы, расстрелянных колчаковцами 12 ноября 1919 г. в Старо-Загородной Роще [1, с. 166]. Сохранились копийные снимки двух эпизодов, связанных с этим событием и снятых 30 ноября. На первом из них⁵ запечатлено начало похоронной процессии у госпиталя на улице Скорбященской, где тела были «обмыты, одеты и уложены в гробы» [1, 167]; на втором⁶ мы видим гробы, установленные в могиле. Мало освещается тот факт, что в 1920 г. у могилы 120-ти был торжественно открыт обелиск; судя по подписи к единственной фотографии⁷ с ним, это произошло в 1920 г. 15 июня 1923 г. состоялось торжество, посвященное открытию на месте обелиска памятника Парижской коммуне; как видно на снимке⁸, это происходило при большом стечении людей. Изображение дает представление и о том, как выглядел сквер: высокие деревья и густые кустарники, цветник в центральной части, у захоронения. В музее хранится копия этой

¹ Омский музей краеведения. Основной фонд (ОМК)–10898; ОМК–6624/7 (копия).

² ОМК–58; ОМК–6941/8 (копия).

³ Улицы Омска: справочник. – Омск, 2001. – С. 140.

⁴ ОМК–9247/15, 20, 21, 22.

⁵ Омский музей краеведения. Научно-вспомогательный фонд (ВОМК)–60/94.

⁶ ОМК–8625/895.

⁷ ОМК–8625/373.

⁸ ОМК–7619/2.

фотографии, подаренная в ноябре 1962 г. автором памятника Н. Н. Виноградовым. Он же прислал и другой снимок этого дня¹: у монумента стоит небольшая группа взрослых и детей, в том числе и сам Виноградов. Это первые виды памятника, который в советское время стал одним из любимых фотографами объектов. На снимках второй половины 1920-х гг. монумент запечатлен и крупным планом², и как часть улицы Республики³, и как центр панорамы исторической части города⁴; на двух позитивах хорошо видна братская могила⁵. Снимки позволяют дать следующее описание интересующей нас территории: площадка, обнесенная забором, с деревьями и кустарниками по периметру, с надмогильной насыпью в центре и цветниками на ней. Захоронение обнесено проволочным ограждением; в центре установлена большая табличка с надписью: «Здесь похоронены 120 человек товарищей, расстрелянных колчаковцами без суда в старой загородной роще при отступлении 12 ноября 1919 года». С западной стороны площадки стоит памятник, огороженный массивными цепями на бетонных столбиках. Это место было объявлено Садам революции; в 1939 г. саду присвоили имя П. А. Вавилова⁶. В 195–1952 гг. на месте сада был разбит новый сквер, получивший имя А. А. Масленникова [2, с. 94]. На снимках 1950-х – 1960-х гг.⁷ видно, что территория сквера была обнесена подпорными стенками, появилась центральная аллея с цветником, которая шла от улицы Лермонтова до здания краеведческого музея. 26 мая 1962 г. на фоне памятника Парижской коммуне сфотографировался и его автор⁸.

После реконструкции 1966–1967 гг. облик сквера изменился более существенно: здесь появились две новые братские могилы [3, с. 24], рельеф «Красная гвардия», памятник венграм-интернационалистам, выполненные в чугуне и граните траурно опущенные знамена, преобразилось зеленое убранство сквера и был зажжен Вечный огонь. Сквер обрел и новое имя – Борцов революции. 26 июля 1973 г. исполком Омского городского совета принял решение об установлении в сквере с 7 ноября Почетного поста. Об

¹ ОМК–7619/1.

² ОМК–8957/603; 16003/16; 16042/5.

³ ОМК–8625/263; 16003/13.

⁴ ОМК–408/1, 8625/174.

⁵ ОМК–16003/16; 16042/6.

⁶ Улицы Омска: справочник. – Омск, 2001. – С. 142.

⁷ ОМК–6360; 6581; 7263/29; 7472/35, 72; 7537/409–411, 522; 7610/1; 8957/404; 9254/5.

⁸ ОМК–7619/3.

истории Поста № 1, его первых караулах и порядке несения учащимися почетной службы рассказывает фотоальбом¹, переданный музею после закрытия Поста. Альбом запечатлел и виды сквера в 1973–1978 гг.

Последняя в советское время реконструкция сквера была проведена в 1987 г., и его художественное оформление дополнили шесть бюстов руководителей сибирского и омского большевистского подполья. Но в настоящее время сквер и памятник, бывший когда-то одним из символов Омска, мало привлекают внимание фотографов. Последний по хронологии снимок сквера в фондах музея датируется 1975 г. и принадлежит В. Ф. Кудринскому².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология омского краеведения / Мин-во культуры Омской области, Омский государственный историко-краеведческий музей, ОРО СКР; Составитель, главный редактор П. П. Вибе. – Т. 1: Избранные труды А. Ф. Палашенкова. – Омск: Омскбланкиздат, 2013.
2. Кочедамов В. И. Омск. Как рос и строился город. – Омск, 1960.
3. Вибе П. П. Мемориальный сквер «Памяти борцов революции» // Памятники истории и культуры города Омска: сб. ст. – Омск, 1992.
4. Пьянова О. А. Абросимов М. И. – автор фотолетописи Революции и Гражданской войны в Омске // Отечественная историография и региональный компонент в образовательных программах: проблемы и перспективы: материалы науч.-метод. конф. – Омск, 2000.

¹ ОМК–14864/1–63.

² ОМК–13733/166.

Ермола Михаил Викторович,
старший научный сотрудник
научно-экспозиционного и выставочного отдела истории,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: ermola-miha@mail.ru

МУЗЕЙНАЯ КАТАЛОГИЗАЦИЯ И МУЗЕЙНОЕ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СООТНОШЕНИЕ

В статье ставится проблема соотношения процессов научной каталогизации и музейного источниковедения.

Ключевые слова: каталогизация; источниковедение; музейный предмет; музееведение; источник.

Ermola Mikhail Viktorovich,
Senior Researcher Head
of the scientific exhibition and exhibition department of history,
Omsk State Historical and Local History Museum,
Omsk,
e-mail: ermola-miha@mail.ru

MUSEUM CATALOGING AND MUSEUM SOURCE STUDY

The article poses the problem of correlation between the processes of scientific cataloging and museum source study.

Key words: Cataloging; source study; museum subject; museology; source.

Введение около 40 лет назад в научный оборот термина «музейное источниковедение», поставило перед современной наукой комплекс важнейших теоретических проблем. При разрешении вопроса об объекте и предмете музейного источниковедения исследователей интересует главным образом специфика музейного источника, отличающая его от источника исторического [1, с. 49]. Подходы к данной проблематике по сей день остаются крайне разнообразными.

А. М. Разгон, небезосновательно полагал, что «в конечном счете, весь комплекс решаемых музеем задач, в том числе и экспозиции,

замыкается на источниковедческих исследованиях как жизненно необходимых» [2, с. 175]. Несмотря на то, что данная позиция А. М. Разгона по-разному трактуется в музееведческой литературе, в контексте процессов каталогизации музейных фондов источниковедческая составляющая научной работы музея проявляется крайне ярко. Н. П. Финягина считает, что в силу большей широты понятие «исторический источник» перекрывает понятие «музейный предмет», однако исключает простое «калькирование» методов профильного источниковедения. Это обуславливает и наличие специфического подхода не только к методам музейного источниковедения, но и к самому понятию источника. Н. Г. Самариной было предложено следующее определение: источник – это текст, содержащий в отраженном и фиксированном виде информацию о социокультурной действительности и являющийся результатом деятельности индивидуального или коллективного субъекта. Термин «текст» в данном случае позволяет передать неисчерпаемую природу источника, в котором информация может быть закодирована любым способом, в произвольной форме. Он также позволяет включать в совокупность источников как вербальные, так и невербальные (знаковые, изобразительные, вещественные и т. п.) способы кодирования информации [1, с. 33]. Музейное источниковедение делает акцент на семантической информации [3, с. 18–19].

Возвращаясь к тезису А. М. Разгона о замыкании всего комплекса музейных задач на источниковедческих исследованиях, эволюция методологических подходов к атрибуции, классификации, систематизации и интерпретации музейного предмета на протяжении всего времени существования музейного собрания имеет принципиальное значение. Создание аннотированных перечней входящих в фонды музея предметов, расположенных в определенном порядке, складывающихся в процессе их систематизации (каталогизации) [4, с. 159], вполне можно считать важнейшим связующим звеном между теоретической и практической стадиями музейного источниковедения. На этом этапе решаются проблемы выявления и определения историко-культурной, научной ценности источников, а также выявляется насущная необходимость их введения в научный оборот в данный период времени. Как в источниковедческом исследовании стадии выявления источников и определения их научной ценности смыкаются, образуя некий замкнутый цикл анализа источников.

Применяя гносеологическое разделение Н. Г. Георгиевой на потенциальный исторический источник (продукты деятельности человека в прошлом, еще не попавшие в поле зрения историка) и актуализированный исторический источник (предметы прошлого, которые уже попали в поле

зрения историка) [5, с. 168], не трудно заключить, что музей, осуществляя процесс каталогизации силами компетентных специалистов, занимается именно актуализацией исторических источников.

Таким образом, обращая взгляд на процесс каталогизации в историческую ретроспективу как на своего рода зафиксированный результат научной работы, знаменующий собой одновременно и окончание, и зарождение определенной вехи в жизни музейного собрания, исследователю открывается перспектива раскрытия методик реализации того или иного этапа источниковедческого анализа в зависимости от конкретного исторического периода в жизни музейного собрания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Самарина Н. Г. Музейное источниковедение: проблемы изучения и преподавания // Музеология – музееведение в начале XXI в.: проблемы изучения и преподавания: матер. междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. В. Майоров. СПб., 2009.

2. Разгон А. М. Музейный предмет как исторический источник // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. – М., 1984. См. также: Разгон А. М. 1) Научные описания музейных предметов. – М., 1954; 2) Изучение и научное описание памятников материальной культуры / Сост. и ред. А. М. Разгон, Н. П. Финягина. – М., 1972; 3) Музееведение как научная дисциплина // Музееведение: музеи исторического профиля / Под ред. К. Г. Левыкина и В. Хербста. – М., 1988.

3. Финягина Н. П. Развитие музейного источниковедения – важнейшая задача современного музееведения // Слово о соратнике и друге: к 80-летию А. М. Разгона. – М., 1999.

4. Музееведение. Музеи исторического профиля: учеб. пособие для вузов по спец. «История» / Под. ред. К. Г. Левыкина, В. Хербста. – М., 1988.

5. Георгиева Н. Г. Историческое источниковедение: теоретические проблемы: учебник для вузов. – М., 2016.

Ерошевская Дарья Викторовна,
*кандидат исторических наук, заведующий отделом
научно-исследовательской деятельности и музейного туризма,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: sima59510@mail.ru*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УСТЬ-ИШИМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В 2000-Е ГОДЫ

В статье рассмотрены и проанализированы основные направления работы Усть-Ишимского краеведческого музея, сделан вывод о значимости музея в культурной жизни района.

Ключевые слова: музей; краеведение; локальная история; с. Усть-Ишим.

Eroshevskaya Daria Viktorovna
*candidate of historical Sciences, head of Department scientific and educational
activities and Museum tourism,
The Omsk state regional history Museum,
Omsk,
e-mail: sima59510@mail.ru*

THE UST-ISHIM MUSEUM IN 2000 YEARS

The thesis discusses and analyzes the main directions of work of Ust-Ishim Museum of local lore, the conclusion about the importance of the Museum in the cultural life of the district.

Key words: Museum, local history, local history, the village of Ust-Ishim.

Усть-Ишимский район расположен на крайнем Северо-Западе Омской области, его площадь составляет 7,9 тыс. км², численность населения района – 13480 человек, с. Усть-Ишим – 4802 человека¹.

¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области: официальный web-сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/resources/2338c3004e64a79e8a6bef21f378d622/itogivpn2010_12.htm – (Дата обращения – 5.08.2014)

Свою историю музей в с. Усть-Ишиме ведет с 1930-х гг., когда в местной школе был создан музейный уголок. В 1970 г. он перерос в школьный музей, на основе которого в 1978 г. начал свою полноценную работу районный музей. В его истории имеются разные периоды. Несколько раз музей закрывался и открывался вновь, менял свой статус и наименование, и только в 2006 г. на основе дома-музея «Сибирская старина» был открыт Усть-Ишимский краеведческий музей.

Несмотря на все невзгоды, музей в настоящее время старается проводить плодотворную работу по различным направлениям деятельности. Одним из важнейших направлений является фондовая работа. Впервые за долгие годы была совершена закупка – приобретен пистолет-пулемет на средства, выделенные из районного бюджета¹. Фонды пополняются преимущественно предметами археологии, что связано с ежегодным участием сотрудников музея в археологических экспедициях ученых из г. Омска [1]. Ведется необходимая фондовая документация. Для ведения электронного каталога с 2011 г. используется программа «GenKat». Процент внесенных в Генеральный каталог музейных коллекций Омской области составляет 100%². В фондах музея имеются коллекции живописи, графики, скульптуры, предметы прикладного искусства, быта и этнографии, нумизматики, археологии, предметы печатной продукции и редкие книги, документы, предметы истории техники. Ежегодно проводят сушку и обработку против моли, а в декабре – сверку фондов.

Важное место занимает исследовательская деятельность. Члены музейных клубов «Исток» и «Искатели» проводят работу по выяснению интересных фактов из истории района и исследованию домашних архивов местных жителей, изучают метрические книги и списки домохозяев за 1921–1923 гг., биографии ветеранов войн XX в. и др. Продолжена работа по сбору материалов об исчезнувших деревнях, истории района³.

В рамках организации методической работы музей в Усть-Ишиме начал оказывать методическую помощь школьным музеям района, положено начало работе по паспортизации этих музеев.

Экспозиционно-выставочная работа строится на основе экспозиций и временных выставок, которые преимущественно создаются к государственным праздникам, праздникам народного календаря. В настоящее время действуют следующие разделы экспозиции: «Культура и быт сибирских татар»,

¹ Текстовый отчет Усть-Ишимского краеведческого музея за 2013 г. // Архив Усть-Ишимского краеведческого музея.

² Текстовый отчет Усть-Ишимского краеведческого музея за 2014 г. // Архив Усть-Ишимского краеведческого музея.

³ Ежегодные текстовые отчеты Усть-Ишимского краеведческого музея за 2006–2014 гг. // Архив Усть-Ишимского краеведческого музея.

«Русская изба», «Крестьянское хозяйство», «Край таежный», «Дорогами войны», «Из глубины веков», «Валдайский промысел» (коллекция колокольчиков), «Русский самовар», «Оглянись, здесь деревня стояла» (об исчезнувших населенных пунктах Усть-Ишимского района), «Усть-Ишим. Век XX», «Палеонтология»¹. В связи с недостатком выставочных площадей, сотрудники музея большое внимание уделяли созданию передвижных выставок.

Самым видимым направлением работы музея является просветительная деятельность. Основными посетителями являются школьники. Продолжена традиция кружковых форм работы. В 2006 г. в музее начали вновь свою работу клубы «Исток» и «Искатели», в 2007 г. – образовательный клуб для молодежи в возрасте от 18 до 30 лет. Проводятся музейные мероприятия и циклы лекций, посвященные государственным и народным праздникам, например: День Победы, День защитника Отечества, Масленица и другие. Различные мероприятия организуются сотрудниками музея на новых выставках. Например, в рамках проведения выставки по истории техники среди учащихся Усть-Ишимского лицея «Альфа» был проведен турнир «Ретроигрок». С 2012 г. начали проводить музейные праздники, посвященные международной акции «Ночь музеев».

В осуществлении своей деятельности музей сегодня осуществляет широкую сферу сотрудничества с различными местными учреждениями и организациями – с комитетом по молодежной политике, домом культуры, редакцией газеты, сельскими школами, домом детского творчества, библиотекой, школой искусств, с детским садом и лицеем «Альфа» и др. Были налажены связи с Омским отделением Русского географического общества.

Сегодня Усть-Ишимский краеведческий музей занимает значимое место в культурной жизни района, осуществляет все виды музейной деятельности – фондовую, исследовательскую, экспозиционно-выставочную и просветительную. Музей является местом хранения и трансляции социальной памяти, источником знаний по истории района, его культуры. Несмотря на свою удаленность от областного центра (560 км), обладая хорошей базой для дальнейшего развития, музей имеет большой потенциал для того, чтобы в будущем расширить сферы своей деятельности и стать основным центром культуры в районе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубев А. Находки земли Усть-Ишимской // Усть-Ишимский вестник. – 2009. – 14 августа.

¹ Текстовый отчет Усть-Ишимского краеведческого музея за 2014 г. // Архив Усть-Ишимского краеведческого музея.

Каткова Елена Ивановна,
*заведующий сектором краеведческой библиографии,
Омская государственная областная научная библиотека
имени А. С. Пушкина,
Омск,
email: sbolib@mail.ru*

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ О КРАЕВЕДАХ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Статья посвящена подготовленным библиографами Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина указателям, отражающим деятельность выдающихся краеведов Омского Прииртышья.

Ключевые слова: биобиблиографический указатель; краевед; библиотека областная научная.

Katkova Elena Ivanovna,
*Head of the Sector of Local Lore Bibliography,
Omsk State Regional Scientific Library. A. S. Pushkin,
Omsk,
email: sbolib@mail.ru*

BIBLIOGRAPHIC INDEXES OF OMSK LOCAL AREA SPECIALISTS OF THE IRTYSH RIVER BASIN IN OMSK REGIONAL LIBRARY

In this publication, bibliographers of Omsk State Regional Research Library named after A. S. Pushkin prepare bibliographic indexes which demonstrate work of eminent Omsk local area specialists of The Irtysh river basin.

Key words: bibliographic index, local area specialist, regional research library.

Рубеж XX–XXI вв. характеризуется появлением новых направлений исторического знания, таких как историческая антропология, новая локальная история и ряд других [1]. Этот процесс естественным образом коснулся и краеведения. В октябре 2014 г. одновременно произошли два важных события: в Москве была презентована инновационная музейная программа «Гений места. Новое краеведение» [2, с. 13], а во Владимире на

XV Всероссийском научно-практическом семинаре «Проблемы краеведческой деятельности библиотек» было принято решение учредить День краеведа. В фокусе нового краеведения оказываются частная и семейная история, конкретный человек. И в этом смысле особый интерес представляют личности, чья деятельность способствовала становлению и развитию краеведения. Омское Прииртышье богато именами энтузиастов изучения родного края. Постепенное накопление материала привело к возможности создания работ, специально посвященных краеведению в целом и деятельности его отдельных представителей. Ярким примером таких публикаций служит монография А. В. Ремизова «Омское краеведение 1930–1960-х годов» [3]. В октябре 2011 г. в Омске состоялась научно-практическая конференция «Краеведение как феномен провинциальной культуры». В ее решениях была зафиксирована необходимость создания силами Омского историко-краеведческого музея и областной научной библиотеки изданий (антологий, справочников, указателей), посвященных наиболее выдающимся краеведам Омского Прииртышья [4, с. 458]. С 2013 г. музей приступил к реализации масштабного проекта «Антология омского краеведения», в рамках которого вышло уже два солидных тома¹.

Омская «Пушкинка» приступила к сбору сведений о краеведах еще в начале 1930-х гг., создавая картотеку «Сибирика». Но целенаправленно и систематически выявлением такого рода публикаций библиографы стали заниматься с конца 1950-х гг., начав формирование краеведческого каталога и издание указателя «Литература об Омской области». В 2014 г. в свет вышел биобиблиографический указатель «Петр Людовикович Драверт», включивший публикации за 1903–2014 г. [5]. Заметим, что первый указатель об этом ученом и поэте появился в 1979 г. [6], а его литературные произведения были также учтены в фундаментальном указателе «Писатели земли Омской»². В отличие от предыдущих издателей, составитель О. П. Леонович обследовала не только каталоги и фонды «Пушкинки». Она обратилась за помощью к коллегам из Пермского и Красноярского краев, Кировской и Новосибирской областей, Сунтарского района Республики Саха (Якутия), Республики Татарстан. Благодаря этому была выявлена масса неучтенных ранее публикаций и объем издания увеличился более чем в два раза (875 записей). Материал в указателе представлен в трех

¹ Антология омского краеведения. Т. 1: избранные труды А. Ф. Палашенкова. – Омск, 2013. – 742 с.; Т. 2: музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках. – 2015.

² Писатели земли Омской: 1917–1945: указ. лит. / Ом. обл. науч. б-ка им. А. С. Пушкина. – Омск, 1984.

основных разделах: «Публикации П. Л. Драверта», «Литература о жизни и деятельности П. Л. Драверта» и «Библиографические пособия».

В 2016 г. «Пушкинка» издала биобиблиографический указатель «Николай Федорович Черноков» [7], ставший первым выпуском новой серии «Библиографика. Исследователи Омского края». В издание, приуроченное к 125-летию со дня рождения краеведа, фольклориста, библиофила и коллекционера, включена литература за 1948–2016 гг. В указателе с возможной полнотой отражены литературные произведения Н. Ф. Чернокова, а также опубликованные тексты записанных им фольклорных сочинений из разных источников. Материалы сгруппированы в три раздела: «Публикации Н. Ф. Чернокова», «Литература о жизни и деятельности Н. Ф. Чернокова» и «Библиографические пособия». Специально для этого указателя его составитель О. П. Леонович просмотрела *de visu* все публикации, посвященные Омскому русскому народному хору и фольклору Западной Сибири, в том числе учебники для музыкальных вузов, репертуарные сборники, хрестоматии по хоровой литературе и т. д. Объем пособия составил 103 записи.

В 2017 г. вышел указатель «Аркадий Викулович Ваганов» [8], приуроченный к 125-летию со дня рождения известного тарского краеведа, педагога, просветителя, одного из основателей Тарского краеведческого музея. Пособие стало вторым выпуском серии «Библиографика. Исследователи Омского края». В него включена литература за 1936–2016 гг. Материалы в указателе сгруппированы в два раздела: «Публикации А. В. Ваганова» и «Литература о А. В. Ваганове» (в том числе представлены материалы конференции «Вагановские чтения»). Всего учтено 187 записей. Специально для издания составителями Н. А. Абаниной и Е. И. Катковой были просмотрены *de visu* все имеющиеся в фонде областной библиотеки номера тарской районной газеты «Ленинский путь» за 1939–1977 гг. Значительную помощь им оказали Тарская центральная районная библиотека, Тарский историко-краеведческий музей, местный филиал Исторического архива Омской области.

Общим для всех указателей, изданных в 2010-х гг., является обследование широкого круга источников: каталогов и фондов ОГОНБ имени А. С. Пушкина, каталогов федеральных и региональных библиотек, библиографических источников и ресурсов, в том числе представленных в электронном виде, электронных баз данных других учреждений, например, базы данных «Интегрум». Кроме этого, составители обращались за помощью к коллегам из других регионов через электронную почту и виртуальную справку. Также объединяют вышеназванные издания объемные биографические очерки, автором которых является А. В. Ремизов.

К достоинствам указателей серии «Библиографика. Исследователи Омского края» можно отнести единое оформление и большое количество иллюстративного материала. Тираж этих изданий мизерный, но все они представлены на сайте библиотеки в разделе «Ресурсы – Наши издания».

На 2018 г. запланировано публикация третьего выпуска – указателя об основателе и первом директоре Большереченского общественного краеведческого музея, известном краеведе Василии Семеновиче Аношине. Таким образом, Омская государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина продолжает работу над библиографированием материалов о выдающихся омских краеведах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репина Л. П. История исторического знания: пособие для вузов / А. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – 2-е изд., стереотип. – М., 2006.
2. Вибе П. П. Омское региональное отделение Союза краеведов России: первые итоги и перспективы деятельности // Вторые Ядринцевские чтения: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 29–30 окт. 2014 г.). – Омск, 2014.
3. Ремизов А. В. Омское краеведение 1930-1960-х годов: очерк истории. – Омск, 1998. – Ч. 1–2.
4. Бежан Е. М. Отчет о проведении Всероссийской научно-практической конференции «Краеведение как феномен провинциальной культуры», посвященной 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Палашенкова (1886–1971) / Е. М. Бежан, А. Г. Смирнова // Вестн. Ом. ун-та. – 2012. – № 2.
5. Петр Людовикович Драверт: биобиблиог. указ. / Ом. гос. обл. науч. б-ка им. А. С. Пушкина. – Омск, 2014.
6. Петр Людовикович Драверт: библиогр. указ. лит. / Ом. обл. б-ка им. А. С. Пушкина. – Омск, 1979.
7. Николай Федорович Черноков: краевед, фольклорист, библиофил: биобиблиогр. указ. / Ом. гос. обл. науч. б-ка им. А. С. Пушкина. – Омск, 2016. (Библиографика. Исследователи Омского края).
8. Аркадий Викулович Ваганов: краевед, музейный деятель, просветитель: биобиблиогр. указ. / Ом. гос. обл. науч. б-ка им. А. С. Пушкина. – Омск, 2017. (Библиографика. Исследователи Омского края).

Кокунина Анфиса Викторовна,
*заведующий филиалом
Омского государственного историко-краеведческого музея
«Музейный комплекс воинской славы омичей»,
Омск,
e-mail: mkvso85@mail.ru*

АРХИВ И. П. САЛЬЦЫНА В ФОНДАХ
«МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА ВОИНСКОЙ СЛАВЫ ОМИЧЕЙ»

В статье представлен обзор личной коллекции омича, участника событий на озере Хасан 1938 г., Великой Отечественной войны, находящейся в фондах МКВСО, Ивана Петровича Сальцына.

Ключевые слова: фонды МКВСО; озеро Хасан; Великая Отечественная война; И. П. Сальцын.

Kokunina Anfisa Viktorovna,
*Scientific employee, Omsk State Museum of History and Local Lore
«Museum complex of military glory of Omsk citizens»,
Omsk,
e-mail: mkvso85@mail.ru*

ARCHIVES I.P. SALTSYNA IN FUNDS «MUSEUM COMPLEX OF THE
MILITARY GLORY OF OMICH»

This article provides an overview of the personal collection of Omsk, the participant of the events on Lake Hassan in 1938, the Great Patriotic War, which is located in the funds of the MKVSO, Ivan Petrovich Saltsyn.

Key words: MKVSO funds, Lake Hassan, Great Patriotic War, I.P. Saltsyn.

В связи с неугасающим интересом к истории Великой Отечественной войны и военных действий на Дальнем Востоке 1938 года, видится необходимым обращение к исследованию архивов участников этих событий. Обращение к фондам МКВСО дает возможность расширить источниковую базу и методологическую основу работы с имеющимися накопленными материалами. Целью данной статьи является знаком-

ство с коллекцией омича–участника Великой Отечественной войны И. П. Сальцына.

Сбор предметов и комплектование материалов личного архива, принадлежащего И. П. Сальцыну, осуществлялись под руководством научного сотрудника МКВСО Л. А. Лупинас. В музейных фондах хранится его обширный личный архив (МВСО 74; ВМВСО-601; МВСО-820; МВСО-997; МВСО-1045; МВСО-1058; МВСО-1077.), составляющий 161 единиц хранения и фонд еще пополняется. Материалы в музей передали родственники с надеждой на сохранение памяти о И. П. Сальцыне. Личный архив включает в себя: биографические документы, документы основной деятельности, фотографии, переписки, личные вещи, награды и наградные документы, брошюры, газетные вырезки, автобиографические воспоминания. Собранная коллекция, в том числе и автобиографии, написанные им в разное время, позволяет составить хронологию жизнедеятельности советского военного деятеля, полковника И. П. Сальцына. Его судьба тесно связана с Омском. Ивана Петровича можно назвать человеком удивительной судьбы, который выбился в военную элиту с самых низов и был единственным кавалером ордена Жукова в городе Омске и Омской области. Сальцын И. П. (28.06.1907 – 28.04.2003) родился в семье железнодорожного рабочего Петра Васильевича (1881–1919) и Веры Андреевны (1885 – неизвестно). Кроме него в семье было еще 2 брата и 2 сестры.

В фондах хранятся фотографии, которые иллюстрируют биографические вехи его жизни, начиная с юности. Особое место среди фотоснимков И. П. Сальцына занимают фотографии периода службы на Дальнем Востоке в должности командира взвода управления, в составе 53-го отдельного противотанкового дивизиона 40 стрелковой дивизии 1-й отдельной Краснознаменной Дальневосточной Армии, в составе которой в июле-августе 1938 года Сальцын принимал участие в боях с японскими захватчиками в районе озера Хасан (МВСО-601/6, 7).

Большая группа фотографий как одиночных, так и групповых, относится к периоду Великой Отечественной войны. На некоторых фотографиях имеются надписи, сделанные И. П. Сальцыным.

За период военных действий в годы Великой Отечественной войны И. П. Сальцын занимал ряд ответственных должностей: командир 249 отдельного противотанкового дивизиона, в составе которого он был направлен в район Вязьмы [1, с. 14]; начальник штаба артиллерии дивизии (временно); заместитель командира артиллерийского полка; командир отдельного 169-го минометного полка резерва главного командования. В составе 169 минометного полка воевал в районе Орловско-курской дуги

[1, с. 26]. Война познакомила Ивана Петровича с замечательным актером Алексеем Смирновым (МВСО-997/72,74,75), который воевал в составе отдельного 169-го минометного полка, и до конца жизни они сохранили теплые дружеские отношения [1, с. 23]. В составе 1-го Украинского фронта 169 полк принимал участие в освобождении городов Советской Украины [1, с. 23]. Также Приказом от 27 июня 1944 года И. П. Сальцын был назначен командиром 16-й отдельной тяжело-минометной бригады резерва Главного командования. В ее составе он принимал участие в разгроме вражеских группировок у населенных пунктов Губен, Бернау, Тейплетц, форсировании рек Нейсе и Одер, а также освобождал Прагу от фашистских оккупантов. В составе 1-го Украинского фронта бригада участвовала в Берлинской операции. 9 мая 1945 года встретил в Праге.

Интересен рукописный журнал «Минометчики», выпускавшийся на фронте, и ныне хранящийся в фондах (ВОМВС-210/3,4). Один из номеров журнала посвящен И. П. Сальцыну (ВОМВС-210/3).

Находясь на фронте, И. П. Сальцын, был несколько раз ранен и контужен, что подтверждает справка о ранении (МВСО-997/82). В фондах хранятся боевые характеристики И. П. Сальцына, в которых его отмечают как опытного и грамотного боевого офицера (МВСО-997/79,80).

За период службы в Вооруженных силах И. П. Сальцын награжден правительственными наградами: орденом Ленина (1955 г.); тремя орденами Красного Знамени (1943 г.; 1944 г.; 1950 г.); орденом Александра Невского (1943 г.); орденом Богдана Хмельницкого II степени (1945 г.); орденом Отечественной войны I степени (1945 г.); орденом Отечественной войны II степени; орденом Красной Звезды (1945 г.); Чехословацкий орден – Чехословацкий боевой крест (9.06.1945 г.); медаль «Одер-Нейсе» (1945 г.); медаль за штурм Берлина¹. Иван Петрович – единственный кавалер ордена Жукова в Омской области, учрежденного Указом Президиума РФ от 6 марта 1995 г. № 243².

В фондах хранятся мемориальные предметы И. П. Сальцына, парадно-выходной китель с погонами полковника артиллерии и фуражка (МВСО-1058/1, 2), а также грамоты о получении благодарностей от Маршала Советского Союза товарища Сталина и от чешского правительства (МВСО-1077).

Послевоенный период его жизни также широко представлен на фотографиях. Иван Петрович писал стихи, увлекался изготовлением

¹ Подвиг народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://podvignaroda.ru/?#id=1001800128&tab=navDetailManCard> (дата обращения – 28.06.2017); Памяти Кавалера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omsk.aif.ru/archive/1789690> – (Дата обращения 12.06.2017).

² Солдаты Победы. Т.1. – Омск, 2000. – С. 303–305.

скульптуры малых форм, был общественным деятелем. И. П. Сальцын с 1968 по 1989 гг. был председателем Омской секции комитета ветеранов войны и членом президиума Советского комитета ветеранов войны, неопределима его заслуга и в создании в «Музейного комплекса воинской славы омичей»¹.

Материалы личного архива И. П. Сальцына не только отражают основные вехи его жизни, незаурядного человека, прошедшего в короткий срок путь от батрака до Гвардии полковника, но и являются важным историческим источником по истории боевого пути военных формирований, в которых служил И. П. Сальцын и отдельных участников событий ВОВ 1941–1945 гг. Материалы широко используются в научной, просветительской и выставочной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сальцын И. П. Незабываемое. – Омск, б/г.

¹ Солдаты Победы: т. 1. – Омск, 2000. – С. 303–305.

Кошелева Татьяна Федоровна,

*старший научный сотрудник
научно-экспозиционного и выставочного отдела природы,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: arctia@mail.ru*

**СБОРЫ НАСЕКОМЫХ (INSECTA) ИЗ ДРУГИХ РЕГИОНОВ РОССИИ
В КОЛЛЕКЦИИ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

В статье дается анализ последних поступлений сборов насекомых из других регионов России, кроме Омской области. Приводится список видового состава насекомых, поступивших в музей от омского энтомолога Святослава Анатольевича Князева, собранных им в 2016 году во время экспедиций по Крыму и Приморскому краю. В результате работы автора тезисов по систематизации новых поступлений насекомых, определению их видовой принадлежности, описаны количественный и качественный состав этих коллекций.

Ключевые слова: насекомые; бабочки; жуки; коллекция; Россия; Омская область; Бурятия; Новосибирская область; Иркутская область; Крым; Приморский край.

Kosheleva Tatiana Fyodorovna,

*leading researcher of Neiv Department of nature,
The Omsk state regional history Museum,
Omsk,
e-mail: arctia@mail.ru*

**FEES INSECTS (INSECTA) FROM OTHER REGIONS
OF RUSSIA IN COLLECTIONS
OF OMSK STATE HISTORICAL-LOCAL LORE MUSEUM**

The article analyzes the recent acquisitions fees of insects from other regions of Russia except for Omsk region. Lists of the species composition of insects received by the Museum from Omsk entomologist Svyatoslav Anatolyevich Knyazev, collected them in 2016 during the expeditions to the Crimea and

the Primorsky Krai. The result of the work of the author of the theses on the systematization of the new acquisitions insects, determining their species, described the quantitative and qualitative composition of these collections.

Keywords: insects; butterflies; beetles; collection; Russia; Omsk oblast; Buryatia; Novosibirsk oblast; Irkutsk oblast; Crimea; Primorsky Krai.

Энтомологическая коллекция Омского государственного историко-краеведческого музея начала формироваться с момента его создания при Западно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО). И сразу же собираемые коллекции вышли за рамки краеведческого материала. Это характерно и для большинства других музеев. В настоящий момент большая часть (примерно 95%) музейной энтомологической коллекции – это сборы сотрудников отдела природы музея во время экспедиций по Омской области и безвозмездная передача в фонды музея своих сборов омскими энтомологами. Благодаря омским энтомологам, чьи интересы вышли за рамки исследования только Омской области, стал расширяться и географический диапазон энтомологических сборов музея. В 2016 году музею были переданы омским энтомологом Святославом Анатольевичем Князевым часть сборов во время его экспедиций по Крыму (03–11.05.2016 года) и Приморскому краю (14–28.06.2016 года). Виды бабочек были определены самим С. А. Князевым. Задачей автора данной статьи было определение видов жуков и насекомых других отрядов.

Из Крыма всего поступило 28 экземпляров насекомых:

Отряд Жесткокрылые (Coleoptera).

Семейство Жужелицы (Carabidae).

1. Скаун полевой (*Cicindela campestris* L.) [1], с. Солнечная долина.

Семейство Пластинчатоусые (Scarabaeidae).

2. Испанский копр (*Coprishispanus* L.) [1], с. Белая скала.

3. Бронзовка (*Protaetia* sp.)¹, с. Золотое.

4. Бронзовка венгерская (*Potosiahungarica* Hbst.) [1], с. Белая скала.

5–9. Мохнатая оленка (*Epicometishirta* Poda) [1], с. Золотое.

10. Весенний нехрущ (*Rhizotrogus aestivus* Ol.) [1], Эсин-Пермен.

Семейство Чернотелки (Tenebrionidae).

¹ Атлас жуков России и близлежащих стран сайта Жуки (Coleoptera) и колеоптерологи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zin.ru/aNIMAlia/Coleoptera/rus/index.html>

11–14. Пимелия шаровидная (*Pimeliasubglobosa*Pall)¹, с. Белая скала, г. Балаклава

15. Чернотелка бахчевая (*Tentyrianomas*Pall.)², с. Белая скала.

16. Чернотелка (*Tentygia nomas taurica*Tauscher.)³, с. Белая скала.

17. Медляк степной (*Blaps halophila* Fisch.) [1], с. Солнечная долина.

18. Чернотелка (*Blaps* sp), г. Балаклава.

Семейство Усачи (*Cerambycidae*).

19–21. Корнегрыз кавказский (*Dorcadion cinerarium caucasicum* Küster) [1], Лисья бухта.

22. Корнегрыз (*Dorcadion* sp.), г. Судак.

Семейство Пыльцееды (*Alleculidae*).

23–24. Пыльцеед (*Omorplus* sp.) [1], г. Балаклава.

Семейство Нарывники (*Meloidae*).

25. Нарывник синий (*Alosimus chalybaeus* Tauscher)⁴, г. Балаклава.

26. Нарывник (*Alosimus abeillei* Escher)⁵, г. Балаклава.

Отряд Богомолы (*Mantoptera*).

Семейство Эмпузы (*Empusidae*).

27–28. Эмпуза полосатая (*Empusa fasciata* Brulle.), с. Солнечная долина.

Из Приморского края поступило всего 29 экземпляров насекомых:

Отряд Чешуекрылые (*Lepidoptera*).

Семейство Парусники (*Papilionidae*).

1. Парусник номион (*Parnassius nomion* Fisch.), с. Суходол.

Семейство Волнянки (*Lymantriidae*).

2–4. Волнянка эль-белое (*Arctornis l-nigrum* Muller), Шкотовский р-н, с. Анисимовка.

Семейство Совки (*Noctuidae*).

5. Ленточница или Орденская лента Штрекера (*Catocala treckeri* Staud.) Партизанский р-н, с. Владимиро-Александровское.

Отряд Жесткокрылые (*Coleoptera*).

Семейство Жужелицы (*Carabidae*).

6–8. Жужелица Бильберга (*Carabus billbergi* Mannerheim)⁶, Уссурийский р-н, д. Каменушка.

¹ Атлас жуков России и близлежащих стран сайта Жуки (*Coleoptera*) и колеоптерологи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zin.ru/aNIMAlia/Coleoptera/rus/index.html>

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

9. Жужелица изумрудная (*Carabus smaragdinus* Fisch.)¹, Спасский р-н, д. Константиновка.

10. Жужелица Гуммеля (*Carabus hummeli* Kraatz)², г. Владивосток.

11–12. Скакун геммата (*Cicindella gemmata* Fald.)³, Спасский район, д. Яковлевка.

13–16. Три вида (4 экземпляра) жуков определены только до семейства (*Carabidae*), Уссурийский р-н, д. Каменушка.

Семейство Усачи или Дровосеки (*Cerambycidae*).

17–18. Дубовый двугорбый усач (*Moechotupa diphysis* Pasc.)⁴, г. Владивосток.

19. Скрипун-менезия (*Menesia sulphurata* Gebler), г. Владивосток.

Семейство Мертвоеды (*Silphidae*).

20. Могильщик четырехпятнистый (*Nicrophorus quadripunctatus* Kraatz)⁵, Уссурийский р-н, д. Каменушка.

21. Могильщик (*Nicrophorus* sp.), Уссурийский р-н, д. Каменушка.

Семейство Пластинчатогусые (*Scarabaeidae*).

22–23. Рыжий дальневосточный хрущ (*Holotrichia sichotana* Brenske)⁶, Уссурийский р-н, д. Каменушка.

24–26. Черный дальневосточный хрущ (*Holotrichia diomphalia* Bates [1]), Спасский р-н, д. Константиновка и г. Камень-Рыболов, озеро Ханка.

27. Бронзовка (вид не определен), Спасский р-н, д. Константиновка.

Семейство Чернотелки (*Tenebrionidae*).

28. Лупропс восточная (*Luprops orientalis* Motsch.), Спасский р-н, д. Константиновка.

Отряд Прямокрылые (*Orthoptera*).

Семейство Медведки (*Gryllotalpidae*).

29. Дальневосточная медведка (*Gryllotalpa fossor* Scudd.), г. Камень-Рыболов, озеро Ханка.

Благодаря новым поступлениям насекомых расширилась география сборов музейной энтомологической коллекции. К присутствующим коллекциям из Новосибирской, Иркутской областей, Бурятии добавились

¹ Атлас жуков России и близлежащих стран сайта Жуки (Coleoptera) и колеоптерологи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zin.ru/aNIMAlia/Coleoptera/rus/index.html>

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

очень интересные новые виды Крыма и Приморского края. Более всего оказалось представителей отряда Жуки – 30 видов, относящихся к 7 семействам. Отряд Бабочки представлен 3 видами из 3 семейств и по 1 виду из отрядов Прямокрылые и Богомолы. Подавляющая часть видов оказались новыми для музейной коллекции насекомых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якобсон Г. Г. Определитель жуков. – 2-е изд., доп. Д. А. Оглоблиным. – М.-Л., 1931.

Левочкина Наталья Алексеевна,

*кандидат экономических наук, кандидат исторических наук,
доцент кафедры экономики, менеджмента и маркетинга,
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,
Омский государственный педагогический университет,
Омск,
e-mail: lna1970@yandex.ru*

КОРПОРАТИВНЫЙ МУЗЕЙ В СИСТЕМЕ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье рассматривается музей как элемент внутренней корпоративной социальной ответственности организации, представлены примеры корпоративных музеев, их основные функции и особенности.

Ключевые слова: корпоративный музей; корпоративная социальная ответственность; единство корпоративной культуры и политики предприятия.

Levochkina Natalia Alekseevna,

*candidate of economic sciences,
candidate of historical sciences, associate professor
of the Department of Economics, management and marketing
Omsk State University. FM Dostoevsky, Omsk State Pedagogical University,
Omsk,
e-mail: lna1970@yandex.ru*

CORPORATE MUSEUM IN THE SYSTEM OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY

The article considers the museum as an element of internal corporate social responsibility of the organization, presents examples of corporate museums, their main functions and features.

Key words: corporate museum, corporate social responsibility, unity of corporate culture and enterprise policy.

Согласно определению, данному в Международном стандарте Международной организации по стандартизации (ISO) 26000 «Руководство

по социальной ответственности», социальная ответственность – это ответственность организации за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду через прозрачное и этическое поведение, которое содействует устойчивому развитию, включая здоровье и благосостояние общества; учитывает ожидания заинтересованных сторон; соответствует применяемому законодательству и согласуется с международными нормами поведения; введено во всей организации¹. Для формирования эффективной системы социальной ответственности любой бизнес-структуры как инструмента ее стратегического развития необходимым условием является классификация форм реализации социальной ответственности. Целесообразно выделить формы реализации внутренней социальной ответственности, направленной на работающих в компании сотрудников, и внешней социальной ответственности. При этом одним из направлений реализации внутренней корпоративной социальной ответственности является формирование корпоративной культуры, в том числе через коммуникации корпоративного музея.

Корпоративные музеи (наряду с другими негосударственными структурами, работающими в сфере культуры в различных регионах страны) становятся важными общественными коммуникационными площадками и культурными центрами, выходя за рамки исключительно внутрикorporативных интересов и целей. Роль музея в формировании организационной культуры компании крайне велика. Это гордость сотрудников и воспитание корпоративных ценностей, это имидж компании и формирование лояльности в потребителях и будущих работниках².

В настоящее время корпоративные музеи России, действуя в новых экономических условиях, приобретают новые функции. Их активная деятельность может оказывать влияние не только на формирование корпоративной культуры предприятия, но и на социально-экономическую обстановку в городах (регионах), где находятся музеи. Активность, уровень оснащенности, направления деятельности, финансирование, кадровая политика отраслевых музеев полностью определяются владельцами и менеджментом соответствующих корпораций. Наиболее эффективной является структура сети корпоративных музеев, которые работают в русле единой корпоративной политики и корпоративной культуры, сохраняя при этом

¹ Корпоративная социальная ответственность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/disabled_know/20140224/996668437.html/ – (Дата обращения – 27.03.15).

² Если ваш проект – корпоративный музей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.museum.ru/N48338/> – (Дата обращения – 27.03.15).

индивидуальность и учитывая все особенности каждого конкретного музея. В таблице 1 представлены некоторые примеры и характеристики современных корпоративных музеев.

Таблица 1

Корпоративные музеи России (фрагмент таблицы)

Название музея	Год создания	Место положение	Количество экспонатов	Количество филиалов	Выставочная площадь
Музей ОАО «НК «Роснефть»	2006	г. Москва	1000	9	Фондохранилище 50м ² Экспозиционно-выставочная 200м ²
Музей натурной ж/д техники	2004	г. Москва	Более 60 натуральных экспонатов	260 (входит в состав музеев ОАО «РЖД»)	1800 м ²
Музей ОАО «Татнефть»	2003	г. Альметьевск	-	-	150 кв. м.

Есть два необходимых условия, которые важно учесть в корпоративном музее: уникальность содержания и универсальность. Музей должен быть рассчитан на разные группы посетителей. Проект корпоративного музея должен быть сугубо индивидуален, с эксклюзивным дизайном оборудования и экспонатов, необходимо оснастить его современными средствами представления информации, удобными с точки зрения обновления и пополнения новых сведений из жизни фирмы. На сегодняшний день тенденция к созданию корпоративных музеев присутствует у большинства крупных международных компаний, лидеров в определенных областях производства.

В российских условиях деятельность корпоративных музеев несет важную социокультурную функцию: музеи соединяют воедино огромные

территории и демонстрируют населению возможности профессиональной самореализации на местах. Российские корпоративные музеи, как и аналогичные музеи за рубежом, хранят в своих фондах не просто экспонаты и документы, рассказывающие об истории развития конкретных предприятий. Эти музеи сохраняют свидетельства того, как ход научно-технического прогресса, ход развития научной мысли менял жизнь целых регионов страны. На сегодняшний день корпоративные музеи активно устанавливают связи с различными институтами общественной жизни, расширяя свое пространство, раскрывая и распространяя накопленный культурно-образовательный потенциал. Ключевые понятия для современного корпоративного музея – контакты и партнерство. На корпоративные музеи возлагают большие надежды – они должны стать не просто хранителями документов и мемориальных свидетельств истории компаний, а центрами корпоративной культуры, местами, где бы сходились интересы различных категорий людей: от школьников до сотрудников и ветеранов.

Леонова Елена Викторовна,
старший научный сотрудник
отдела хранения и научного изучения музейных фондов,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
email:osen200808@mail.ru

ПОЧТОВАЯ ОТКРЫТКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
В КОЛЛЕКЦИИ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В статье дается обзор коллекции почтовых открыток первой половины XX века, хранящихся в фондах музея. Выделены основные этапы развития почтовой открытки в указанный период.

Ключевые слова: почтовая открытка; видовая открытка; каталогизация музейных фондов; Л. С. Худякова.

Leonova Elena Viktorovna,
Senior Researcher, Omsk State Museum of History and Local Lore,
Omsk,
email: osen200808@mail.ru

POST CARD OF THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY
IN THE COLLECTIONS OF THE OMSK STATE MUSEUM OF HISTORY
AND REGIONAL STUDIES

Resume: The article is about the collection of postcards of the first half of the 20th century, stored in the funds of the Omsk State Museum of History and Regional Studies. It gives the main stages of the development of a postcard in the specified period.

Keywords: a postcard, a species card, the cataloging of museum funds, L.S. Khudyakova.

Открытка (первоначально – открытое письмо) – особый вид почтовой карточки для написания и отправки письма без конверта; в России появилась в 1872 г. Но это была совсем не та открытка, к которой мы привыкли

– это был небольшой листочек плотной бумаги с разметкой для текста и почтовой маркой. Иллюстрированная открытка в России появилась только к 1895 г., тогда как в Европе она уже существовала около двух десятилетий. На открытках воспроизводились виды городов, портреты исторических деятелей, ученых, писателей. Чуть позже в качестве художественного оформления стали использовать репродукции с картин художников или тематические сюжетные изображения, созданные специально для поздравительных почтовых отправок. Одним из первых русских издателей, начавших массовый выпуск иллюстрированных открыток, был Петербургский попечительский комитет о сестрах Красного Креста (Община святой Евгении).

Коллекция открыток, хранящаяся в фонде ИЗО, а также в фондах документов и личных архивов Омского государственного историко-краеведческого музея, на данный момент насчитывает 4560 единиц хранения основного и научно-вспомогательного фонда. Комплектование происходило в результате большой собирательской работы: путем закупа, дарения, обмена с коллекционерами. Большая коллекция открыток с видами Омска первой половины XX века была приобретена у омича Ю. А. Александрова в 1976 г.¹

Художественная поздравительная открытка в дореволюционной России издавалась совсем недолго, именно этим можно объяснить и небольшое количество таких открыток в нашей коллекции. Это были красиво оформленные поздравления с Новым годом, Рождеством, Пасхой².

Дореволюционный период в большинстве своем представлен видовыми открытками: как с панорамными снимками Омска, так и с изображениями отдельных зданий или сооружений – Тарские и Иртышские ворота Омской крепости, здание Военного собрания, военный Воскресенский собор, здания мужской и женской гимназий, городской театр³.

В 1992 г. в музее Л. С. Худяковой был создан каталог почтовых открыток с видами Омска, выпущенными в дореволюционный период⁴.

¹ Омский музей краеведения. Основной фонд (ОМК)–8957/1-668

² ОМК–14157/2, ОМК–14175/1, ОМК–14282/2–21, 24–26, 30–31, ОМК–14360/13–14, 19–24.

³ ОМК–6793, ОМК–7108, ОМК–7110, ОМК–7297, ОМК–7553, ОМК–7826, ОМК–8266, ОМК–8272, ОМК–8454, ОМК–8635/1–24, ОМК–8962/1–7, ОМК–8635/1–24, ОМК–8962/1–7, ОМК–9335/1-6, ОМК–10537/1–7, ОМК–10741/1–3, ОМК–11697.

⁴ Каталог коллекции Омского объединенного исторического и литературного музея. Почтовые открытки с видами города Омска (дореволюционные

В 1996 году, продолжив свою работу по каталогизации коллекции, Лилия Сергеевна подготовила каталог коллекции открыток с видами Омска советских изданий¹.

В своем первом каталоге Л. С. Худякова, систематизировавшая коллекцию по издательствам, отметила, что самое большое количество открыток в музейной коллекции издательства Д. П. Ефимова, изготовленных в фототипии Шерера, Набгольца и Ко в Москве. В коллекции имеются открытки, изданные в пользу Общины святой Евгении и отпечатанные в различных типографиях Санкт-Петербурга, издания контрагентства А. С. Суворина, акционерного общества Н. Ф. Феттер и Е. Гинкель, Всемирного почтового союза, А. И. Вильборга, магазина И. Н. Елизарова, Князевой, С. Савельева, М. Левина, наследников П. Ф. Бебенина. Есть открытки изданий А. Шевелина, С. Савельева, книжного магазина А. С. Александрова, отпечатанные в типографии акционерного общества Гранберг в Стокгольме, а также издания фотографии З. И. Ждановой, отпечатанные в Японии типографией «Токио». Особый интерес у краеведов вызывают открытки с видами 1-й Западно-Сибирской выставки в Омске, выполненные омским фотографом Антоновым в 1911 г.², а также снимки интерьеров магазина купчихи М. А. Шаниной в Омске, созданные фотографом-любителем И. А. Плюсниным³.

В Советской России с 1919 г. выпуском открыток, листовок, плакатов начинает заниматься Государственное издательство (ГИЗ). В первые годы Советской власти поздравительная открытка считалась «буржуазным предрассудком», «пережитком досоветского прошлого». В это время выпускаются художественные литографические и фотооткрытки с изображениями военных эпизодов, с призывами участвовать в военном займе, главная символика в них – серп и молот, красные звезды и знамена⁴. В начале 30-х годов Госиздатом было выпущено несколько серий с видами Омска. Печатались они в основном тиражами пять тысяч экземпляров в Москве в типографии «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», были серии, отпечатанные по способу меццо-тинто в 1-й Образцовой типографии и три тысячи экземпляров в типографии Сокрайшефсовета. После 1931 года выпускались открытки с издательским знаком ИЗОГИЗ (издательство ИЗОГИЗ было

издания) / Сост. и авт. вступит. ст. Л. С. Худякова, ред. Т. М. Назарцева. – Омск, 1992. – С. 3–4.

¹ То же. – Омск: ОГИК музей, 1996. – С. 3–5.

² ОМК–1301, ОМК–6670/1–14, ОМК–8957/149–161.

³ ОМК–8272/2, ОМК–8957/119–125.

⁴ ОМК–260/1–2, ОМК–506/2, 7, ОМК–4135/1–10.

создано объединением Ассоциации художников революционной России и изосектором ГИЗа)¹.

В Омской типографии в 1928 г. были отпечатаны открытки с видами Омска, подготовленные издательством Омского общества краеведения². В этом же году Омской типографией была выпущена серия почтовых открыток с видами затопленных улиц города в результате сильнейшего наводнения, инициатором создания этой серии выступила специально созданная комиссия помощи пострадавшим от стихийного бедствия³.

В 1932 г. издательство «Союзфото» стало выпускать фотооткрытки с видами городов. Открытки с видами Омска были изданы в 1933 г.⁴

В предвоенный и военный периоды видовые открытки не издаются, этот вид художественного оформления почтовой открытки начинает возрождаться только к 1950-м годам. К началу Великой Отечественной войны в почтовом обороте снова становится активной художественная поздравительная открытка. Для увеличения скорости печати и снижения стоимости печаталась она в два-три цвета и обязательно сопровождалась выразительными текстами, например такими: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков. И. Сталин»⁵.

Открытки послевоенных лет не могли не отражать всего происходившего в стране. Сюжетами для оформления открытки становятся пейзажи восстановленных после войны городов, трудовые подвиги советских людей, поздравления с советскими праздниками, воспевающие мирную жизнь.

Современные открытки утратили свое первоначальное назначение, перестали быть почтовыми. Теперь они более декорированы (в этом отношении переключаются с дореволюционными), с готовыми поздравительными текстами, некоторые – с музыкальным оформлением, часто имеют нестандартный формат. Также за последнее время сильно изменился облик города, сохранилось мало исторических и архитектурных памятников, многие здания мы сейчас можем увидеть только на старых фотографиях или почтовых открытках. В настоящее время историческая открытка стала важным документальным источником.

¹ ОМК–7830/1–40, ОМК–8957/205, 209, 224–263, 348, 401, 583, 596, ОМК–9374/1–3, 5, ОМК–10379/6–13, ОМК–10073/2.

² ОМК–8957/203–204, 206–208, 260, ОМК–9374/4, 6–10.

³ ОМК–8957/209–224, ОМК–10739/3–5.

⁴ ОМК–7297/1, 5, 7, ОМК–8957/289–294.

⁵ ОМК–1861/1, 2, ОМК–10174.

Лупинас Лариса Алексеевна,
старший научный сотрудник
филиала Омского государственного историко-краеведческого музея,
«Музейный комплекс воинской славы омичей»,
Омск,
e-mail: mkvso@sibmuseum.ru

**МАТЕРИАЛЫ ОМИЧЕЙ-УЧАСТНИКОВ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В ФОНДАХ МКВСО**

В данной статье представлен обзор находящихся в фондах МКВСО коллекций омичей-участников локальных войн и межнациональных военных конфликтов второй половины XX века: вьетнамских событий 1961 г., египетско-израильского конфликта 1970–1971 гг., военных событий в Эфиопии 1980-х гг., Афганистане 1979–1989 гг., конфликтных событий в союзных республиках.

Ключевые слова: фонды МКВСО; локальные войны; межнациональные конфликты.

Lupinas Larisa Alekseevna,
senior researcher, Omsk State Museum of History and Local Lore,
branch
«Museum complex of military glory of Omsk citizens»,
Omsk,
e-mail: mkvso@sibmuseum.ru

**SOME MATERIALS ABOUT THOSE WHO TOOK PART
IN THE LOCAL WARS AND INTERETHNIC MILITARY CONFLICTS
DURING THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY**

The article is about the collections of Omsk participants in the local wars and interethnic conflicts during the second half of the 20th century such as the Vietnamese events of 1961, the Egypt-Israel conflict of 1970–1971, the military events in Ethiopia of the 1980s, Afghanistan in 1979–1989, some conflict events in the union republics. It's necessary to investigate the problem of these conflicts, to enlarge the original source base and the work with it. The usage of

the MKVSO funds gives a good opportunity to study the history of the local wars and conflicts. It's actual nowadays because of the rise in the local military incidents.

Key words: MKVSO funds, local wars, interethnic conflicts.

В связи с событиями последних лет, тенденцией к росту вооруженных локальных конфликтов, видится необходимым обращение к исследованию темы локальных и межнациональных конфликтов, расширению источниковой базы и методологической основы работы с имеющимися накопленными материалами. Обращение к фондам МКВСО дает возможность углубить исследования по истории локальных войн и конфликтов. Целью данной статьи является знакомство с коллекциями омичей-участников локальных войн и межнациональных конфликтов II половины XX века.

В 1985 г., в канун 40-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., по инициативе Омского объединенного исторического и литературного музея и омской секции Советского комитета ветеранов войны был открыт Музей воинской славы омичей. В первые годы его работы большое внимание уделялось сбору коллекций личного происхождения омичей – участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., а также омичей – труженников тыла. Позднее музей создал площадку под открытым небом с предметами военной техники. Расширилась тематика и фондовых коллекций. Начал формироваться фонд, состоящий из архивов омичей, принимавших участие в международных военных событиях второй половины XX в.: Вьетнам, Египет, Эфиопия, Афганистан, в 1990-е прибавились материалы участников межнациональных конфликтов на бывшей территории СССР.

Первыми сборами этой тематики стали материалы участников вьетнамских событий 1961 г., специалистов и советников в американо-вьетнамской войне. Среди них А. М. Базыгин, подполковник, военный советник по вопросам противовоздушной обороны. За успешное выполнение задания был награжден орденом Красной Звезды, медалью Дружбы народов и занесен в Почетную книгу Вьетнама за №1023 от 3 марта 1968 г. (19 единиц хранения). Второй участник этих событий – омич А. В. Шарпов, бортмеханик, совершивший с вьетнамскими летчиками множество боевых вылетов, награжден орденом Красной Звезды (6 ед. хр).

Особый интерес представляют материалы Ф. И. Явирского, командира взвода ПВО зенитно-ракетных войск, который награжден вьетнамским

правительством медалью «За боевые заслуги». В фонды поступили его фотографии и удостоверение к медали (на вьетнамском языке).

Пополнили музейные фонды материалы участников египетско-израильского конфликта 1970–1971 гг. Это документы Н. Н. Савенко, командира взвода ПВО ракетно-зенитного дивизиона, И. И. Масюкова, ефрейтора, водителя ракетно-зенитного дивизиона, В. Б. Куницкого, командира взвода ПВО ракетно-зенитного дивизиона.

В 1980-е гг. Советский Союз оказывал военную помощь Эфиопии в период территориальных споров с Сомали. Участниками этих событий были омичи: Н. В. Горбачев, майор, служил советником начальника военно-разведывательного училища РВС НДРЭ (революционных вооруженных сил Народно-Демократической республики Эфиопии). Он передал в музей фотографии, открытки с видами Эфиопии, денежные знаки этой страны, водительские права на арабском языке, предметы обмундирования, воспоминания о военных операциях. Большую коллекцию фотографий передали в музей С. Л. Захаренко, майор, специалист-преподаватель по огневой подготовке Учебного центра «Дидесса», и С. А. Казарин, майор, начальник отделения при советнике 611 армейского корпуса в г. Авасса.

В апреле 1978 г. в Афганистане был совершен переворот, в результате которого к власти пришла народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). СССР стал оказывать новому режиму политическую и военную помощь. 12 декабря 1979 г. было принято решение о введении советских войск в Афганистан. В фондах МКВСО хранится 72 архива личного происхождения омичей-участников афганской войны. Часть архивов поступила в музей от родственниками погибших в афганской войне – это Б. А. Суворов, ст. лейтенант, участник штурма дворца Тадж-Бек, погиб в Афганистане 27 декабря 1979 г.; С. С. Сафронов, капитан, командир автомобильного батальона, погиб на перевале Саланг 21 декабря 1987 г.; И. В. Москаленко, рядовой пулеметчик, погиб 31 октября 1979 г. и др. Часть материалов поступила непосредственно от участников событий, свои архивы сдали: В. М. Степанов, прапорщик, командир десантно-штурмовой группы (17 ед. хр.), В. Е. Гнусин, полковник, советник начальника политотдела афганской армии (31 ед. хр.), А. М. Ворожбит, подполковник, штурман полка (12 ед. хр.), Н. Н. Лукашов, капитан, командир штаба оперативной группы, Герой Советского Союза (41 ед. хр.), И. А. Осипов, старший сержант (27 ед. хр.), В. С. Вшивцев, командир отдельного разведывательного подразделения (20 ед. хр.) и др. Среди поступивших материалов – не только фотографии, документы, награды, но и предметы обмундирования, снаряжения, а также вещевые и документальные реликвии о быте и жизни афганского народа

(Коран, четки, молитвенники, ритуальные кувшины, денежные знаки, холодное оружие и др.).

В последнее десятилетие XX столетия произошли конфликтные события в союзных республиках: Грузии, Азербайджане, Армении, Абхазии, Таджикистане, Чеченской республике. С распадом Советского Союза на территории этих союзных республик появились новые горячие точки, участниками которых стали омичи: В. В. Петров, В. И. Лешков, А. М. Скворончуков – участники армяно-азербайджанского конфликта, С. В. Басманов, А. Б. Бухтатов, И. А. Мишин – участники событий в Таджикистане.

В 1991 г. Общенациональный конгресс чеченского народа под руководством отставного советского генерала Д. Д. Дудаева объявил о независимости Чеченской республики от России. Конфликт федеральных властей с Дудаевым перешел в вооруженную стадию летом 1994 г. По дорогам чеченской войны прошли многие омские воинские формирования: отряды специального назначения, ОМОН, «Белые медведи». В фондах МКВСО хранятся материалы омичей, бойцов омского ОМОНА: А. В. Просвирина, майора, награжденного двумя орденами Мужества, В. В. Иванова, ст. прапорщика милиции, А. С. Базылева, старшины милиции, В. М. Дьякова, командира взвода технического обеспечения, и др. Здесь же хранятся материалы военнослужащих части 7484 «Белые медведи» И. А. Сапронова, ст. лейтенанта, сапера, награжденного медалью «За отвагу» и орденом Мужества (посмертно); П. В. Якушева, ефрейтора, который погиб, подорвавшись на радиоуправляемой mine. Материалы в музей передали родственники с надеждой на сохранение памяти о них. В музейных фондах на начало 2017 г. находится 2154 единицы хранения основного фонда участников локальных войн и конфликтов. Работа по комплектованию продолжается.

Материалы широко используются в научной, просветительной и выставочной деятельности.

Мудрая Алиса Станиславовна,
*научный сотрудник научно-экспозиционного
и выставочного отдела природы,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: alisa_mudraya@mail.ru*

ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ В ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ОГИК МУЗЕЯ

В статье дается обзор полезных ископаемых в геологической коллекции ОГИК музея. Рассматриваются три основных вида полезных ископаемых: горючие, металлические и неметаллические. При описании коллекции указываются имена коллекторов, годы и география сборов образцов полезных ископаемых.

Ключевые слова: полезные ископаемые; ОГИК музей; геология.

Mudraya Alisa Stanislavovna,
*scientific employee of the nature department,
Omsk State Museum of Local History,
Omsk,
e-mail: alisa_mudraya@mail.ru*

MINERAL RESOURCES IN THE GEOLOGICAL COLLECTION OGIK MUSEUM

The article gives an overview of minerals in the geological collection of the OGIK museum. Three main types of minerals considered: combustible, metallic and non-metallic. When reviewing the collection, collector names, years and geography of samples of mineral resources indicated.

Key words: minerals; OGIK museum; geology.

Геологическая коллекция ОГИК музея насчитывает свыше 4000 образцов минералов и горных пород. Одной из составляющих частей данной коллекции является коллекция полезных ископаемых, которая включает в себя образцы из Омской области, а также полезные ископаемые из России и других стран. Комплектование геологической

коллекции началось в первые годы существования ЗСОИРГО и краеведческого музея.

К полезным ископаемым относятся минеральные образования земной коры неорганического и органического происхождения, которые могут быть использованы в народном хозяйстве в естественном виде как сырье или после соответствующей переработки. По составу и особенностям использования обычно различают три основные группы: горючие, металлические и неметаллические полезные ископаемые.

К горючим полезным ископаемым относятся следующие виды минерального сырья: нефть, уголь, газ, торф и горючие сланцы. В геологической коллекции ОГИК музея представлены все вышеперечисленные виды и насчитывается около восьмидесяти образцов горючих полезных ископаемых. Нефть представлена двумя образцами из Омской области с Крапивинского и Ягыл-Яхского месторождения.

В коллекции насчитывается 31 образец каменного угля и 22 образца бурого. Каменный уголь был собран на территории России (Читинская, Кемеровская области и республика Хакасия), а также на территории Украинской ССР (Донецкий угольный бассейн) и Республики Казахстан (Карагандинский уезд, Экибастуз, Семипалатинский уезд). Большинство представленных экземпляров были переданы в музей в период с 1885 по 1900-е годы горными инженерами А. А. Сборовским и Т. И. Игнатьевым. Образцы бурого угля привезены в период с 1920 по 1930-е годы из Омской области и Зайсанского уезда (Казахстан).

Интересны также образцы лигнита (ископаемая древесина, переходящая в бурый уголь), четыре образца которого были найдены в 1930-е годы в Тарском районе Омской области. Образцы горючих сланцев и торфа были собраны и привезены П. Л. Дравертом в 1930-х годах из Тевризского района Омской области.

Металлические полезные ископаемые в коллекции представлены железной, молибденовой, медной, полиметаллической, вольфрамовой, сурьмяной и свинцово-серебристой рудами, а также золотом. К 250-летию города Омска иркутская делегация подарила в коллекцию музея образцы железной и сурьмяной руды. Еще несколько образцов сурьмяной руды привез из экспедиций по Казахстану и Уралу П. Л. Драверт. Также Петром Людовиковичем в 1920–1930-х годах на Урале были собраны образцы свинцово-серебристой и медной руды. Шлак и железную руду передал музею П. Т. Сигутов. Данные образцы были собраны в 1980-е годы во время экспедиции по России (Алтайский край, Сакское месторождение, Челябинская и Свердловская области). Образцы вольфрамиты были привезены

в 1993 году сотрудниками отдела природы Т. Ф. Кошелевой и С. Д. Авербух из экспедиции по Горному Алтаю. Из благородных металлов в коллекции хранится песчаник золотоносного участка, который был привезен А. Нифонтовым из Атбассарского уезда (Казахстан) в 1911 году.

Разнообразны и неметаллические полезные ископаемые в геологической коллекции ОГИК музея. Так, например, графита насчитывается 13 образцов. Из них большая часть собрана П. Л. Дравертом и несколько образцов были привезены Ю. А. Шмидтом из Забайкалья в 1897–1936 годах. Апатиты и апатито-нефелиновая руда представлены образцами из коллекции П. Л. Драверта, а также образцами, собранными во время экспедиции П. Т. Сигутовым по Кольскому полуострову. В коллекции насчитывается более 60 образцов фосфоритов: большая часть из них собрана П. Л. Дравертом. Тринадцать экземпляров собраны на территории Курской губернии, а остальные найдены в 1930 г. на берегу р. Иртыш, близ д. Исаковой и д. Бещаул. Также некоторые образцы фосфоритов были собраны в 1930–1932 годы в Большереченском районе Омской области. Обширна география сбора талька, образцы которого были привезены из Челябинской области (Сыротанский карьер), Свердловской области (Баженовский рудник), Пермской губернии, Урала и Казахстана (Тургайская область). В геологической коллекции представлены три вида соли. Глауберова соль была найдена в Омской области в 1920–30 годы. Каменная соль привезена из Казахстана (озеро Кызылкак) в 1969 году. Семь образцов карбонатной соли привезены сотрудниками музея С. Д. Авербух и Т. Ф. Кошелевой из экспедиции на озеро Чалкар (Казахстан) в 1991 году.

Отдельного рассмотрения требуют строительные полезные ископаемые. В фонде музея хранится большое количество разнообразных образцов, таких как гипс, мрамор, гранит, песок, глина и прочее.

Подводя итог, можно сказать, что география сбора полезных ископаемых достаточно обширна. Геологическая коллекция музея включает в себя различные образцы из России, Казахстана и Украины. В фонде представлены все виды горючих полезных ископаемых, но не все виды металлических полезных ископаемых. В коллекции мало редкоземельных, легких и благородных металлов. Следует отметить, что большой вклад в формировании геологической коллекции внес П. Л. Драверт – именно им были собраны большинство геологических образцов. Экземпляры полезных ископаемых были привезены ученым из районов Омской области и из экспедиции по России и Казахстану.

Назарцева Татьяна Михайловна,
*главный научный сотрудник,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Заслуженный работник культуры РФ,
Омск,
e-mail: ntm2002@mail.ru*

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ МУЗЕИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается экспозиционная, выставочная, просветительная работа муниципальных музеев Омской области за последний период. Анализируются новые направления в работе музеев муниципальных поселений.

Ключевые слова: муниципальный музей; коллекции; экспозиционная работа; работа с посетителями; туризм.

Nazartseva Tatyana Mikhailovna
*Chief Researcher,
Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Honored worker of culture of the RF,
Omsk,
e-mail: ntm2002@mail.ru*

MUNICIPAL MUSEUMS OF THE OMSK REGION

The article is about the exposition, exhibition and educational work of municipal museums of the Omsk region for the last time period. The new working trends in the museums of the municipal settlements are also analysed there.

Keywords: a municipal museum, the collections, the exposition work, the work with the visitors, tourism.

Музейная сеть Омской области достаточно стабильно сохраняется все последние годы. Несмотря на оптимизацию отрасли культуры, число муниципальных музеев не сокращается. Статистические показатели деятельности музеев в основном имеют динамику роста.

В 32 районах Омской области на конец 2016 г. работало 30 муниципальных музеев. Музейно-этнографический комплекс «Старина сибирская»,

в состав которого входит Большереченский историко-этнографический музей, является учреждением областного подчинения, в Омском районе зарегистрированных музеев нет.

Количество предметов основного фонда муниципальных музеев на 1 января 2017 г. составляет 240329 единиц хранения, научно-вспомогательного – 79772 единицы хранения. Ежегодно муниципальные музеи посещают более 300 тыс. человек, в 2016 г. в них побывало 325 тыс.¹

Во всех музеях работают историко-краеведческие экспозиции, большинство из них традиционны, имеют устоявшуюся хронологическую структуру. Как правило, экспозиционный показ начинается с основания сел, традиционно представлена крестьянская культура конца XIX – начала XX вв.; в советской истории значительное место отводится воинам и труженикам тыла периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2015 г. в ряде музеев, в связи с юбилейной датой Победы советского народа над фашистской Германией, эти разделы были расширены или обновлены. Послевоенный период в муниципальных музеях представлен темой освоения целинных и залежных земель в 1950-е гг. Очень мало в сельских музеях археологических коллекций. Такие материалы экспонируются в Усть-Ишимском, Тевризском музеях. Богатый материал представлен в Тарском музее, куда поступили артефакты с раскопок боярской усадьбы от археолога С. Ф. Татаурова. Не во всех муниципальных музеях присутствуют естественно-биологические экспозиции, что значительно сужает тематический диапазон экскурсий. Практически ни в одном музее нет детально проработанной постсоветской истории. Основными недостатками экспозиций является отсутствие оригинальности, нет отражения специфики, присущей конкретным поселениям региона, а это лишает музей возможности стать брендом территории. Создание новых экспозиций путем поисков оригинальной темы, воссоздания в них интерьеров, широкого использования технических средств – экранов, мониторов, компьютеров, звукового сопровождения – одна из задач муниципальных музеев Омской области на современном этапе. Еще одно направление, которое может быть реализовано, – это создание развлекательно-познавательных экспозиций, что даст возможности живого диалога с посетителями и будет способствовать привлечению молодежной аудитории.

Достаточно интенсивной в муниципальных музеях является выставочная деятельность. В 2016 г. муниципальными музеями проведено 1094 выставки, на 78 выставок больше, чем в 2015 г. Количество проводимых выставок различно от 6 до 11 (Горьковский, Русско-Полянский

¹ Все цифровые данные приводятся по годовым отчетам музеев формы 8НК.

музеи), до 97 (Таврический), 73 – Тюкалинский, 64 – Тарский и др. Однако большое количество выставок не дает возможности малым музеям глубоко проработать выставочную тему, поэтому вызывает некоторое сомнение целесообразность проведения такого большого числа выставок. Тематика включает выставки, посвященные юбилейным датам поселений, действующих предприятий и организаций, спортивным событиям области и района. Проводится большое количество декоративно-прикладных выставок с привлечением местных мастеров-любителей, коллекционные (из фондов музеев). Музеями Таврического, Марьяновского и др. районов налажен обмен выставками. Часть передвижных выставок предоставляет Омский государственный историко-краеведческий музей и его филиал «Музейный комплекс воинской славы омичей». Выставочная работа в малых музеях как нельзя лучше подходит для опробования экспозиционных форм – более динамичных и необычных, чем стационарная экспозиция, и для внедрения современных игровых и эмоциональных форм работы с посетителями.

Интенсивная выставочная деятельность способствует росту потока посетителей. В 2015 г. муниципальные музеи посетило 308 тыс. человек, в 2016 г. – более 325 тыс. человек. Лидерами в обслуживании посетителей являются: Таврический (31,4 тыс.), Марьяновский (23 тыс. чел.), Тарский музей (17,8 тыс. чел.), Москаленский, Любинский (в каждом более 16 тыс. чел.). Меньше всего посетителей приняли: Седельниковский (3,4 тыс.), Усть-Ишимский (3,8 тыс. чел.), Колосовский и Тевризский (чуть более 4 тыс.). В последний период в обслуживании посетителей особое значение приобретают музейные мероприятия, связанные не с образовательной или воспитательной функциями, а с организацией досуга. Это проявляется в тенденции организации разнообразных клубов, в использовании театрализованных форм работы с посетителями, проведении музейных праздников. Игровые формы в работе с детской аудиторией используются во многих муниципальных музеях Омской области. Еще одно направление, которое набирает обороты, – это музейный туризм. Ряд музеев, таких как Большеуковский, Горьковский, Полтавский и др., уже внедрили в практику туристические маршруты, которые включают поездки по району к историческим достопримечательным и природным памятникам. Во многих муниципальных музеях идет разработка туристических маршрутов.

Более интенсивно развиваются в муниципальных музеях современные технологии. Если 5 лет назад эта работа была представлена крайне слабо, то за последнее время во многих музеях, с укреплением материальной базы и появлением специальной техники, стало возможным представление музея в сети Интернет, составление электронных каталогов, использование компьютеров в подготовке рекламной продукции, афиш музей-

ных мероприятий. В настоящее время практически каждый музей имеет электронную почту, осуществляет разработку и ведение веб-страниц. В 2015 г. 6 муниципальных музеев не имели своей странички в сетях, на конец 2016 г. только Азовский, Нижнеомский, Таврический, Русско-Полынский муниципальные музеи не имеют интернет-страницы, но некоторые из них размещают информацию на популярных сетевых страницах. Уже несколько лет на базе ОГИК музея осуществляется ведение электронного каталога музейных предметов. Более 50% муниципального музейного фонда (12573 из 240329 ед. хр.) собрано в этой базе. К сожалению, информация каталога доступна очень узкому кругу специалистов; из-за несовершенства программы получение необходимой информации затруднено.

За последний период существенно обновился кадровый состав сотрудников муниципальных музеев. На конец 2016 г. в муниципальных музеях работало 170 сотрудников, из них 153 – это основной персонал. Произошло омоложение состава музейных работников. Поменялись руководители в Черлакском, Нижнеомском, Тевризском, Любинском музеях. Среди сотрудников среднего возраста наблюдается стабильность, что является залогом повышения профессионализма музейных кадров. Профессиональному росту сотрудников способствуют областные конкурсы «Лучший муниципальный музей» и «Лучший сотрудник муниципального музея», которые стали проводиться в рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма на 2013–2020 годы». В Омской области конкурс впервые был проведен в 2013 г. Несмотря на то, что этот конкурс нельзя считать массовым, он уже приносит положительные результаты в стремлении малых сельских музеев и их сотрудников к совершенствованию своей деятельности. В конкурсе 2013 г. победителем в номинации «Лучший муниципальный музей Омской области» стал Новоильинский историко-краеведческий музей, филиал Полтавского музея. Лучшим сотрудником среди муниципальных музейщиков стала В. А. Гордюшина, методист Конезаводского филиала Марьяновского музея. В последующие годы лучшими музеями становились Воронцовский историко-краеведческий музей (филиал Полтавского музея), Конезаводской отдел Марьяновского историко-художественного музея, музей истории Седельниковского района, историко-культурный музей-заповедник «Московско-Сибирский тракт» (Большеуковский район). Лучшими специалистами по конкурсу признавались: В. А. Ромей (Новоильинский музей Полтавского района), Т. Г. Костина (Знаменский музей), А. С. Голубев (Усть-Ишимский музей).

Современные муниципальные музеи Омской области выполняют важную социокультурную функцию в своих поселениях и являются образовательными, просветительскими и досуговыми центрами, популяризирующими культурное наследие региона.

Нуркина Кымбат Кайсаровна,
научный сотрудник,
филиал Омского государственного историко-краеведческого музея
«Музейный комплекс воинской славы омичей»,
Омск,
e-mail: mkvso85@mail.ru

**ФОРМЫ РАБОТЫ МКВСО С ДЕТЬМИ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Статья повествует о формах работы Музейного комплекса воинской славы омичей, с учетом специфики его деятельности, с детьми как основной аудиторией музея.

Ключевые слова: экскурсия; выездная лекция; квест-игра; мастер-классы.

Nurkina Kambat Kaisarovna,
scientific employee,
Omsk State Historical and Local History Museum
«Museum complex of military glory of Omsk citizens»,
Omsk,
e-mail: mkvso85@mail.ru

**FORMS OF WORK MKVSO WITH CHILDREN: TRENDS AND
PERSPECTIVES**

The article tells about the forms of work of the Museum complex of military glory of Omsk citizens, taking into account the specificity of its activity, with children, as the main audience of the museum.

Keywords: Excursion, visiting lecture, quest-game, master classes.

Воспитание подрастающего поколения важный вопрос для каждой страны, для каждой семьи. Дети «имманентно присутствуют везде» и «без учета их наличия и участия невозможно изучение общества в целом», «как в силу своей массовости, так и в силу предначертанной им миссии трансляторов человеческого опыта они не могли и не могут не оказать существенного воздействия на развитие общества» [1, с. 6, 15]. Поэтому

важно уделять должное внимание разностороннему воспитанию детей, привлечению их интереса к истории своей страны и народа. Музей воинской славы омичей выполняет важную функцию сохранения и передачи памяти о трагических военных событиях XX века и омичах, принявших в них участие, что особенно актуально в связи с современной ситуацией на мировой политической арене. Работа с детьми в рамках музея подразумевает осуществление военно-патриотического воспитания, а также знакомство и актуализацию интереса современного поколения к военному музею, истории военных событий XX века, к истории родного края сквозь призму жизнедеятельности и подвигов земляков.

Целью данной статьи является знакомство с формами работы МКВСО с детьми.

На сегодняшний день основной формой работы с детьми традиционно является экскурсия: на базе экспозиции «Навечно в памяти», функционирующей с мая 2010 года, экспозиции «Славное имя Омска – Д. М. Карбышев» и временных выставок музея. Темы временных выставок за последние 3 года: «Трагедия и доблесть Афганистана», «Дети и война», «Герои земли сибирской» (2014 год); «Победная весна», «Морская доблесть» (2015 год); «Воинская доблесть омичей. Победители», «У войны не женское лицо» (2016 год); «Быть под Сталинградом и выжить» (2017 год).

Другой формой работы с детьми являются выездные лекции (музейные уроки) для школ территориально отдаленных от музея: «С гордостью о прошлом!», «У войны не женское лицо», «Поехали!», «Быть под Сталинградом и выжить», «Юные герои», «Трагедия и доблесть Афганистана», «О героях былых времен», «Военно-Морской Флот в годы Великой Отечественной войны».

Дошкольные и школьные учреждения могут также воспользоваться передвижными выставками Музея воинской славы омичей. На данный момент представлены следующие темы передвижных выставок: «Навечно в памяти», «Омичи – участники локальных войн и международных конфликтов», «Омск тыловой», «Победные дни XVIII–XIX столетия (За веру и Отечество)», «Их именами названы улицы города», «Трагедия и доблесть Афганистана», «История государственных символов Российской Федерации».

Популярными среди детской аудитории стали квест-игры, которые имеют своей целью в увлекательной, игровой форме познакомить ребят с экспонатами МКВСО, отдельными событиями, людьми, определенными навыками. Квест-игры были проведены в преддверии Нового 2017 года, 23 Февраля, 9 Мая, во время школьных каникул и на период деятельности детских пришкольных лагерей.

Отдельные практические методы работы с детьми применяются при проведении мероприятий, приуроченных к определенным событиям: мастер-классы по изготовлению игрушек и различных поделок (оригами), конкурсы, викторины.

Современная ситуация расширения виртуального мира и увеличения круга его потребителей требует активизации рекламной и просветительской деятельности музея в социальных сетях, и включения в пространство Интернета для информирования и привлечения потенциальной аудитории. Сотрудниками музея разработана страница «ВКонтакте», являющейся крупнейшей социальной сетью, одной из самых популярных среди молодежи и школьников.

Специфика деятельности музея обуславливает его сезонное посещение: в преддверии 23 Февраля, 9 Мая, Дней воинской славы, юбилейных дат (годовщина Сталинградского сражения, Курской битвы и т. д.). Привлечение целевой аудитории в течение остального времени видится возможным за счет организации в рамках музея мероприятий отвлеченной тематики, проводя однако связь со специализацией музея. Стоит отметить, что приоритетом для посетителей будут служить, прежде всего, учреждения, имеющие развлекательную функцию. В данном случае, необходимо привлечение дополнительных сил, разработка интерактивных площадок, а также проведение игр (конкурсов, мероприятий) интеллектуального характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. – Казань, 2007.

Олещенко Людмила Михайловна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Омский музей Кондратия Белова,
Омск,
e-mail: k.belov@mail.ru

ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В ГРАФИКЕ К. П. БЕЛОВА

Автор анализирует графические произведения К. Белова, посвященные Революции и Гражданской войне. Эти произведения обращены к малоизвестным страницам истории Сибири и имеют большое образовательное и воспитательное значение.

Ключевые слова: произведение; революция; гражданская война; событие, значение.

Oleshchenko Lyudmila Mikhailovna,
Candidate of Historical Sciences, researcher, Belov Omsk Museum,
Omsk,
e-mail: k.belov@mail.ru

THE THEME OF THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR CHART
K. P. BELOV

The author analyzes graphic works by K. Belov, dedicated to the Revolution and the Civil war. These works are addressed to the unknown pages of the history of Siberia and have a great educational value.

Keywords: artwork, revolution, Civil war, event, value.

В художественном наследии К. П. Белова особое место занимают графические произведения, посвященные Революции и Гражданской войне (преимущественно в Сибири и на Дальнем Востоке).

Большинство этих работ было создано К. П. Беловым в 50-е – 60-е годы, когда авторитет Коммунистической партии в массах был непререкаем, а празднование пролетарских праздников и юбилейных дат проходило с невероятным размахом. Эти работы были востребованы и часто

экспонировались на выставках. Они написаны в реалистической манере без идеологической приставки соц.

По прошествии 100 лет к Революции и Гражданской войне, их героям по-прежнему привлечено внимание историков, политиков, публицистов, культурологов, – всех тех, кому безразлична история страны.

Однако очевидно, что водораздел между белыми и красными до сих пор проходит через сознание многих людей, сохранивших генетическую память о том времени. В этом контексте актуальными становятся те произведения искусства, в которых воссоздается правда жизни без категорических оценок, а событие предстает как объективная данность.

К. Белов в своих работах беспристрастен. Каждая его картина – зримый образ краткого эпизода из массы грандиозных событий начала XX века. В них он избегает изображения масштабных действий, ему чужд героический пафос. События приближены к зрителю так, как если бы художник смотрел на них как сторонний наблюдатель, которого он часто изображает в своих композициях на переднем плане.

Графические работы К. Белова зачастую воспринимаются как иллюстрации к исторической книге, которая пишется и переписывается, дополняется новыми фактами, именами. Техника гуаши позволяла художнику работать на относительно небольшом формате, широкими мазками, не вдаваясь в детали, выделять главное, создавать общий настрой.

Конечно же, обращение к исторической теме у К. Белова не было случайным. Он сам – свидетель и участник многих событий того времени: четыре месяца провел в армии Колчака, затем перешел к партизанам, служил в Красной Армии, откуда и был направлен в годичную художественную студию, определившую его творческую судьбу. Однако интерес к истории художник сохранил на всю жизнь. Сам К. Белов в одном из интервью говорил: «Память – такая штука, только зацепишь ниточку – и она поведет тебя. И то, чему я оказался свидетелем, о чем слышал, прочитал, узнал, повернулось иной гранью – потребностью рассказать людям об исторических событиях гражданской войны, о ее героях, о том, как революция расколола мир, определила его полюса. Нам нельзя не помнить истории нашей... Если ты равнодушен к прошлому, значит, равнодушен к настоящему и будущему» [1, с. 27].

Современному зрителю, особенно молодому, мало знакомому с историей, эти картины нельзя рассматривать так же, как пейзажи художника, где не требуется каких-либо пояснений, кроме подписи под картиной. Исторические работы К. Белова требуют иного прочтения. За внешней стороной сюжетов лежат события, действия людей, повлиявшие на судьбу страны,

без знания и понимания которых невозможно адекватное восприятие. В исторической серии работ К. Белова присутствует несколько подходов к изображаемому. В некоторых работах он обращает внимание на событие как на действие масс людей, в него вовлеченных: «Последние из Антанты» (1953), «Вступление Красной Армии в Омск в 1919 г. по ул. Банной» (1954), «Куломзинское восстание» (1958), «Митинг 1917 г. в Омске» (1968). В других он делает акцент на конкретной ситуации, в которой действуют люди, этими массами управлявшие: «Интернациональный отряд 1918 г. (Карой Лигети)» (1968), «Последний поход Каландаришвили» (1968), «И. Я. Строд в Якутской тайге» (1968), «Допрос генералов (Тухачевский)» (1962), «Колчак в иркутской тюрьме. 1920 г.» (1958). «Ф. Дзержинский в Омске в 1922 г.» (1966), «Дружина Святого Креста» (1966). Некоторые работы содержат исторический подтекст, без прямого изображения события: «Корабли Вострцова С. С. (подавление белого мятежа в Якутии в 1923 г.)» (1967), «По следам банды Бочкарева» (1958).

Значение исторических картин К. Белова в том, что они, помимо того, что имеют художественную ценность, дают посыл к исследованию малоизвестных страниц истории Сибири, Омска и биографий незаурядных людей: вождей красного и белого движения, большевиков, анархистов, интернационалистов, партизан и многих других – тех, чьи имена прочно вошли в историю, и тех, кого историческая наука возвращает из небытия. Исторические работы К. Белова являются хорошей базой для образовательной и научной работы со школьниками, студентами в музее: тематических экскурсий, курсовых и дипломных работ, конференций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондратий Белов: альбом-монография. – Омск, 1996.

Патрушева Галина Михайловна,

*кандидат исторических наук,
профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии,
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,*

Омск,

e-mail: gmp-04@rambler.ru

ГАЛЕРЕЙНОЕ ДВИЖЕНИЕ В Г. ОМСКЕ В 2000–2016 ГГ.

Статья посвящена развитию галерейного движения в г. Омске в 2000–2016 гг. Галереи приобрели популярность среди художников и любителей современного искусства. Арт-галереи «Квадрат», «Модный дом», «Белый клуб» – наиболее крупные галереи Омска, существенно влияющие на художественную жизнь города. Ряд частных художественных галерей, открывшихся в городе, подчеркивают особый колорит данного культурного пространства.

Ключевые слова: деятельность галерей; художественная жизнь; искусство Омска.

Patrusheva Galina Mikhailovna,

*candidate of historical sciences, professor of the department of ethnology,
anthropology, archeology and museology, Omsk State University of
F. M. Dostoyevsky,*

Omsk,

e-mail: gmp-04@rambler.ru

GALLERY MOVEMENT IN OMSK IN 2000–2016

The article is devoted to the development of the gallery movement in Omsk in 2000–2016. The galleries have gained popularity among artists and lovers of contemporary art. Art Gallery «Square», «Fashion House», «White Club» are the largest galleries in Omsk significantly affecting the artistic life of the city. A number of private art galleries, opened in the city, emphasize the special color of this cultural space.

Key words: activity of galleries, art life, art of Omsk.

Процессы развития отечественной художественной культуры в современных условиях приводят к возникновению потребности в специфической аккумуляции произведений современного искусства, эту функцию выполняют художественные галереи. Музейная работа, на каком бы современном уровне она ни была, не в состоянии заменить деятельность галереи [1, с. 67]. Галерейная деятельность приобрела популярность в среде художников и любителей современного искусства.

Галерея «Квадрат» с первых шагов сделала ставку на современное искусство Омска и начала активно сотрудничать с художниками. Прежде всего, проводились персональные, групповые выставки концептуального характера. Здесь были открыты взрослая (1998), а затем детская (2000) художественные студии, проведена молодежная акция «Happy Start», что, естественно, укрепило положение галереи как в молодежных, так и в деловых кругах г. Омска. В 2001 году галерея провела первую выставку-конкурс в области современного искусства Сибири «ПОСТ № 1» (идея Владимира Сташевича). Организаторы решили, что во главу угла необходимо поставить такие произведения, которые своим содержанием и формой утверждают духовность и красоту в обществе. Успех превзошел все ожидания, в первой выставке принял участие 21 художник, вторая выставка в 2002 году собрала работы 28 участников, об акции заговорили сибирские, российские газеты и радио. Третий «ПОСТ № 1» 2003 года принял рекордное количество посетителей (4000 посетителей за 2 недели экспонирования), а количество участников возросло вдвое. Четвертый «Пост № 1» 2005 года сами организаторы называли звездным часом для галереи. Куратор выставки В. Ф. Чирков гарантировал высокое качество и уровень экспозиции, которым соответствовал призовой фонд – 6000 долларов. Победителями конкурса стали пять авторов: Н. И. Рыбаков (Красноярск) в номинации «живопись», А. Е. Гурова (Омск) и В. В. Иванкин (Новосибирск) в номинации «графика», С. А. Баранов (Омск) и В. В. Служивцев (Ханты-Мансийск) – среди произведений актуального искусства.

Следующее десятилетие после «Поста» 2005 года были организованы как персональные, так и групповые выставки. Персональные выставки художников: Е. Д. Дорохова (2005), С. Е. Сочивко (2005), З. В. Минеевой (2010), французского фотографа Элиодипаче (2011), О. В. Деркунского и Е. А. Бобровой (2013), А. Е. Гуровой и С. Н. Александрова (2014). В 2005 году прошла выставка в рамках фотопроекта «Масштаб 9:1» под названием «Послефлорие» (2005)¹, где было представлено 9 крупноформатных

¹ Послефлорие в арт-галерее «Квадрат» [2005 г., сентябрь] [Электронный ресурс] // Квадрат: арт-галерея. – Режим доступа: <http://www.kvadratart.ru/about/exhibitions/2005/91.html>. – (Дата обращения – 18.05.2016 г.).

работ омских фотохудожников. Позже, в 2006 году, был осуществлен художественный проект С. А. Баранова с экспонированием 12 портретов известных людей города Омска «Всадники на снегу»¹. Целью выставки было стремление художника С. А. Баранова увековечить достижения омичей в различных сферах искусства. Выставка «Всадники на снегу» была отмечена как самое удивительное и неожиданное событие в художественной жизни Омска 2005 г.² В 2007 г. прошла выставка «Флаг тебе в руки»: омские художники и дизайнеры представили зрителю 47 флагов несуществующих государств. Выставка получила продолжение в виде передвижной выставки в г. Манделье ля Напуль (Франция) в 2008 г.³ Особо выделяется уникальный проект С. А. Клевцова «Его величество офисный стул». Художникам было предложено заменить серую функциональную обивку стульев на красивый наряд⁴. В 2011 г. в галерее «Квадрат» прошла выставка-продажа уникальных авторских сумочек ручной работы Т. В. Темниковой и О. А. Дубининой «Игра в бисер» (2011)⁵. В 2013 г. была проведена выставка «1+1», которая объединила работы фотографа О. В. Деркунского и художника Е. А. Бобровой (2013)⁶. Ежегодно, начиная с 1998 года, проходит традиционная выставка работ учеников студии арт-академии «Квадрат».

¹ Всадники на снегу [2006 г., февраль] [Электронный ресурс] // Квадрат: арт-галерея. – Режим доступа: <http://kvadratart.ru/about/exhibitions/2006/30.html>. – (Дата обращения – 18.05.2016 г.).

² Денисенко С. Всадники в «Квадрате» [2006 г., январь] [Электронный ресурс] // Максимум: информ.-деловой журн. – Режим доступа: http://maxiomsk.ru/catalog/index.php?option=com_content&task=view&id=80&Itemid=7. – (Дата обращения – 18.05.2016 г.).

³ Флаг тебе в руки [2006 г., февраль] [Электронный ресурс] // Квадрат: арт-галерея. – Режим доступа: <http://kvadratart.ru/about/exhibitions/2006/30.html>. – (Дата обращения – 18.05.2016 г.).

⁴ В «Квадрате» представят «Его величество офисный Стул» [Электронный ресурс] // Омск-Информ. – Режим доступа: <http://www.omskinform.ru/news/7672>. – (Дата обращения – 18.05.2016 г.).

⁵ Игра в бисер [2011, декабрь] [Электронный ресурс] // Квадрат: арт-галерея. – Режим доступа: <http://www.kvadratart.ru/about/exhibitions/2011/151.html>. – (Дата обращения – 18.05.2016 г.).

⁶ 1 плюс 1: совместная выставка фотографа Олега Деркунского и художника Елены Бобровой [2013, август] [Электронный ресурс] // Квадрат: арт-галерея. – Режим доступа: <http://www.kvadratart.ru/about/exhibitions/2013/183.html>. – (Дата обращения – 18.05.2016 г.).

Произведения современного искусства Омска, активное сотрудничество с художниками, выставки концептуального и социального характера обеспечивают галерее «Квадрат» ведущее положение в художественной среде города Омска.

В модном доме «Роба» в г. Омске в 2004 г. открылась галерея Арт-студия «Модный дом»¹. Галерея отличается своей ориентированностью на современное фотоискусство, помимо омских фотохудожников здесь проводятся выставки лучших образцов мировой фотографии. Деятельностью галереи занимается куратор Ольга Карлова. Мероприятия, проводимые галереей, становятся культурными событиями городского масштаба. Выставка японских фотографов «Новые горизонты» (2013), проект «Мировая фотография в Омске» с выставкой фоторабот из Гонконга (2013), персональная выставка Фрэнка Дитури «О невидимых вещах», наряду с выставкой омских молодых фотохудожников «Отражение 7» (2014), выставки современной японской графики (2014), фотовыставка «Другое лицо Стамбула (2014, 2016) – на примере данных проектов можно сказать о многогранности и особой специфике галереи, каждая выставка которой находила своего зрителя. За годы работы галерею посетило свыше 50 тысяч зрителей. В 2015 году галерея отпраздновала свое десятилетие, однако стало известно о закрытии выставочного зала, причиной чего явилась смена собственника². Галерея представляла собой основную площадку для экспонирования современной художественной фотографии, закрытие этого выставочного пространства обедняет художественную жизнь Омска.

В 2010 г. создана на базе школы фотографии и мультимедиа «Событие» галерея «Белый Куб». Галерея демонстрирует фотографию, видео-арт, произведения современного искусства, предоставляет площадку для проведения корпоративных творческих конкурсов, организации и оформления выставок. За время существования галереи здесь экспонировались работы фотохудожников: немецкого фотографа Барбары Дитль в рамках Дней немецкой культуры в Омске, азербайджанского документального фотографа Рены Эффенди, украинского документального фотографа Александра Гяделова, томского фотографа Олега Климова, тульского фотографа Владимира Семина, сибирского документально-го фотографа Людмилы Зинченко, заслуженного художника РФ Василя

¹ В Омске закрывается модный дом «Роба» [Электронный ресурс] // Top 55: городской портал. – Режим доступа: <http://top55.info/news/newsid/47003/>. – (Дата обращения – 18.05.2016 г.).

² Фомагина К. Искусство в рамке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://omsk300.ru/rating/view/id/632>. – (Дата обращения – 18.05.2016 г.).

Ханнанова, иркутского художника-живописца Петра Ончукова, московского художника, члена Союза художников Берлина Дмитрия Врубеля и многих других современных авторов. В 2012 г. галерея современного искусства «Белый куб» признана лидером рейтинга среди омских галерей по версии сайта omsk300.ru, пользователи отдали свое предпочтение выставочному пространству галереи и условиям экспонирования [2, с. 181]. В 2013 г. галерея «Белый куб» прекратила свое существование из-за проблем с финансированием.

Галереи «Квадрат», «Модный дом» и «Белый куб» включены в таблицу хронологии развития галерейного движения в Омске за 1990–2016 гг.

Таким образом, акцент сделан на трех ведущих галереях, деятельность которых наиболее существенно отражается в художественной жизни Омска. Наряду с ними существуют небольшие частные художественные галереи: «Боли Шер», «Галерея 28», «Черный кенгуру», «Искусство XX века», «Мир через культуру», «Тарская картинная галерея», «Вернисаж» и др. При общей позитивной картине деятельности рассматриваемых галерей общим недостатком является не всегда высокий художественный уровень произведений, а также крайне редкое привлечение профессиональных искусствоведов к организации выставок.

Деятельность галерей показывает, что искусство вышло за рамки музейных учреждений, стало более открытым и смелым, не утратило перспективы развития в начале нового тысячелетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Урванцева А. А. Сущность и роль художественных галерей на постсоветском городском пространстве на примере Омска и Новосибирска (конец XX – начало XXI вв.) // Вестник ЮГУ. – Югра, 2011. – № 1(20).
2. Черняева И. В. Художественные галереи Западной Сибири как составляющие провинциального арт-рынка // Известия АГУ. – Барнаул, 2012. – № 2–1.

Сорокин Алексей Петрович,
*руководитель Центра краеведческой информации,
заместитель директора,
Омская государственная областная
научная библиотека имени А. С. Пушкина
Омск,
e-mail: ap40in@mail.ru*

ЗАПАДНО-СИБИРСКИЙ ОТДЕЛ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ
XX ВЕКА

В статье рассматривается деятельность Западно-Сибирского отдела Русского географического общества в Омске в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. и Революции 1917 г., основное внимание уделено истории изучения общественной деятельности организации в этот период в контексте общероссийских и региональных революционных событий, раскрывается их влияние на деятельность общества. Делаются выводы о степени изученности истории общества в переломные эпохи XX века.

Ключевые слова: революция; гражданское общество; Русское географическое общество; общественные неполитические организации; Западная Сибирь; Омск.

Sorokin Alexey Petrovitch,
*Head of the Center for local history information,
deputy Director
of Omsk State Regional Scientific Library named after A.S. Pushkin
Omsk,
e-mail: ap40in@mail.ru*

WEST-SIBERIAN DIVISION OF THE GEOGRAPHICAL SOCIETY
DURING THE PERIOD OF REVOLUTIONARY UPHEAVALS OF THE
20TH CENTURY

The article deals with the activities of the West Siberian Division of the Russian Geographical Society in Omsk during the first Russian revolution of 1905-1907. and the revolution of 1917, the main attention is paid to the social activities of the

organization during this period in the context of all-Russian and regional events of revolutionary crises, the influence of revolutionary events on the activities of society is revealed. The conclusions of the gradual study of the history of society in the critical epochs of the 20th century are made.

Key words: revolution; civil society; Russian Geographical Society; public non-political organizations; Western Siberia; Omsk.

Западно-Сибирский отдел Русского географического общества (до 1917 – Императорского) – ЗСО РГО – был создан по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова 30 июня 1877 г. и был по счету шестым в Российской империи. Помимо исследовательской деятельности по изучению края, отдел занимался популяризацией научных знаний, а также был центром притяжения местных общественных сил, ядром формирующегося гражданского общества. Западно-Сибирский отдел был первой научной организацией в Западной Сибири, единственным выразителем общественных интересов в крае.

Изучение истории ЗСО РГО было начато еще самими действительными членами отдела и его руководством на заре существования общества. Идея изучения и публикации обзоров и справочников о деятельности общественных организаций в целом была характерна для традиций открытости и гласности в деятельности добровольных общественных объединений в пореформенной России конца XIX – начала XX века. Цель была как прагматической – для обеспечения текущей деятельности общества (с этой же целью отдел публиковал и рассылал свои годовые отчеты и печатал в типографии пригласительные билеты на заседания), так и для будущих историков деятельности отдела. На основе обширного архива отдела ЗСОИР-ГО публиковал обзоры своей деятельности дважды: в 1902 г., к 25-летию Отдела и в 1911 году, к открытию Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки 1911 года в Омске¹. Эти последние нашли свое место в трудах «Очерки пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного Русского географического общества», составленных в 1927 году профессором В. Ф. Семеновым [7]. Однако и в этом издании многие события

¹ Справочник к обзору деятельности Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества за 1877–1910 гг. – Омск, 1911; Юбилейный сборник Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества (1877–1902). – Омск, 1902.

по политическим причинам, на этот раз зеркальным, также получили не полное освещение.

Следующая попытка проанализировать историю ЗСОИРГО в переломные периоды российской истории была предпринята председателем отдела, профессором-геодезистом Д. Н. Фиалковым (1909–1995) в 1977 году, в год столетия общества. Фактографический анализ документов продвигает исследование далее, однако идеологический контекст заставляет автора искажать факты: преувеличивается роль политических ссыльных и степень социал-демократического влияния в ЗСО РГО, П. Б. Яшеров со слов И. М. Майского назван «политическим ссыльным» (между тем Яшеров, омский домовладелец и гласный Думы, скорее эмигрировал в 1918–19 году в Тобольск из бурного Омска), естественно нет ни слова об его (как и А.Н. Букейханова) кадетской ориентации [2]. Наибольший вклад в изучение этого вопроса внесли доцент ОмГУ А. Е. Плотников и профессор Д. И. Попов [3; 5], а пионером в изучении истории ЗСО ИРГО в 1918–19 гг. стала заведующая отделом ДПИ ООМИИ имени М. А. Врубеля И. В. Спирина (1951–2007) [4]. Кроме того, следует отметить более общие работы И. А. Скалабан и Е. А. Дегальцевой [1; 6].

Влияние обстоятельств политического порядка на научное общество, далекое по своим задачам от политики, выражается в ослаблении обычной научной деятельности Общества по линии основных его задач, и в уклоне ее в сторону общего русла окружающей жизни: появляются специфические темы научных докладов, а обычные доклады приобретают соответствующую окраску, растет острота прений и резолюций; с другой стороны, обнаруживается замирание научной работы, число общих собраний падает вследствие снятия или запрещения докладов, вследствие репрессий по адресу всего Общества и отдельных его членов, и т. п. внешних и внутренних причин.

Жизнь Отдела во второе 25-летие его существования великой датой 1917 г. разделяется на два периода: пятнадцать лет – до 1917 г. и десять лет – после него. Обращаясь к исследовательской работе Отдела в первые 17 лет XX века, мы должны отметить, что большая часть этой работы была выполнена новыми членами отдела. С 1903 по 1915 г. включительно (в 1916–1917 гг. экспедиций не было), за 12 лет эти лица, при участии ЗСО, провели следующие работы: А. Н. Седельников – 10 экспедиций; М. М. Сиязов – 7 поездок для геоботанических исследований; И. Н. Шухов – 4 поездки по северу Тобольской губернии, главным образом – для зоологических и этнографических исследований; А. Е. Новоселов – 3 поездки в Западный Алтай для изучения быта и истории старообрядцев. Издательская деятель-

ность Отдела, не считая годовых отчетов, за 15-тилетний период всего было опубликовано 17 книг, что, по сравнению с первым 25-летием, когда было издано 36 книг, представляет некоторое понижение. Большая часть опубликованных в этих книгах работ, как и вообще в большинстве изданий Отдела, представляет обильный и разнообразный, но преимущественно мелкий по объему, краеведческий материал.

На переломе в русской жизни, вступившей и увлекшей с собой и ЗСОРГО в бурную первую четверть XX в, пока события общегосударственного и мирового масштаба, в виде Русско-японской войны и революции 1905 г., а затем I мировой войны и революции 1917–1919 гг., не наложили на жизнь отдела еще более резкие черты.

Первая русская революция подняла роль и значение отдела в общественной жизни. В 1905 г. на единственную небольшую экспедицию (А.Н. Седельников на оз. Зайсан) деньги собираются по подписке; зал Музея много раз уступается Отделом для заседаний и собраний различных обществ; своих общих собраний удастся устроить немного – всего 5, но они проходят бурно: доклад М. М. Сязова 17 января 1905 г. о Японии был дважды прерван председателем собрания С. Н. Велецким, по поводу чего на следующем собрании этому председателю вынесено решительное осуждение. Доклады, читаемые в отделе, стали приобретать политическую окраску. 22 декабря 1905 г. полиция окружила здание географического общества на ул. Музейной, разогнала собрание и потребовала от сотрудников покинуть здание. Генерал-губернатор предлагал закрыть отдел: здание отдела, библиотеку с коллекциями передать для охраны Акмолинской областной администрации и «... состоять в ведении местного областного статистического комитета». Произвол полиции возмутил общественность. Покинувшие здание члены общества составили протокол о произволе администрации. На имя вице-президента П. П. Семенова была послана телеграмма с просьбой о защите прав отдела. В результате Отдел в декабре был временно закрыт, деятельность отдела «приостанавливается» до середины апреля следующего, 1906 г. «Ни заседаний, ни общих собраний членов не было», констатирует Корнеев в отчете. Арестовывается член Распорядительного комитета, кандидат в выборщики в Госдуму А. Н. Букейханов, а за резкие выступления в публичных лекциях из пределов Сибири высылаются М. М. Сязов и А. И. Корнеев. Избранный перед закрытием Отдела новый его председатель П. Б. Яшеров был с трудом утвержден в этом звании только через полгода. С 1906 г. Отдел несколько лет живет, придавленный, в чад реакцией. Распорядительный комитет в протоколах фиксирует (в 1905 г.) о высылке одной книги «Записок» в книжный магазин, о ящике

для писем и т. п. ничтожные вопросы. Вернувшийся в Омск Сиязов почти один в течение трех лет выступает с немногими сообщениями и некрологами. В самые трудные годы революции и годы реакции председателем Западно-Сибирского отдела был П. Б. Яшеров (1845–1928). Он был связан со многими политическими деятелями, редактировал газету «Степной край». Новый председатель стремится уберечь общество от нахлынувшей реакции, сохранить прогрессивно мыслящих членов. В 1906 г. он принимает меры к возвращению лиц, высланных из Омска. Только с 1910 г. начинается некоторое оживление научной деятельности Отдела, связанное с успокоением окружающей атмосферы.

Начало 1917 г. занято в ЗСО мирной работой текущей зимы: А. Е. Новоселов докладывает о жилище алтайских старообрядцев, а председатель отдела Н. Д. Павлов еще 11 февраля читает лекцию о жизни на Марсе. Но старая жизнь умирала, разразилась Великая Русская революция, и ЗСО вступил в последнее десятилетие своей полувековой жизни. Ряд сильных потрясений и глубокое внутреннее перерождение Отдела характеризуют первую половину этого десятилетия, и постепенный рост его обновленной жизни – вторую. В первые же дни и недели после февральской революции в стенах ЗСО закипела новая жизнь: темы об алтайцах и о Марсе сменились горячими дебатами об отношении к временному правительству и войне, об общегосударственном устройстве, об устройстве Западной Сибири, о федеративной демократической республике и т.п. В апреле 1917 г. старый Распорядительный Комитет сложил полномочия и был заменен новым, под председательством А. Н. Седельникова. Образованы и оживленно заработали новые комиссии – аграрная, об устройстве Западной Сибири, комиссия войны и революции. Возбуждено ходатайство о передаче Отделу для Музея и библиотеки бывшего дворца генерал-губернатора и архивов местных правительственных учреждений. Естественно, что летом 1917 года не состоялось ни одной экспедиции, а осенью и зимой — ни одного научного доклада. Таким образом, к 1917 г. большинство общественных организаций Сибири еще продолжали успешно функционировать в новых условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скалабан И. А. История Западно-Сибирского отдела Русского географического общества: (Историография вопр.) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. – Новосибирск, 1992.

2. Фиалков Д. Н. Западно-Сибирский отдел географического общества в годы революционных событий // Конференция по географии Западной Сибири: к 100-летию Ом. отд. геогр. о-ва. – Омск, 1977.

3. Плотников А.Е. Из истории создания и деятельности в Омске Западно-Сибирского отдела Русского географического общества (1877–1917 гг.) // Страницы исторического прошлого Омска (XIX – начало XX века): краеведческий сборник / Объед. ин-т истории, филологии и философии СО РАН, Ом. фил. – Омск, 1994.

4. Спирина И. В. Западно-Сибирский отдел Русского географического общества в 1917–1919 гг. // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII – XX вв.): материалы Второй всерос. науч. конф., 28–30 нояб. 1995 г.: [тез. докл.]: [в 2 т.] / Ом. гос. ун-т. – Омск. – 1995. – Т. 2: Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ.

5. Попов Дмитрий Иванович. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начале XX вв.: моногр. / Д. И. Попов. – Омск, 2006.

6. Дегальцева Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.): моногр. – Барнаул, 2002.

7. Семенов В.Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела государственного Русского географического общества (1877–1927). – Омск, 1927.

Таштимирова Гульшат Мунировна,
*главный хранитель музейных предметов,
Тарский историко-краеведческий музей,
Тара, Омская область,
e-mail: muzeitarisky@yandex.ru*

КОЛЛЕКЦИЯ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ,
СВЯЗАННАЯ С ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНОЙ, В ФОНДАХ
МБУК «ТАРСКИЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

В статье дается обзор истории комплектования коллекции музейных предметов, связанных с Гражданской войной, в Тарском историко-краеведческом музее, в частности, сделана попытка описать имеющиеся в музее коллекции по партизанскому движению в Тарском районе.

Ключевые слова: партизанское движение; музейные коллекции.

Tashtemirova Gulshat Munirovna,
*chief curator of the Museum objects, Tarski historical Museum,
Tara, Omsk region,
e-mail: muzeitarisky@yandex.ru*

COLLECTION OF MUSEUM OBJECTS RELATED TO THE CIVIL WAR,
IN THE COLLECTIONS OF THE MBUK
«TARSKI HISTORICAL MUSEUM»

The article provides an overview of the history of the acquisition of the collection of Museum objects related to the Civil war, in Tarski historical Museum, in particular, an attempt is made to describe the existing Museum collections in the partisan movement in the Tara area.

Key words: guerrilla movement, the Museum's collection.

Гражданская война в России закончилась без малого век назад. В людской памяти почти стерлись и потускнели события 1918–1920 гг. Уже не осталось в живых никого из участников этих событий. Тем не менее трагедия «Русской смуты» (как ярко и образно назвал эти события один из вождей Белого движения генерал А. И. Деникин) продолжает не только

привлекать к себе внимание историков, но и оказывать влияние на общество. Ярким примером последнего может служить полемика, развернувшаяся вокруг установки памятников и памятных знаков вождям и участникам антибольшевистской борьбы, в частности А. В. Колчаку в г. Омске [1].

Одной из наиболее массовых и эффективных форм вооруженной борьбы за государственную власть, развернувшейся в годы Гражданской войны на территории России, было партизанское движение в тылу (белогвардейцев) Временного Сибирского правительства [2]. Каковы причины партизанского движения? К партизанским действиям были вынуждены прибегнуть остатки разгромленных и рассеянных летом 1918 г. по территории Сибири советских отрядов. Сопrotивление вызывали взимание налогов и податей, реквизиции и конфискации военного имущества и продовольствия у крестьян, к которым нередко в грубой форме прибегали власти, а также мобилизация крестьянской молодежи в Сибирскую армию [2].

К 1917 году Тара оставалась уездным центром Тобольской губернии, небольшим городком. По данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г., в Таре насчитывалось 7220 жителей, из них мужчин 3751. Действовали училища, женская прогимназия, больница, библиотека, почтово-телеграфная контора, пристань и детский дом на 50 детей. Трудились около 300 ремесленников, действовало 17 кузниц, 21 завод, в том числе винокуренный, 5 кожевенных, один стеклянный [3].

В годы Гражданской войны Тарский уезд в Западной Сибири становится одним из центров партизанского движения. Молва о тарских партизанах шла по всей Сибири. Основные события Гражданской войны для большинства наших земляков ассоциируются с героической фигурой руководителя партизанского отряда Артема Ивановича Избышева [4]. 16 ноября 1919 года красноармейские части, при активной поддержке местных партизан, изгнали колчаковцев из Тары. Масштабы и военно-политическая значимость партизанского движения в Сибири обусловили внимание к нему со стороны исследователей истории Гражданской войны [2]. Почти сразу же после создания музея в 1932 г. начала формироваться коллекция музейных предметов по истории партизанского движения. Так, были приняты на хранение ТКМ 141 – пика тарских партизан и ТКМ 15 – Знамя рабоче-крестьянской армии красных тарских партизан отряда Избышева². В 1953 г. в трудное послевоенное время музей был закрыт. Происходит затишье и в комплектовании фондов. Возродился музей в Таре 5 ноября

¹ Книга поступлений № 1. – МБУК «ТИКМ». – С. 1.

² Каталог редких и ценных предметов районных музеев Омской области. – Омск, 2005. – С. 116

1968 г. на общественных началах. Полноценные краеведческие коллекции по истории партизанского движения стали формироваться в музее с середины 1969 года. Так, в 1969 г. Омским областным краеведческим музеем были переданы на постоянное хранение партизанские пушки, изготовленные в 1918 г. в Муромцево (ТКМ – 11,12)¹. Именно в это время идет пополнение фотофонда; коллекция по партизанам насчитывает свыше шестидесяти предметов (ТКМ – 1)². Фото «Партизан отряда Избышева Шуркевич Роман Иванович» передано писателем Петровым И. Ф., автором книги «Дорогами отцов», в 1977 году. Руководством музея был оформлен стенд «Партизаны нашего края», посвященный событиям Гражданской войны, который также хранится в музее (ТКМ – 7). Были собраны личные архивы легендарного А. И. Избышева и партизан его отряда (Новикова Н. Д., Фотеева Т. Ф., Захаренко Г. Ф.), была организована работа по сбору и записи воспоминаний некоторых участников партизанского движения, вся собранная информация представлена в нескольких папках. Директора музея (Кузнецова М. И. и Шендрик Н. К.) разыскали земляков, живших за пределами Тарского района. В фондах музея хранятся воспоминания Яунродзинь Я.³, проживавшего в Латвийской ССР, г. Юрмала, ст. Майори, ул. Йомас, д.78, кв.4, о партизане Вейсертте Юлиусе Францевиче. Воспоминания дочери партизана Сливко М. Е. Шатиловой Н. М.⁴, проживавшей в г. Омск–49, Линейная, 38, были переданы в 1977 году. В 1979 г. передала сборник воспоминаний очевидцев о налете колчаковских карателей под руководством Франко в д. Ермаковку Тарского района Омской области и расправе с партизанами и их семьями в 1919 г. З. Карякина⁵, проживавшая в р.п. Таврический. Хранится в фондах очерк кандидата исторических наук Молокова И. Е. «Командарм М. С. Матиясевич»⁶. Здесь описываются общероссийские события в ходе Гражданской войны, которые представляют интерес для понимания жизни человека в военных условиях, в частности Матиясевича М. С. А вот собранные школьниками (пионерами) р.п. Седельниково воспоминания

¹ Книга поступлений № 1. – МБУК «ТИКМ». – С. 1–2.

² Там же. – 1

³ Яунродзинь Я. Воспоминания о партизане Вейсертте Юлиусе Францевиче: [рукопись].

⁴ Шатилова Н. М. Воспоминания дочери партизана Сливко М. Е. [рукопись].

⁵ Карякина З. Сборник воспоминаний очевидцев о налете колчаковских карателей под руководством Франко в д. Ермаковку Тарского района Омской области и расправе с партизанами и их семьями в 1919 г.: [рукопись].

⁶ Молоков И. Е. Командарм М. С. Матиясевич: [рукопись].

жителей р.п. Седельниково Алгазина Л. И., Седельниковой А. А., Путинцевой Е. А. (дочери Избышева А. И.), д. Львовки Рублевской М. Д. (дочь Д. Дубко), Олейник А.П.¹ освещают борьбу за власть в заиртышных волостях Тарского уезда. Но эти ценные сведения были только записаны и не вовлекались в научный оборот. Большое количество предметов атрибутировано недостаточно полно. Если говорить о фотофонде, то, как правило, известны только фамилии и примерная датировка (ТКМ – 2287) фото Просвирякова Дмитрия Михайловича – партизана отряда Избышева А., расстрелянного карателями и похороненного в братской могиле в Чекурушанской роще². Связано это с тем, что, когда родственники передавали в музей в 1981 г. фото погибшего партизана, информации для атрибуции было мало. Таким образом, конец 1960-х – 1980 е гг. явились более благоприятным временем для исследования истории партизанского движения в Тарском уезде.

Фонд Тарского историко-краеведческого музея по истории Гражданской войны, в частности, по истории партизанского движения, интересен для исследований, но пока мало изучен. Процесс выявления музейных предметов, связанных с партизанским движением в Гражданской войне, в Тарском историко-краеведческом музее еще не закончен. Параллельно продолжается работа и по атрибуции музейных предметов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гагкуев Р. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. [Электронный ресурс]. – М., 2012. – Режим доступа: <http://nmm.club.Name/forum/viewtopic.php?t=1110755>.
2. Ларьков Н. С., Шишкин В. И. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны [Электронный ресурс] // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. / Науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск: Параллель, 2013. – Вып. 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zaimka.livejournal.com/165400.html>.
3. К 400-летию основания г. Тары и 60-летию Тарского района: статистич. сб. – Омск, 1994.
4. Бородина Г. Ю. Судьба Г. Ф. Захаренко – комиссара партизанского отряда А. И. Избышева [Электронный ресурс]. – Омск. – Режим доступа: <http://www.iaoo.ru/note194.html>.

¹ Воспоминания, собранные пионерами р.п. Седельниково в 1966 г.: [рукопись].

² Книга поступлений № 2. – МБУК «ТИКМ». – С. 3.

Тимченко Юлия Валерьевна,
главный архивист, исторический архив Омской области,
Омск,
e-mail: ltnika@yandex.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ВИЗИТЫ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛЕГАЦИЙ В ОМСК
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГОДОВ ПО МАТЕРИАЛАМ
ФОТОФОНДА ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье дается обзор фотографий Исторического архива Омской области из двух фондов профессиональных фотографов – Леонида Лаврентьевича Потемкина и Виктора Николаевича Резниченко, посвященных визитам в Омск иностранных делегаций канадских коммунистов в 1963 г., Германской Демократической Республики в 1964 г., Монгольской Народной Республики и Социалистической Федеративной Республики Югославия в 1965 г.

Ключевые слова: иностранные делегации; официальные визиты; фотофонды Л. Потемкина и В. Резниченко.

Timchenko Yulia Valeryevna,
archivist, Historical archive of the Omsk region,
Omsk,
e-mail: ltnika@yandex.ru

OFFICIAL VISITS OF FOREIGN DELEGATIONS IN OMSK IN
THE FIRST HALF OF THE 1960-S ON THE MATERIALS OF THE
PHOTOFUND OF THE HISTORICAL ARCHIVE OF THE OMSK REGION

The article gives an overview of photographs of the Historical Archives of the Omsk Region from two funds of professional photographers - Leonid Lavrentievich Potemkin and Viktor Nikolaevich Reznichenko, dedicated to visits to Omsk by foreign delegations of Canadian communists in 1963, the German Democratic Republic in 1964, the Mongolian People's Republic and the Socialist Federal Republic of Yugoslavia in 1965.

Key words: foreign delegations, official visits, photographic funds of L. Potemkin and V. Reznichenko.

Конец 1950-х – 1960-е гг. для Омска характеризовались промышленным и экономическим ростом, развитием городской инфраструктуры, активным строительством жилья и социальных объектов, озеленением и благоустройством города. Неудивительно, что иностранные делегации, прибывавшие в Советский Союз с официальными визитами, посещали и сибирский город Омск. 8–10 июня 1964 г. в Омске находилась делегация Германской Демократической Республики во главе с первым секретарем Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии В. Ульбрихтом, 20–21 апреля 1965 г. – делегация Монгольской Народной Республики во главе с первым секретарем Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии Ю. Цеденбалом, 26–28 июня 1965 г. – делегация Социалистической Федеративной Республики Югославия во главе с президентом И. Броз Тито. На протяжении всего визита гостей сопровождали объективы фотокамер. В Историческом архиве Омской области фотографии, посвященные этим событиям, отложились в двух фондах профессиональных фотографов. В фотофонде Леонида Лаврентьевича Потемкина, штатного фотографа «Омкстроя», позднее – руководителя фотокружка Дома юных техников «Нефтяник», имеется 270 черно-белых и 150 цветных негативов на широкоформатной пленке размером 56,9 мм x 56,9 мм, запечатлевшие пребывание в Омске В. Ульбрихта, Ю. Цеденбалы, И. Броз Тито. В фотофонде Виктора Николаевича Резниченко, журналиста, фотокорреспондента и художника редакции газеты «Омская правда», имеется 197 негативов размером 24x36 мм, запечатлевших посещение города В. Ульбрихтом и И. Броз Тито.

Съемки начинались с аэропорта, здание которого украшалось полотнищами с приветствиями, государственными флагами, портретами государственных лидеров. Встречали иностранные делегации первый секретарь Омского обкома КПСС С. И. Манякин, председатель Омского облисполкома М. П. Григорьев и другие руководители советских партийных и общественных организаций. На фотографиях сохранились обмен приветствиями, моменты вручения октябрятами и пионерами цветов гостям. Встреча гостей горожанами превращалась в праздничное действо, которое мы можем видеть на негативах: город украшен флагами и лозунгами, большие группы омичей с флажками находятся на протяжении всего маршрута следования по городу, главы делегаций стоят в автомобилях с открытым верхом, приветствуя горожан, кортеж машин сопровождает эскорт мотоциклистов. Маршрут был таким: аэропорт, мост через реку Иртыш, Ленинградская площадь, пр. К. Маркса,

площадь Ленина, мост через реку Омь, ул. К. Либкнехта, ул. Ленина, государственная дача¹.

Программа пребывания гостей в городе включала в себя следующие ключевые события: осмотр достопримечательностей, посещение праздничного концерта в драматическом театре, выезд в колхоз имени Чапаева Омского района, посещение теплично-парникового комбината, участие в официальном обеде от имени Омского облисполкома и обкома КПСС, выезд на нефтеперерабатывающий завод². Наибольшее количество фотографий в фотофондах Л. Потемкина и В. Резниченко посвящены посещению нефтекомбината. Директор последнего В. А. Рябов проводил экскурсию, показывал установки, после чего проходил крупный митинг на заводской площади. В фонде Леонида Потемкина есть фотографии, сохранившие момент посещения делегацией во главе Ю. Цеденбалом Омского драмтеатра: делегация Монголии, С.И. Манякин, начальник областного управления культуры Н. М. Бревнова, член президиума ЦК КПСС А. П. Кириленко стоят у входа в театр, директор театра М. Н. Ханжаров приветствует Ю. Цеденбала, зрительный зал театра во время исполнения гимнов обеих стран, выступление Омского русского народного хора.

Также 12–15 августа 1963 г. Омск посетила делегация женщин-коммунисток из Канады. Гости знакомились с жизнью в Сибири, особенно их интересовала жизнь советских женщин, постановка дела просвещения в городе и области, работа и структура профсоюзных организаций³. В рамках своего визита канадская делегация побывала в музыкальном театре, в Доме Союзов, на нефтеперерабатывающем заводе, в Доме радио, на телестудии, в Доме художника, во Дворце культуры Октябрьского района, в пионерском лагере нефтяников в Чернолучье, в нескольких учебных заведениях⁴ [4]. В фотофонде Леонида Потемкина имеется 45 негативов, на которых запечатлено: посещение коммунистками пионерлагеря, выставки омских художников, момент вручения художником К. Н. Щекотовым членам делегации репродукции картины, выступление канадок в студии телевидения. В фотофонде Виктора Резниченко есть 22 негатива, на которых показана встреча коммунисток в аэропорту. Также в Историческом архиве имеется один экземпляр альбома фотографий, который был подготовлен для канадских гостей в качестве подарка и рассказывал об их пребывании в Омске.

¹ ГИАОО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 124. Л. 34.

² Там же. Л. 34–36; Ф. П-17. Оп. 1а. Д. 32. Л. 169–170.

³ Омская правда. – 1963. – 13 авг. – № 190 (7871).

⁴ ГИАОО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 30. Л. 110–112.

Фотографии Л. Потемкина и В. Резниченко ценны и как источник по истории омского городского ландшафта. На негативах можно увидеть, как Омск выглядел в первой половине 1960-х гг.: на Красном Пути стоит Дом пионеров, на месте Иверской часовни – деревянное здание, на пр. К. Маркса и рядом с кинотеатром «Маяковский» много зеленых насаждений, набережная Оми еще не благоустроена. Кроме того, данные фотографии также могут служить источником по изучению наглядной агитации в советское время.

Тихомирова Марина Николаевна,
*кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Омск,
e-mail: marinat24@mail.ru*

**ОБ ИСТОЧНИКАХ ПО ФАЯНСУ И ФАРФОРУ
СПРАВОЧНИКА «КУХОННАЯ УТВАРЬ И ПОСУДА»**

В статье кратко рассматриваются источники, используемые для создания текста справочника, который предназначен для научной паспортизации и каталогизации предметов из коллекций музеев Западной Сибири.

Ключевые слова: источники; фаянс и фарфор; справочник; научная паспортизация и каталогизация; Западная Сибирь.

Tikhomirova Marina Nikolaevna,
*Candidate of Historical Sciences, Researcher, Omsk Branch of the Institute of
Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences,
Omsk,
e-mail: marinat24@mail.ru*

**ABOUT SOURCES FOR FAJANS AND PORCELAIN
REFERENCE BOOK «KITCHENWARE»**

In the article are synopsized the sources used to create the reference book. This reference book is formed for scientific conditioning and cataloging of utensils and crockery from collections of museums of Western Siberia.

Keywords: sources, fajans, porcelain, reference book, scientific conditioning and cataloging, Western Siberia

Справочник «Кухонная утварь и посуда» создается автором для музейных работников как помощь в описании экспонатов для научных паспортов и каталогов. В этом сообщении, по причине объема, мы кратко охарактеризуем источниковую базу для справочника по двум разновидностям керамики – фаянсу и фарфору, так как от ее полноты зависит, насколько он будет востребован музейным сообществом.

В настоящее время уже существуют несколько известных среди музейных работников методических рекомендаций по описанию изделий из керамики (И. И. Барановой, А. Б. Салтыкова, И. М. Сулова [1]). Они носят вводный характер в тему – содержат базовую информацию о керамике (ее разновидности по материалу и технологии производства, отделке и декорированию предметов и др.), рекомендации по описанию и занесению сведений в специальные карточки или научные паспорта. Однако применить эту информацию в атрибуции конкретного предмета без дополнительных знаний бывает затруднительно из-за обобщающего и в некоторой степени схематичного характера трудов.

Эту информационно-методическую лакуну мы пытаемся заполнить нашим справочником.

Фактически его содержательная часть пишется на основе тех экспонатов, что нами были выявлены в музеях, расположенных в малых городах, районных центрах и сельской местности Омской области и соседних регионов. Еще он ориентирован на описание посуды и утвари сельского населения конца XIX–XX в.

Здесь нужно пояснить, что музейные коллекции и малых городов юга Западной Сибири мы рассматривали потому, что их население было тесно связано с сельской округой, хотя мы размышляем над тем, чтобы также использовать экспонаты областных краеведческих музеев, если они приобретены в деревне.

На настоящий момент информация в справочнике выстроена в виде параграфов по типам и разновидностям сосудов: «чашки», «тарелки» и т. д., в которых дается определение, перечисляется, из какой формовочной массы (фаянс, фарфор) может быть сделан экспонат, диалектные названия, приведены формы отдельных его частей, возможные варианты декора. Чтобы систематизировать фаянсовую и фарфоровую посуду по типам и разновидностям, мы опираемся на определения ГОСТа и Товарные словари¹.

Большинство предметов для подготовки текста справочника нами были взяты из Госкаталога РФ, научных каталогов музеев Омской области (в городах Тюкалинске, Исилькуле, Таре, селах Знаменское и Колосовка, р.п. Муромцево), Ялуторовского музейного комплекса Тюменской области. Также нами были рассмотрены, сфотографированы для иллюстраций экспонаты музея-заповедника в с. Ембаево Тюменского района Тюменской области.

Всего нами было выявлено 112 предметов из фаянса и фарфора. Из них 72 шт. хранится в Ялуторовском музейном комплексе, более 10 экспонатов – в музеях г. Тюкалинска и с. Ембаево, единицы – в остальных упомянутых музеях. Посуда преимущественно использовалась для сервировки стола и потребления пищи. Больше всего предметов изготовлено из фаянса.

¹ ГОСТ Р 54868–2011 – Посуда керамическая: термины и определения (изд. офиц.). – М., 2012. – С. 2–4; Товарный словарь. – М., 1956. – Т. I. – С. 477, 480; То же. – 1957. – Т. II. – С. 317 и др.

В данном сообщении мы не будем подробно рассматривать разные типы посуды (форма и декор), так как работа над текстом справочника еще в стадии первичного анализа материалов. Характеристика предметов будет дана во вводной части книги.

Однако можно дать количественную характеристику источниковой базы. Всего выявлено: тарелок (десертных, декоративных и др.) – 21 шт., чашек чайных – 13 шт., сливочников – 12 шт., чашей типа пиалы – 10 шт., блюдец чайных – 9 шт., кружек – 7 шт., чайников заварочных, блюд, сахарниц по 6 шт., масленок и салатниц по 3 шт., супниц и бокалов по 2 шт., горчицница, кофейник, крынка, перечница, пестик и ступка и др. – по 1 шт.

Вся фаянсовая и фарфоровая посуда – привозная из Европейской части России. Посуда конца XIX в. произведена на фабриках семейства Кузнецовых. Много ранообразной посуды этого производителя хранится в коллекциях Ялutorовского музейного комплекса.

Фаянс советского времени представлен столовой посудой фабрик разного времени: Будянского фаянсового завода, период с 1922–1934 гг., Дулевского фарфорового завода, 1958, 1962 гг., Конаковского фаянсового завода, периоды с 1946–1950-е, 1962–1974 гг., «Красный фарфорист», г. Грузино (Чудово), период с 1926–1940 гг.1 и др.

Таким образом, мы кратко рассмотрели источники по фаянсу и фарфору, используемые для создания текста справочника, который предназначен для научной паспортизации и каталогизации посуды из коллекций музеев Западной Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова И. И. Глава 2. Керамика // Система научного описания музейного предмета. Классификация. Методика. Терминология. – СПб., 2003; Салтыков А. Б. Русская керамика: пособие по определению памятников материальной культуры XVIII – начала XX вв. – М., 1952.; Суслов И. М. Изучение и научное описание памятников керамики // Изучение и научное описание памятников материальной культуры. – М., 1972.

¹ Госкаталог РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7399302>, <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4332894>. – (Дата обращения – 18.06.2017); Каталог редких и ценных предметов районных музеев Омской области. – Омск, 2005. – С. 40–41, 74, 113; Музей-заповедник в с. Ембаево, № 45/1–45/3, 119, 240, 581, 1031/4, 1440/6.

Томилов Николай Аркадьевич,
*доктор исторических наук, профессор,
директор Омского филиала Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
заведующий кафедрой этнологии, антропологии,
археологии и музеологии,
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,
старший научный сотрудник Омской гуманитарной академии,
Омск,
e-mail: n.a.tomilov@gmail.com*

Ахунова Эльфира Рахимовна,
*старший лаборант,
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Омск,
e-mail: aehlfira@yandex.ru*

**ИСТОРИЯ СИБИРСКИХ МУЗЕЕВ НА СТРАНИЦАХ
«ИЗВЕСТИЙ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ»**

В статье дается оценка изданию «Известия Омского государственного историко-краеведческого музея» (ОГИК музея) как базового для выполнения научно-исследовательской функции музеев Сибири. Обзор изданных в «Известиях ОГИК музея» работ предлагается провести по следующим направлениям: общая история музеев Сибири; история ОГИК музея, история музеев Омска и Омской области; история музеев других регионов Сибири. Сделан вывод о высоком уровне изучения истории музеев Сибири.

Ключевые слова: музееведение; музей; история музея; музейное дело; музейная сеть.

Tomilov Nikolai Arkadievich,
*Doctor of historical sciences, professor
Director of the Omsk branch of the Institute of Archeology and Ethnography
Of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of Ethnology, Anthropology,*

*Archeology and Museology,
Omsk State University named after F. M. Dostoyevsky,
senior research fellow of the Omsk Humanitarian Academy,
Omsk,
e-mail: n.a.tomilov@gmail.com*

Akhunova Elfira Rakhimovna,
*Senior laboratory assistant of the Omsk branch
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Omsk,
e-mail: aehlfira@yandex.ru*

THE HISTORY OF SIBERIAN MUSEUMS ON THE PAGES
OF «NOVELTIES OF OMSK STATE
HISTORICAL-LOCALIZED MUSEUM»

The article evaluates the publication «Izvestiya Omsk State Historical and Local History Museum» (OGIKM) as the base for performing the research function of the museums of Siberia. The review of the works published in «Izvestia OGIKM» is proposed to be carried out in the following areas: the general history of the museums of Siberia; History of OGICM, history of museums in Omsk and Omsk region; The history of museums in other regions of Siberia. A conclusion is drawn on the high level of study of the history of the museums of Siberia

Keywords: museum science; museum; museum history; museum business; museum network.

Основной задачей данной публикации является осуществление обзора научных статей по истории музеев Сибири в выпусках «Известий Омского государственного историко-краеведческого музея». Этому изданию исполняется 90 лет со дня выхода его первого номера в 1928 г., 25 лет со дня выхода в 1993 г. по инициативе директора музея П. П. Вибе после длительного перерыва второго номера (всего по 2016 год выпущено 20 номеров).

Музееведческая тематика «Известий» укладывается в три направления: 1) изучение музейных процессов с теоретическими подходами; 2) изучение музейных коллекций и характеристика музейной работы в целом;

3) описание истории музеев. Фактически почти во всех разделах этого альманаха встречаются статьи на музееведческие темы. Но есть и специальные разделы – это «История краеведения и музееведение», «Музейное дело», «Изучение музейных коллекций», «Из истории жизни музея», «Музейная жизнь», а также тематические разделы, посвященные юбилейным датам Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИК музея). В разделе «Юбилеи» большую часть составляют статьи об ученых и работниках музея, проводивших музееведческие исследования.

И дальше мы намерены перейти к выделению тематических блоков статей в «Известиях», которые посвящены истории музеев Сибири, вплоть до их деятельности на современном этапе. Количество таких статей безмерно. Поэтому мы ограничимся наиболее важными направлениями в содержательной части статей. Это – общая история музеев Сибири; история ОГИК музея, история музеев Омска и Омской области; история музеев других регионов Сибири.

В качестве примера публикаций об общей истории музеев Сибири назовем статьи О. Н. Шелегиной об истории создания и современном состоянии музейной сети Сибири [1, с. 7–10] и А. И. Шумилова о деятельности музеев Сибири по накоплению и пропаганде исторических знаний [2, с. 11–19].

Сама тема по истории музейного дела и музейных процессов в Сибири охватывает значительный объем вопросов, связанных с изучением периодизации истории музеев, архитектурного пространства музеев, коллекционирования, собирательства другими методами материалов для музеев, комплектования музейных фондов, с изучением фондовой работы, научно-исследовательской деятельности музеев, работы с посетителями, формирования кадрового состава музейных работников, сохранения культурно-исторического наследия и природных объектов и др.

Большая группа статей посвящена истории ОГИК музея. Назовем лишь часть авторов таких статей – это С. Д. Авербух, А. Р. Адамсон, О. Н. Артемьева, Е. М. Бежан, О. А. Безродная, О. В. Блинова, Г. Б. Буслаева, П. П. Вибе, О. Н. Дербуш, О. П. Дьякова, Л. Г. Ермолина, Н. А. Захарова, О. Г. Иванова, Н. Ф. Климова, Б. А. Конилов, Ю. А. Макаров, Л. С. Мартынова, Г. М. Нагибина, Т. Н. Назарцева, О. А. Пьянова, Г. И. Сороколетова, И. В. Спирина, Н. А. Томилов, Ю. В. Трофимов, И. В. Федотова, Л. С. Худякова, М. К. Чуркин, Р. А. Шанева и др.

Среди многочисленных статей выделяются публикации, представляющие собой обзоры деятельности ОГИК музея в целом за всю его историю или в какие-то периоды. Это, например, статьи П. П. Вибе о 120-лети

музея и о деятельности музея в первом десятилетии XX в. [3, с. 11–50; 4, с. 111–117], О. В. Блиновой и Т. М. Назарцевой о достижениях и трудностях работы директора ОГИК музея П. П. Вибе [5, с. 312–324], Т. М. Назарцевой о двух периодах в истории ОГИК музея – с 1946 по 1979 гг. и с 1980 по 1992 гг. [6, 7], П. П. Вибе, Н. А. Томилова о работе ОГИК музея в сфере краеведения [8, с. 145–167; 9].

А далее назовем в качестве примера лишь некоторые публикации по комплектованию, в том числе экспедиционным путем, и составу фондовых материалов ОГИК музея, – это статьи Н. А. Захаровой и О. Г. Ивановой о комплектовании коллекций музеев в 1998–2007 гг. (2008), Б. А. Конинова о вкладе В. П. Левашовой в археологическую работу музея (1994), Л. С. Мартыновой об общей картине истории комплектования коллекций ОГИК музея (1998), А. В. Матвеева и Ю. В. Трофимова об археологических работах музея в 1998 – 2003 гг. (2003), Л. Б. Поспеловой о коллекции А. Ф. Палашенкова в фондах музея (2006), Г. И. Сороколетовой о ведомственном архиве ОГИК музея (2002) и др.

Не останавливаясь далее на остальных тематических направлениях в изучении истории музейного дела Сибири, мы в целом делаем вывод о высоком научном уровне статей по истории музеев и о высоком профессиональном мастерстве самих авторов этих статей и, конечно же, мы отмечаем существенный вклад издания «Известий ОГИК музея» в развитие исторических и музееведческих знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шелегина О. Н. Сибирский музей – социокультурные точки пересечения прошлого, настоящего, будущего // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2008. – № 14.
2. Шумилов А. И. Исторические отделы музеев Сибири (создание и деятельность в 1920–1930-е гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2008. – № 14.
3. Вибе П. П. 120 лет Омского государственного историко-краеведческого музея: хроника основных событий // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 1998. – № 6.
4. Вибе П. П. Омский государственный историко-краеведческий музей в первом десятилетии XXI века // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2011. – № 16.
5. Блинова О. В., Назарцева Т. М. Директорские будни // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2016. – № 20.

6. Назарцева Т. М. Омский областной краеведческий музей (1946–1979 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2013. – № 18.
7. Назарцева Т. М. Музейное объединение // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 1996. – № 4.
8. Вибе П. П. Омский государственный историко-краеведческий музей в системе краеведческих знаний региона // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2013. – № 18.
9. Томилов Н. А. Краеведение в Омском государственном историко-краеведческом музее // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2016. – № 20.

Федотова Ирина Владимировна,
*старший научный сотрудник
отдела хранения и научного изучения музейных фондов,
Омский государственный историко-краеведческий музей,
Омск,
e-mail: ivputintseva@mail.ru*

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА
ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В статье выделяются основные этапы формирования археологического фонда ОГИК музея. Дается краткая характеристика каждого этапа, рассказывается о наиболее интересных коллекциях.

Ключевые слова: фондообразование; археологические экспедиции; Западно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества; В. П. Левашева, А. Ф. Палашенков, А. И. Петров, Б. А. Конилов, русское освоение Сибири.

Fedotova Irina Vladimirovna,
*Senior Researcher of the Department of Storage and Scientific Study of
Museum Funds, Omsk State Historical and Local History Museum,
Omsk,
e-mail: ivputintseva@mail.ru*

FROM THE HISTORY OF THE
ARCHAEOLOGICAL FUND FORMING IN
THE OMSK STATE MUSEUM OF HISTORY AND REGIONAL STUDIES

The article is about the main stages of the archaeological fund forming in the Omsk State Museum of History and Regional Studies. It gives a brief description of each stage. It is also about the most interesting museum collections.

Keywords: the fund forming; the archaeological expeditions; the West-Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society; V.P. Levasheva; A.F. Palashenkov; A.I. Petrov; B.A. Konikov; the Russian mastering of Siberia.

Фонд археологии ОГИК музея состоит из материалов раскопок различных исследователей в 1870-е – 2010-е гг. и случайных находок. Большинство коллекций получены на территории современной Омской области, есть материалы из других районов Сибири и стран зарубежья. Всего в фонде свыше 26 тыс. ед. хранения. Попытаемся выделить основные этапы и закономерности его формирования.

Первый этап: 1878–1923 гг. Археологические коллекции появляются благодаря деятельности членов Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества – А. П. Плахова, А. В. Попова, А. В. Селиванова, И. Я. Словцова, Н. М. Ядринцева и др. Большая часть коллекций была получена не в Прииртышье, а в Приобье, на Алтае, Минусинском округе, Казахстане. От жителей Омска (от гимназистов до «короля сибирских писателей» Антона Сорокина) поступали и случайные находки. К сожалению, некоторые предметы утратили атрибуцию [1, с. 209–215]. Окончание этапа можно датировать 1923 г. – отделением музея от ЗСОРГО и началом его самостоятельного существования.

Второй этап: 1926–1929 гг. Годы работы в музее (в то время – Государственный Западно-Сибирский краевой музей) археолога Варвары Павловны Левашевой. Сохранилось более 30 коллекций, полученных в ходе изысканий В. П. Левашевой на территории современных Омской и Новосибирской областей [2, 129–144]. Самые представительные – раннего железного века (из Саргатских курганов) и позднего средневековья (с Вознесенского городища, кургана и городища на острове Чиняиха).

Этот период пришелся на конец «золотого десятилетия краеведения», что определило его особенности. С одной стороны, еще сохранялась поддержка краеведческого движения на государственном уровне. Кроме того, в своей разноплановой работе Левашева получала всестороннюю помощь от директора музея Ф. В. Мелехина. Но уже начались нападки на представителей краеведческого движения, оно постепенно сворачивалось, деятельность сотрудников музея подвергалась необоснованной критике [3, с. 98–106]. Этим и объясняется, что В. П. Левашева недолго проработала в Омске.

Третий этап: 1930-е – конец 1960-х гг. Пополнение археологического фонда шло за счет сборов краеведов, в первую очередь, Андрея Федоровича Палашенкова, бывшего директором музея с 1943 по 1957 гг. Археологические коллекции А. Ф. Палашенкова можно разделить на две группы:

1. «Северные коллекции», полученные в ходе экспедиций конца 1930-х гг. на территории современной Тюменской области – с городища Искер (Кашлык), Ляпинского острога, городищ Сортынья I, Узынья и других памятников.

2. Коллекции 1950–60-х гг. с территории Среднего Прииртышья – сравнительно небольшие, но ставшие базой для дальнейших археологических изысканий.

Кроме того, активно передавали свои сборы профессор П. Л. Драверт, Э. И. Корти, С. Р. Лаптев и др. Пополнение фонда продолжалось и благодаря случайным находкам. В 1937 г. от колхозника Х. Баширова поступил «Мурлинский клад» – бронзовые культовые фигурки и наконечники стрел, найденные на р. Мурлинке в Тарском районе Омской области. Другой «жемчужиной» фонда стало антропоморфное литье, обнаруженное в Омске на правом берегу Иртыша школьником Анатолием Арцибасовым в 1949 г. [4, с. 87; 5, с. 11].

Четвертый этап: конец 1960-х – середина 1970-х гг. Комплектование фонда археологии снова происходит в основном за счет экспедиций археологов-профессионалов: В. А. Могильникова (материалы Горно-Битиинских и Ирчинских курганов, городища у с. Новоникольское), В. И. Матющенко (часть материалов из могильника у д. Ростовка), В. Ф. Генинга и В. Т. Петрина (коллекция со стоянки Черноозерье II).

Тогда же начинается серьезная систематизация фонда, которую выполняли с 1975 г. ученые УрГУ В. Т. Петрин, Н. К. и В. И. Стефановы, Ю. П. Чемакин и позднее продолжили археологи ОмГУ В. И. Матющенко, И. Г. Глушков и А. И. Петров.

Таким образом, пополнение фонда и работа с ним осуществлялись сотрудниками сторонних организаций, а не самого музея.

Пятый этап: середина 1970-х – начало 1980-х гг. Время работы Александра Ивановича Петрова в музее как сотрудника (1974–1976 гг.), а также его работы по хоздоговору музея и ОмГУ (1977–1980 гг.). А. И. Петров передает в музей материалы своих раскопок со стоянок Екатерининской I и II, Окунево VI, а также с поселения и могильника Хутор Бор IV.

Шестой этап: 1980-е – середина 1990-х гг. Вновь инициатива в пополнении фонда перешла к сотрудникам других организаций. В 1980–90-е гг. появились коллекции из раскопок экспедиций Омского педагогического института (руководитель – Б. А. Конигов). Большинство из них представляют материалы усть-ишимской культуры развитого средневековья (IX–XIII вв.), например, коллекции с могильников у д. Аргаиз и у д. Имшегал, городища Кипо-Кулары III.

Седьмой этап: конец 1990-х – наше время. Самостоятельные экспедиции ОГИК музея и совместные экспедиции с другими организациями (в первую очередь, с университетами). Несколько коллекций получено от археологов ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, ОмГПУ, Омского филиала ИАИЭ

СО РАН. В 1998 г. Е. М. Данченко передает коллекцию с Красноярского городища-I; в 2009 г. Л. В. Татаурова – материалы из Новооболонского I курганного могильника. С 2011 г. от С. Ф. Татаурова поступают коллекции, полученные в ходе изысканий в историческом центре г. Тары [6, с. 85–88].

В конце 1990 – нач. 2000 гг. научными сотрудниками музея исследованы памятники русского освоения Сибири. Появились коллекции с фортификационных сооружений русских оборонительных линий Сибирского казачьего войска: Ямышевской крепости, Кумырского, Ньюхаловского, Кушайлинского форпостов, Степного II, Дубровного, Курганского редутов. В 2001–2003 гг. совместными экспедициями ОмГУ и ОГИК музея под руководством В. В. Михалева исследовалось городище усть-ишимской культуры Кошкуль I в Тарском районе Омской области [7, с. 119–127]. В 2010 г. ОГИК музеем и Центром гуманитарных социально-экономических и политических исследований (ГЭПИЦентр-II) под руководством Ю. В. Трофимова проведены раскопки могильника саргатской культуры Красноярска-10 (VI–V вв. до н.э.).

С 2013 г. археологи ОГИК музея совместно с учеными из ОмГУ им. Ф. М. Достоевского исследуют территорию Первой Омской крепости (1716–1768 гг.). К 2015 г. было обнаружено значительное количество артефактов, относящихся к периоду от основания крепости до начала XX в. [8, с. 309–310].

Таким образом, формирование фонда археологии ОГИК музея связано с деятельностью нескольких поколений археологов и краеведов. Временами оно носило стихийный характер [9, с. 8]. Но в результате в фонде отражены все исторические эпохи Среднего Прииртышья: от позднего палеолита до нового времени. Наиболее представительны коллекции раннего железного века и Средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федотова И.В. Археологическая коллекция музея ЗСОИРГО // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2013. – №18.

2. Путинцева И. В. Каталог археологических коллекций, собранных В. П. Левашевой во время ее деятельности в Западно-Сибирском краевом музее (1926–1929 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2008. – № 14.

3. Свиридовская О. Н. Конец «золотого десятилетия» омского краеведения (20-е гг. XX в.) // Электронный век и музеи: материалы Междуна-

родной научной конференции и заседания Сиб. фил. науч. совета ист. и краевед. музеев при Мин-ве культуры РФ «Роль научных исследований в модернизации фондовой и экспозиционной деятельности историко-краеведческих музеев», посвящ. 125-летию Омского государственного историко-краеведческого музея / Научный редактор П. П. Вибе. – Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 2003.

4. Конигов Б. А. К истории формирования археологического фонда Омского государственного историко-краеведческого музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 1998. – №6.

5. Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омска // Известия Омского отдела географического общества СССР. – Омск, 1960.

6. Татауров С. Ф. Воеводская усадьба города Тары: реконструкция и интерпретация // Вторые Ядринцевские чтения: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны (Омск, 29–30 октября 2014 г.) / Под ред. П. П. Вибе, Т. М. Назарцевой. – Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 2014.

7. Матвеев А. В., Трофимов Ю. В. Результаты археологической деятельности ОГИК музея в 1998–2003 гг. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2003. – №10.

8. Беликова Н. В. Предварительные результаты разведочных работ на I Омской крепости // Третьи Ядринцевские чтения: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Омска. – Омск, 2015.

9. Конигов Б. А. Фонд археологии Омского государственного историко-краеведческого музея: каталог. – Омск, 2003.

Шелегина Ольга Николаевна,

*доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск,
e-mail: oshelegina@yandex.ru*

Запорожченко Галина Михайловна,

*доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск,
e-mail: galinacoop@yandex.ru*

НАУЧНЫЙ ТОПОС КАК ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ ОСВОЕНИЯ НАСЛЕДИЯ

В статье представлены результаты изучения процессов освоения наследия в научных топосах (Новосибирский Академгородок, наукоград Бийск). Выделены социокультурные комплексы, маркирующие научную идентичность этих территорий. Отражены новационные подходы к освоению наследия, создающиеся в Институте истории СО РАН.

Ключевые слова: научный топос; пространственная модель освоения наследия; Новосибирский Академгородок; наукоград Бийск; Институт истории СО РАН.

SCIENTIFIC TOPOS AS A SPATIAL MODEL OF THE DEVELOPMENT OF HERITAGE

Shelegina Olga Nikolaevna,

*doctor of Historical Sciences, leading researcher, Institute of History SB RAS,
Novosibirsk,
e-mail: oshelegina@yandex.ru*

Zaporozhchenko Galina Mikhaylovna,

*doctor of Historical Sciences, leading researcher, Institute of History SB RAS,
Novosibirsk,
e-mail: galinacoop@yandex.ru*

The article presents the results of a study of the development of heritage in a scientific toposes (Novosibirsk Akademgorodok, Biysk). Selected socio-cultural complexes marking the scientific identity of these territories. Reflected innovative approaches to the development of heritage in the Institute of history of SB RAS.

Key words: scientific topos; a spatial model of the development of heritage; Novosibirsk Akademgorodok; Biysk, Institute of History SB RAS.

В современный период одной из актуальных социокультурных тенденций является процесс перехода от актуализации наследия к его освоению. В Институте истории СО РАН, коллективном члене Международного совета музеев (ICOM), сектором «Музей СО РАН» в рамках проекта «Социокультурное наследие Сибири: традиции и новации» проводится междисциплинарное исследование пространственной модели освоения регионального наследия. С учетом опыта реализации проекта «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе», применения метода «включенного наблюдения» изучались районы с регионально-локальной научной идентичностью, появившиеся во второй половине XX в. – Новосибирский Академгородок и микрорайон «АБ» Федерального научно-производственного центра (ФНПЦ) «Алтай» г. Бийска. Были выделены социокультурные комплексы, маркирующие наследие научного топоса: мемориально-монументальный (памятники и мемориальные доски, посвященные выдающимся ученым и гражданам), музейный (музеи и объекты музейного значения), топонимический (отражение научного профиля в названиях улиц и объектов); интеллектуально-досуговый (образы и содержание деятельности объектов социокультурной сферы); экологический (ландшафтно-природные зоны), креативный (арт-объекты с научной символикой). Установлено, что их формирование и развитие обусловлено динамикой и интеграцией деятельности государственных органов, академических и ведомственных структур, общественной инициативы граждан. Так, в Бийске, самом крупном наукограде России, в микрорайоне ФНПЦ «Алтай» имеется ряд объектов, отражающих специфику данного научного топоса, связанного с развитием оборонной и космической промышленности: масштабные образцы техники, памятники монументального искусства, Дом технического творчества молодежи, Дворец спорта, Дворец культуры, Планетарий, Музей космонавтики, экологическая зона «Городской лес». Целесообразным было бы присвоение этой территории номинации «Известного района города».

Топос Академгородка – это не только историческое место, связанное с организацией Сибирского отделения Российской академии наук, но и форма креативной среды жизнедеятельности, определенное «культурное высказывание», сложившееся во второй половине XX – начале XXI вв. Общественным признанием и подтверждением этого служит придание в 2014 году Новосибирскому Академгородку официального статуса достопримечательного места регионального значения.

Музейная инфраструктура (15 музеев и музейных объектов) является одним из важных факторов соответствия Академгородка названному официальному статусу. В Институте истории СО РАН формируется новационное экспозиционно-выставочное пространство с дизайн-контентом, базирующимся на основе топографического принципа, имитирующего топос Академгородка. Доминантой является «Проспект Лаврентьева – самая умная улица мира» (по версии книги рекордов Гиннеса). Экспозиционные модули институтов находятся в соответствии с их геолокацией и наполняются экспонатами при непосредственном участии сотрудников институтов в период значимых социокультурных акций: День Российской науки, Фестиваль науки Новосибирской области, «Ночь в музее». Проект «История сибирской науки в лицах» с использованием электронных архивов СО РАН, мемориальных комнат ученых в институтах Новосибирского научного центра, осуществляемый на основе партисипативных технологий, является ресурсным для пространственной модели освоения наследия научного топоса.

В настоящее время важное значение имеет сохранение традиций Академгородка и органичное представление его наследия в соответствии с современной концепцией развития Новосибирского научного центра как Центра Науки – Образования – Инноваций. Олицетворением настоящего и будущего научного топоса становятся Выставочный центр СО РАН, новый комплекс Новосибирского национального исследовательского университета, Технопарк. В данной ситуации необходимо создание новых коммуникационных подходов к музейной аудитории, российским и зарубежным посетителям Академгородка как достопримечательного места Сибирского региона.

В целом следует признать перспективность развития на основе научных топосов пространственной модели освоения наследия, позволяющей осуществлять эффективный переход к геобрендингу территорий.

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ:
СОХРАНЕНИЕ, ИЗУЧЕНИЕ,
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ**



Агабекян Елишка Бержиковна,

*научный сотрудник, Лянторский хантыйский этнографический музей,
Лянтор, Югра, Ханты-Мансийский автономный округ,
e-mail: lyantorhm@yandex.ru*

ФЕНОМЕН КРАЕВЕДА. СУББОТИН АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ

В статье рассказывается о становлении лянторского музея и о старожиле, великом умельце и труженике, который внес огромную лепту в развитие национальной культуры города.

Ключевые слова: краевед; таксидермия; музей.

Aghabekyan Eliska Berzhikovna,

*The Researcher of the Lyantor's museum,
Lyantor city, Khanty-Mansi Autonomous district,
e-mail: lyantorhm@yandex.ru*

**THE PHENOMENON OF THE STUDENT OF LOCAL LORE. SUBBOTIN
ANATOLY NIKOLAYEVICH. A BRIEF ANNOTATION**

This article is devoted to the formation of the Lyantor's museum and to old resident, the greatest skilled craftsman and toiler who made his contribution in the development of the national culture of the town.

Key words: the student of local lore, taxidermy, museum.

Муниципальное учреждение культуры «Лянторский хантыйский этнографический музей» на сегодняшний день – главная достопримечательность и визитная карточка города.

Официальной датой создания Лянторского хантыйского этнографического музея считается ноябрь 1989 г.



Первое здание музея. г. Лянтор, 1990-е гг.

Но история его образования началась гораздо раньше. В 80-е годы Александр Михайлович Куликов, гражданин Эстонии, работник треста «ЭстСургутстрой», стал буквально «откапывать» из-под земли старые вещи и предметы быта ханты. В 1982 г. на территории эстонского поселка на базе культурно-оздоровительного центра треста «ЭстСургутдорстрой» была представлена первая экспозиция предметов материальной и духовной культуры пимских хантов. Они и стали впоследствии первыми экспонатами музея. В 1988 г., уезжая в Эстонию, Куликов передал свою коллекцию из 22 предметов культурно-спортивному комплексу поселка Лянторский. Имя Александра Михайловича Куликова занесено в библиографический словарь «Ученые и краеведы Югры».

Вопрос об организации музея решился только в 1989 г. При непосредственном участии хантынского писателя, народного депутата СССР Еремея Даниловича Айпина, в решении вопроса о финансировании строительства здания Сургутский райисполком выделил средства для строительства. Строители культурно-оздоровительного центра треста «ЭстСургутдорстрой» в кратчайшие сроки построили здание для музея – небольшой домик эстонского проекта типа «мини-прият».

В 1992 г. началось строительство II и III очереди здания музея (новые выставочно-экспозиционные площади) по проекту эстонского архитектора Юохана Паулса. В 1993 г. новое здание было введено в эксплуатацию. Началась работа по обустройству музея. Параллельно шла работа по созданию постоянной экспозиции. Серьезную помощь в этом оказал и Анатолий Николаевич Субботин, местный краевед. Всю свою сознательную жизнь он прожил в поселке Пим. Последние годы посвятил изготовлению чучел птиц и животных, и в этом ремесле не было ему равных.



Субботин Анатолий Николаевич

Субботин Анатолий Николаевич. Это имя знакомо каждому жителю Лянтора. Охотник, рыболов, краевед, человек, влюбленный в северный край, ставший ему второй родиной, он оставил большой след и неизгладимую память о себе на этой земле.

Анатолий Субботин родился 10 февраля 1929 г. в г. Серове Свердловской области в семье рабочих. В Сургутский район переехал в 1958 г., сначала в поселок Покур, потом в Тундрино, а 1964 г. у в поселок Пим. Он был первым из некоренных жителей поселка Пим, который принимал участие в его строительстве. Полюбил здешнюю природу, суровый край. Основной работой была ловля рыбы. Рыбачил, пристрастился к охоте. Да и была она в то время особенная: никто не запасал зверя впрок – добывали ровно столько, сколько требовалось на пропитание и изготовление одежды. Горячо полюбив природу Севера, Анатолий Николаевич скрупулезно и умело создавал домашний

музей фауны нашего края. Занимаясь рыбным промыслом, увлекаясь охотой, стал изготавливать чучела животных, птиц, рыбы, шаг за шагом постигая секреты тонкого кропотливого дела – таксидермии.

Первым его предметом таксидермии стало чучело медведицы. Одним весенним днем он, по воле случая, оказался в поселке единственным мужчиной с ружьем. Услышав тревожные голоса женщин, вышел из дома узнать, что случилось. Оказалось, что в сушившихся рыбачьих сетях запуталась голодная медведица, она была очень агрессивна и представляла смертельную опасность для женщин и детей. Охотнику ничего не оставалось, как убить медведицу. И вдруг под ноги ему кинулись темные комочки, это оказались детеныши убитой им медведицы.

Сердце охотника защемило от жалости, но в той ситуации с разъяренной медведицей по-другому он поступить не мог. А некоторое время спустя он обработал шкуру животного – сделал чучело. В дальнейшем, советуясь с местными жителями, добавляя свое, будучи творческой натурой, стал изготавливать чучела животных и птиц, а также собирать предметы быта.

В долгие зимние вечера мастерил безо всякой цели чучела мелких зверей, после стал собирать по особям. Надолго уходил в тайгу, научился ничего не бояться. Да и от природы не был суеверен, спал в лесу, кормился ягодами, кореньями.

Когда он возвращался в свой дом, его со всех сторон обступали трофеи: собраны были все виды сов, филинов, крохалея. Чуть позже были изготовлены более крупные представители фауны: чучела росомахи, лося, оленей. А несколько барсуков, лисы и дикие гуси жили в домашнем хозяйстве около пяти лет.

Постепенно он изучил близлежащие и дальние озера и реки: Кутун-Тор, Вача-Ягун, Окуреки-Ягун и наш Энтель-Лор, что в переводе с языка ханты дословно означает «мелкая поварешка», нет воды, мель, одним словом. Потом это слово превратилось в искаженное Лянтор.

Природа щедро отдавала свои дары – всего было вдоволь: олени стада насчитывали до 3 000 голов, мясо и рыба были дешевыми. Субботин изучил у ханты все премудрости их быта.

Коллекция незаметно настолько расширилась, что пришлось для экспонатов соорудить пристройку и создать в доме своеобразный музей. В дом приходили сельчане на экскурсию. Двери его дома всегда были открыты для всех почитателей природы, родного края и, конечно же, для местных ребятишек. Так возникла мысль подарить все местному музею – природа скудеет, пусть хоть сохраняются редкие экземпляры животных. «Цивилизация съела первозданную красоту этого края. Но я верю, что когда-то

иссякнет здесь нефть, и люди покинут этот город. Природа-матушка залечит свои раны, зарастут они дивным лесом, который я так люблю. А я вот скоро сам сольюсь с природой и стану ее частичкой...».

Он безвозмездно передал в дар музею солидную коллекцию чучел зверей, птиц и рыб в количестве 150 экземпляров.

Неугомонный старожил Субботин оказывал огромную бескорыстную помощь музею в проведении научных исследований территории близ Лянтора. Будучи уже нездоровым, Анатолий Николаевич планировал совершить экспедиционные акции вглубь тайги. Ему хотелось как можно больше успеть сделать для своего города. Он мечтал показать работникам музея, где расположены памятники – места проживания древних людей. Но 19 июля 1995 г. внезапно оборвалась жизнь Анатолия Николаевича.

Субботин Анатолий Николаевич, старожил, великий умелец и труженик, внес огромную лепту в становление и развитие национальной культуры города.

Имя Субботина Анатолия Николаевича занесено в книгу Памяти и Почета города Лянтора, в библиографический словарь «Ученые и краеведы Югры».

Акелькина Елена Алексеевна,
*доктор филологических наук, профессор, директор,
Омский региональный научно-исследовательский
Центр изучения творчества Ф. М. Достоевского,
Омск,
e-mail: fmdoctocentr@yandex.ru*

ДИАЛОГ Н. М. ЯДРИНЦЕВА С Ф. М. ДОСТОЕВСКИМ

Статья анализирует работу Н. М. Ядринцева «Достоевский в Сибири», описывает влияние великого писателя на провинциального автора. Ядринцев изучает главную для Сибири книгу Достоевского «Записки из Мертвого дома».

Ключевые слова: статья; Н. М. Ядринцев; Достоевский в Сибири; «Записки из Мертвого дома»; школа высшего гуманизма.

Akelkina Elena Alekseevna,
*Doctor of Philology, Professor, Omsk Regional Research Center for Study of
Creativity FM Dostoyevsky,
Omsk,
e-mail: fmdoctocentr@yandex.ru*

DIALOGUE N.M. YADRINTSEV WITH F.M. DOSTOEVSKY

The article analyzes Nikolai Yadrintsev's work «Dostoevsky in Siberia», describes the influence of this great writer on the provincial author. Yadrintsev studies Dostoevsky's main book for Siberia «Notes from the Dead House».

Keywords: article; Nikolai Yadrintsev; Dostoevsky in Siberia; Notes from the Dead House; School of Higher Humanism.

*В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России, –
Там вековая тишина.*

Н. А. Некрасов

Заметка известного литератора, идеолога сибирского областничества Николая Михайловича Ядринцева «Достоевский в Сибири» относится ко времени после заключения ее автора в омском тюремном замке (1865–1867 гг.). Работа эта была завершена к зиме 1881 г., в ней начинает Ядринцев свой культурный диалог с Достоевским, во многом предвосхитивший отдельные черты современного понимания великого писателя и в чем-то опередивший свое время. Через год после смерти Достоевского в «Отечественных записках» была напечатана статья Н. К. Михайловского «Жестокый талант», целью автора было убедить читателей в том, что «жестокость и мучительство всегда занимали Достоевского», что он «возвеличивает страдание». С помощью публицистических штампов и ярлыков автор надеялся уменьшить влияние известного писателя на молодежь. Отчасти ему это удалось.

На этом культурном фоне особо значимой предстает точка зрения Н. М. Ядринцева, справедливого заметившего «широкое нравственное значение веры в человеческую личность», утверждаемую произведениями Достоевского. Ядринцев одним из первых отметил, что именно опыт сибирского десятилетия сформировал Достоевского как великого писателя и мыслителя, проповедника «человеколюбия, любви и милосердия».

Стоит отметить, что Н. М. Ядринцев в очерке-портрете «Достоевский в Сибири» создал новую модификацию биографического жанра, органично соединяющую элементы воспоминаний, эссе, обзора, творчества и публицистической статьи. Подобный жанр портрета станет актуальным на рубеже XIX–XX вв. (А. М. Горький «Портреты», К. И. Чуковский «Современники», А. В. Луначарский «Силуэты»).

Открывается статья большой цитатой интроспективного характера из «Записок из Мертвого дома». Вполне в духе XIX века Ядринцев отождествляет Достоевского и основного рассказчика «Записок» А. П. Горяничкова, приписывая его чувства и реакции писателю. Тогда отсутствие принципов целостного анализа художественного произведения, которые сформируются в начале XX века, помешали увидеть дистанцию между автором произведения и рассказчиком, для которого Достоевский неслучайно выбрал обычного дворянина «белкинского» типа.

Важно другое. Несмотря на приравнивание переживаний писателя и его персонажей, Ядринцев интуитивно почувствовал жизнеутверждающий пафос повествования «Записок», позволяющий преодолеть влияние «Мертвого дома». И речь здесь идет не только о жалости и сострадании автора, но и о расширении сознания читателей, позволяющем увидеть лучшие качества сильных и даровитых натур из народа.

После открывающей статью цитаты из «Записок» Ядринцев, хоть и приписывает чувства рассказчика-персонажа Достоевскому, но показывает, как из сочувствия и сострадания обитателям острога рождается понимание силы и слабости народного мира. Автор статьи нигде не упоминает об эпической природе «Записок из Мертвого дома», но косвенно передает эту коллективную одушевленность рассказа о каторге.

«Целый мир открывается здесь для чуткого сердца, личное горе было забыто, оно было бы слишком мелко и эгоистично и тонуло в море общечеловеческого несчастья. Здесь явилась и пробудилась у него мысль явиться изобразителем этой ужасной действительности, быть единственным ходатаем-заступником среды. <...>

Чтобы изменить старые укоренившиеся воззрения, перевернуть чувства, <...> и вселить любовь и мир вместо прежней ненависти, нужно много таланта, много силы» [1, с. 398], – замечает Ядринцев.

Умело соединяя мысль, рассуждение с воспоминаниями о пережитом, а также передавая свое восприятие произведения Достоевского и отношение к нему своих единомышленников, Ядринцев показывает изменение сознания передового общества и пробуждение в нем деятельной гуманности.

«Все знают, что издание «Записок из Мертвого дома» совпало с переломом в русской жизни, расширило мирозерцание общества и провело новую идею в художественных образах. Это идея спасения погибающих, идея сострадания, любви, идея умиротворения, которая должна была войти в кровь и дух создающейся жизни» [4], – писал Н. М. Ядринцев. В отличие от Михайловского Ядринцев понимает, что Достоевский не просто изображает страдание свое и других каторжников, а лично пережитая беда тюремного заключения становится для него источником прозрения, источником обретенной истины и самосозидания. Сопряжение же своих испытаний с жизнью и судьбой других арестантов никогда не оставляет писателя, углубляет его понимание личности, творчества, свободы. Ядринцев видит, что память о прошлых впечатлениях Мертвого дома заставляет Достоевского ощущать страдания народа как свои, и в этом кроются его демократизм и не оставлявшая его никогда энергия борьбы со злом невежества, бессознательности.

Взгляните на этих несчастных, – пишет Ядринцев как бы от имени Достоевского, – страданье не отжило свой век на свете, последнее слово милосердия еще не сказано!» [4]. Привлекает автора статьи и восхищение Достоевского цельностью души и даровитостью людей из народа. Сила предвидения будущего развития России писателем тоже отмечена Ядринцевым. Правда, Ядринцев более идиллично воспринимает

пореформенную эпоху и время Лорис-Меликова, Достоевский же видит в переходности своего времени начало и источник будущих социальных катастроф.

Н. М. Ядринцев первым из сибирских литераторов считал «Записки из Мертвого дома» главным судьбоносным произведением в творчестве писателя, ведь в нем увидено предназначение народа и надежда на лучшее будущее России.

Есть в диалоге Ядринцева с Достоевским и момент ученичества, попытка понять двойственность и противоречивость собственного развития страны. С нравственного беспокойства и милосердия начинается самосознание народа. Симптоматично, что, пройдя путь, схожий с судьбой Достоевского-арестанта, каторжника, Ядринцев открывает светлую доминанту творчества великого писателя, надеющегося на способности народа к самосознанию.

Современные исследователи [1, 2, 3] творчества Достоевского, анализируя «Записки из Мертвого дома», прочитывают книгу как духовное путешествие Горянчикова, его приобщение к народному мировосприятию. Взаимодействие разных субъектных сфер (точки зрения рассказчика, каторжной молвы, устных рассказов и т. д.) реализует изображение истории становления живой души Горянчикова. Совершается это становление по мере постижения рассказчиком плодотворных основ народного бытия, явленных в быте Мертвого дома. Это и духовное самопознание Горянчикова, и постижение им народной стихии. Так происходит преодоление калечащего влияния Мертвого дома.

В эпизодах, описывающих встречи с Достоевским, Ядринцев неслучайно говорит о себе как о «последователе писателя», как о «собрате по духу и по судьбе», продолжающем исследование Сибири.

Переда нами одна из первых статей сибирского автора о Достоевском, она была написана сразу после смерти писателя, а опубликована в «Сибирском сборнике» 1897 года, через пять лет после ухода Ядринцева из жизни. Вопреки идейным спорам и полемической борьбе в столицах, эта публикация Н. М. Ядринцева глубоко концептуальна своим вниманием к главному, сущностному. Впервые в статье убедительно показана роль сибирского десятилетия в творческом развитии Достоевского, уникальность места «Записок из Мертвого дома» в его творчестве, позитивный жизнеутверждающий пафос авторской позиции в этой книге, определенно живое и сильное воздействие «Записок» на читателей, которые «проходят школу высшего гуманизма», а также это произведение осмыслено Ядринцевым как книга о народе, о его судьбе и о его огромном духовном потенциале.

Все цитаты из «Записок» в статье Ядринцева дают представление о «светлом» Достоевском, с глубоко христианской позиции «осветившим эти пропасти» острога. Здесь Ядринцев совпадает с оценкой Л. Н. Толстого: «Не знаю лучшей книги из всей новой литературы <...> Не тон, а точка зрения удивительна: искренняя, естественная и христианская» [5, с. 67].

Знаменательно, что именно писатель-областник Н. М. Ядринцев наиболее верно и глубоко понял значение сибирского периода для творческого становления Достоевского и сумел оценить всечеловечность его великой книги о России – «Записок из Мертвого дома».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акелькина Е. А. «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: формирование поэтики очеркового повествования (1840–1860-е годы): монография. – Омск, 2007.
2. Лакшин В. Я. Биография книги. – М., 1979.
3. Селезнев Ю. И. В мире Достоевского. – М., 1980.
4. Ядринцев Н. М. Достоевский в Сибири // Сибирский сборник. – 1897. – Вып. IV. – СПб., 1897.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. – 1883. – Т. 1.

Ахметова Шолпан Камалидиновна,
*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук,
Новосибирск,
e-mail: ack-sholpan@yandex.ru*

**ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАХОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ***

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

В статье рассматривается влияние исторической памяти как проявление социальной памяти посредством сохранения и передачи из поколения в поколение воспоминаний об исторических событиях и героях прошлого на формирование этнической идентичности казахов Западной Сибири. Раскрывается влияние на казахское население Западной Сибири потомков мусульманских миссионеров, способствовавших в дореволюционный и советский периоды истории не только поддержанию религиозных традиций в этой этнической среде, но и конструированию веры в общее происхождение через создание генеалогических мифов.

Ключевые слова: казахи Западной Сибири, историческая память, социальная память, этническая идентичность.

Akhmetova Sholpan Kamaladinovna,
*Candidate of historical sciences, senior researcher,
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Novosibirsk,
e-mail: ack-sholpan@yandex.ru*

**INFLUENCE OF SOCIAL MEMORY FOR FORMATION OF ETHNIC
IDENTITY OF KAZAKH OF WESTERN SIBERIA**

The article examines the influence of historical memory, as a manifestation of social memory, by preserving and transmitting from generation to generation

memories of historical events and heroes of the past, on the formation of the ethnic identity of the Kazakhs of Western Siberia. The influence of the descendants of Muslim missionaries on the Kazakh population of Western Siberia, who helped pre-revolutionary and Soviet periods of history not only to maintain religious traditions in this ethnic environment, but also to build faith in a common origin through the creation of genealogical myths.

Key words: Kazakhs of Western Siberia, historical memory, social memory, ethnic identity.

Социальная память является основным способом самоидентификации, как общности, так и личности. Однозначного определения этого термина нет. В научной литературе распространены такие понятия, как «социальная память», «историческая память», «культурная память», «коллективная память», «нравственная память», «индивидуальная память». По мнению некоторых исследователей, историческая память является проявлением социальной памяти [1, с. 11, 10]. Связующим звеном, объединяющим социальную и историческую память, выступает человечество в целом, как носитель исторической, нравственной и социальной памяти [1, с. 11].

Социальная память становится заложницей идеологических интерпретаций, оказывая влияние на формирование самоидентификации личности. При этом социальная память включает в себя лишь то, что разделяется всеми, придавая социальной общности целостность в виде общего, коллективного прошлого, интегрирующего отдельные воспоминания в единую картину. Исследователи подчеркивали значимость идеи общего происхождения и общих предков для развития чувства сплоченности и солидарности в настоящем. В больших социальных группах, где не может быть реального родства, общее происхождение конструируется через создание генеалогических мифов. Вера в общее происхождение является важнейшим условием существования этнической группы [2, с. 43, 46; 3]. Одним из подтверждений этому является влияние на казахское население Западной Сибири потомков мусульманских миссионеров, способствовавших в дореволюционный и советский периоды истории поддержанию религиозных традиций в этой этнической среде. Их стараниями в казахских шежере к тюркским именам мифических общих предков были приставлены мусульманские приставки «кожа» и «сопы» [4, с. 482–483].

Казахские шежере трактовали историю сквозь призму родовых отношений, субъектами которых являлись не только современные поколения

общинников-родственников, но и все реальные или вымышленные предки, победоносно защитившие ел от бесчисленных нападений врагов и тем самым обеспечившие благополучие и процветание рода [5, с. 24]. Коллективная память казахов Омской области содержит негативно окрашенные образы событий казахско-джунгарской войны. При исследовании шежиры обращает внимание, содержащиеся во многих генеалогиях кипчакских родов легенды о батырах, отличившихся в этой войне.

В ауле Каразюк (искаж. Қара Өзек) Нововаршавского района живут кулан кыпшақ – потомки батыра Қошқарбая, полководца хана Абылая. Согласно материалам экспедиции по обследованию киргизского землепользования в Омском уезде 1901 года Қошқарбай-батыр, вытеснив джунгар и остяков, занял место на Иртыше против поселка Черлаковского в начале XVIII в.¹ В конце 50-х годов XVIII в. хан Абылай пытался вернуть земли в верховьях Иртыша и на Тарбагатае. Проблемы не удалось решить дипломатическим путем². В 1758 г. в верховья Иртыша были отправлены батыры Барак и Қошқарбай. Вернувшись с похода с трофеями и большим количеством пленников, на следующий год Қошқарбай снова отправился в Горный Алтай. Батыр, преодолевая вооруженное сопротивление алтайцев, сумел пробиться к Катунь и выйти к Бийску. Отряд его вернулся с пленниками, по данным алтайцев сам Қошқарбай и один из его сыновей были убиты в этом походе, а другие сыновья ранены³. Однако, по словам родственников батыра, он погиб в 1760 г. в Барабинских степях. Известна могила Қошқарбая в Актогайском р-не Павлодарской области. Местные жители знали, что в ней покоится прах известного батыра из рода кулан кыпшақ.

В вышеприведенных данных также упоминается о смерти одного из сыновей батыра Қошқарбая, возможно это был батыр Қонай. В экспедиции 2008 г. от местных жителей в Экибастузском районе Павлодарской области мы впервые услышали о могиле батыра Қонай – сына батыра Қошқарбая в Шыдырты. В ауле Қара Өзек Нововаршавского района Омской области, где живут потомки батыров, об этом знали.

¹ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. – Омск, 1902. – Т. XI. – С. 25.

² История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. – Алматы: Атамұра, 2000. – Т. 3. – С. 250.

³ Октябрьская И. В. История устная и письменная. Опыт межэтнических контактов народов Алтая сквозь призму фольклора // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф.: вып. 5. – Барнаул, 2003. – С. 57.

Согласно шежире у Қошқарбая, сына Сағалая было 16 детей, из которых 12 сыновей. Самые прославленные из них батыры Котен и Қонай родились от разных матерей. На родовом кладбище аула Қара Өзек похоронен батыр Бұқарбай, внук Қоная. Также как их отец и прадед, они отличились в казахско-джунгарской войне¹.

В ауле Караман живут кыпчаки родов ожралы и сағал, прямым предком которых является Түгел батыр, согласно информации, полученной от местных жителей, поднявший сородичей на борьбу с джунгарами². В материалах по обследованию Омского уезда упоминается, что предки их пришли с Қара Тау из Туркестана в начале XVIII в.³

Согласно шежире Бастами Алдыбай-улы из аула Бузан его род происходит от Сары – брата Өтел батыра, прославившегося, как и другие кыпчакские батыры Омской области, своей отвагой в войне с джунгарскими захватчиками. О значимости его личности свидетельствует, переписанная много лет назад Бастами Алдыбай-улы у 80-летнего старика Кайыржана Игликова, песня-плач Бухара-жырау, которой он сообщил хану Аблаю о смерти Өтел батыра.

Уа, Аблай, Аблай, хан Аблай!
Бакыттың устем болсын бұрынғыдай.
Тәңірімнің ісіне пенденің барма шарасы?
Елінді жаудан қорғаған⁴.
Ер Толектің баласы
Өтел батыр отгы дүниеден
Қазақтың асқан данасы.
Бұл аңыз тоқта ауылында.

Передаваемая по вертикали историческая информация эмоционально поддерживает и укрепляет дух молодого поколения, развивая гордость и интерес к истории своего рода и этноса, тем самым способствуя укреплению этнической идентичности. Таким образом, можно констатировать определенное влияние исторической памяти как проявления социальной памяти, посредством сохранения и вертикальной передачи из поколения в

¹ Материалы МКАЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН, 2008–2009 гг.

² Материалы МКАЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН, 2007 г.

³ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. – С. 25.

⁴ Материалы МКАЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН, 2009 г. – С. 25.

поколение воспоминаний об исторических событиях и героях прошлого на формирование и сохранение этнической идентичности казахов Западной Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметшина А. В. Понятие «историческая память» и ее значение в современном российском обществе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам XXXVIII междунар. науч.-практ. конф. – № 6 (38). – Новосибирск, 2014.
2. Давлетшина Д. Г. Социальная память как основа нравственности человека: автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Уфа, 2006.
3. Васильев А. Г. Культурная память: забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: коллективн. моногр. / Новый ин-т культурологии; отв. ред. Н. А. Кочеляева. – М., 2015.
4. Ахметова Ш. К. Роль элит в формировании этнической идентичности казахов Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2015. – Т. XXI.
5. Алимбай Н. Шежире как фольклорная историография (особенности казахского шежире как исторического источника). Предварительные заметки // Казахи России: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. (20–22 мая 2009 г., Омск): в 2 т. – Омск, 2010. – Т. 2.

Бродский Илья Ефимович,
*председатель совета «Память»,
Омский филиал Российского фонда культуры,
Омск*

Наумов Сергей Сергеевич,
*аспирант кафедры современной отечественной
истории и историографии,
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,
Омск,
e-mail: naumov_s_s@mail.ru*

ИЗ ИСТОРИИ СТАРО-СЕВЕРНОГО МЕМОРИАЛЬНОГО КЛАДБИЩА ОМСКА

Статья посвящена истории мемориального кладбища Омска, возникшего в годы Великой Отечественной войны. Авторы уточняют время создания, местонахождение, внутреннюю планировку, обстоятельства наименования кладбища, фиксируют основные вехи истории некрополя. Выделены специфические черты Старо-Северного кладбища, как «военного» и «номенклатурного» погоста.

Ключевые слова: Старо-Северное кладбище; некрополь; захоронения; памятник; скульптура.

Brodsky Ilya Efimovich,
*chairman of the board «Memory»,
Omsk filial of the Russian Fund of culture,
Omsk*

Naumov Sergey Sergeevich,
*graduate student of the Department of modern Russian history and
historiography,
Omsk state University of F.M. Dostoevsky,
Omsk,
e-mail: naumov_s_s@mail.ru*

FROM THE HISTORY OF OLD-NORTH MEMORIAL CEMETERY IN OMSK

The article is devoted to the history of the memorial cemetery of Omsk, which arose in the years of the Great Patriotic war. The authors clarify the time of creation, location, internal layout, circumstances of the name of the cemetery, fix the main milestones in the history of the necropolis. The specific features of the Old-North cemetery, as a «military» and «nomenclature» churchyard are identified.

Keywords: Old-North cemetery, necropolis, tombstone, monument, sculpture.

Почетный омский некрополь расположен на северо-западной окраине Центрального округа, на пересечении улиц Орджоникидзе и 36-й Северной. Последняя ограничивает место погребения с юго-восточной стороны. С юго-запада – жилая застройка. С других сторон – зеленая зона¹. Есть городской адрес: ул. Орджоникидзе, 289.

Когда возникло кладбище? По словам старожилов, здесь начали предавать земле покойников в 1937 г. Есть основания полагать, что это были расстрелянные по приговорам НКВД. Дата официального открытия Старо-Северного кладбища – 1942 год.

Рядовых и офицеров – участников Великой Отечественной войны, скончавшихся в госпиталях города, а также эвакуированных рабочих и омичей хоронили на всех кладбищах Омска. Но основным местом погребения в 1941 г. было Казачье кладбище, а с 1942 г. – Северное.

На аллеях кладбища спят вечным сном почетные граждане Омска и области, почти все омичи – Герои Советского Союза, Герои России, Герои Социалистического труда, кавалеры орденов Славы, погибшие в Афганистане и Чечне. Из 15 участков кладбища 4 – это участки для так называемых почетных захоронений. Три имеют свои собственные названия: Аллея Малунцева (в честь похороненного на этой аллее первого директора Омского нефтезавода А. М. Малунцева), Воинская аллея № 1 и Воинская Аллея № 2.

Стоит отметить, что существуют различные варианты наименования кладбища. Изначально оно называлось просто Северным. Но в 1969 г. в районе Пушкинского тракта было открыто новое городское кладбище, получившее название Северо-Восточное. Так в Омске появилось два «северных» некрополя: старый и новый. С того времени Северное кладбище стали называть «Старо-Северным». В 2000 г., когда кладбище получило

¹ Омск. Атлас. Город, улица, дом. – Омск, 2005. – С. 39.

статус мемориального, оно стало официально именоваться «Старо-Северное мемориальное кладбище». Но иногда на страницах периодической печати можно встретить название «Северное военное кладбище». Это не совсем правильно. Однако данная неточность возникла не случайно. Один из участков Старо-Северного кладбища имеет прямое отношение к воинским захоронениям.

А. Ф. Палашенков в свое время отмечал: «По левой стороне центральной аллеи Северного кладбища расположено Военное кладбище, расчлененное асфальтированными и оплиткованными дорожками в шесть озелененных рядов... Ряды могил, каждую из которых венчает деревянный кверху суживающийся четырехгранный столбик-обелиск со звездой наверху» [5]. Об этой части некрополя стоит рассказать более подробно.

Участок, где в 1942–1946 гг. предавали земле участников Великой Отечественной войны и названный первоначально Военным кладбищем, именуется теперь Солдатским пантеоном. Сюда мы попадаем через арку (установлена в 1996 г.), напоминающую часовню¹. На арке крупными буквами выведено: «Помнит мир спасенный».

Всего на Старо-Северном кладбище было похоронено около 700 солдат, умерших в госпиталях Омска в 1942–1946 гг. На могилах были установлены деревянные памятники в форме пирамид, увенчанных звездой. Позже вместо деревянных обелисков были установлены новые надгробия. В настоящее время погребения представляют собой несколько ровных рядов с установленными бетонными плитами. На каждой из них выбиты имена умерших, их воинские звания, а также годы жизни и места рождения.

В 1950-е гг. на участке, с западной стороны примыкающем к пантеону, было выделено несколько рядов для захоронения омичей – Героев Советского Союза. Тогда же на центральной аллее Солдатского пантеона был установлен бетонный памятник в честь солдат, павших в боях самой кровопролитной войны XX века. На четырехгранном невысоком постаменте возвышалась стела с лепными фигурами на переднем плане. На лицевой стороне стелы – большой венок и надпись: «Вечная слава героям, павшим в боях за Родину». Справа и слева от стелы лепные фигуры: воина с автоматом на груди с обнаженной головой, в левой руке каска, правая лежит на венке, на плечах плащ-палатка, и молодой женщины в военной форме с накинутой на плечи плащ-палаткой и винтовкой на правом плече.

¹ Реконструкция воинских захоронений на Старо-Северном кладбище проведена в 1995 году. Авторы идеи и реализации – В. И. Селюк, М. М. Хахаев, В. В. Шалак // Творчество архитектора М. М. Хахаева. – Омск, 2003. – С. 5.

Женщина возлагает венок на могилу [1, с. 146]. В 1990-е гг. памятник был снесен и вместо него установлена новая стела, большей высоты, увенчанная звездой. На вершине стелы видны цифры, обозначающие годы Великой Отечественной войны – «1941–1945». На постаменте текст: «Камни живут дольше, чем люди. Но именно люди и только люди дают бессмертие всему, чего коснется их подвиг» [2].

В мае 2015 г., в канун 70-летия Победы, стела была демонтирована (бетонные тумбы с именами солдат были временно демонтированы и отправлены на реставрацию), а на ее месте был открыт новый мемориал. Центральным элементом композиции (автор проекта – С. А. Голованцев) стало скульптурное изображение советского воина-победителя. Оно выполнено из бронзы уральского литья. По обе стороны от красноармейца расположены памятные плиты с именами 674 солдат, которые умерли от ран в омских госпиталях и похоронены на территории пантеона. Торжественное открытие нового мемориала состоялось 7 мая 2015 г.¹

В 1943 г., после Указа Верховного Совета СССР от 27 декабря о ликвидации Калмыкии как национальной республики, в Омскую область было депортировано на спецпоселение более 25 тыс. калмыков. Спецпереселенцы были лишены всех прав и жили в крайне трудных условиях. Многие умерли в первый и последующие годы [3, с. 13–16].

В 1990-е гг. на Аллее 1 Старо-Северного кладбища в память о жертвах репрессий и депортаций был установлен памятник-кенотаф – скульптура женщины, держащей в руке щит с изображением герба СССР, склонившейся над безымянной могилой, и камень, на котором выбит текст:

«Жертвам Сталинских репрессий 1943–1957

...Я знал, что мой народ
В лесах Сибири
Нашел друзей и вновь душой окреп
Средь лучших русских,
Средь щедрейших в мире,
Деливших с нами
И судьбу и хлеб
Д. Кугультинов
От калмыцкого народа».

¹ Губернатор и мэр вместе открыли мемориал на Старо-Северном кладбище Омска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://omsk.bezformata.ru/listnews/staro-severnom-kladbishe-omska/32625072/>. – (Дата обращения – 12.02.2016).

На Старо-Северном кладбище похоронены жертвы авиакатастроф: самолета, на котором в сентябре 1943 г. летели в Москву работники завода № 20 (ныне – ОАО «Омскагрегат») и военного самолета ИЛ-22, разбившегося 3 декабря 1981 г. в Читинской области.

Рассмотрим теперь хронику событий (по решениям горисполкома):

1940–1941 гг. – отвод земельного участка и проектирование,

1950 г. – благоустройство некрополя,

1957 г. – утверждена смета на ограждение¹,

1966 г. – прирезан дополнительный участок²

1968 г. – принято решение закрыть для захоронения гражданского населения,

1970 г. – благоустройство военного участка,

1998 г. – запрещены новые погребения без разрешения администрации города,

2000 г. – присвоен статус мемориального,

2002 г. – решение о резервировании земельных участков для погребения лиц, погибших при исполнении воинского долга по защите Отечества.

К середине 2000-х гг. свободных мест под захоронения на центральных, «привилегированных» участках кладбища почти не осталось. С 2006 г. по обеим сторонам главной аллеи (дорожка от участков № 1 и № 10 до участков № 7 и № 11) начинают производиться погребения людей, внесших большой вклад в историю Омска. За последние 10 лет на центральной аллее были похоронены: Герои Социалистического Труда В. И. Сидоров, В. Е. Громов, В. В. Охотников; руководители органов администрации, организаторы строительства А. И. Бухтияров, А. В. Люфт, А. Б. Калачевский; директора омских фирм, предприниматели А. Г. Жоров, В. В. Федотович; врач-нейрохирург В. А. Пирогов; доктор химических наук, профессор Р. С. Сагитуллин; писатели Л. А. Каплин, А. Н. Плетнев; художник А. А. Чермошенцев; артисты, деятели культуры Б. П. Шевченко, В. П. Зыков, А. А. Грабарь, Л. А. Вельяминова-Нюхалова, Л. И. Ермолаева, С. В. Яневская, Ю. Г. Гребень, Ю. В. Музыченко, В. М. Корфидов, А. И. Юркова, Г. В. Котов и др.

Добавим, что решения о закрытии Старо-Северного кладбища принимались с 1968 по 1985 гг. С 1986 г. разрешено подхоранивать к родным. Площадь некрополя по одним данным 28 га, по другим – 34 га. [4, с. 245–246].

В земле данного некрополя предавали погребению заключенных тюрьмы № 1, ИТК № 5. В 1940-е гг. могилы эзков представляли собой холмики с

¹ ГИАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 709. Л. 153.

² ГИАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 1758. Л. 145.

воткнутыми в них колышками с многозначной цифрой. Сегодня этих захоронений не существует. Останки перехоронены в дальнем углу кладбища без каких-либо знаков.

В 1940–1960-е гг. тут перезахоранивали с Казачьего и Шепелевского некрополей некоторых деятелей науки и культуры.

Поскольку тут нашли последний приют граждане, имеющие немалые заслуги перед Отечеством и регионом, иногда Старо-Северное сравнивают с Новодевичьем в Москве и Александро-Невской лаврой в Санкт-Петербурге¹.

В 1995 году по проекту омских архитекторов И. М. и В. А. Барановых на территории кладбища выстроен храм во имя Архангела Михаила и Новомучеников Российских. В церкви происходит отпевание. Посетители ставят свечи за упокой души².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вибе Т. К., Пугачева Н. М. Старо-Северное кладбище города Омска // Памятники истории и культуры Омской области. – Омск, 1995.
2. Мемориалы на местах захоронения воинов. Мемориал на Старо-Северном кладбище. Великому подвигу – вечная слава (памятники и обелиски Великой Отечественной войны г. Омска и Омской области) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omsklib.ru/pamyatniki/default.htm>. – (Дата посещения – 20.01.2013).
3. Назарцева Т. М. «Горькие» страницы. Депортация калмыцкого населения // Омский краевед. – Омск, 2007. – № 4.
4. Огородникова Л. И. История омских кладбищ в городском законодательстве // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. – Омск, 2004.
5. Палашенков А. Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области. – Омск, 1967.

¹ Богдыль В. Путеводитель по кладбищам // Новое обозрение. Версия (Омск). – 2001. – 12 сентября.

² Лосунов А. Вознесся купол... // Вечерний Омск. Неделя. – 2005. – 11 мая.

Генова Нина Михайловна,

*доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор,
заведующий кафедрой театрального искусства и актерского мастерства,
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,*

Омск,

e-mail: ninagenova@mail.ru

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматривается состояние культуры России после установления советской власти в октябре 2017 года. Дается переосмысление роли культурного наследия в жизни российского общества. Показаны сложность и драматизм русской культуры в период разделения ее на прогрессивную и реакционную. Утверждается воспитание нового человека и разное отношение представителей художественной культуры к пролетарской революции.

Ключевые слова: Культура России, русский авангард, социалистический реализм, духовная жизнь, культурное наследие.

Genova Nina Mikhailovna,

*doctor of Culturology, Professor,
head of the Department of theatre art and acting,
Omsk state University of F. M. Dostoevsky,*

Omsk,

e-mail: ninagenova@mail.ru

THE OCTOBER REVOLUTION AND THE CULTURE OF RUSSIA OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY

The article examines the state of Russian culture after the establishment of Soviet power in October 2017. A rethinking of the role of cultural heritage in the life of Russian society is given. The complexity and drama of Russian culture are shown in the period of its division into progressive and reactionary. The upbringing of a new man and the different attitude of representatives of artistic culture to the proletarian revolution are affirmed.

Keywords: Culture of Russia, Russian avant-garde, socialist realism, spiritual life, cultural heritage.

Русская культура начала XX века сложна и драматична. Культура России начала XX века – это неотъемлемая часть европейской и мировой культуры.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время происходит переосмысление роли и места культурного наследия в жизни российского общества и государства. В Указе Президента РФ В.В. Путина «Основы государственной культурной политики» подчеркивается, что деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории относятся к наиболее опасным для будущего России проявлениям угрозы гуманитарного кризиса¹.

Значимость исследования подтверждается статистикой и результатами социологических исследований о падении уровня культуры за последние годы основных групп и слоев населения. Это подтверждается уменьшением объема знаний в области гуманитарных наук, ориентации молодежи на образцы массовой культуры, некритичным восприятием ценностей массовой культуры, неумением оценивать продукты культурной деятельности с эстетических позиций, незнанием исторического и культурного наследия.

В октябре 1917 года был взят курс, в том числе, и на культурную революцию. Лидеры Октябрьской революции, считая ее пролетарской по сути, сделали вывод о том, что и новая культура также должна быть пролетарской. При этом они отказались признать культурную эволюцию, преемственность культурного развития в принципе. Государство, партия большевиков стали активно развивать именно пролетарскую культуру.

С этой целью была создана организация «Пролетарская культура» (Пролеткульт). Деятельность Пролеткульта отрицала культурное наследие, объявляя его буржуазным, и тем самым, наносился серьезный ущерб художественному развитию страны. По отношению к культурному наследию был провозглашен принцип «овладения» им. Достаточно вспомнить известное высказывание классика о том, что настоящим коммунистом можно стать лишь тогда, когда овладеешь всем богатством знаний, накопленных человечеством. Под «овладением» понималось прежде всего переосмысление, переоценка духовного наследия прошлого в угоду классовым интересам пролетариата.

Представители авангарда считали, что искусство не только может отражать реальную действительность, но оно может и должно преобразовать эту действительность, изменить ее, воспитать нового человека. У творческой интеллигенции 20-х годов эта тема была одной из центральных, ее разделяли многие представители русского авангарда.

¹ Основы Государственной культурной политики. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808.

Безусловно, главным носителем культуры в обществе являлась интеллигенция. Но попав в водоворот событий начала XX в. в России, российская интеллигенция не смогла повести народ в культурном развитии. Так бурно и противоречиво развивалась литература. Все, что создавалось в театральной жизни, изобразительном искусстве оставалось не всегда понятным и далеким для большинства народа России.

Всю культуру в стране разделили на прогрессивную и реакционную. Хотя, несмотря на тяготы гражданской войны, создавались новые музеи, издательства, этнографические экспозиции. В эти годы большую просветительскую работу ведет известное издательство «Всемирная литература». Социалистический реализм становится в искусстве единым государственным методом. Главной задачей искусства является создание образа положительного героя, который мог бы стать положительным примером для пролетарской молодежи. В музыке роль отражения революционного духа выполняет народная песня.

В литературе ярчайшими представителями стали В. Маяковский, В. Хлебников. Самым массовым видом искусств был и представлен кинематограф. События революции отражались в сознании людей не только через собственный опыт, но и через любимые кинокартины. Зритель, подчас не умеющий читать, воспринимал на экране иллюзию как настоящую жизнь. Историко-революционной тематике были посвящены такие фильмы, как «Мы из Кронштадта» (режиссер Е. Л. Дзиган), «Чапаев» (режиссеры – братья Васильевы), трилогия о Максиме (режиссеры Г. М. Козинцев, Л. З. Трауберг) и др. Активно работали блистательные мастера кинодокументалистики Д. Вертов, Э. Тиссэ, Э. Шуб. На театральных подмостках утвердились пьесы драматургов Н. Ф. Погодина («Человек с ружьем»), В. В. Вишневского («Оптимистическая трагедия»), и др. Лучшим театром официально был признан МХАТ, где были собраны корифеи русского театра и актеры нового поколения.

Важнейшей чертой культурной революции стало приобщение людей к искусству. Это достигалось увеличением числа театров и широчайшим распространением художественной самодеятельности. (смотри, конкурсы, фестивали).

Корифеи художественной культуры Серебряного века встретили пролетарскую революцию в расцвете творческих сил. Однако, одни избрали участь эмигрантов, боясь попасть под контроль новой власти: И. А. Бунин, А. И. Куприн, А. К. Глазунов, С. С. Прокофьев, С. В. Рахманинов, Ф. И. Шаляпин, И. Е. Репин, В. В. Кандинский, М. З. Шагал. Другие – ряд выдающихся деятелей: А. А. Ахматова, М. М. Пришвин, М. А. Булгаков

и др. ушли в глубокую духовную оппозицию. Многие же шли навстречу новой жизни, считая себя продолжателями революционных традиций. Октябрьская революция была воспета в стихах В.В. Маяковского («Ода революции», «Левый марш»), А. А. Блока («Двенадцать»), картинах К. С. Петрова-Водкина («1918 г. в Петрограде»), Б. М. Кустодиева («Большевик»), В. Э. Мейерхольд с К. С. Малевичем ставят спектакль «Мистерия-буфор» по пьесе Маяковского.

Воспитанием «нового человека» большевики, конечно, не могли заниматься совместно с церковью. Поэтому борьба с религией была обусловлена не только атеистическими воззрениями, но и стремлением устранить конкурента в духовной жизни страны. И если до 1922 года культура развивалась в условиях относительной духовной свободы, то после Гражданской войны в 1922 году создается цензурный орган – Главлит. А через год к Главлиту прибавился Главрепертком, призванный контролировать и репертуар театров.

Таким образом, с окончанием Гражданской войны и после событий в Кронштадте духовная жизнь в стране стала строго контролироваться. Правительство выслало из страны 160 ученых и деятелей культуры. Среди них были Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин, П. А. Сорокин и многие другие. Некоторые расстреляны, в том числе поэт Н. С. Гумилев. Началось упразднение художественного различия. Было предложено идти под знамена рабочей диктатуры и марксистской идеологии.

Как отражение трагичности духовной жизни страны является поэтический сборник «Поэзия белой столицы», вышедший накануне в г. Омске, благодаря фонду «Духовное возрождение». «Поэтов поделили на «своих» и «чужих», но разве в груди последних не бились русские сердца, искренне любящие Родину, и в их венах не текла русская кровь, помнящая подвиги наших великих предков?» – вопрошают представители Фонда в своем предисловии.

Безусловно, самое страшное – раскол соотечественников на «своих» и «чужих». Раскол, до сих пор не изжитый, в том числе и в литературе. Строки Марины Цветаевой, написанные в те уже далекие, страшные годы гражданской войны, заставляют и сегодня задуматься:

Все рядком лежат –
Не развесть межой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой?
Белый был – красным стал:
Кровь обагрила.

Красным был – белый стал:
Смерть побелила.

Они исчезли не по своей воле и никто не успел всмотреться в их лица, вчитаться в их литературу и поэзию. В той стране, в которой они были нужны, им было отказано. Страна жила другой историей, другим прошлым, другим настоящим, другой культурой и поэзией. Но значит ли, что имена Вяткина, Несмелова, Маслова, Пантелеймонова... несопоставимы с именами великих сибирских поэтов и прозаиков Астафьева, Мартынова, Павла Васильева и других? Нет, у них одни корни, одна созвучная душа в едином неразрывном времени¹.

Повышенный интерес к искусству в то смутное, тревожное время отмечается всеми мемуаристами. Например, год 100-летия Русской революции отмечается в Британии многочисленными событиями культурного света: выставками, фестивалями, конкурсами. В королевской Академии художеств прошла грандиозная выставка русского революционного искусства. Открыта выставка в Британской библиотеке, в прошлом Британского музея, куда в начале XX века записался Владимир Ленин.

Главная тема художников, поэтов, актеров, музыкантов и в стране, и в изгнании – Россия. О ней постоянно писали и на страницах омских газет и журналов, она присутствовала в спектаклях, русская тема звучала на музыкальных вечерах. В дни, полные страданий, культура по-прежнему, как и сегодня, утверждала приоритет общечеловеческих ценностей, давала внутренние силы для преодоления жизненных тревог.

¹ Поэзия белой столицы. Стихи поэтов Омска 1918–1919 гг. – Тобольск, 2016 г.

Горелова Юлия Робертовна,
*кандидат исторических наук, ученый секретарь,
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Омск,
e-mail: gorelovaJ@mail.ru*

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПОТЕНЦИАЛ ИСКУССТВА
КАК РЕСУРСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ГОРОЖАН**

В данной статье приводятся данные социологических исследований, направленных на выявление потенциала исторического и культурного наследия в плане формирования позитивного образа территории. Конкретно автор опирается на результаты исследований, проводимых в г. Омске в 2012, 2013, 2014, 2016 гг. с помощью методов массового анкетирования. Значительное количество опрошенных (1453 человека) и возможность оценить исследуемые параметры в динамике позволяют автору сделать аргументированные выводы относительно предмета исследования. Данные исследований могут быть использованы при уточнении и выработке концептуальных основ региональной культурной политики.

Ключевые слова: историко-культурное наследие; культурный потенциал территории; образ территории.

Gorelova Yulia Robertovna,
*candidate of historical Sciences,
Siberian branch of Russian research Institute
cultural and natural heritage named after D. S. Likhachev,
Omsk,
e-mail: gorelovaJ@mail.ru*

**HISTORICAL MEMORY AND POTENTIAL OF ARTS AS RESOURCES
OF FORMATION OF POSITIVE IMAGE IN PRESENTATIONS OF
CITIZENS**

This article presents the results of sociological research aimed at identifying the potential of historical and cultural heritage in terms of creating a positive image of the territory. Specifically, the author relies on the results of studies conducted

in Omsk in 2012, 2013, 2014, 2016. via mass survey methods. A significant number of respondents (1453 persons) and the ability to evaluate the study parameters in the dynamics allows the author to draw reasoned conclusions on the subject of the study. These studies can be used in the refinement and elaboration of the conceptual foundations of regional cultural policy.

Keywords: Historical and cultural heritage; cultural potential of the territory; image area.

Город – это не просто совокупность улиц, площадей, набережных, садов и парков. Образ города, конечно же, основывается на реалиях его визуального облика, закрепленного своеобразием планировочной структуры, архитектурной и ландшафтной составляющей и других элементов, но не исчерпывается этим. Кроме прочего, значимым фактором следует считать наличие определенной ауры пространства, сотканной из публицистических, художественных, научных, научно-популярных и иных текстов о данном пространстве. Каждый город, кроме того, обладает особой атмосферой, на формирование которой накладываются отпечаток такие факторы как статусные особенности (столица, либо город-курорт и т. п.), реалии экономической, политической, социальной и культурной жизни горожан. В рамках настоящей публикации основное внимание будет сосредоточено на выявлении степени значимости историко-культурного наследия в деле формирования позитивных черт образа территории. Значимым компонентом формирования позитивного образа территории является ресурс ее историко-культурного наследия, во многом определяющего и своеобразие визуальной среды Места (архитектурные и садово-парковые ансамбли, выдающиеся памятники архитектуры и градостроительства) и своеобразие ментального компонента территории (связь территории с теми или иными выдающимися событиями истории и культуры, памятниками изобразительного искусства, литературы; именно в этом смысле мы говорим о Петербурге Пушкина и Достоевского, о Москве Булгакова и т. п.) [1,2].

Исследования проводились в 2012, 2013, 2014 и в 2016 гг. Общее количество опрошенных за четыре года составило 1453 человека. Определение перечня базовых позиций образного каркаса города проводилось на основании классификации образов по содержательно-генетическому признаку, предложенной Д. Н. Замятиным [3], доработанной автором настоящей публикации. Этот вариант классификации учитывает содержательное происхождение либо образа в целом, либо отдельных его элементов. В ходе процесса концептуализации, отмеченные выше теоретические признаки

нами были переведены на язык измеряемых параметров, каждый из которых предполагал наличие вопросов-индикаторов. На основании чего была сформулирована модель измерения. В результате при разработке анкеты для комплексного исследования восприятия горожанами образных характеристик города, блок, связанный с историей и культурой был сформирован четырьмя позициями наряду с другими тематическими блоками.

Первый блок «Чувственно-воспринимаемые характеристики» (природно-климатические условия, благоустройство) климатические условия. В него вошли такие характеристики города как: пыльный, город на реке, город с жарким летом и суровой зимой, город сад, зеленый город. **Второй блок «Статус. Геополитическое положение».** В него вошли такие позиции как: город на границе с Казахстаном; крупный сибирский город; провинциальный город; крупный российский город. **Третий блок «История. Культура. Наследие».** В него вошли такие позиции как: город с богатой историей; столица при Колчаке; город-крепость, форпост освоения Сибири; город без яркого прошлого. **Четвертый блок «Перспективы и динамика развития».** Его составили такие позиции как: без перспектив развития; город с большими возможностями и перспективами развития; динамично развивающийся город; консервативный город. **Пятый блок «Точки роста. Градообразующие системы и факторы».** В него вошли: крупный центр нефтеперерабатывающей и военной промышленности; научный и образовательный центр, город Вузов и студентов; культурный центр региона, город театров и музеев; крупный торгово-транспортный центр. В результате было сформировано двадцать утверждений, определяющих образные клише в восприятии Омска.

Анализ ответов респондентов показал, что историко-культурная составляющая играет значительную роль в формировании позитивного образа территории. В среднем позитивное отношение к наследию, понимание его ценности, гордость за него продемонстрировали 87,9% респондентов, напротив, только 12,1% отметили, что Омск является городом без яркого прошлого.

Дополнительно в 2013 и 2014 гг. проводился опрос, в рамках которого респондентам предлагалось ответить на вопрос чем может гордиться Омск. Количественные данные содержит Таблица 3. Количество опрошенных респондентов в 2013 г. составило 528 человек, в 2014—472. Интересно, что блок «История» сохраняет свои приоритетные позиции, значительно влияя на формирование позитивного образа родного города в глазах омичей. Более подробную информацию о том, какими сферами омичи гордятся отражают данные Таблицы 1.

**Результаты ответов на вопрос
«Чем может гордиться Омск»**

Наименование позиции	2013		2014		Средний %
Архитектура	186	17	165	21,4	19,2
Благоустройство	–	–	20	2,6	2,6
Культура, искусство	200	18,3	143	18,5	18,4
История	236	21,6	146	18,9	20,25
Спорт	136	12,4	98	12,7	12,5
Персоналии	128	11,7	67	8,7	10,2
Образование	96	8,8	48	6,2	7,5
Ничем	112	10,2	85	11	10,6
Всего по блоку (архитектура, культура, искусство, история, персоналии)	750	68,6	521	67,5	68

Следует отметить, что блок «персоналии» был включен в общий итог по категории «История. Наследие» на том основании, что в ходе дополнительного опроса, проводимого в 2014 г. было выявлено, что более двух третей выборов (отмеченных персоналий, названных респондентами в качестве личностей, чьими именами может гордиться Омск) были отмечены прежде всего имена значимых исторических личностей, таких как А. В. Колчак, И. Д. Бухгольц, Ермак Тимофеевич, а также таких значимых деятелей культуры, связанных с Омском, как Ф. М. Достоевский, М. А. Врубель и др.

В ответах на открытый вопрос в рамках опроса 2013 г., «Какой он Омск», неоднократно звучала тема культурного наследия. Омичи отмечали: «Если его историческая часть останется нетронутой, то город сохранит свое достоинство, наследие – это то единственное, чем он может гордиться».

Данные проведенных исследований показали значимость фактора историко-культурного потенциала территории в деле формирования ее позитивного образа в глазах жителей. Можно с уверенностью сказать, что культурное и историческое наследие является особо значимой частью культуры, выполняя роль не только фундамента культуры, но являясь фактором, определяющим своеобразие территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горелова Ю. Р. Архитектурная среда в восприятии омичей // Культурологические исследования в Сибири. – 2013. – № 1;
2. Горелова Ю. Р. Визуальные характеристики городской среды в восприятии омичей // Материалы Междунар. конгресса ФГБОУ ВПО СибАДИ «Архитектура. Строительство. Транспорт. Инновации»: кн. 2. «Архитектура, строительство, транспорт». – Омск, 2013.
3. Замятнин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. – М., 2006.

Гуменюк Алла Николаевна,
*кандидат искусствоведения, доцент,
Заслуженный работник культуры РФ,
Омский государственный технический университет,
Омск,
e-mail: gumenyuk-alla@mail.ru*

**Н. Е. ВАРАКСИН. ИНЖЕНЕР ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ –
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СОВЕТСКОГО ХУДПРОМА**

Статья обращена к личности Н. Е. Вараксина, генерал-майора императорской армии, участника Белого движения, воевавшего в составе Восточного фронта; в советский период – преподавателя инженерных дисциплин на архитектурном отделении Сибирского художественно-промышленного техникума имени М. А. Врубеля (г. Омск). Рассмотрены три этапа его профессиональной деятельности. Отмечены различия в документах, освещающих события жизни Н. Е. Вараксина в Омске – столице белой России в 1918–1919 гг.

Ключевые слова: военный инженер Н. Е. Вараксин; Омск; Гражданская война; период белой России; Сибирский художественно-промышленный техникум имени М. А. Врубеля; Худпром.

Gumenyuk Alla Nikolaevna,
*Candidate of Arts, Associate Professor, Honored Worker of Culture of the
Russian Federation, Omsk State Technical University,
Omsk,
e-mail: gumenyuk-alla@mail.ru*

**N. Y. VARASKIN. THE ENGINEER OF THE IMPERIAL ARMY,
THE SCHOOLMAN OF THE SOVIET KHUDPROM
(ARTS AND CRAFTS ACADEMY)**

The article is addressed to the personality of N. Y. Varaskin, the Imperial army major-general and a participant of the White movement, who fought in the Eastern front and who was a teacher of engineering disciplines at the architectural department of the Siberian Art-Industrial Technical School named after M. A. Vrubel during the Soviet period in Omsk. Three stages of his professional activities are considered. Differences in the documents highlighting the life of Varaskin in Omsk, the capital of «White» Russia in 1918-1919, were noted.

Key words: Military engineer N. Y. Varaksin, Omsk, Civil war, White movement in Russia, the Siberian Art-Industrial Technical School named after M. A. Vrubel, Khudprom (Arts and crafts).

По прошествии столетия в современной исторической науке не теряют своей актуальности исследования о роли той или иной крупной политической фигуры в период Гражданской войны. Но не менее важным, на наш взгляд, является изучение биографий, дополнение и конкретизация портретов тех личностей, которые внесли существенный вклад в сферу своей профессиональной деятельности до 1917 г., и которые, не покинув Россию, стали полезными стране в период глубоких социальных перемен.

Николай Евгеньевич Вараксин (12.11.1862 – 28.10.1937) – представитель генералитета Российской императорской армии и флота, генерал-майор с 1914 г., тесно связан своей инженерной деятельностью с Сибирью. Уроженец Омска, выпускник Сибирской военной гимназии (1880), позднее Николаевского инженерного училища (1883) и Николаевской инженерной академии (1890) в Санкт-Петербурге, он является представителем той плеяды образованного русского офицерства, судьба которых была четко поделена на три периода событиями Октябрьской революции.

1890–1918. До своей отставки в 1918 г. Н. Е. Вараксин 29 лет служил в военно-инженерных ведомствах России. В Омск прибыл в 1890 г. производителем инженерных работ в инженерную дистанцию, которую возглавил через 5 лет (1895–1898), в те же годы являлся городским архитектором Омска (1895–1901). С его именем связано строительство крупных городских объектов: здания Городской думы (1897–1898) и государственного банка (1902), Успенского кафедрального собора (1898, арх. Э. Ф. Виррих), в закладке которого участвовал цесаревич Николай Александрович, посетивший Омск в 1891 г. Именно об этих памятниках архитектуры чаще всего упоминается в библиографических источниках. Следует расширить список заслуг Н. Е. Вараксина перед Отечеством, напомнив, что при строительстве Великого Сибирского пути он возглавлял изыскательскую партию через Алтайский горный хребет (1894). Тогда же он произвел научное исследование «Определение нагревательной способности каменных углей Экибастузских копей». Строил общественные здания не только в Омске, но и в Павлодаре, соорудил водопровод в Семипалатинске и Зайсане. Для Омска он составил проект и возводил здание Омской казенной палаты и Губернского казначейства (1897–1900). С выявления архивных документов по работе Н. Е. Вараксиним над

казначейством началось возвращение забытого имени в историю омской архитектуры [1]. Стоит также акцентировать внимание на том, что военный инженер Н. Е. Вараксин являлся автором оригинального проекта разводного Французского (Железного) моста на р. Оми (1900). В советский период мост был разобран, но в строительной истории Омска он остался уникальным сооружением и показателем развития отечественной инженерной школы в провинции.

С 1914 по 1917 г. Н. Е. Вараксин служил начальником Московского инженерного управления и затем, до отставки в 1918 г., и. о. начальника окружного инженерного Приамурского округа в Хабаровске.

1918–1919 – краткий, но насыщенный событиями период жизни Н. Е. Варакина, неоднозначно освещаемый в различных источниках. В Государственном историческом архиве Омской области (ГИАОО) хранится датируемая 1923 г. автобиография (Curriculum vitae)¹ Н. Е. Вараксина, где им указывается, что в Омске в 1918 г. Сибирским правительством он был призван на службу в Сибирское главное инженерное управление приемщиком, затем и. о. начальника (1918–1919). Исходя из этого документа, можно полагать, что после отставки из Хабаровска генерал-майор вернулся в Омск, уже в столицу белой России. Но без всякой конкретизации дальнейших событий в своей биографии Н. Е. Вараксин отмечает, что после 1919 г. он остался в Омске и служил до 1920 г. в РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии) начальником инженерно-технического и лесозаготовительного отделов управления начальника инженеров Сибири.

Материалы «Школы военных инженеров в 1701–1960 годах»² дают на 1918–1919 гг. несколько иные сведения: участник Белого движения; воевал в составе Восточного фронта; с августа 1918 – член Сибирского военного совещания (с оставлением в резерве чинов), <...> с июля 1919 – временно исполняющий должность начальника инженеров Омского ВО (военного округа), затем 23 сентября 1919 утвержденный в этой должности и далее – начальник инженерно-технического и лесозаготовительного отделов управления начальника инженеров Сибири (акцентируем – не в РККА). Взят в плен. В декабре 1921 уволен в бессрочный отпуск из Амурского ОВК (отдела военного комиссариата). Остался в России.

¹ ГИАОО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 186. Л. 8–8об..

² Школы военных инженеров в 1701–1960 годах [Электронный ресурс] / Н. Е. Вараксин. – Режим доступа: http://viupetra2.3dn.ru/publ/varaksin_n_e/13-1-0-882 – (Дата обращения – 30.04. 2017).

Эти сведения подтверждает биографическая справка из «Списка генеральских чинов российской императорской армии и флота»¹, а именно: участник Белого движения на востоке России; состоял в резерве чинов при штабе Западно-Сибирского ВО (военного округа) и далее та же информация, что заявлена в материалах «Школы военных инженеров...». По всей видимости, в 1923 г. Н. Е. Вараксин полностью не описал весь период своей службы в Белой армии во избежание осложнений в дальнейшей жизни.

1920–1937. Из автобиографии Н. Е. Вараксина – после 1919 г. остался в Омске; из материалов «Школы военных инженеров...» – взят в плен. Но, как узнается из упомянутого документа – автобиографии, уже с 1921 по 1922 преподавал инженерное дело в Высшей военно-педагогической школе Сибири, годом позднее – на архитектурном отделении Худпрома (Сибирского художественно-промышленного техникума, с 1927 – имени М. А. Врубеля) – строительную механику, математику, технологию скульптурных материалов, вплоть до его закрытия (1923–1930). Итак, представитель инженерной школы дореволюционной России Николай Евгеньевич Вараксин включился в подготовку архитекторов, специалистов-производственников «новой формации». Это период стал наиболее ярким в истории советской архитектуры и вошел в историю как эпоха становления конструктивизма. Целый ряд зданий было возведено в Омске по проектам выпускников Худпрома, постигавших сложные инженерные науки у Н. Е. Вараксина. Так, худпromeц, архитектор мостов и путепроводов, автор книг той же тематики Борис Михайлович Надежин вспоминал: «Инженер Вараксин у нас преподавал геодезию, части зданий, строительные работы, технологию строительных материалов, статику, сопротивление материалов и другие подобные «практические дисциплины». <...> Главное воспоминание о Вараксине, что он спокойный, несколько медлительный и очень добродушный. Знающий свое строительное дело.

После третьего курса я на практике работал десятником – строил два железнодорожных пакгауза вблизи станции Омск. Плотники забыли поставить подкосы крайних стоек. Подумав, я понял, что прочность конструкции этим не нарушена, но все же был в смутении и поехал в город посоветоваться именно к Вараксину. Только его слово могло успокоить»². Заканчивал воспоминания о своем педагоге Б. М. Надежин вопросом: «Дожил ли Вараксин до того, как ломали Собор? [Успенский кафедральный

¹ Список генеральских чинов российской императорской армии и флота [Электронный ресурс] / Вараксин Николай Евгеньевич. – Режим доступа: http://www.rusgeneral.ru/general_v.html – (Дата обращения – 30.04. 2017).

² Из переписки автора с Б. М. Надежиным. – М.-Омск, 1994.

собор – А. Г.]». Впоследствии свидетели разрушения храма рассказывали, что старый генерал сидел на руинах собора и плакал, не скрывая слез.

В 1937 г. Н. Е. Вараксин был репрессирован и расстрелян по сфальсифицированному делу об офицерской повстанческой организации среди 88 приговоренных Особой тройкой. В 28 ноября 1959 года – реабилитирован.

В год 100-летия Октябрьской революции наступают и две круглые даты в биографии Николая Евгеньевича Вараксина – 155 лет со дня его рождения и 80 лет со дня трагической гибели. Безусловно, стоило вспомнить о человеке, служившем на благо России и в качестве инженера императорской армии¹ и в качестве преподавателя инженерных дисциплин советском Худпроме – учебном заведении для подготовки специалистов новой формации.

Уточнить все биографические подробности жизни и деятельности Н. Е. Вараксина в 1918–1919 гг. – интересная задача для историков и краеведов, изучающих деятельность заметных личностей периода Гражданской войны в Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуменюк А. Возвращая забытое имя // Омская правда. – 1990. – 23 марта.

¹ Награды: ордена Св. Станислава 2-й ст. (1897); Св. Анны 2-й ст. (1901); Св. Владимира 3-й ст. (1910); Св. Станислава 1-й ст. (1915); Св. Анны 1-й ст. (1916).

Жигунова Марина Александровна,
*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Омск,
e-mail: marizh.omsk@mail.ru*

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН
(НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО ОМСКА И БАРНАУЛА)**

В статье, основанной на материалах массовых опросов, рассматриваются любимые праздники и гастрономические предпочтения современных русских, украинцев и белорусов двух сибирских городов. Анализируется влияние половозрастного и этнического факторов на характер этнокультурных предпочтений.

Ключевые слова: любимые праздники; предпочитаемые национальные блюда и напитки; восточнославянское население Сибири; современность.

Zhigunova Marina Alexandrovna,
*Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archeology
and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Omsk,
e-mail: marizh.omsk@mail.ru*

**ETHNOCULTURAL PREFERENCES OF EAST SLAVS
(ON THE EXAMPLE OF THE MODERN POPULATION OF OMSK AND
BARNAUL)**

The author analyzes favorite holidays and gastronomic preferences of modern residents of two Siberian cities. Also the author investigates influence of a sex, age, ethnic origin on preferences in the sphere of culture of East Slavs.

Keywords: favorite holidays; preferred national meals and drinks; the East Slavic population of Siberia; modernity.

В рамках изучения современных этнических процессов, специфики самосознания и культуры современных жителей Сибири, в 2015–2017 гг.

автором были проведены исследования среди восточнославянского населения двух сибирских городов – Омска и Барнаула – для выявления современных этнокультурных предпочтений. В данной работе анализируются любимые праздники, блюда национальной кухни и напитки респондентов, назвавших себя русскими, украинцами, белорусами.

Среди любимых праздников явно лидирует Новый год. В различных половозрастных группах его назвали 75–90% опрошенных. Далее следуют Пасха, Рождество и дни рождения. Первые два чаще упоминаются женщинами, респондентами старшего возраста и молодежью. Собственные дни рождения, дни рождения друзей, любимых чаще называют молодые люди, респонденты среднего возраста (обычно женщины) называют дни рождения детей и внуков. Далее идет День Победы (9 Мая). Этот праздник любим всеми, независимо от пола, возраста и этнической принадлежности. За ним по частоте упоминаний идут 8 Марта и Масленица.

Практически все ответившие называли по 2–3 и больше любимых праздников. Некоторые отвечали так: «У меня все праздники любимые», «Для меня каждый день – праздник». Примерно 5% затруднились ответить, 4% заявили, что не любят праздники.

Любимыми национальными кушаньями для подавляющего числа опрошенных являются пельмени (русские, сибирские), блины и блинчики (с различной начинкой и без), борщ. Далее следуют различные мясные кушанья (в том числе «любые»), окрошка, пироги. Многие респонденты называли в качестве любимых блюд картошку (жареную, отварную, запеченную, с мясом, грибами и др.). У белорусов в качестве любимых называли также цепелины и колдуны. Среди украинцев немного чаще встречались любители вареников, а среди белорусов – драников. Хотя эти кушанья входят в десятку любимых и у русских респондентов. Сало свиное соленое любят не только украинцы, но и белорусы, и русские. Рецепты его приготовления разнообразны.

Довольно часто в качестве любимых назывались заимствованные от других народов блюда: шашлык, плов, манты, лагман, пицца, люля-кебаб, фунчоза, чебуреки, шаурма, суши, баурсаки, бешбармак, тирамису, лаваш, гамбургер и др. Среди этого списка встречаются как блюда проживающих по соседству народов, так и стран Дальнего Зарубежья.

В качестве своих любимых напитков чаще всего современные представители восточных славян называют хлебный квас, чай, сок (апельсиновый, томатный, вишневый, гранатовый и др.), кофе, воду (обычную, минеральную, газированную), морс (чаще – клюквенный и брусничный), молоко, какао, компот и др.

Из алкогольных напитков, вопреки бытующим стереотипам, первое место прочно занимает не водка, а пиво. За ним следуют вино (белое и красное), водка, шампанское, коньяк, мартини. В студенческой среде в Омске часто была названа «отвертка» (напиток из водки, разведенной соком, чаще всего – апельсиновым). В Барнауле среди опрошенных студентов 1–3 курсов Алтайского государственного педагогического университета такой напиток был неизвестен. Зато несколько раз в качестве любимого напитка был назван «ерш» (смесь водки и пива). Отдельные люди отвечали так: «Могу пить любой, любимых нет». Нередко встречаются люди, принципиально не употребляющих никаких алкогольных напитков (больше всего таких ответов среди девушек).

В заключении можно сделать следующие выводы. Этнокультурные предпочтения современных представителей восточных славян Сибири отличаются чрезвычайным многообразием. Между тем, можно выделить общий блок, характерный для большинства русских, украинцев и белорусов. Интересно, что влияние этнической принадлежности на предпочитаемые праздники, блюда национальной кухни и напитки прослеживается довольно слабо. Гораздо существеннее влияние половозрастной принадлежности. Наибольшие различия фиксируются в гастрономических пристрастиях.

Золотова Татьяна Николаевна,
*кандидат исторических наук, заместитель директора,
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Омск,
e-mail: zolotovat2012@mail.ru*

**ПРАЗДНОВАНИЕ ГОДОВЩИН ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ
И ТРАНСФОРМАЦИИ**

В статье рассматриваются проблемы становления и трансформации празднования годовщин Октябрьской революции в СССР и современной России. В качестве источников использованы материалы полевых этнографических исследований автора 1994–2016 гг. в Омской, Тюменской, Новосибирской областях и Алтайском крае. Предлагается периодизация функционирования праздника и факторы его трансформации.

Ключевые слова: годовщина Октябрьской революции; праздник; становление; факторы трансформации; Западная Сибирь.

Zolotova Tatyana Nikolaevna,
*Candidate of historical sciences, deputy director, Siberian Branch
of the Russian Scientific Research Institute of Cultural and Natural Heritage of
D. S. Likhachev,
Omsk,
e-mail: zolotovat2012@mail.ru*

**CELEBRATION OF THE ANNIVERSARY OF THE OCTOBER
REVOLUTION IN WESTERN SIBERIA: PROBLEMS OF FORMATION
AND TRANSFORMATION**

The article deals with the problems of formation and transformation of the celebration of the anniversaries of the October Revolution in the USSR and modern Russia. The materials used in the field ethnographic studies of the author in 1994-2016 were used as sources. In the Omsk, Tyumen, Novosibirsk regions and the Altai Territory. The periodization of the functioning of the holiday and the factors of its transformation are proposed.

Key words: anniversary of the October Revolution; celebration; formation; transformation factors; Western Siberia.

Празднование годовщин Октябрьской революции не только в Сибири, и в России в целом следует рассматривать в контексте трансформации дореволюционного праздничного календаря и формирования нового, советского, календаря праздничных дат и ритуалов. В императорской России отмечались в основном религиозные православные праздники, которые являлись нерабочими. Дни рождения и тезоименитства императора, императрицы, вдовствующей императрицы и наследника престола, а также день коронации тоже являлись праздничными днями и носили название «царских дней».

Изменения в праздничном календаре начались с отмены «царских дней» Временным правительством и продолжились после Октябрьской революции, когда новой власти было необходимо ликвидировать старую систему праздников, ослабить влияние церкви и утвердить новый общественно-политический календарь. Первыми шагами советской власти на пути формирования пролетарской культуры стали Декреты Совета Народных Комиссаров от «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (20 января 1918 года), «Декрет о введении западноевропейского календаря» (24 января 1918 г.), об учреждении 10 общегосударственных праздников революционного характера и разрешении местным комитетам профсоюзов устанавливать особые дни отдыха (не свыше десяти дней в году) во время принятых в данной местности религиозных праздников (5 декабря 1918 г.). В числе первых официально утвержденных революционных праздников, наряду с Днями Парижской коммуны и I Интернационала, стал День пролетарской революции. В силу консервативности основных рабочих и крестьянских масс новые революционные праздники слабо внедрялись в быт города и особенно деревни в первое десятилетие Советской власти, а православные праздники еще сохраняли свои позиции. Так, в выпущенном Госиздатом РСФСР календаре на 1928 г. наряду с революционными праздниками – 21 января (День памяти В. И. Ленина), 18 марта (День Парижской Коммуны), 1 Мая (День Интернационала), 7 Ноября (День пролетарской революции), выделялись и православные праздники 15–16 апреля (Пасха), 24 мая (Вознесение), 4 июня (Духов день), 6 августа (Преображение), 15 августа (Успение), 25–26 декабря (Рождество). Дни, приходившиеся на религиозные праздники, как и революционные, считались выходными¹.

¹ Советская культура в реконструктивный период (1928–1941). – М., 1988. – С. 396.

В первое десятилетие нового политического строя Советская власть сделала упор на эффективность способов идеологического воздействия на население и в период подготовки к праздникам не скупилась на декорирование и создание символики. В Западной Сибири годовщины пролетарской революции начали отмечать с 1920 г., и до 1922 г. они совпадали с празднованием победы над «колчаковщиной» [1, с. 263]. В сибирских городах, украшенных флагами, красной материей, иллюминацией, лозунгами, зеленью и цветами, проводились митинги и торжественные собрания, концерты и революционные спектакли [1, с. 261]. В эти же годы складывается шаблон проведения праздничных мероприятий: демонстрации, заменившие крестные ходы имперского периода, официальные торжественные заседания администрации с докладами об экономических и политических успехах страны, митинги с рассказами о революционных событиях, вечера воспоминаний на предприятиях и в советских учреждениях, чествование героев труда, публикации в прессе и показы фильмов на революционную тематику, революционные театральные представления и концерты в клубах [1, с. 264–269].

В 1930-е гг. ситуация в празднично-обрядовой сфере существенно изменилась, поскольку в результате проведения индустриализации, коллективизации и культурной революции были вытеснены из праздничного календаря многие религиозные праздники и обряды, обусловленные традиционным укладом жизни, а их место заняли советские праздники. И если в городах празднование Октября прочно вошло в общественно-политический календарь знаменательных событий, то в деревне старый календарь еще оставался регулятором трудовых процессов и свободного времени. Против этого активно выступали правления колхозов, администрации районов, периодическая печать, основываясь на «Постановлении ВЦИК и СНК о религиозных объединениях» (8.04.1929), ограничивавшем права верующих, и Конституции 1936 года, в которой было заявлено об обострении борьбы с врагами социализма. Годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, оказавшиеся на пике идеологического фронта, в деревнях накладывались на традиционный календарь и зачастую принимали народные формы празднований. Так, по аналогии с традиционными «сыпчинами» и «братчинами» «Октябрьскую» стали справлять «в складчину», используя также средства колхозов. Празднования проводились в конторах, клубах и школах после завершения сельскохозяйственного года, когда в традиционной культуре начинался период гостеваний и застолий, имеющих характер благодарений за урожай. Период празднования «Октябрьской» совпадал по времени с двумя значимыми праздниками – Днем Казанской иконы Пресвятой

Богородицы (4 ноября) и Дмитриевской родительской субботой (накануне Дмитриева дня, отмечавшегося 8 ноября), собиравших за столом большие семейные коллективы.

В 1930-е гг. в СССР окончательно складывается канон проведения октябрьских мероприятий с обязательной демонстрацией и военным парадом на Красной площади, который не отменялся даже во время Великой Отечественной войны, когда 7 ноября 1941 г. военные полки из Москвы уходили сразу на фронт, что имело сильное психологическое влияние на повышение морального духа Красной Армии. В годы войны в селах Западной Сибири, несмотря на трудности военного времени, 7 ноября продолжали отмечать: «В войну 7 ноября в колхозной столовой всех накормят. Мясо варили. Старым домой носили» (Ослина Таисья Ивановна, 1931 г.р., с. Ашлык Вагайского района Тюменской области)¹.

В 1950–1960-е гг. празднование годовщин Октябрьской революции воспринималось как средство воспитания нового человека в соответствии с Кодексом строителя коммунизма. В 1970–1980-е гг., по воспоминаниям омичей, этот праздник любили и всегда радостно ходили на демонстрации. У проходных заводов собирались трудовые коллективы, которые затем двигались к центральной площади города (около кинотеатра им. Маяковского), где перед зданием облисполкома была установлена трибуна для советских и партийных руководителей. Демонстранты несли транспаранты с лозунгами «Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция!», «Слава КПСС!», портреты Ленина и членов политбюро, гербы союзных республик, красные флажки, «голубей мира» из фанеры на палочках, разноцветные воздушные шары, искусственные бумажные гвоздики. Возглавляли колонны предприятий их директора и партийные лидеры, группы знаменосцев и духовые оркестры, идущие вслед за транспарантом с названием и эмблемой предприятия, которые везли на машинах. В колоннах играли на гармошках, пели революционные и военные песни («Интернационал», «Марсельезу», «Катюшу», «Ленин всегда молодой», «Смело, товарищи, в ногу!» и др.), плясали. У всех было приподнятое настроение. Проходя перед трибуной, кричали «ура!». После окончания демонстрации собирались компаниями и расходились по домам, где продолжалось гуляние с песнями и застольем. Накануне праздника, 6 ноября, в заводууправлении и в отдельных структурных подразделениях (отделах, цехах) устраивались торжественные собрания, где зачитывались доклады о революционных событиях, достижениях советского государства и данного конкретного предприятия, вручались

¹ Личный архив автора. – Тюменская обл., Вагайский р-н, 2012.

почетные грамоты и денежные премии победителям соцсоревнований и передовикам производства.

Похожий ритуал существовал и в деревне, но сельское население относилось к празднику более трепетно. «Октябрьская» здесь прочно заняла место временного маркера: к этому времени необходимо было посолить капусту, заколоть свиней и гусей, завершить другие хозяйственные дела. Украшали свои дома флагами сами сельчане. Торжественные выступления председателей колхозов и партторгов, а также концерты художественной самодеятельности проходили на импровизированных сценах, состоявших из двух машин с открытыми бортами, обитыми кумачом. Неофициальное народное гуляние принимало формы традиционных «гостеваний» с поочередным посещением компаниями всех домов селения: «7 ноября по деревне из двора в двор ходили, с песнями, частушками. Нас 5 дворов гуляло – 10 человек. Деверь на гармошке играл, а Николай Зяблицкий – на балалайке, а другая кампания – на ложках, Клава пела.... Октябрьскую у меня отгуляли, другая пара собирает на Рождество... Собирались так на Октябрьскую, Новый год, Рождество, Масленку, 1 Мая, 9 Мая, на Троицу» (Кибякова Клавдия Павловна, 1930 г.р., с. Сростки Бийского района Алтайского края)¹.

С распадом СССР праздник революции стал постепенно вытесняться из общественно-политической жизни страны: в 1996 г. 7 ноября по инициативе Б. Ельцина был переименован в «День согласия и примирения», в 2004 г. он стал «Днем воинской славы России» в честь военного парада 1941 года на Красной площади, в 2005 г. он перестал быть выходным днем и был назван «Днем Октябрьской революции 1917 года». В этот же день отмечается День воинской славы России – День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 г.). С 2004 г. годовщину Октябрьской революции правительство активно пытается вытеснить из народной памяти и заменить Днем народного единства (4 ноября), смысл которого народом не понимается.

В 1990-е гг. многие сибиряки продолжали отмечать «Октябрьскую» в кругу друзей и семьи. В 2000-е гг. праздник все больше забывался, сохраняясь лишь в памяти людей старшего и частично среднего поколения, что подтвердили результаты проведенного нами в 2008 г. опроса в Крутинском и Муромцевском районах Омской области: из 107 опрошенных только 13 человек (12,1%) отмечали 7 ноября. Коммунисты, верные

¹ Личный архив автора. – Алтайский край, Бийский р-н, 2011.

заветам Октября, не переставали праздновать годовщину революции, организуя в этот день митинги с критикой правительственного курса.

Таким образом, День Великой Октябрьской социалистической революции прошел несколько этапов в своем появлении и развитии: 1920–1930-е годы – период становления, 1940–1970-е гг. – период расцвета и активного функционирования, 1980-е гг. – время формализации и угасания, 1990–2000-е гг. – период трансформации названия и смысла, перехода в сферу исторической памяти. Факторами становления и трансформации этого праздника являются социально-политический и нравственно-психологический. До настоящего времени «Октябрьская» остается в памяти людей старшего поколения «любимым народным праздником», символом торжества социальной справедливости и консолидации народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.): монография / Новосибирский аграрный ун-т., юрид. фак. – 2-е изд., испр. и перераб. – Новосибирск, 2015.

Ильина Анна Александровна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Омск,
e-mail: like_a_sun@mail.ru

**МАЛЫЕ ГОРОДА И СЕЛА: ВОЗМОЖНОСТИ СОХРАНЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ)***

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036)

Рост урбанизации населения и сокращение численности жителей малых городов и сел во многом являются причиной ассимиляции национальных культур и языков, снижения значимости национальных оснований идентичности личности. В статье на примере многонационального Омского Прииртышья рассматриваются имеющиеся в малых городах и селах возможности для сохранения национальной культуры и в более широком смысле – этнокультурной идентичности населяющих регион этносов. К числу таковых автор относит деятельность национально-культурных объединений трех основных типов, а также творческих коллективов этнокультурной направленности.

Ключевые слова: национальная культура; этнокультурная идентичность; национально-культурные объединения; Омское Прииртышье.

Pyina Anna Alexandrovna,
Candidate of historical sciences, researcher,
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Omsk,
e-mail: like_a_sun@mail.ru

**SMALL TOWNS AND VILLAGES: OPPORTUNITIES FOR
PRESERVATION OF NATIONAL CULTURE AND ETHNOCULTURAL
IDENTITY (ON EXAMPLE OF OMSK IRTYSH REGION)**

Growth of an urbanization of the population and reduction of number of residents of the small cities and villages in many respects are the reason of assimilation

of national cultures and languages, decrease in the importance of the national bases of identity of the personality. In article on the example of multinational Omsk Priirtyshje the opportunities for preservation of national culture which are available in the small cities and villages and in a broader sense – ethnocultural identity of the ethnoses inhabiting the region are considered. The author refers activity of national and cultural associations of three main types, and also on-stage performance groups of an ethnocultural orientation to number of those.

Keywords: national culture; ethno-cultural identity; national-cultural associations; Omsk Irtysh region.

Актуальной тенденцией современности в России является рост урбанизации населения и сокращение числа сельских жителей, а также сельских населенных пунктов и их густоты. Урбанизация наносит существенный урон сохранению этнической культуры, поскольку население нашей страны крайне многонационально, а переселение значительного количества жителей страны в крупные города приводит к ассимиляции этнических культур и родных языков в силу специфики жизни в крупных городах. Однако значительная часть населения нашей страны продолжает проживать в сельской местности и малых городах и, учитывая свою этническую принадлежность, старается сохранять свою национальную культуру и этнокультурную идентичность. Рассмотрим возможности сохранения национальной культуры и этнокультурной идентичности в малых городах и селах на примере Омского Прииртышья.

На территории Омской области проживают представители более 120 этносов. Наиболее многочисленными из них, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., являются: русские – 1 648 097 чел. (85,8 %); казахи – 78 303 чел. (4,1 %); украинцы – 51 841 чел. (2,7 %); немцы – 50 055 чел. (2,6 %); татары – 41 870 чел. (2,2 %); армяне – 7 300 чел. (0,37 %); белорусы – 6 051 чел. (0,31 %). Численность городского населения Омской области, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., составляет 1 млн. 413 тыс. чел. (71,5%), соответственно, численность сельского населения – 28,5 %. Население региона проживает в 6 городах, 21 рабочем поселке, 1517 сельских населенных пунктах.

Многонациональный состав нашего региона ставит перед его жителями проблему сохранения своей национальной культуры, родного языка и – в широком смысле – этнокультурной идентичности. Эти задачи с рубежа 1980-х – 1990-х гг. во многом взяли на себя национально-культурные объединения (далее – НКО), которые наряду с многочисленными

действующими в регионе творческими коллективами предоставляют многонациональному населению региона широкие возможности сохранения национальной культуры и этнокультурной идентичности.

Основная деятельность национально-культурных объединений – это участие в общественных и культурных проектах региона, связи с другими национальными центрами, языковые курсы, проведение национальных праздников, презентация национальной культуры на мероприятиях. За последние десятилетия заметно активизировался процесс создания в муниципальных районах Омской области центров традиционной культуры разных национальностей¹.

Ранее автором была представлена классификация НКО, в которой выделяется три типа подобных организаций: собственно национально-культурные объединения – общественные объединения представителей определенного этноса (реже – нескольких этносов), созданные в форме общественной организации, национально-культурные автономии и национально-культурные центры [1, с. 16, 20]. В малых городах и селах Омского Прииртышья действуют национально-культурные объединения (общества, общины, общественные организации и др.) казаков, казахов и немцев. Более многочисленны в Омском Прииртышье такие типы НКО как национально-культурные автономии и национально-культурные центры. Национально-культурные автономии действуют у азербайджанцев, казахов, латышей, немцев и украинцев. Национально-культурные центры (как самостоятельные единицы, так и действующие при бюджетных учреждениях культуры) созданы у русских, немцев, казахов, татар, также встречаются центры славянской культуры.

Однако наиболее многочисленны в регионе творческие коллективы этнокультурной направленности. Они действуют у русских, казаков, белорусов, украинцев, казахов, татар, чувашей, удмуртов, немцев, латышей, эстонцев, зырян, армян и др. этносов в чрезвычайно многообразных формах (фольклорные ансамбли, фольклорные студии, ансамбли народной песни, народного танца, эстрадного танца, вокальные ансамбли, хоры, театральные студии, студии народно-прикладного искусства, оркестры и ансамбли народных инструментов и др.).

Несмотря на многонациональный состав населения, Омская область в течение длительного времени остается регионом с низким уровнем межэтнической напряженности, отсутствием межэтнических конфликтов,

¹ Справочно-методические материалы для информационно-разъяснительной работы по вопросам гармонизации межнациональных отношений в Омской области. – Омск, 2015. – С. 18.

а также активной этнокультурной жизнью. С большой долей уверенности можно утверждать, что этому во многом способствуют национально-культурные объединения и творческие коллективы этнокультурной направленности, которые стараются максимально использовать имеющиеся возможности для сохранения национальной культуры и этнокультурной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильина А. А. Национально-культурные объединения современной России: нормативно-правовые основы деятельности, этапы формирования, классификация // Культурологические исследования в Сибири. – 2012. – № 4.

Кассал Борис Юрьевич,
кандидат ветеринарных наук, доцент,
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского,
Омск,

Коников Борис Александрович,
кандидат исторических наук, профессор,
Радиозавод имени А. С. Попова,
Омск,
e-mail: boris_konikov@mail.ru

ПСАЛИИ ИЗ ЮЖНО-ТАЕЖНОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Дана характеристика псалиев из поселения Кипо-Кулары III, Тевризский район Омской области (II половина X – I треть XIV веков). Рассмотрено их строение, дана модель использования лосиного рога и трубчатой кости для их изготовления.

Ключевые слова: южно-таежное Прииртышье, развитое Средневековье, роговые и костяные псалии.

Kassal Boris Yurievich,
Candidate of veterinary sciences, associate professor; Omsk State University of
F.M. Dostoevsky,
Omsk,

Konikov Boris Alexandrovich,
candidate of historical sciences, Radio plant of A. S. Popov,
Omsk,
e-mail: boris_konikov@mail.ru

PSALIAS FROM THE SOUTH TAIGA SUB-IRTYSH

Characteristics of psalic from the settlement of Kipo-Kulary III, Tevrizsky district of the Omsk region (II half of the X – I third of the XIV centuries) are given. Their structure is considered, the model of using the elk antler and tubular bone for their production.

Keywords: southern taiga Sub-irtysh, developed Middle Ages, horn and bone horns.

К настоящему времени в южно-таежном Прииртышье изучено около 200 захоронений людей эпохи развитого Средневековья, однако среди их инвентаря нет псалий, как нет и других изделий из кости и рога, за исключением наконечников стрел и пряслиц [1, с. 188]. Однако на поселении Кипо-Кулары III Тевризского района Омской области было обнаружено четыре изделия [1, с. 112] из лосиного рога и трубчатой кости, в том числе – одна заготовка.

Псалии были обнаружены при изучении Кипо-Кулары III в 1980 и в 1982 гг. экспедициями ОмГПИ (ныне Омский государственный педагогический университет). Материал был опубликован лишь частично, хотя коллекция представлена множеством целых и фрагментированных артефактов из кости и рогов животных, железа, бронзы, стекла, сотнями фрагментов лепной глиняной посуды, а также тысячами расколотых костей домашних и диких животных и рыбьими костями [2, с. 30–50]. Найденные псалии имеют характерную форму, соответствующую особенностям изъятия фрагментов трубчатой кости конечности животного и отростков лосиного рога для их изготовления (рис. 1).



*Рис. 1. Псалии и места изъятия фрагментов трубчатой кости конечности животного и отростков рога 4–5-летнего лося (*Alces alces* L, 1758) для их изготовления.*

Псалий-1 происходит из котлована материкового жилища № 13, I-й горизонт [3, с. 259]. Он изготовлен из отростка лосиного рога, одна его половина плавно приострена, вторая – уплощена с двух сторон и оканчивается «ласточкинским хвостом», длиной 12,6, диаметром по центру 1,7 см, с двумя взаимно перпендикулярными сквозными отверстиями диаметром 0,5–0,6 см, оформленными выступающими на 3–4 мм над телом манжетками. Поверхность этого псалия имеет следы полировки и срезов острым лезвием (рис. 1, А).

Псалий-2 происходит из культурного слоя, квадрат 29, III-й горизонт [1, с. 87] длиной 7,0, диаметром по центру 1,5 см, изготовлен из отростка лосиного рога, обломан в древности. Имеет два взаимно перпендикулярных сквозных отверстия диаметром 0,6 см, с выступающими над телом на 3–4 мм манжетками. На поверхности сохранились полировка и срезы острым лезвием (рис. 1, Б).

Псалий-3 происходит из квадрата 44, IV-й горизонт, представляет собой заготовку из отростка лосиного рога, длиной 15,5 см, диаметром по центру 1,7 см. Имеет два взаимно перпендикулярных сквозных отверстия диаметром 3 мм, на поверхности псалия видны полосы различной ширины, оставшиеся от воздействия орудием с острым лезвием (рис. 1, В).

Псалий-4 происходит из культурного слоя, квадрат 27, II-ой горизонт [4, рис. 5], длиной 13,8, диаметром по центру 1,9 см, выполнен из трубчатой кости конечности животного с двумя взаимно перпендикулярными сквозными отверстиями диаметром 0,7–0,8 см, на поверхности имеются срезы острым лезвием, а также следы затертости или изношенности (рис. 1, Г).

Псалии из кости и рога животных, начиная с эпохи раннего металла и вплоть до этнографической современности, известны практически по всей Евразии. Например, в лесостепном Прииртышье их использовали кротовцы ранней и развитой бронзы [1, с. 87]. К этому располагало то, что лось в течение всего неоплейстоцена и голоцена был обычным охотничьим объектом на территории Прииртышья [5; 6; 7, с. 125]. Подобные кипо-куларовским роговые псалии использовались всадниками Древней Руси X–XIII вв. н.э. [2, с. 38].

Определенный шанс для датировки артефактов дает псалий из котлована жилища № 13 (рис. 1, А), где, помимо него, обнаружено семь игл из лосиных грифельных костей, семь костяных наконечников стрел, мотыжка, пряслице, глиняный тигель, железный черешковый нож, 117 фрагментов глиняной посуды, покрытых характерным для развитого средневековья

орнаментом, 152 расколотые кости животных, каменный скребок и кусок шлака. По конструкции и совокупности находок жилище № 13 датируется развитым Средневековьем. При этом заполнение жилища не имеет наблюдаемых нарушений. По аналогии, с высокой долей вероятности, кипо-куларовские псалии можно датировать развитым Средневековьем.

Изготовление южно-таежных псалиев укладывается в многотысячелетнюю традицию использования дешевого и практичного материала – рога и кости. Они дополняют ассортимент конского снаряжения, использованный всадниками южно-таежного Прииртышья развитого Средневековья, который представлен удилами с железными, роговыми и костяными псалиями, другими элементами сбруи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конилов Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. – Омск, 2007.
2. Конилов Б. А. Таежное Прииртышье в X – XIII вв. н.э. – Омск, 1993.
3. Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Омь. – Новосибирск, 2016.
4. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси X – XIII вв. – М., 1973.
5. Бондарев А. А., Кассал Б. Ю. Териофауна и природные комплексы плейстоцена Верхнеошской палеодолины // Труды зоологической комиссии ОРО РГО: ежегодник: вып. 1: межвуз. сб. науч. тр. / Под редакцией Б. Ю. Кассала. – Омск, 2004.
6. Бондарев А. А., Кассал Б. Ю. История и перспективы развития териофауны Среднего Прииртышья // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2009. – (июнь). – № 6 (100).
7. Бондарев А. А., Кассал Б. Ю. Основные тенденции развития фауны крупных млекопитающих в неоплейстоцене Среднего Прииртышья // Проблемы экологии: чтен. памяти проф. М. М. Кожова: тез. докл. междунар. науч. конф. и междунар. шк. для молодых учен (Иркутск, 20–25 сентября 2010 г.). – Иркутск, 2010.

Келлер Любовь Ивановна,
*магистрант 2-го года обучения исторического факультета,
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,
Омск,
e-mail: ljubochka_93@mail.ru*

Рыженко Валентина Георгиевна,
*доктор исторических наук, профессор
кафедры современной отечественной истории и историографии,
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,
полномочный представитель Союза краеведов России в Омской области,
Омск,
e-mail: valentina948@mail.ru*

**ОБРАЗ УЧАСТНИКОВ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В ТРУДАХ МЕСТНЫХ ИСТОРИКОВ
И ОМСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-КРАЕВЕДОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX В.)**

В статье рассмотрены образы участников Революции и Гражданской войны в трудах М. К. Юрасовой, М. Е. Бударина, И. Ф. Петрова. Художественные произведения историков и краеведов рассматриваются авторами как один из источников информации, оказывающих воздействие на формирование исторической памяти. Показаны изменения образов героев книг в 1970-е –1990-е гг.

Ключевые слова: историческая память; писатели-краеведы; революционеры; участники гражданской войны.

Keller Lyubov Ivanovna,
*Second-year master's degree student of the Department of History of
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk,
e-mail: ljubochka_93@mail.ru*

Ryzhenko Valentina Georgievna,
*Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of modern history
and historiography, Omsk State University of F. M. Dostoevsky,
Omsk,
e-mail: valentina948@mail.ru*

IMAGE OF PEOPLE WHO PARTICIPATED IN THE REVOLUTION AND THE RUSSIAN CIVIL WAR PRESENTED IN THE WORKS OF LOCAL HISTORIANS AND OMSK WRITERS-LOCAL HISTORY EXPERTS (SECOND HALF OF THE XX CENTURY)

This article describes images of the people who participated in the revolution and the Russian Civil War presented in the works of M. Yurasova, M. E. Budarin, I. F. Petrov. The authors consider fiction works of historians and local history experts as one of the information sources that contributes to the development of historical memory. The article describes how the images of literary characters had been changing in 1970 s – 1990 s.

Key words: historical memory; writers-local history experts; revolutionaries; participants of the Russian Civil War.

Формирование исторической памяти с целью воспитания патриотизма является одной из приоритетных задач каждого государства. Образ прошлого – один из признаков идентификации народа. В настоящее время обращение к образам прошлого проявляется как в политике памяти, так и в актуализации парадигмы памяти в современной исторической науке.

Информация о революционном прошлом транслировалась через средства массовой информации, литературу, кино, научные исторические труды. «Художественные произведения, обладая высокой степенью эмоционального воздействия, влияют на подсознание и внедряют в него научные знания о прошлом... это придает историческим представлениям жизненную силу и правдоподобие» [1, с. 248]. Образ исторического персонажа дает возможность воссоздать свойственные этой эпохе представления о добре и зле, героях и злодеях, о допустимом и недопустимом [2].

Цель доклада – показать изменения образов участников Революции и Гражданской войны в трудах М. К. Юрасовой, М. Е. Бударина и И. Ф. Петрова. На революционную тему как одно из направлений деятельности омских писателей и краеведов уже обращалось внимание [3, 4, 5].

Образ борца за власть Советов показала М. К. Юрасова на примере венгерского революционера-интернационалиста Кароя Лигети [6]. Во время Гражданской войны он возглавил интернациональный отряд восточного фронта. Пленный белыми Карой Лигети, несмотря на жестокие пытки, не соглашался предать Красную Армию. Для него «Родина Революции ... была его вторая родина», когда он «ступил на сибирскую землю, у него было ощущение, будто он живет здесь давно... потому что самое значи-

тельное, самое высокое в его жизни произошло тут» [6, с. 109]. Примером «храбрых и преданных делу революции солдат» выступали омские чекисты на страницах повести «Были о чекистах» М. Е. Бударина [7]. Автор наделил героев исключительно положительными качествами, необходимыми для подпольной работы: хитрость, бесстрашие, самоотверженность, трудолюбие, готовность находиться «на грани между жизнью и смертью». Это были люди «беззаветного героизма, мужества, честности» [7, с. 45]. Отдельное внимание автор уделил пребыванию в Омске Ф. Э. Дзержинского. Он предстал как «герой Октябрьского вооруженного восстания и один из его главных организаторов, гроза контрреволюционной буржуазии, верный и бесстрашный рыцарь пролетариата, неутомимый труженик» [7, с. 266].

Революционерам противопоставлялись участники белого движения, их изображали как «бешеных волков», «спекулянтов», «дезертиров», «пьяных бандитов», «оборотней со звериным нутром», а адмирала А. В. Колчака называли «самозванным верховным правителем», «кровавым авантюристом».

С середины 1980-х гг. в очерках писателей-краеведов меняется образ адмирала. М. Е. Бударин писал: «В советской исторической литературе прошла пора изображения врагов Советской власти в карикатурном, гротескном виде» [8]. Выступавший ранее как историк-пропагандист, он характеризовал А. В. Колчака как «глубоко противоречивую фигуру». Романтический образ А. В. Колчака создал И. Ф. Петров в очерке «История одной любви»: «герой-полярник», «ученик легендарного С. О. Макарова» [9, с. 17]. В диалогах с Анной Тимиревой автор показал, что он «не стремился к власти», но не мог предать людей, которые вручили ему свою судьбу.

Писатели-краеведы обращались к персональной истории, чтобы отразить противоречивость событий гражданской войны. Герой повести И. Ф. Петрова «воин и создатель» Г. Ф. Захаренко тяжело переживает жестокость сражений: «весь вечер не находил себе места ... перед глазами проплывали картины кровавых боев» [10, с. 77]. Г. Ф. Захаренко чутко чувствовал грань между жестокостью и справедливостью. Несмотря на готовность воевать с врагом, он тяжело воспринял расстрел царской семьи. Свершившееся несовместимо с его жизненным идеалом [5, с. 89]. Драматическая судьба В. Куйбышева в книге М. Е. Бударина [11] – образец социальной мобильности от питомца Сибирского кадетского корпуса до члена ЦК РКП(б). Автор показывал главного героя как человека своего времени: «коммунист-ленинец», «политический руководитель на фронтах и командир советской экономики», «чуткий товарищ, человек энциклопедической образованности и поэтической эмоциональности» [11, с. 5-6].

Формируемый писателями-краеведами образ участников революции и гражданской войны менялся в зависимости от социального заказа. М. Е. Бударин, М. К. Юрасова, И. Ф. Петров были воспитаны в рамках советской системы, характеристика героев их книг совпадала с убеждениями в правильности существующего строя. Противопоставление образов участников красного и белого движения свидетельствовало о поиске идеальных героев-борцов за советскую власть. Политика гласности создала возможность пересмотра прежних оценок, но в то же время не происходило отрицания идеалов, на которых воспитывались советские люди. Лишь характеристика участников противоречивых событий в истории России становилась более многогранной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. – 2013. – № 3. – (Сер. 2. Гуманитарные науки).
2. Леонтьева О.Б. Образы исторической реальности в современной отечественной историографии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://istorex.ru/page/leonteva_ob_obrazi_istoricheskoy_realnosti_v_sovremennoy_otechestvennoy_istoriografii – (Дата обращения – 01.05.2017).
3. Назимова В. Ш. Проза и драматургия М. Е. Бударина // Вопросы истории и литературы: сб. ст. – Омск, 1995.
4. Колесников А. Д. Знаток и патриот края (мотивы революционной истории в работах М. Е. Бударина) // Вопросы истории и литературы: сб. ст. – Омск, 1995.
5. Гладкова И. Б. Добро и зло героев гражданской войны: по страницам очерков писателя-краеведа И. Ф. Петрова // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты: история и современность: материалы Всерос. науч.-метод. конф., 17–18 дек. 1998 г. – Омск, 1998.
6. Юрасова М. К. Если ты хочешь жить... – Новосибирск, 1973.
7. Бударин М.Е. Были о чекистах. – Омск, 1976.
8. Бударин М. Адмиральский час // Омская правда. – 1989. – 23 окт.
9. Петров И. История одной любви // Земля Сибирская, Дальневосточная. – 1991. – № 9.
10. Петров И. Ф. Большой костер. – Омск, 1987.
11. Бударин М. Е. Боец с душой поэта: повесть-хроника о В. Куйбышеве. – Омск, 1988.

Коников Борис Александрович,
кандидат исторических наук, профессор,
Радиозавод имени А. С. Попова,
Омск,
e-mail: boris_konikov@mail.ru

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО НАСЛЕДИЯ В. А. МОГИЛЬНИКОВА
(К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В статье кратко характеризуются некоторые коллекции из раскопок В. А. Могильникова на памятниках раннего железного века – Средневековья в лесостепном и южно-таежном Прииртышье, и хранящиеся в Музее археологии и этнографии Омского педагогического университета. Формулируется задача их компетентного введения в научный оборот.

Ключевые слова: лесостепное и южно-таежное Прииртышье; музей археологии и этнографии Омского педагогического университета, В. А. Могильников.

Konikov Boris Alexandrovich,
candidate of historical sciences, Radio plant of A. S. Popov,
Omsk,
e-mail: boris_konikov@mail.ru

FROM THE UNPUBLISHED HERITAGE OF V.A. MOGILNIKOV (TO
THE 85TH BIRTHDAY ANNIVERSARY)

The article briefly describes some of the collections from the excavations of V.A. Mogilnikov at the monuments of the early Iron Age - the Middle Ages in the forest-steppe and south-taiga Irtysh area, and stored in the Museum of Archeology and Ethnography of the Omsk Pedagogical University. The problem of their competent introduction into scientific circulation is formulated.

Key words: forest-steppe and south-taiga Irtysh area, Museum of Archeology and Ethnography of the Omsk Pedagogical University, V.A. Mogilnikov.

Крупнейшему исследователю древней и средневековой истории Урала, Западной Сибири и Алтая В. А. Могильникову (1932–2002) пока посвящены

краткие статьи в региональных изданиях и сборник статей, подготовленный его учеником Е. М. Данченко, и изданный Омским педуниверситетом¹ [1]. На мой взгляд, он заслуживает того, чтобы его полевые открытия и интеллектуальные прорывы в изучении прошлого указанных выше регионов стали объектом самостоятельного анализа. Однако это задача будущего. Настоящее сообщение преследует скромную цель, а именно привлечь внимание научного сообщества к полевым материалам, что, начиная с 1960-х г., регулярно откладывались в фондах МАЭ ОмГПУ, и которые явились результатом работы исследователя в лесостепном и южно-таежном Прииртышье. Коллекции относятся к разным археологическим эпохам и разнотипным памятникам. Их материал введен В. А. Могильниковым в научный оборот избирательно, часто в виде отметок на археологической карте региона или в сводных иллюстрациях к обобщающим изданиям² [2, с. 187]. Между тем, каждая из более, чем десятка коллекций, заслуживает детального разбора, анализа и представления с учетом современных научных достижений. Большая часть коллекций происходит из курганных могильников и городищ раннего железного века, меньшая – раннего и развитого Средневековья. Это материалы могильников Богдановка I и II, Калачевка II, Карташево I, Коконовка I и II, Окунево I, Стрижево, городища Богдановское, Бызовка, Горский Лог, Коконовское, Сперановское I и др. [3; 4].

Среди некрополей особого внимания заслуживает могильник (ки) у д. Богданово Горьковского р-на Омской обл. И, прежде всего, потому, что в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг. здесь был получен неординарный материал по одному из ключевых периодов в истории саргатской культурно-исторической общности раннего железного века (II – V вв. н.э.) [5]. Несмотря на то, что в последующие десятилетия в лесостепном Прииртышье были изучены иные саргатские могильники, некоторые затмившие своим содержанием богдановские [6], последние по ряду своих характеристик (устройству насыпей и погребальных камер, количеству захоронений и составу инвентаря и т. д.) остаются ценнейшими источниками по выше названному периоду. К этому добавим, что параллельно могильнику (ам) В. А. Могильников исследовал городище Богдановское; материалы хранятся в МАЭ ОмГПУ. Судя по работам на нем С. В. Прищенко, городище не однослойное. Однако большая часть музейной коллекции относится к Саргату. Попутно заметим, что этот памятник на высоком правом берегу Иртыша давно находится под угрозой уничтожения

¹ Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск: Наука, 2013. – Т. 2; Археология Алтая: информ.-аналит. портал.

² Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР: в 20-ти т. – М.: Наука, 1991. – Табл. 121–128.

в результате обрушения берега реки. Материалы богдановского комплекса, вкупе с другими саргатскими памятниками, чьи коллекции хранятся в музее, и дополняют, и открывают новые возможности для взвешенной оценки некоторых сторон жизни саргатского общества.

Высокую научную значимость имеет и коллекция со Сперановского I городища на правобережье Оми вблизи Омска. Городищу и находкам с него посвящены краткие заметки самого исследователя, а также его коллеги [7, 8]. Однако издано далеко не все материалы. Городище многослойное, здесь представлены материалы раннего железного века и Средневековья; материалы раскопок хранятся, помимо МАЭ ОмГПУ, в ОГИК музее.

Обращу внимание на характерную черту большинства коллекций: они происходят с некрополей и городищ, что как известно, является предпосылкой для качественных заключений.

Таким образом, в МАЭ ОмГПУ сосредоточено немалое число коллекций, полученных В. А. Могильниковым на памятниках преимущественно лесостепного Прииртышья. Несмотря на количественную ограниченность коллекций, их обработка и публикация внесет коррективы в историю лесостепных саргатцев, кулайцев, а также иных культурных образований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конигов Б. А. Памяти Владислава Александровича Могильникова // Труды по археологии и этнографии Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2006.
2. Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. – Омск, 2014. – Вып. 9.
3. Могильников В. А. Исследование курганной группы Калачевка II // КСИА. – М., 1968.
4. Могильников В. А. Коконовские и Саргатские курганы. Памятники эпохи раннего железного века Западно-Сибирской лесостепи // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – М., 1972.
5. Конигов Б. А. Из научного наследия В. А. Могильникова: курганный могильник Богданово II, курган «А» // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. – Омск, 2014. – Вып. 9.
6. Матюшенко В. И., Татаурова Л. В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск, 1997.
7. Могильников В. А. Сперановское городище // КСИА. – М., 1972. – Вып. 128.
8. Гришаева О. Е. Керамика Сперановского городища // Керамика как исторический источник. – Тобольск, 1996.

Корусенко Светлана Николаевна,
*кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Омск,
e-mail: tomil65@rambler.ru*

**КРАЕВЕД М. Х. ШИХОВА: РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В СОХРАНЕНИИ
И ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

В работе представлена роль краеведа М. Х. Шиховой в накоплении, сохранении и передаче информации по истории малой родины, большинство жителей которой является потомками бухарца Авазбаки Шихова. Собранные краеведом материалы хранятся в школьном музее ее памяти Уленкульской средней школы. Они стали основой для сохранения исторической памяти татарского населения данного региона.

Ключевые слова: краевед, историческая память, татары, бухарцы.

Korusenko Svetlana Nikolaevna,
*candidate of historical sciences, leading researcher,
Omsk Branch of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences,
Omsk,
e-mail: tomil65@rambler.ru*

**LOCAL HISTORIAN M. H. SHIKHOVA:
THE ROLE OF THE INDIVIDUAL
IN THE PRESERVATION AND STUDY OF HISTORICAL MEMORY**

This article is dedicated to role of the local historian M.Kh. Shikhova in the accumulation, preservation and transmission of information on the history of a small motherland. The majority of inhabitants of mentioned locality are descendants of Bukharan Avazbaky Shikhov. The materials, which were collected by the local historian, are deposited in the museum of her memory in the Ulyonkul school. Nowadays these materials are the basis for conservation of the historical memory of the population of Tatars.

Keywords: local lore, historical memory, Tatars, Bukharans.

Занимаясь много лет этнической историей и генеалогией татар Западной Сибири, побывав в ходе экспедиций почти во всех татарских деревнях Омской области, приходишь к выводу, что в тех деревнях, где есть заинтересованные люди, стремящиеся собрать по крупицам историю своей малой родины, сохранить и передать ее молодому поколению, очень хорошо собирать информацию среди населения. Не всегда эта информация отражает реальные события, часто она обрастает мифологемами, которые жителями воспринимаются как правдивые. Дальше уже дело исследователя доискиваться до истины.

Мое знакомство с Манвией Хусаиновной Шиховой произошло в 2000 г., когда Татарский этнографический отряд Омского государственного университета работал в с. Уленкуль и окрестных татарских деревнях Большереченского района Омской области. Данный куст поселений (Казатово, Кумуслы, Уленкуль, Яланкуль, Аубаткан, Черналы, Каракуль и др.) был основан бухарцами, переехавшими с правобережья Иртыша, а также из г. Тары, исходя из материалов архивных документов, в конце XVIII – начале XIX в., [1, с. 48–50]. Данный момент выяснился позже, уже после работ в архивах Омска и Тобольска. Однако землю в этих местах на левобережье Иртыша бухарцы стали приобретать еще во второй половине XVII в. для занятия хлебопашеством и сенокосением. А тогда, в 2000 г., жители рассказывали нам, что их деревни основаны очень давно, еще при Кучуме, а может быть раньше. Об основателе рода Шиховых Авазбаки говорили, что он пришел в Сибирь в 1572 г. В краеведческом музее Уленкульской средней школы в виде схемы представлена родословная (шаджара) Шиховых [1, с. 50], составленная М. Х. Шиховой и ведущая свое начало от Авазбаки и его четырех сыновей: Фэйзе-шык, Ашкы-шык, Баба-шык и Алем-шык. Род бухарцев Шиховых действительно являлся знатным, а его представители составляли в XVIII – XIX вв. землевладельческую, мусульманскую и торговую элиту [2]. Учитывая тот факт, что фамилии закрепились у татар и бухарцев большей частью в конце XIX – первой трети XX в., сейчас потомками Шиховых являются представители самых разных фамилий и знают об этом благодаря кропотливой работе М. Х. Шиховой по сбору и составлению генеалогии данного рода.

М. Х. Шихова (1929–2009) родилась в Яланкуле и прожила там до 15 лет. В 1944 г. для продолжения обучения (в Яланкуле была только семилетняя – неполная средняя школа) она фактически сбежала из колхоза в Уленкуль для продолжения обучения, где и закончила 10 классов. Именно

с Уленкулем и связана была вся дальнейшая ее жизнь, т. к. после окончания Учительского института она по распределению вернулась в Уленкуль, где и проработала много лет школьным учителем истории. Связей со своей родной деревней М. Х. Шихова никогда не теряла, как и с другими соседними татарскими деревнями, в которых проживают многочисленные потомки Шиховых, являющиеся родственниками различных степеней. Именно своей малой родине – Яланкулю и его жителям – посвятила она свою работу «Село Яланкуль и его жители. Шаджара», которую закончила 6 ноября 2006 г., но так и не увидела опубликованной при жизни.

Исследовательский подход к изучению родного края проявился у М. Х. Шиховой еще во время работы в школе, когда она организовывала походы для своих учеников, вела опросы среди жителей разных деревень о росте благосостояния народа, о получении высшего образования татарами, об экономическом положении колхозов и совхозов и др. Еще один удивительный факт из ее жизни – она с 14 лет (1943 г.) вела дневник. Сейчас это бесценный материал о повседневной жизни военного и послевоенного поколения. Все эти данные сохранились и переданы в настоящее время в созданный после смерти автора Уленкульский школьный музей памяти М. Х. Шиховой.

В коллекции М. Х. Шиховой сохранилась переписка с известным краеведом Большереченского района Омской области В. С. Аношиным, доктором исторических наук, исследователем татар Сибири и одновременно выходцем из Яланкуля Ф. Т.-А. Валеевым, с дальними родственниками из Турции, предки которых переселились туда из Яланкуля в начале XX в., и многими другими людьми. А основная цель ее переписки – собрать как можно больше сведений по истории татар и бухарцев Яланкуля и окрестных деревень. Именно благодаря целенаправленной деятельности М. Х. Шиховой по сбору, сохранению и передаче следующим поколениям краеведческого материала население Яланкуля, Уленкуля и соседних деревень знает свою историю, старается соблюдать традиции своего народа. Благодаря ее стараниям в 2001 г. Уленкуль отпраздновал свое 350-летие. И пусть дата основания деревни не подтверждается архивными документами (об Уленкуле как о населенном пункте в архивных документах имеются сведения только с XIX в.), известно, что земли для хлебопашества и сенокосения бухарцы действительно в этих местах стали приобретать еще во второй половине XVII в.

В 2003 г. М.Х. Шиховой было присвоено звание «Почетный гражданин Большереченского района» за многие ее заслуги, в том числе за краеведческие исследования, которые востребованы жителями татарских сел.

Недавно ко мне обратилась ее племянница З. А. Рахмангулова с просьбой дать оценку воспоминаниям, подправить текст и помочь напечатать. Надеюсь, что в этом году книга М. Х. Шиховой будет напечатана, ее ждут многие и многие люди, т. к. в ней отражена история их предков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корусенко С. Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения тарского Прииртышья в XVIII – XX веках. Омск, 2006.
2. Бустанов А. К., Корусенко С. Н. Родословные сибирских бухарцев: Шиховы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4 (60).

Левочкина Наталья Алексеевна,

*кандидат экономических наук, кандидат исторических наук,
доцент кафедры экономики, менеджмента и маркетинга,
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,
Омский государственный педагогический университет,
Омск,
email: lna1970@yandex.ru*

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОСНОВАНИЕ
ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО БРЕНДА
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ОМСКА)**

В статье рассматриваются различные типы, виды и этапы формирования культурных брендов, отражающих собой специфические характеристики урбанистической территории и отражение ее образа у населения крупного промышленного города.

Ключевые слова: региональный культурный бренд; культурный бренд урбанистического города; образ территории; омский культурный бренд.

Levochkina Natalia Alekseevna,

*associate professor, candidate of economic sciences,
candidate of historical sciences,
associate Professor of the Department of
economics, management and marketing,
Omsk State University of F. M. Dostoevsky, Omsk State Pedagogical University,
Omsk,
email: lna1970@yandex.ru*

**HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE AS THE BASIS
FOR THE FORMATION OF A REGIONAL CULTURAL BRAND
(ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF OMSK)**

The article examines the various types and kinds of brands, including cultural, reflecting the specific characteristics of the urban territory and the reflection of its image among the population of a large industrial city.

Key words: regional cultural brand, a cultural brand of urban cities, the image of the territory of the.

1. Введение. В последние десятилетия создание брендов касается многих регионов. Это связано с тем, что в ситуации глобальных процессов власти современных территорий активно занимаются поиском уникальной конкурентной ниши, которая бы способствовала притоку крупных инвестиций и туристических потоков. На наш взгляд, одним из условий, снижающих последствия глобализации для России, является формирование региональных брендов, в том числе культурных. С одной стороны, региональные бренды создаются на основе региональной идентичности и общности культурных, а иногда и этнических, и иных ценностей, многообразных ресурсов, а с другой стороны, процесс создания регионального бренда основывается на реализации долгосрочной политической и макроэкономической стратегии региона, комплекса информационных и рекламных мероприятий, которые продвигают территорию. Процесс создания брендов территорий набирает свою силу как в европейской части Российской Федерации, так и в отдаленных ее восточных, северных территориях [2, с. 427].

2. Постановка задачи. Региональные бренды должны формироваться целенаправленно с учетом стратегического плана, миссии региона, поскольку бренд является инструментом их воплощения. Яркий, эмоционально насыщенный, ориентированный на будущее региональный бренд будет способствовать успешному развитию региона, стабильности притока финансовых, человеческих, информационных ресурсов, что и обусловило интерес автора к изучению сущности понятия бренд, и прежде всего «региональный (культурный) бренд», а также изучению его содержательных компонентов, созданных с учетом различных факторов и показателей. По мнению ряда ученых¹, в том числе антропологов и этнографов, индивидуальность, уникальность является одной из ключевых характеристик бренда, поэтому территории необходимо отказаться от комплекса типичных характеристик, присущих практически всем регионам (коммерческие, социальные, спортивные и т. д.), в пользу более узкой эксклюзивной специализации, а именно, историко-культурной составляющей.

Сегодня большинство территорий целенаправленно формируют сугубо региональные бренды, их ассоциации с названиями регионов. В России наиболее известны водка «Столичная», вологодское масло, тульские пряники. Сходная ситуация с предметами, входящими в сферу народных промыслов: гжельский фарфор, хохломская роспись, тульские самовары, жостовские подносы, уральские самоцветы, каслинское литье и др. Крым ассоциируется с отдыхом, а к названию яблок «апорт» многие готовы

¹ Культура и пространство: кн. 2. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / Под ред.: В. К. Мальковой и В. А. Тишкова. – М., 2010. – С. 16.

добавить «алма-атинский» [1, с. 9]. В России весьма активную роль в формировании имиджа регионов играют географические, климатические, национальные и культурные различия, связанные с большой протяженностью и другими параметрами крупной страны. С другой стороны, имидж региона принципиально зависит от его экономики и той роли, которую регион играет в народном хозяйстве страны (донора или реципиента), от характера взаимоотношений с федеральными властями и другими центральными учреждениями и организациями, от сложившейся динамики макроэкономических региональных пропорций [2, с. 45].

Региональные бренды должны формироваться целенаправленно с учетом стратегического плана, миссии, видения региона, поскольку бренд является инструментом их воплощения. Яркий, эмоционально насыщенный, ориентированный на будущее региональный бренд – это залог успешного развития региона, стабильности притока финансовых, человеческих, информационных ресурсов. Региональные (культурные) бренды должны основываться на историко-культурных личностях, памятниках или на историко-культурных событиях, которые имеют отношение не только к культуре и истории данного региона, но и имеют огромный вес в историко-культурном наследии страны. Региональные культурные бренды, в отличие от брендов коммерческих и социальных, не могут быть придуманы имиджмейкерами и сделаны под заказ, так как они основываются на историко-культурном наследии. Основой развития региональных (культурных) брендов являются краеведческие информационные ресурсы (далее – КИР), которые заключают в себе огромный потенциал для развития территории и представляют собой: научные достижения, произведения художественного творчества, традиции, обычаи, обряды и др., способствуя производству новых культурных ресурсов, обеспечивая устойчивость и продвижение региона в мировом сообществе. КИР являются своеобразным генетическим кодом инвариантной культурной среды, сохраняют ее идентичность, обеспечивают устойчивость ментальных структур и защищают от воздействия импульсов внешних факторов, особенно если те несут угрозу ее жизнеспособности.

3. Результаты. Особо важная роль в формировании региональных культурных брендов принадлежит главным держателям КИР – местным библиотекам, архивам и музеям, которые обладают уникальными КИР и являются центрами сосредоточения знаний о регионе, главными региональными хранилищами документного культурно-исторического наследия, а также позволяют удаленному пользователю получить интересующие сведения о регионе, представить экономический,

культурно-исторический, природный, туристический потенциал территории, внося огромный вклад в формирование региональных культурных брендов. Региональные культурные бренды должны формироваться целенаправленно, при этом на каждом этапе это можно будет проверить через показатели, которые отражают сущностное содержание создаваемого бренда и элементы внешней среды.

4. Выводы. Все виды культурных брендов региона взаимосвязаны, однако они могут быть соединены в один глобальный бренд территории [1, с. 121]. В целом, региональный (культурный) брендинг – это новая деловая философия, заключающаяся в создании и поддержании притягательности, престижа территории, а также привлекательности сосредоточенных на ней историко-культурных ресурсов и возможностей их капитализации. Это направление деловой жизни быстро развивается и набирает обороты в нашей стране, по всему миру. Успешный культурный брендинг [3] обеспечит региону привлечение на свои территории инвестиций, туристических потоков, а также привлечение квалифицированной рабочей силы. Специалисты используют разные технологии создания и продвижения региональных брендов территории, но все они в сжатом виде подчеркивают ее позитивные, необычные качества, затеняя или замалчивая другие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эллвуд А. Основы брендинга. – М., 2002.
2. Левочкина Н. А. Региональные туристические бренды России как инструмент глобализации социально-экономических процессов // Россия и Европа. Единое экономическое пространство: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 2–3 дек. 2010 г. – Омск, 2010.
3. Левочкина Н. А. Региональные культурные бренды как тренд развития территорий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fan-5.ru/na5/3704.php> – (Дата обращения – 06.10.2015).

Менщиков Владимир Владимирович,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой отечественной истории и документоведения,
Курганский государственный университет,
Курган,
e-mail: vmen1@yandex.ru

**ВКЛАД Н. А. АБРАМОВА В РАЗВИТИЕ
СИБИРСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ (К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

В статье рассматриваются основные вехи биографии и творчества Н. А. Абрамова. Исследователь сочетал карьеру чиновника и ученого. Круг интересов Н. А. Абрамова был широк – история сел и городов, церковная история, этнография и фольклор местного населения, археология и география. Во всех городах, где жил исследователь, он закладывал основы изучения этих населенных пунктов.

Ключевые слова: краеведение; Сибирь; историография; Н. А. Абрамов.

Menshchikov Vladimir Vladimirovich,
doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of National
History and Documentation, Kurgan state university,
Kurgan,
e-mail: vmen1@yandex.ru

**N. A. ABRAMOV'S CONTRIBUTION IN THE DEVELOPMENT
OF THE SIBERIAN LOCAL HISTORY
(TO THE 205TH ANNIVERSARY OF THE BIRTHDAY)**

The article examines the main facts of the biography and creativity of N.A. Abramov. The researcher combined the career of an official and a scientist. Terms of N.A. Abramov's interest was wide - the history of villages and cities, church history, ethnography and folklore of the local population, archeology and geography. In all the cities where the researcher lived, he laid the foundations for studying these settlements.

Keywords: Local history; Siberia; historiography; N. A. Abramov.

Краеведы-исследователи XIX в. отличались широкой разносторонностью своих интересов, энтузиазмом, подвижничеством, причем порою

профессионально занимались совсем другим делом. В этом смысле не был исключением и Николай Алексеевич Абрамов. Крупный знаток отечественной историографии и истории Сибири В. Г. Мирзоев отмечал: «Кропотливая и неутомимая деятельность Абрамова по изысканию источников и описанию родного края представляет собой образец работы энтузиаста» [1, с. 181]. Именно поэтому, по всей видимости, не будучи профессиональным литератором, историком или ученым, Н. А. Абрамов оказался удостоен чести быть включенным известным литературным критиком и библиографом С. А. Венгеровым в его грандиозный по замыслу «Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых». Однако проект не был реализован полностью, а в 1889–1904 гг. вышло всего 6 томов. С. А. Венгеров отмечал значительный объем творческого наследия исследователя – около ста статей, однако заявлял, что «трудно указать, какая из них представляет наибольшую ценность», поэтому «каждая заметка и статья Абрамова ничего особенного собою в отдельности не представляет, но многие десятки таких заметок и статей составляют уже драгоценный вклад в науку»¹.

Н. А. Абрамов родился в Кургане 17 апреля 1812 г. в семье священника, в прошлом учителя Тобольской семинарии, в Кургане ставшим благочинным. Первоначальное образование Н. А. Абрамов получает в родительском доме, затем обучается в Курганском народном уездном училище. Благодаря отцу он изучил татарский язык, что стало для него важным подспорьем в процессе исторических, топонимических и этнографических исследований. После он обучался в Тобольской духовной семинарии и имел возможность продолжить образование в Московской духовной академии. Однако Н. А. Абрамов отказывается от продолжения духовного образования и священнической карьеры и выходит из соответствующего сословия. Он становится преподавателем в семинарии, одновременно занявшись архивными и историческими изысканиями. В дальнейшем Н. А. Абрамов становится чиновником и переходит на службу в Министерство народного просвещения, занимая должность смотрителя уездных училищ Березова, Тюмени и Ялуторовска. Он некоторое время живет и работает в этих городах, активно разрабатывая различные аспекты истории этих городов. В начале 1850-х гг. переселяется в Омск и становится столоначальником в Главном управлении Западной Сибири. С 1854 г. и до конца жизни Н. А. Абрамов

¹ Венгеров С. А. Абрамов Николай Алексеевич // Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). – СПб., 1889. – Т. I. – Вып. 1–21. А. – С. 19–20.

оказался связан с Восточным Казахстаном и Средней Азией. Он становится советником Семипалатинского областного правления, выполняя в дальнейшем иногда обязанности вице-губернатора. Умер Н. А. Абрамов в мае 1870 г. в Семипалатинске, где и был похоронен. Судьба его захоронения оказалась трагичной. Если верить одному из интернет-сайтов, кладбище, где было захоронение краеведа, оказалось разрушенным, а на этом месте в советское время была построена спортивная база и стадион, надгробия были использованы при изготовлении тротуаров в центре города.

Н. А. Абрамов до последнего времени рассматривался в отечественной историографии чаще как специалист по церковной истории [2]. Однако, помимо всего прочего, ввел в научный оборот найденную им так называемую Черепановскую летопись. Практически каждая статья по истории городов, где ему приходилось жить, по существу, была первым исследованием такого характера, что уже имело несомненную научную ценность, тем самым создавая фундамент для будущих изысканий. Именно Н. А. Абрамов заложил основы непрерывной исторической взаимосвязи между слободой Царево Городище и городом Курганом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мирзоев В. Г. Историография Сибири (домарксистский период). – М., 1970.
2. Бычков С. П. Об особенностях проблематики русской церковной историографии в Западной Сибири второй половины XIX–начала XX вв. // Вестник Омского университета. – Омск, 2009. – № 3.

Моисеенко Арсений Дмитриевич,
*студент третьего курса, исторический факультет,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
Томск,
e-mail: moiseenkoarseniy@gmail.com.*

**«РАСПИШИТЕСЬ, ЧТО НЕ...»: ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЮМОРА В ПОЗДНЕСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ**

В работе на основе фельетона в газете «Известия» проводится краткий анализ трансформации политической сатиры в позднесоветскую эпоху.

Ключевые слова: история СССР; фельетон; газеты; юмор.

Moiseenko Arseniy Dmitrievich,
*Third-year student, Historical Department,
National Research Tomsk State University,
Tomsk,
e-mail: moiseenkoarseniy@gmail.com.*

**«SIGN THAT THERE ARE NO...»: TRANSFORMATION IN POLITICAL
HUMOR DURING LATE SOVIET ERA**

The author analyzes transformation of political humor in the period of the late USSR. The basis for the work is the feuilleton in the newspaper «Izvestia» for 1986.

Keywords: history of USSR, feuilleton, newspapers, humor.

Согласно теории речевых актов Джона Остина, в коммуникативных актах существуют две языковые функции: констатирующая и перформативная. Констатирующая функция характеризует высказывания, которые описывают уже существующие факты; перформативная функция не констатирует уже существующие факты, а создает новые, то есть изменяет какие-либо параметры социальной реальности [1, с. 35]. А. Юрчак считает, что после смерти Сталина в 1953 г. идеологический дискурс перестал выполнять констатирующую функцию, поскольку потерял возможность

мета-дискурсивной критики относительно идеи-абсолюта. Таким образом, начался процесс гипернормализации формы идеологических высказываний и ритуалов, который перестал выполнять констатирующую функцию языка. Поэтому наиболее значимой стала перформативная функция языка, которая позволяла советскому обывателю творчески интерпретировать конвенциональные практики [2, с. 77].

Таким образом, в среде «безмолвствующего большинства» появилась возможность определения новых смыслов, изначально не заложенных в тексте его автором. Подобные смыслы позволяли последнему советскому поколению находиться в пространстве «внеаходимости» [3], то есть быть причастным к идеологическим практикам системы (выполняя заданную форму) и не реагировать на эти практики в области смысловой составляющей.

В № 69 от 10 марта 1986 г. газеты «Известия» на последней странице приведен фельетон В. Юровицкого «Распишитесь, что не...». Фельетон составлен из 6 циклических сюжетов, в которых главный герой каждый раз недоумевает, почему ему нужно расписываться за то, что он не имеет детей дошкольного возраста / баранов (проживая на 5 этаже) / крокодила, слона / не присвоил себе упавший метеорит / не умер. Фельетон заканчивается таким фрагментом:

«...Написал фельетон, запечатал и иду на почту.

– *Девушка, отправьте заказным.*

– *Распишитесь, что не...*

– ... *дозволенных вложений нет. Приказ № 239-д от 16 сентября 1985 года министра связи СССР.*

Удивительна наша жизнь. Ты пишешь фельетон с дикими гиперболами. А она эти гиперболы тут же в реальность претворяет» [4, с. 6].

Фельетон не стал стилистически новым нарративом советского обывателя, поскольку подобного рода сатирические высказывания можно проследить на протяжении всей Брежневской эпохи. Например, советский анекдот: «При капитализме человек эксплуатирует человека, а при социализме – наоборот»; «Если у нас так хорошо, а у них так плохо, то почему им так хорошо, а нам так плохо?»; «В социалистическом аду хорошо, потому что то спичек нет, то дрова с перебоями» и другие примеры [5, с. 153]. Указанные сатирические высказывания на политическую тему основаны (включая и разбираемый фельетон) на «эффекте Мюнхгаузена» [6, с. 151], то есть субъектами, создающими этот нарратив, осуществляется разрыв логической структуры высказывания, создавая парадокс. Тем не менее такой подход не дает точного понимания сути политического анекдота в СССР во второй половине XX в.

Предложенная Слотердайком конструкция юмора отражает специфику политической сатиры в позднесоветскую эпоху: «Только там, где юмор выходит наружу и собственное сознание ... потешается над самим собой, возникает веселый настрой, который оказывается проявлением не кинической насмешки и не цинической ухмылки, а юмора, уже переставшего быть боевым оружием» [7, С. 457]. Такой юмор появился в результате разрыва между означающим и означаемым.

Тем не менее важно принять во внимание тот факт, что фельетон вышел в печать в 1986 году. В предыдущую эпоху советской истории подобные анекдоты знали многие обыватели, но распространялись они исключительно на локальном уровне, то есть в среде самих обывателей. В разбираемом случае ситуация изменилась, поскольку сатирические конструкции начали появляться на страницах официальной печати. Это значит, что ирония больше не являлась юмором, переставшим бороться, поскольку он не был направлен на высмеивание того факта, что нет возможности противостояния. Сложилась ситуация, при которой юмор был направлен на широкий круг читателей, не только на обывателей. Юмор стал высмеивать неустойчивость и неэластичность системы уже на всех уровнях. Это означает трансформацию политического юмора на закате советской эпохи. Советский обыватель начинает выходить из зоны ненаходимости, поскольку идеологический дискурс начинает переосмысление своей структуры. Появляется новый тип отношений между обывателями и идеологическими структурами системы.

Данная работа не стремится уйти от полемичности. Безусловно, трансформацию отношений между системой и нормальными людьми можно объяснить и другими причинами. Однако будут ли они достаточно обоснованными, при условии того, что подобное переосмысление идеологического дискурса носит беспрецедентный характер? В рамках предложенного вектора развития темы планируется провести более детальный анализ изложенной трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Остин Дж. Как производить действия с помощью слов // Остин Дж. Избранное. – М., 1999.
2. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М., 2016.
3. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб., 2000.

4. Юровицкий В. «Распишитесь, что не...» // Известия Советов народных депутатов СССР. – № 69 (21511). – 10 марта. – Новосибирск, 1986.
5. Мельниченко М. Советский анекдот (указатель сюжетов). – М., 2014.
6. Pecheux M. The Mechanism of Ideological (Mis)recognition // Mapping Ideology. London, 1994.
7. Слотердаjk П. Критика цинического разума. – Екатеринбург – М., 2009.

Селезнев Александр Геннадьевич,
*кандидат исторических наук, доцент,
заведующий сектором этнографии,
Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,
Омск,
e-mail: seleznev@myttk.ru*

Селезнева Ирина Александровна,
*кандидат исторических наук,
доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии,
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,
директор, Сибирский филиал Российского
научно-исследовательского института культурного и природного
наследия им. Д. С. Лихачева,
Омск,
e-mail: ir_selez@mail.ru*

НОВЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Новые экологические движения России в социальном окружении: взаимодействие с политическими, образовательными, информационными институтами», проект № 17-01-00423.

В статье обсуждаются проблемы развития новых экологических движений, оказывающих заметное влияние на социокультурный ландшафт современной России. В центре внимания – перспективы этнографического обследования новых экопоселений, получивших распространение на территории Омской области. Исследование рассматривается как важная составная часть актуального научного направления – изучения антропологии постсоветских трансформаций.

Ключевые слова: постиндустриальное общество; экологические движения; экопоселения; Омская область.

Seleznev Alexander Gennadievich,

*Candidate of historical sciences, associate professor, head of the sector;
Institute of Archeology and Ethnography of
the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Omsk State University of F. M. Dostoyevsky,
Omsk,
e-mail: seleznev@myttk.ru*

Selezneva Irina Alexandrovna,

*candidate of historical sciences, associate professor, director; Omsk State
University of F.M. Dostoevsky, Siberian Branch of the Russian Scientific
Research Institute of Cultural and Natural Heritage of D. S. Likhachev,
Omsk,
e-mail: ir_selez@mail.ru*

NEW ENVIRONMENTAL MOVEMENTS AS AN OBJECT OF ANTHROPOLOGICAL RESEARCH

Problems of development the new environmental movements exerting strong influence on a socio-cultural landscape of modern Russia are discussed in the article. The results and perspectives field research two types of new eco-settlements, spread on Omsk region are in the focus of attention. Research is considered as an important component the urgent scientific problem – studying of anthropology Post-Soviet transformations.

Keywords: postindustrial society; environmental movements; eco-settlements; Omsk region.

В последние годы авторы совместно с коллегами провели полевые этнографические исследования новых экопоселений, расположенных на территории Омской области [1; 2]. В настоящее время реализуется проект антропологического изучения новых экологических движений в их социальном окружении. Формулируя проблему, мы исходили из факта бурного роста новых социальных движений и практик в поздне- и постсоветскую эпоху. Заметное место занимают новые экологические движения и создаваемые ими новые экологические поселения. В рамках этих движений формируются идеологии, социокультурные практики, мифология, изобретаются обрядность и традиции. Эти процессы по праву являются предметом социокультурной антропологии.

Между тем, в отечественной науке пока относительно редки исследования антропологии постсоветских трансформаций и этнографической эмпирики новых социокультурных явлений, сформировавшихся в эпоху постмодерна и постиндустриального общества. Особенно актуальными представляются на современном этапе региональные проявления указанных явлений. Что же касается проблематики новых экологических движений в Омском регионе, то, в такой постановке, исследование предлагается впервые.

Объектом исследования являются два типа новых экодвижений и сформировавшихся на их основе экопоселений. Выделение этих типов обусловлено различием идеологии, положенной в основу этих движений и механизмов их формирования. Один тип возник на основе возрождения (изобретения) славянской языческой («славяно-ведической») культуры, второй – на базе принципов, развиваемых в рамках широко распространенного в России нового религиозного движения «Звенящие кедры России» (движение анастасиевцев). Объединяет оба движения – их экологическая направленность.

В ходе реализации проекта предполагается рассмотреть феномен современных экодвижений в его взаимодействии с внешним миром. Под внешним социальным окружением (внешним миром) понимаются социальные институты (органы власти, средства массовой информации, учреждения системы образования и т. д.), а также местное население и отдельные личности, которые оказывают влияние на функционирование данных экодвижений и экопоселений.

Поселения различны и по размерам, и по времени и обстоятельствам их образования. Основу их структуры составляют так называемые родовые поместья. Обычно в рамках поместья проектируют строительство дома, ремесленной мастерской, различных хозяйственных построек. Иногда жилища имеют нестандартные архитектурные формы (например, сферические, призматические, конусообразные) и детали декора, отражающие культурно-религиозную специфику. Во всех поместьях получило развитие разведение огородных культур. Применяются модные технологии, например пермакультура Зеппа Хольцера. Анастасиевцы высаживают на территории поселений и в окрестных лесах огромное количество экзотических для лесостепной зоны Сибири деревьев: кедры, дубы и т. п. Животноводство, в основном, развивается в форме разведения коз с целью получения молока. Развита сбор дикоросов и даже бортничество.

Содержание ритуальной и праздничной обрядности зависит от идейно-религиозных воззрений членов общины. Для сторонников возрождения

славянских древностей важнейшими являются праздники Перуна и Солнцестояния. Анастасиевцы отмечают День Земли и проводят «брачные слеты», на которых молодые люди ищут «половинки» из своей среды.

Отношение к городу и городскому образу жизни неоднозначно. Город воспринимается как темное мертвое пространство, где ростки жизни задушены бетоном и асфальтом. В то же время радикальный разрыв с городской средой невозможен. Двойственность положения части городского социума, с той или иной степенью радикализма порвавшего с городским образом жизни, представляет собой, вероятно, наиболее важный аспект феномена новых экопоселений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Селезнев А. Г. Горожане вне города: этнографическое изучение новых экопоселений на территории Омской области (по материалам экспедиции 2015 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2015. – Т. 21.
2. Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Из города в лес: новые экопоселения как образ идеальных отношений с природой [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. – 2016. – № 4 (26). – Режим доступа: http://cr-journal.ru/rus/journals/392.html&j_id=29.

Скопа Виталий Александрович,
доктор исторических наук,
профессор кафедры историко-культурного наследия и туризма,
Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул,
e-mail: skopa_va@altspu.ru

ВКЛАД Н. М. ЯДРИНЦЕВА В РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ
СТАТИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА)

В статье рассматривается вклад Н. М. Ядринцева в развитие региональных статистических служб Западной Сибири посредством его участия в организации и проведении статистических работ, разработке форм статистического учета. Отдельное внимание уделено взаимодействию общественных сил и административных статистических структур региона при непосредственном участии Ядринцева. В статье дается анализ переписным формам учета, разработанных Н. М. Ядринцевым.

Ключевые слова: статистическая система; учет; история; Западная Сибирь; регион.

Skopa Vitaliy Aleksandrovich,
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism,
Altai State Pedagogical University,
Barnaul,
e-mail: skopa_va@altspu.ru

N. M. YADRINTSEV'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT
OF THE REGIONAL STATISTICAL SYSTEM AND ITS ACTIVITIES
(BASED ON THE MATERIALS OF WESTERN SIBERIA OF THE LAST
THIRD OF THE 19TH CENTURY)

The contribution of N. M. Yadrintsev to the development of regional statistical services in Western Siberia through his participation in the organization and conduct of statistical work, the development of forms of statistical accounting

is considered. Special attention is paid to the interaction of public forces and administrative statistical structures of the region with the direct participation of Yadrintsev. The article gives an analysis of the census forms of accounting developed by N. M. Yadrintsev.

Keywords: statistical system; Accounting; history; Western Siberia; region.

В отечественной историографии Н. М. Ядринцеву как областнику, общественному деятелю, публицисту уделено серьезное внимание. Недостаточно изученной остается проблема, касающаяся вклада Н. М. Ядринцева в развитие региональной статистической системы и ее деятельность. Незаурядный исследователь, убежденный народник оставил богатое наследие по проблемам статистического учета и функционированию статистических учреждений. По данному вопросу привлекают внимание его работы: «Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц» и «Программа исследования сельской общины в Сибири», которые содержат уникальный статистический материал, а вместе с тем позволяют оценить вклад исследователя в разработку переписных форм статистического учета и формирование статистических данных. Так, «Программа исследования сельской общины в Сибири» состояла из трех частей: «краткая программа для собирания хозяйственно-статистических сведений о сельской общине»; «программа для описания Сибирских инородцев»; «хозяйственно-статистические сведения о сельской общине и волости, к которой она принадлежит». Преимущественно программы были выстроены посредством логических вопросов и комментарием к ним, с целью разъяснения и детализации. Существенным дополнением к данным программам являлись инструкционные наставления и рекомендации к заполнению. Сопоставляя данный раздел с инструктивно-методическим обеспечением губернаторских отчетов, стоит отметить глубокую проработку и научный педантизм Н. М. Ядринцева, его отказ от типовых наставлений, что в итоге способствовало системному и целостному сбору статистических данных.

Уникальность и глубина разработанных форм позволили формировать содержательный материал по изучаемым объектам. Формы учета охватывали состав общины; способы пользования общинной землей; порядок переделов; устройство общих хозяйственных дел; общинную обработку земли с дележом продукта; состояние полеводства в общине; платежи повинности, лежащие на общине; юридические отношения членов общины; положение посторонних лиц в общине и выход из нее; отношение

отдельных общин между собой; переход от общинного владения к участковому и обратно; последствия и результаты существующего общинно-хозяйственного быта. Данные переписные формы отдельно были трансформированы и адаптированы в деятельности статистических комитетов Томска, Тобольска, Статистической партии в Алтайском округе для обследования как коренного населения и их быта, так и переселенцев¹.

В 1891 г. вышла крупная работа Н. М. Ядринцева – «Сибирские инородцы, их быт и современное положение», где отдельное внимание уделено статистическим данным. В данном исследовании детально представлены табличные формы учета с кратким комментарием и пояснениями. Привлекая ранее сформированный статистический материал, Н. М. Ядринцев научно аккумулировал его, делая логические выводы и заключения.

Отдельной вехой в деятельности Н. М. Ядринцева была служба в статистическом бюро Алтайского округа, где на правах заведующего он организовал консультации с видными статистиками Петербурга: Воронцовым, Покровским, Вернером. Под его руководством впоследствии была составлена программа обследования экономического быта крестьян и подворная переписная карточка. Используя опыт Иркутского статистического бюро, с помощью московского профессора-статистика А. И. Чупрова Н. М. Ядринцевым была набрана группа сотрудников, среди которых был доктор П. Г. Сущинский, имевший опыт статистических работ по регистрации переселенцев в Тюмени.

В целом, вклад Н. М. Ядринцева в развитие практики статистических работ региональных статистических служб имел принципиальное значение. Его наработки были высоко оценены служащими статистических учреждений и местной администрацией, а сформированный статистический материал и по сей день является уникальным историческим источником.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ядринцев Н. М. Программа исследования сельской общины в Сибири / Сост. при Зап.-Сиб. отд. императ. рус. геогр. общ-ва [Н. М. Ядринцевым]. – Омск, 1879.

2. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц / Н. М. Ядринцев. – СПб., 1891.

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 48. Л. 85-88; ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 145. Л. 36; Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 634. Л. 53.

Смирнова Елена Юрьевна,

*кандидат исторических наук, заместитель директора,
Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Омск,
e-mail: selena2068@yandex.ru*

**НЕВОЕННЫЙ ВОЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ СКАЛЕПОВ**

В статье рассматриваются эпизоды хроники омской семьи, герой которой стал участником знаковых событий начала XX века – Первой мировой и Гражданской войн и погиб в результате сталинских репрессий.

Ключевые слова: Первая мировая война; Гражданская война; сталинские репрессии; Западная Сибирь; Омск; семейная хроника.

Smirnova Elena Yurievna,

*Ph.D (history),
Institute of Archaeology and Ethnography
of Siberian Branch of Russian Academy of Science, Associate director,
Omsk,
e-mail: selena2068@yandex.ru*

NON-MILITARY MILITARY MAN VLADIMIR IVANOVICH SKALEPOV

The article discusses scenes chronicle of the family of the residents of the city of Omsk, where the hero became a participant in the significant events of the early 20th century, the First world and Civil wars and died as a result of Stalinist repression.

Key words: The First world war; Civil war; Stalinist repressions; Western Siberia; Omsk; family chronicle.

Рассказ об обычном человеке, в жизнь которого вторглась война и которого впоследствии сломала и уничтожила суровая советская действительность, основывается на документах и устных семейных преданиях.

Мой прадед со стороны отца, Владимир Иванович Скалепов, родился в 1888 г. в г. Омске в городской мещанской семье. К сожалению, сведений

о нем в нашей семье по ряду причин сохранилось мало. Знаю лишь, что в 1908 г. он сочетался законным браком с моей прабабушкой, Агриппиной Тарасовной Заливиной, 1884 г.р.; в 1909 г. у них родился сын Константин, а в 1912 г. – дочь Елизавета (моя бабушка, мать моего отца).

В ноябре 1914 г. В. И. Скалепов был призван на военную службу, в чине чиновника – с августа 1916 г. Во время войны с Германией в составе 610 пешей Акмолинской дружины с января 1915 г. по ноябрь 1916 г. был в Галиции на Австрийском фронте, с ноября 1916 г. по январь 1918 г. был на Турецком фронте в составе 492 Барнаульского полка и позднее при управлении Корпусного Интендантского 5 Кавказского корпуса. Ранен и контужен не был. В марте 1917 г., как писал Владимир Иванович своей жене, был он выбран «в члены комитета от 300 человек нашей команды».

16 августа 1919 г. В. И. Скалепов на основании Указа Верховного Правителя от 9 августа 1919 г. был признан подлежащим призыву на военную службу. Однако 15 января этого года состояние здоровья Владимира Ивановича (на основании предложения Омского уездного Военного начальника от 10 января 1919 г. за № 569) было освидетельствовано комиссией врачей Омского Военного госпиталя, в результате чего В. И. Скалепов был призван совершенно неспособным к действительной военной службе с диагнозом «хроническая малярия», о чем и получил свидетельство № 698. В результате Омским уездным по воинской повинности присутствием 16 сентября 1919 г. В. И. Скалепов был признан «вовсе негодным к службе».

С этого времени Владимир Иванович содержал свою семью, в основном, сапожным ремеслом, вплоть до 1928 г., когда был арестован органами ОГПУ (далее – Объединенное государственное политическое управление) за антисоветскую агитацию среди казахов а. Каржас. В этом ауле на левом берегу Иртыша жили основные его заказчики и просто приятели еще с до-революционных времен. Скалепова обвинили в том, что под видом стелек и запятников он вкладывал в сапоги антисоветские прокламации (*Статья 58-10 УК РСФСР. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания*).

О дальнейшей его судьбе есть лишь два достоверных свидетельства. Во-первых, В. И. Скалепов был совершенно точно еще жив 23 сентября 1931 г., поскольку этим числом датирована доверенность, подписанная заключенным I-го отделения (или в другой редакции I-го отдельного Лагпункта) СЛАГ (Соловецких лагерей) ОГПУ Владимиром Ивановичем Скалеповым, которой он уполномочивает свою жену, «Скалепову Агриппину

Тарасовну, проживающую в гор. Омске, ул. Церабкооповская (до конца 1920-х гг. – Воздвиженская, ныне – Рабиновича), № 9, на управление, распоряжение и, если потребуются, продажу лично мне принадлежащего дома в г. Омске по Церабкооповской ул. под № 9, с надворными постройками...». К доверенности приложен бланк сопроводительного письма Управления Соловецких и Карело-Мурманских исправительно-трудовых лагерей от 21 декабря 1931 г., которым доверенность препровождается начальнику милиции г. Омска. Семейное предание гласит, что Агриппина Тарасовна была на свидании у мужа в г. Кемь, но дата этой поездки неизвестна.

Последний документ – свидетельство о смерти № 1362, выданное Сталинским районным бюро ЗАГС г. Омска от 19 декабря 1939 г., в котором сказано, что Скалепов Владимир Иванович умер 1 января 1939 года в городе Омске в возрасте 51 года от отека легких.

Агриппина Тарасовна Скалепова пережила мужа ненадолго (если он действительно скончался в 1939 г.) – она умерла 20 мая 1943 года «от паралича сердца» в возрасте 59 лет в с. Ачаир Ульяновского (ныне – Омский район Омской области) района Омской области, куда ее сослали вместе с семьей моей бабушки Елизаветы Владимировны, чтобы освободить таким образом их дом в Омске для размещения эвакуированных.

Мой прадед не был военным, у него была семья на руках и, действительно, не очень крепкое здоровье. Он со спокойной совестью отказался от службы в Армии Верховного Правителя. Но я иногда думаю – если бы в решающие, трагические для России дни все ее граждане осознали бы свой долг и встали с оружием на ее защиту – может, и не было бы тогда Гражданской войны, Соловецких лагерей, и вообще наша история была бы другой, а страна – благополучной и процветающей?

Татауров Сергей Филиппович,

*кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором археологии,
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Омск,
e-mail: tatsf2008@rambler.ru*

**СЕМЬЯ АЙТИКИНЫХ:
КАК УНИЧТОЖАЛИ КУПЕЧЕСКУЮ ДИНАСТИЮ В ТАРЕ**

Статья посвящена семье тарских купцов Айтикиных – начиная с истории их появления на берегах Иртыша и заканчивая их судьбой в годы репрессий и на фронтах Великой Отечественной войны. Рассказывается об экспроприации имущества – пароходов, стекольного и суконного заводов, лошадей и т. д. В итоге удалось выяснить, что члены семьи Айтикиных укрылись в небольшом городке в Ферганской долине Узбекистана.

Ключевые слова: Западная Сибирь; история; Айтикины; купечество; репрессии; Узбекистан.

Tataurov Sergey Filippovich,

*candidate of historical sciences, associate professor, head of the sector, Omsk
branch of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Omsk,
e-mail: tatsf2008@rambler.ru*

**AYTIKINYI'S FAMILY - HOW WAS DESTROYED
THE MERCHANT DYNASTY IN THE TARA**

My article is devoted to a family of tarskie merchants Aytikinyi – since history of their emergence on coast of Irtysh and finishing them with destiny in the years of repressions and on fronts of the Great Patriotic War. There is told about expropriation of property – steamships, the glass and cloth factories, horses, etc. As a result it was succeeded to find out that families Aytikinyi have taken refuge in the small town in the Fergana Valley of Uzbekistan.

Keywords: Western Siberia; history; Aytikinyi; merchants; repressions; Uzbekistan.

Семья Айтикиных в городе Таре до революции считалась одной из самых почитаемых. Свое происхождение они вели от одного из первых миссионеров ислама в Западной Сибири – Дин-Аул-Ходжи [1]. После разгрома Правителя Сибирского ханства хана Кучума под Искером, Дин-Аул-ходжи переезжает в д. Сеитово, что находится в нескольких десятках километров от основанного в 1594 г. г. Тары. Его сыновья и внуки, помимо занятий, связанных с распространением и укреплением ислама в Сибири, начали активно заниматься торговлей. Своего купеческого взлета семья Айтикиных достигла ко второй половине XVIII в., когда стала получать стабильные доходы от торговли с Китаем. Айтикины везли из Китая столовую посуду из фарфора и фаянса, шелковые и шерстяные ткани, чай¹. В это время среди четырех братьев Айтикиных стал выделяться Нияз. Но состояние не означало положения в обществе, этого достигло уже следующее поколение Айтикиных.

В середине XIX в. Рахматулла Ниясович Айтикин стал купцом 1-й гильдии. За развитие промышленности и выполнение государственных заказов для армии (они поставляли военному ведомству сукно и кожи, из которых шили солдатские шинели и обувь) семье Айтикиных в 1868 г. было присвоено звание потомственных почетных граждан – их теперь должны были именовать «ваше благородие». Представителям семейства братьям Рахметулле и Насретдину Айтикиным царем были пожалованы серебряные медали: первому – на Александровской ленте, второму – на Станиславской. Третий брат Наджмитдин получил орден из рук наследника престола во время его пребывания в Таре в 1891 г.: «*выборный от бухарцев Тарского округа Начметдин Айтыкин*» удостоился получить медали на Станиславских лентах для ношения на груди [2, с. 273].

Четвертый брат Абдул-Фаттах в середине XIX в. имел в Таре кожевенную мастерскую, в которой в 1852 г. было выделано всего 3 тысячи кож на сумму 7200 руб., а весь производственный процесс осуществлялся шестью наемными работниками. К 1870 г. эта мастерская превратилась в кожевенный завод, на котором работали около 30-ти квалифицированных мастеров кожевенного производства². Во второй половине XIX в. Айтикиными была построена суконная фабрика и стекольный завод. В 1894 г. купцы С. Айтикин и А. Айтикин продали текстильной продукции соответственно на 100 и 60 тыс. руб. В 1886 г. Рахматулла Ниясович Айтикин вместе с тарскими купцами А. И. и В. А. Щербаковыми и П. И. Трофимовым открыли

¹ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3657. Л. 1–2.

² ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3488. Л. 290.

писчебумажную фабрику в селе Успенском, что в 53 верстах от Тюмени, а в последствии создали сеть складов в крупных городах региона – Тюмени, Екатеринбурге, Томске, Иркутске [3, с. 22].

Айтикины владели тремя построенными на тюменских верфях механиков Гакса и Гуллита пароходами, один был спущен на воду в 1863 г., два других – «Работник» и «Тара» – в 1887 г. [4].

Значительный след оставили Айтикины в культурной жизни населения Прииртышья. В начале последней четверти XVIII по их просьбе и на их средства была заложена и построена к концу века первая каменная мечеть в Западной Сибири [2, с. 151]. Через 30 лет после открытия мечети в г. Таре ими же были основаны новометодные начальная (мэктэб) и средняя (медресе) школы для детей татар и бухарцев Тары и близлежащих аулов. Их стараниями была открыта в г. Таре представительная библиотека, устроен Тарский ипподром.

В середине прошлого столетия Тара, не будучи первым городом Тобольской губернии по числу жителей, имела больше лошадей, чем Тюмень, Тобольск, Омск и другие города. Лошади тарских купцов участвовали в бегах на ипподромах Тюмени, Тары и т.д. [5].

Приход к власти большевиков ознаменовал крах купеческой торговли в России и, естественно, в Таре. 8 февраля 1918 г. большевиками подписан Декрет о национализации флота. Флот, пристани, судоремонтные предприятия вышли из частной собственности и стали государственными [2, с. 103]. После освобождения Тары от колчаковцев на нужды армии были конфискованы знаменитые айтикинские лошади-бегунки. Стекольный и суконные заводы в Таре практически не прекращали работу, поскольку их продукция шла на военные нужды, только уже под руководством представителей Советской власти. Особняк Айтикиных с подсобными зданиями был национализирован, в него переехала школа для татарских детей (бывшая медресе), где и просуществовала до 70-х годов XX в. [6, с. 97].

В результате всех этих экспроприаций в переписных листах г. Тары 1925 г. в графе «социальное положение» напротив Айтикиных стоит «бедняк» или «наемный рабочий»¹. Даже годы НЭПа не реанимировали эту купеческую династию. Но к этому времени Айтикиных в Таре осталось совсем немного. Судя по тем же переписным листам, к 1927 г. в Таре проживало две-три семьи Айтикиных, которые отвечали за мусульманскую общину, медресе и мечеть.

¹ Тарский филиал ГИАОО. Ф. 134. Д. 4.

В 1935 г. мечеть была разобрана на комсомольском субботнике, кирпичи пошли на строительство ремесленного училища¹. В это же время перестала функционировать публичная библиотека – книги были разобраны жителями Тары, их и сейчас с экслибрисами этой семьи можно встретить в личных библиотеках тарчан. Айтикиным в Таре больше делать было нечего.

На события октября 1917 г. Айтикины отреагировали достаточно оперативно и начали постепенно переселяться на свою историческую родину – в Среднюю Азию. Это было достаточно просто осуществить, так как к этому времени они владели торговыми домами в Павлодаре и Семипалатинске, имели свои представительства в Верном, Бухаре, Коканде.

Волна репрессий накрыла Айтикиных в Таре и Павлодаре, можно сказать, по касательной. Например, в той же Таре в деле подготовки контрреволюционного восстания в списке из 24 фигурантов всего 4 человека носят эту фамилию и не в заглавных ролях.

Найти место, где укрылись Айтикины, оказалось очень сложно, но благодаря «Книге памяти» Узбекистана о погибших и пропавших солдатах в годы Великой Отечественной войны выяснилось, что воевать Айтикины уходили из небольшого районного центра Багдад Ферганской области. В частности, оттуда ушел Айтикин Нариман Алеевич, который родился в 1924 г. в г. Таре; следовательно, его родители переселились из Сибири уже после его рождения. По всей вероятности именно в этом городке и нашел свое пристанище род Айтикиных.

Уцелевшие в репрессиях 30-х годов, проживавшие в Таре и в д. Большие Туралы Тарского района Айтикины ушли на фронт Второй мировой войны, большинство из них не вернулось. Так, в 1945 г. в город пришел только Хайрулла Айтикин.

В завершение можно отметить, что род Айтикиных, несмотря на все перипетии истории, не пресекался. В настоящее время его представители живут и работают в России, Киргизстане, Узбекистане, Турции и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валеев Ф. Т. Родословные записи (шэжэрэ) сибирских татар как историко-этнографический источник // Проблемы антропологии исторической этнографии Западной Сибири. – Омск, 1991.

¹ Храмы в крепостных стенах: конфессиональная история города Тары. – Омск, 2014. – С. 18.

2. Жиров А. А. Если бы стены могли говорить...: очерки и статьи. – Омск, 2008.
3. Колесников А. Д. Вглубь истории // Тара: к 400-летию основания города. – Омск, 1994.
4. Татауров С. Ф. Первая каменная мечеть Западной Сибири // XIII Сулеймановские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, май 2010). – Тюмень, 2010.
5. Коновалов А. П., Молдагазинова Ж. М. Верхне-Иртышское пароходство в XIX – XX веках // *Global trends of development of ethnic languages in the context of providing international communications / traditions and modern trends in the process of formation of humanitarian values.* – London: Международная академия наук и высшего образования, 2014.
6. Бакиева Г. Т. Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2008. – № 8.
7. Храмы в крепостных стенах: конфессиональная история города Тары. – Омск, 2014.

Татауров Филипп Сергеевич,
*младший научный сотрудник,
Центр материальной культуры и дизайна,
Омский государственный технический университет,
Омск,
e-mail: fil_opossum@mail.ru*

**«ЛЮДИ СИБИРИ»: ПРОЕКТ ОТКРЫТОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ПЛОЩАДКИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

В работе на примере историко-культурной тематики представлена модель социального проекта, направленного на формирование локальной идентичности городского жителя XXI века. Проект решает проблемы разрыва поколений и утраты социальной памяти у молодежи. На конкретном примере раскрывается методика его реализации.

Ключевые слова: социокультурное пространство; локальная идентичность; социальная память; урбанистика; городская среда.

Tataurov Philipp Sergeevich
*Junior Researcher of Center for material culture and
design at Omsk state technical university,
Omsk,
e-mail: fil_opossum@mail.ru*

**PEOPLE OF SIBERIA: PROJECT OF OPEN SOCIO-CULTURAL
SITE IN URBAN SPACE**

In the work on the example of historical and cultural themes, is presented a model of a social project, aimed at the formation of a local identity of a city resident of the 21st century. The project solves the problems of generation gap and loss of social memory among young people. On a concrete example was presented the methodology for its implementation.

Keywords: Socio-cultural sites; local identity; social memory; urbanistics; urban space.

В современной повседневной жизни в результате тотальной глобализации образуется относительно стандартизированный образ городского

жителя начала XXI века. В его основе лежит практически обезличенный костюмный комплекс, унифицированный для всех социальных слоев. В более ранние исторические периоды он формировался на основе социальной памяти и включал в себя новшества, вызванные духом времени, при этом все нововведения регулировались общественным мнением. Костюм был отличительным признаком и визитной карточкой человека (вспомним пословицу «По одежке встречают...»). Роль в изменении восприятия костюмного комплекса сыграл более глубокий, чем в предшествующие периоды, разрыв поколений. Если раньше социальный опыт, в том числе и в поведении, моде, привычках, передавался непосредственно от родителей к детям, то сейчас эту функцию берет на себя Интернет, как всемирное информационное поле. Молодое поколение практически утратило знание о прошлом, о том, как выглядело общество 30–40 лет назад. Проект «Люди Сибири» направлен на восстановление социальной памяти жителей г. Омска и формирование «локальной идентичности» омича.

Для решения обозначенных проблем необходимо создание доступной интерактивной социокультурной площадки – специализированной рекреационной зоны, где будут проводиться мероприятия, связанные с историей, бытом, культурой людей прошлого. К сожалению, на настоящий момент в России отсутствует методика организации подобных площадок, что мешает более активной реализации социокультурных проектов. Разработка подобной методики и является целью нашей работы.

Первоначальной задачей в ходе реализации проекта должно стать аналитическое изучение социальной активности населения города и разработка культурно-просветительских программ для различных социальных групп. Одновременно с этим выявляются районы города, в которых назрела необходимость создания открытой интерактивной социально-культурной площадки. Формат подобных рекреационных зон является наиболее удобным для выполнения целей проекта. Такие площадки доступны для максимального числа посетителей, легко трансформируются и видоизменяются.

Проект «Люди Сибири» включает в себя проведение нескольких видов мероприятий. Во-первых, организацию стендовых выставок, объединенных тематикой эволюции образа жителя г. Омска в разные хронологические периоды. На примере трансформации внешнего вида и костюмного комплекса омича с конца XIX по начало XXI века участники проекта смогут осознать, как происходили процессы изменения мировоззрения и моды в течение жизни нескольких поколений, как менялась технология производства костюма и его восприятие.

Во-вторых, на площадке возможно проведение мастер-классов фотографов и художников под общим названием «Образы омичей». На этих мероприятиях будут раскрыты основы портретного искусства, проведена просветительская работа с молодежью и школьниками, итогом которой станет создание серии любительских работ участниками проекта. Эти работы будут представлены на выставке-конкурсе в конце очередного проектного сезона.

В-третьих, на площадке планируется проведение открытых показов фильмов и мультфильмов, чтение лекций, посвященных жизни г. Омска в разные хронологические периоды, изменениям в повседневном быту его жителей.

Главным принципом организации работы площадки мы ставим модульность выставочных форм и простоту эксплуатации всего комплекса оборудования в целом.

Подводя итог, можно сказать, что в современном городском социуме потребность в реализации подобных проектов назрела давно. Ведь с их помощью сохраняется и передается социальная память: эволюционные преобразования в культуре и социуме, предпосылки этих процессов. Креативный подход и совместная деятельность в ходе реализации проекта позволяют молодежи г. Омска раскрыть свой творческий потенциал и приобрести профессиональные и коммуникативные навыки. Стоит отметить также простоту и экономичность организации подобных площадок. В отличие от традиционных музейных комплексов, подобные рекреационные зоны более доступны для массового зрителя. А то, что такие площадки будут расположены в местах повышенного социального притяжения, должно привлечь к сотрудничеству потенциальных партнеров и спонсоров.

Тихонов Сергей Семенович,
*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Омск,
e-mail: semchi957@gmail.com*

Н. М. ЯДРИНЦЕВ: К ПРОЧТЕНИЮ БИОГРАФИИ

Автор выделяет три этапа биографии Н.М. Ядринцева, каждый из которых имеет особенности. В большую жизнь будущий ученый вступает недоучившимся гимназистом, без средств к существованию, без поддержки родственников, и примыкает к группе студентов-сибиряков, учившихся в университете Санкт-Петербурга. Впоследствии знакомство с ними и совместная деятельность приводят юношу в тюрьму и ссылку. Государственный преступник, имея много свободного времени, монографически обобщил свои тюремные наблюдения. В последний период жизни Н. М. Ядринцев становится тем, кем мы его представляем: путешественником, ученым, публицистом.

Ключевые слова: Н. М. Ядринцев; этапы биографии.

Tikhonov Sergey Semenovich,
*Candidate of historical sciences, senior researcher,
Omsk Branch of the Institute of Areology and Ethnography of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences,
Omsk,
e-mail: semchi957@gmail.com*

N.M. YADRITZEV: TO READING BIOGRAPHY

The author identifies three stages of the biography of N.M. Yadrinsev, each of which has features. In a great life the future scientist enters an unaccustomed schoolboy, without means of subsistence, without the support of relatives, and adjoins a group of Siberian students who studied at the University of St. Petersburg. Subsequently, familiarity with them and joint activities lead the youth to prison and exile. The state criminal, having a lot of free time, monographically summarized his prison observations. In the last period of his

life, N.M. Yadrintsev becomes what we represent him: a traveler, a scientist, a publicist.

Key words: N.M. Yadrintsev; Stages of biography.

В последние 10–15 лет я не один раз убеждался, что некоторые молодые люди очень мало знают о выдающихся личностях прошлого. Если же они высказывались о них, то оценка зачастую была однозначна: Екатерина II – великая, Николай II – кровавый, Сталин – тиран, Берия – подлец, Троцкий – политическая проститутка, Хрущев – кукурузник и т.д., И очень редко кто из студентов задумывался о полутонах. А они есть! И личности ушедших от нас деятелей политики, науки, культуры настолько разноплановы, что даже изучение одного из них – дело многих лет. Причем в разные эпохи их оценка могла быть конъюнктурной и зависела как от существовавшей политической ситуации, так и от самого оценивающего субъекта.

Занимаясь изучением сибирских древностей, я, конечно же, изучал научное наследие Н. М. Ядринцева и использовал его материалы в своих работах. Но некоторые сюжеты его биографии были мне непонятны, и на них я хочу обратить внимание коллег. Однако, прежде чем перейти к ним, напомним, что личность Н. М. Ядринцева многие часто воспринимают как «публициста, общественного деятеля, исследователя Сибири, археолога, этнографа, деятеля сибирского областничества». Это стандартный набор эпитетов, тиражируемых во многих бумажных публикациях и на электронных ресурсах во многом благодаря трудам М. К. Лемке – историка, изучавшего борьбу с самодержавием прогрессивной общественности, написавшего книгу о Н. Я. Ядринцеве [1] и статью о нем в словаре Брокгауза и Ефрона [2].

Полагаю, что можно выделить несколько этапов биографии Н. М. Ядринцева, которые по характеру отличаются друг от друга.

Детские и юношеские годы: гимназист, неудавшийся студент, начинающий областник.

Итак, Михаил Яковлевич Ядринцев – отец Николая (по публикациям – купец, управляющий золотыми приисками, любитель наук и художественной литературы, знакомый с декабристами, жившими в Тобольске) – был сыном бедного пермского купца. Его жена – Февронья Васильевна – выкупная крепостная. Возможно, у семьи Ядринцевых не доставало средств, чтобы женить Николая на девушке своего круга. На это же косвенно указывают частые переезды семьи из Омска в Тобольск (1843), затем в Тюмень (1847) и Томск (1851), поскольку наситенное место обычно покидают в поисках заработка.

В Томске семья Ядринцевых прожила почти 10 лет. Может быть, именно в здесь были накоплены те 8 тысяч рублей, которые обманом были изъяты у Н. М. Ядринцева в Петербурге одним гвардейским офицером. Именно в Томске Михаил Яковлевич мог быть связан с золотодобычей, поскольку томские промышленники Поповы с 1828 года вели работы на золото в Мариинской тайге.

Приехав в Томск, Ядринцевы отдали сына в пансион при гимназии для подготовки к поступлению. Получается, достаток семьи был невелик, поскольку сын был отдан на казенный кошт? Через три года в 1854 г. мальчик поступил в гимназию, из которой вышел через семь лет, не сдав выпускной экзамен. Занимался ли отец, «любитель наук», образованием сына? В Петербурге юноша стал вольнослушателем естественного факультета университета.

Итак, сирота (его отец умер в 1858 г., мать – в 1861 г.) без документов об образовании, без средств к существованию, без специальности оседает в Петербурге. Ему помогают Г. Н. Потанин, С. С. Шашков, Н. М. Павлинов, братья Черемшанские и другие. Корректно ли их сравнить с современной несистемной оппозицией?¹ В итоге, в 1863 году, просотрудничав два года в «Искре» и «Русском слове», недоучившись, но обогатившись идеями областников, Н. М. Ядринцев приезжает в Омск, где устраивается домашним учителем в семью жандармского полковника В. П. Рыкачева.

Государственный преступник и ссыльный. Вероятно, «пламенные речи», «страстные призывы», «смелая критика представителей власти» и публичные лекции в Омске успеха не имели. Да и кто бы из солидных людей стал слушать молодого недоучку? И «трибун» в 1864 г. переезжает в Томск, где становится сотрудником газеты «Томские губернские ведомости», и где его арестовывают, судят и отправляют в ссылку.

Скорее всего, в отдаленном Шенкурске времени у ссыльного государственного преступника было много, и он сумел написать книгу «Русская община в тюрьме и ссылке» [3], а после помилования в 1874 году устраивается (уже как специалист по вопросу) домашним секретарем у графа В. А. Соллогуба – председателя комиссии по тюремному надзору.

¹ Несистемная оппозиция – общее название для лиц и группировок, активно недовольных действующей властью, но не могущих существенно повлиять на нее или сменить ее в рамках установленных государственной системой процедур, как правило, по причине отсутствия значимой поддержки в обществе. Свою политическую позицию они выражают путем проведения акций и публичных призывов.

Ученый, публицист, служащий. С 1876 по 1880 годы Н. М. Ядринцев по приглашению генерал-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова работает в его аппарате, занимается публицистикой, собирает статистические и этнографические материалы. После смерти Н. Г. Казнакова он оставляет службу.

Предположу, что в Омске в эти годы завершается становление Н. М. Ядринцева как ученого. Его избирают в члены Западно-Сибирского отдела Императорского РГО 25 октября 1877 г. Мнения о его участии в создании Отдела несостоятельны. Известно, что ЗСОИРГО был открыт 31 июня 1877 Н. Г. Казнаковым в присутствии действительных членов ИРГО (М. В. Певцов, И. Я. Словцов, Г. Е. Катанаев, И. Ф. Бабков и другие). В годы пребывания в Омске и Петербурге Н. М. Ядринцев совершает путешествия на Алтай (1878, 1880) и по результатам экспедиций награждается Золотой медалью ИРГО (1881).

В 1882 г., к 300-летию завоевания Сибири, выходит главный труд Н. М. Ядринцева – «Сибирь как колония», переизданная не единожды как в царской России, так и в Российской Федерации [4, 5, 6, 7, 8].

В 1886, 1889, 1891 он побывал в Минусинском крае, на Ангаре, Байкале, в Монголии, где и нашел развалины двух Каракорумов: уйгурского (Хара-Балгасун – VIII в.), и монгольского (на оз. Цайдам близ монастыря Эрдени-Цзу – XIII в.). Доклады и публикации, сделанные им в Петербурге и Париже, были приняты более чем благосклонно: Французская Академия устроила в его честь прием, Парламент пригласил на заседание. Однако награды ученый не был удостоен, а большую экспедицию 1891 г. Академия наук Н. Я. Ядринцеву не доверила. В этом году он работал под руководством более опытного и известного исследователя В. В. Радлова.

Последние годы жизни Н. М. Ядринцев собирал материалы для книги «Сибирь и Америка», путешествовал и покончил жизнь самоубийством из-за несчастной любви в 1894 г., едва приехав к месту службы заведующим статистического отдела Управления Алтайского горного округа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лемке Н. М. Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк к десятилетию со дня кончины (1894–7/VI–1904 гг.). – СПб., 1904.
2. Лемке М. К. Ядринцев Николай Михайлович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – 82 т. и 4 доп. – СПб., 1890–1907.

3. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке: исследования и наблюдения над жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин: исторический очерк сибирской ссылки. Сравнение разных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основы новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опытам русской тюремной общины. – СПб., 1872.
4. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия. – СПб., 1882. – XII.
5. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб, 1892. – XII.
6. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. – Тюмень, 2000.
7. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003.
8. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – М., 2012.

Тихонов Сергей Семенович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Омск,
e-mail: semchi957@gmail.com

Н. М. ЯДРИНЦЕВ И СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ

Автор считает, что этноархеологические исследования древних и средневековых археологических культур и народов не могут основываться только на данных археологии и этнографии. Видов источников должно быть намного больше, что полностью соотносится с теоремой о неполноте Геделя. В настоящей работе автором сделана попытка рассмотреть одну из работ конца XIX века как источник для этноархеологических работ, прежде всего в области методологии.

Ключевые слова: этноархеология; культура; этнические и культурные процессы; формирование общности.

Tikhonov Sergey Semenovich,
*Candidate of historical sciences, senior researcher,
Omsk Branch of the Institute of Areology and Ethnography of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences,
Omsk,
e-mail: semchi957@gmail.com*

N.M. YADRITZEV AND MODERN ETHNOARCHAEOLOGY

The author believes that ethnoarchaeological studies of ancient and medieval archaeological cultures and peoples can not be based only on data of archeology and ethnography. The source species should be much larger, which fully correlates with the Gödel incompleteness theorem. In this paper, the author made an attempt to consider one of the works of the late XIX century as a source for ethnoarchaeological works, and first of all, in the field of methodology.

Keywords: ethnoarchaeology; culture; ethnic and cultural processes; formation of community.

Проблема. Работы в области интеграции археологии и этнографии [1, с. 79–125], независимо от того, посвящены ли они археологизирующимся русским деревням [2, с. 161–169], изучению контактных зон древне-го и средневекового населения [3, 291–293], анализу границ между группами охотников [4, с. 58–61], рассмотрению узлов на веревках [6, с. 105–115] и т. д., всегда требуют использования источников двух и более научных дисциплин, что полностью соответствует современной методологии [5, с. 44–50]. Поэтому вольно или невольно специалистам необходимо расширять источниковую базу. Обычно это делается за счет привлечения данных археологии или этнографии, реже используются картографические сведения. Письменные материалы или публикации ученые анализируют, как правило, в тех случаях, если они прямо касаются предмета их работ. Полагаю, что в ряде случаев возможна экстраполяция сведений, содержащихся в письменных материалах более ранних эпох [7, с. 121–124].

Обсуждение. В данной работе рассмотрим материалы Н. М. Ядринцева, касающиеся Сибири и возможности их использования в этноархеологических исследованиях. К 300-летию присоединения Сибири он написал книгу «Сибирь как колония» [8], во многом публицистическую, но основанную на статистических материалах и данных исследователей XVIII – первой половины XIX века.

В ней для этноархеологии интересны два сюжета. Первый связан с анализом процесса внедрения групп населения (как больших, так и малых) в иноэтничную среду. В книге речь идет о разных по численности группах русских, попавших в удаленные друг от друга районы, где сложились разные пропорции русских и аборигенов. Н. М. Ядринцев отметил следующие тенденции:

- идут процессы не только ассимиляции аборигенов, но и миксации, а также ассимиляции русских;
- скорость и тенденция этих процессов зависит от численности контактирующих групп населения;
- изменения в контактирующих группах происходят в физическом типе, языке, пище, обычаях и манере поведения, хозяйственных занятиях;
- коренные народы Сибири в разной степени восприимчивы к контактам [8, с. 12, 21, 23, 27-30].

Данные тенденции можно сопоставлять с результатами древних и средневековых миграций, когда формируется основная археологическая культура, и по ее периферии складываются переходные (гибридные?) образования. По данным Н. М. Ядринцева в Сибири процесс формирования новой этнографической группы произошел примерно за полтора-два

столетия. Можно предположить, что это и есть скорость формирования новой культуры.

Второй сюжет связан с формированием новой общности. Ее основные черты прослеживаются в:

- формировании новой этнографической группы русских, принимающей мало участия в делах государства;
- облегчении перехода в другие сословия связи с удаленностью от метрополии (и некоторым упрощением социальной структуры);
- появлении иных антропологических показателей и черт характера с преобладанием элементов авантюризма, предпринимательства, уменьшением религиозности [8, с. 43, 54–55, 59, 61–62, 65–66, 68].

Возможно, такие же процессы проходили и в древности. Но если корректно сравнить формирование русских сибиряков и первых американцев в английских колониях, то можно предполагать, что такой процесс универсален.

Заключение. Конечно, рассмотрев материалы только одной монографии, трудно делать абсолютно достоверные выводы. Полагаю, что дальнейшие исследования позволят прийти к убедительным выводам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жук А. В., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Введение в этноархеологию: учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений // Этнографо-археологические комплексы проблемы культуры и социума. – Омск, 2009.
2. Тихонов С. С. Археологизирующиеся поселенческие комплексы русских XIX–XX веков в Нижнеомском районе Омской области веков // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2002.
3. Тихонов С. С. Контактные зоны и промысловые территории населения Нижнего Прииртышья (на примере материалов Г. Ф. Миллера 1740 года // Человек и Север. – Тюмень, 2012.
4. Тихонов С. С. Карты С. У. Ремезова и «межи» аборигенов на реке Демьянке // Вестник Омского университета. – Омск, 2013.– № 1 (67).
5. Тихонов С. С. Об археолого-этнографической интеграции и ее методологическом обеспечении // Культурологические исследования в Сибири. – 2013. – № 1.
6. Тихонов С. С. Узлы на веревках как один из «универсальных» феноменов культуры в этнографо-археологических исследованиях // Вестник Омского университета.– Омск, 2016. – № 3. – (Сер. Исторические науки).

7. Тихонов С. С. О возможности использования русских письменных материалов для интерпретации данных археологических раскопок позднесредневековых памятников Западной Сибири // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. – Курган, 2017.

8. Ядринцев Н. М. Сибирь, как колония: к юбилею трехсотлетия. – СПб., 1882. – XII.

Федотова Мария Михайловна,

аспирант,

Красноярский государственный педагогический университет

имени В. П. Астафьева,

Красноярск,

e-mail: maffkas@mail.ru

АЛЕКСАНДР РОБЕРТОВИЧ ШНЕЙДЕР (1897–1930):

УЧЕНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

В статье рассматривается биография экономиста, статиста, краеведа, общественного и политического деятеля, Александра Робертовича Шнейдера (1897–1930), который внес значительный вклад в развитие истории Енисейской губернии. Его работы посвящены развитию сельского хозяйства, населению Енисейской губернии, экономическому развитию региона.

Ключевые слова: Александр Робертович Шнейдер; краеведение; Приенисейский край; биография.

Fedotova Maria Mikhailovna

Graduate student, Krasnoyarsk state pedagogical university of V.P. Astaf'eva,

Krasnoyarsk,

e-mail: maffkas@mail.ru

**ALEXANDER ROBERTOVICH SCHNEIDER (1897-1930): SCIENTIST
AND PUBLIC ACTIVITY**

The article examines the biography of the economist, statistician, local historian, public and political figure, Alexander Robertovich Schneider (1897–1930), who made a significant contribution to the development of the history of the Yenisei province. His works are devoted to the development of agriculture, the population of the Yenisei province, the economic development of the region.

Key words: Alexander Robertovich Schneider; local lore; Prieniseysky krai; biography.

В 2017 г. исполняется 140 лет со дня рождения Александра Робертовича Шнейдера. Он родился 10 декабря 1877 г. в г. Красноярске

Енисейской губернии. Отец, Роберт Иванович, был инженером-технологом и до 1896 г. служил управляющим у золотопромышленника А. П. Кузнецова, а с 1896 г. по 1903 г. занимал должность Енисейского губернского механика. Мать, Александра Александровна, урожденная Шепетковская, занималась домашним хозяйством.

После окончания классической гимназии Александр Робертович уехал поступать в Петербургский университет, где обучался на юридическом факультете. Однако на третьем курсе он принял участие в студенческих волнениях, из-за чего был отчислен. Право держать государственный экзамен он получил только через два года. В 1903 г. он окончил юридический факультет и поступил на историко-филологический факультет, однако из-за отсутствия денежных средств окончить его не удалось.

В 1905 г. Александр Робертович вернулся в Енисейскую губернию, где поступил на службу в Енисейский поземельно-устроительный отряд. В это время он вел активную общественную деятельность: принимал участие в избирательной кампании I Государственной Думы, ездил по деревням, а в 1906 г. был уволен с прежней должности и привлечен к следствию за распространение среди сельского населения Выборгского воззвания. Однако следствие по этому делу было прекращено в связи с недостаточностью материалов для обвинения. Александр Робертович пытался восстановиться на службу, но особым распоряжением генерал-губернатора было запрещено брать на службу «неблагонадежных», и ему было отказано.

В 1907 г. А. Р. Шнейдера назначили производителем работ Курганской поземельно-устроительной партии Тобольского отряда, где он прослужил до марта 1910 г., после чего по личной просьбе Александра Робертовича его перевели в Енисейский поземельно-устроительный отряд на должность производителя работ во вновь образованную в 1910 г. Ачинскую партию, а позднее – в Земское управление Енисейской губернии.

В этот период он принимал активное участие в общественной жизни города и региона: читал лекции по истории внешкольного образования, проявлял инициативу при строительстве дома просвещения, был членом Красноярского подотдела РГО и организационного бюро по созыву Первого губернского совещания кооперативов всех видов, доказывал необходимость в укреплении материальной базы краеведческого музея¹, принимал активное участие в создании журнала «Справочник Восточно-Сибирского общества», который позднее был переименован в «Сельскую деревню» (с 1917 г. он был редактором этого журнала). В 1917 г., в период Февральской революции, А.Р. Шнейдер был избран членом губернского комитета

¹ ГАКК. Ф. 565. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

общественной безопасности и Совета рабочих и солдатских депутатов [1, с. 11]. В это же время он написал ряд научных статей, посвященных населению Енисейской губернии и Урянхайского края.

После установления Советской власти на территории г. Красноярска Александр Робертович был назначен заведующим статистико-экономическим отделением сельского хозяйства подотдела Енисейской губернии Земского отдела. В Союзе кооператоров он занимал должность заведующего школьным курсовым отделом.

Он выступал энергичным пропагандистом кружков местного родиноведения и сельских музеев [2, с. 6]. Призывал изучать прошлое и настоящее родного края. В период с 1922 г. по 1925 г. состоял внештатным членом коллегии музея Приенисейского края¹. Сферой его научных интересов продолжало оставаться население Енисейской губернии, которому он посвятил ряд научных статей [3].

В 1925 г. Александр Робертович переехал на постоянное место жительства в г. Новосибирск. Здесь он сосредоточился на работе в Обществе изучения Сибири и ее производительных сил. Важным вкладом А. Р. Шнейдера в сибиреведение явилось его активное участие в подготовке Сибирской советской энциклопедии.

Александр Робертович Шнейдер умер внезапно 26 сентября 1930 года от паралича сердца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шнейдер А. Р. К вопросу об организации трудовой помощи увечным воинам в Енисейской губернии // Сибирская деревня. № 15. – Красноярск, 1917.
2. Шнейдер А. Р. Сельские музеи // Сибирская деревня. № 20. – Красноярск, 1917.
3. Шнейдер А. Р. Округа и районы Сибирского края – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930.

¹ ГАКК. ф. 1380. Оп. 1. Д. 80. Л. 10.

Чернова Анастасия Александровна,
аспирант, Алтайский государственный институт культуры,
Барнаул,
e-mail: 84stasia@mail.ru

ЭТНОГРАФ А. В. АНОХИН КАК ОРГАНИЗАТОР
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ НА АЛТАЕ В 1920-Е ГОДЫ

В статье описывается деятельность алтайского ученого-этнографа А. В. Анохина в 1920-е гг. по формированию этнографического направления в краеведении. Исследователь уделял внимание сохранению наследия народов Алтая, его популяризации. Так, при участии ученого были созданы кружки по изучению культуры алтайцев, музей. Он стал инициатором публичных лекций и докладов по этнографической тематике.

Ключевые слова: этнография; краеведение; А. В. Анохин; народы Алтая.

Chernova Anastasiya Aleksandrovna,
post-graduate of Altai state Institute of culture,
Barnaul,
e-mail: 84stasia@mail.ru

ANTHROPOLOGIST A.V. ANOKHIN, AS ORGANIZER OF THE
ETHNOGRAPHIC AREA STUDY IN ALTAI IN THE 1920-S

The article describes the activities of the Altai anthropologist A.V. Anokhin in the 1920s for the formation of ethnographic directions in local history. The researcher paid attention to the preservation of the heritage of the peoples of Altai and its popularization. So, with the participation of the scientist were established groups to study culture of Altai people and museum. He became initiator of public lectures and reports on ethnographic topics.

Key words: anthropology; local history; A.V. Anokhin; peoples of Altai.

На Алтае деятельность краеведческих обществ в 1920-е гг. была неразрывно связана с общероссийскими тенденциями того периода. Основным учреждением по изучению края являлся Алтайский отдел Русского

географического общества (АО РГО). Краеведческая деятельность сотрудников отдела концентрировалась вокруг изучения истории, природного потенциала, экономических, этнографических и других условий Алтая. По отраслям знаний приоритет отдавался естественнонаучному направлению краеведческой работы. В гуманитарной сфере развитие получило этнографическое и историческое краеведение¹. Ведущую роль в развитии видов краеведческой работы по соответствующим отраслям знания оказывали также и отдельные ученые.

Так, Андрей Викторович Анохин, ученый, композитор, общественный деятель, обращается к изучению этнографии Алтая, специализируясь на изучении музыкальной культуры народов, проживающих на данной территории. Являясь знатоком Алтая, ученый активно налаживает работу по его изучению и сохранению накопленных знаний. А. В. Анохин стоит у истоков зарождения учебного и общественного этнографического краеведения на Алтае, если опираться на классификацию видов краеведческой работы, предложенную алтайским ученым А. Д. Сергеевым [1, с. 91].

Учебное этнографическое краеведение предусматривает введение в образовательных учреждениях краеведческих кружков, факультативных занятий. В начале 1920-х годов образцом внедрения краеведческой работы в школьную практику являлась школа им. III Коминтерна. Именно на ее базе А. В. Анохин, будучи преподавателем школы, организовывает летние экспедиции в Горный Алтай для изучения быта и культуры алтайцев. А. В. Анохин в своей статье «О школьных экспедициях на Алтай» (1927 г.) так описывает цель проводимых школой экспедиций: «через непосредственное наблюдение ознакомить учащихся с природой Алтая, этого редкого уголка по своей красоте на Сибирской территории, а также ознакомить с населяющими его аборигенами, сохранившими оригинальную и самобытную культуру [3, с. 68]. К открытию 1-й Алтайской губернской краеведческой конференции в 1925 г. А. В. Анохин с учениками подготовил этнографическую выставку².

Общественное направление этнографического краеведения предусматривает участие краеведов в заседаниях краеведческих обществ, создание музеев, пропаганду этнографической мысли. Андрей Викторович активно участвует в заседаниях АО РГО. Согласно отчету о деятельности общества за 1924–1925 гг. заслушивались следующие его доклады: «Космогония и феогония алтайцев по легендам и мистериям»; «Представления телеутов

¹ Государственный архив Алтайского края. Ф. 140. Оп. 1 Д. 13.

² К открытию 1-й Алтайской губернской краеведческой конференции // Красный Алтай. – 1925. – С. 5.

о душе», «Аборигены Алтайского края»¹. С 1928 г. ученый проживает в г. Горно-Алтайске (тогда с. Улала) и, согласно протоколам заседаний секции краеведения методического бюро при областном отделе народного образования, здесь он также активно участвует в организации краеведческой работы. Он является членом Общества друзей Ойротского краеведческого музея, в создании которого принимал непосредственное участие². Организация музея, по сведениям исследователя Р. М. Еркиновой, происходила с подачи Андрея Викторовича. Именно его стараниями был собран необходимый материал для открытия музея, который позже был им описан и систематизирован [2, с. 20].

Таким образом, следует отметить выдающуюся роль Андрея Викторовича Анохина в становлении и развитии учебного и общественного алтайского этнографического краеведения в 1920-е годы. Основными показателями этой работы явилось создание музея, устройство выставок, организация и проведение ряда научных и школьных этнографических экспедиций. Все перечисленное являлось неотъемлемой частью деятельности ученого, что позволяет занести его имя в число основателей краеведческого этнографического знания на Алтае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сергеев А. Д. О краеведении Алтайского края: теория, история, практика. – Барнаул, 2008.
2. Еркинова Р. М. А. В. Анохин и Г. И. Чорос-Гуркин у истоков формирования музейных коллекций // Анохинские чтения – Горно-Алтайск, 2008.
3. Анохин А. О школьных экспедициях на Алтай [Барнаульской опытно-показательной школы им. III Коминтерна. 1922–1926] // Просвещение Сибири. – 1927. – № 3.

¹ ГААК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 20. Л. 107, 107 об, 108.

² Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай. ФР. 64. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.

Шалахов Евгений Геннадьевич,
экскурсовод, «Замок Шереметева»,
Юрино, Республика Марий Эл,
e-mail: shalahof@yandex.ru

ЮРИНСКИЙ МОГИЛЬНИК В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ:
К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКА,
ОСТАВЛЕННОГО КОЧЕВЫМИ
ДРЕВНЕСИБИРСКИМИ ПОПУЛЯЦИЯМИ

Настоящая статья посвящена проблеме сохранения исследованного стационарными раскопками Юринского могильника эпохи бронзы. Нижняя площадка могильника в настоящее время полностью разрушена размывом и береговыми осыпями. Гораздо важнее сохранить верхнюю площадку некрополя, где в 2004–2005 гг. были изучены социально-значимые захоронения с богатым бронзовым и каменным инвентарем. Нами предложены некоторые мероприятия по сохранению уникального для лесной полосы Восточной Европы археологического объекта.

Ключевые слова: сейминско-турбинский транскультурный феномен; погребение; рекультивация; Юринский могильник.

Shalakhov Evgeny Gennadievich,
guide, «Sheremetev Castle» Museum,
Yurino, The Republic Of Mari El,
e-mail: shalahof@yandex.ru

YURINO BURIAL GROUND IN THE REPUBLIC OF MARI EL:
THE PROBLEM OF PRESERVATION OF A MONUMENT LEFT BY THE
NOMADIC POPULATIONS DREVNESIBIRSKY

This article is devoted to the problem of preserving the stationary excavations of Yurino Cemetery of the Bronze Age. The lower area of the burial ground is now completely destroyed by erosion and coastal talus. Much more important, as now appears to maintain the upper area of the necropolis, where in 2004–2005 studied socially significant burial with a rich bronze and stone implements. We have proposed some measures for the preservation of the unique forest belt of Eastern Europe archaeological sites.

Key words: Seyma-Turbino transcultural phenomenon; burial; remediation; Yurino burial ground.

Среди опорных памятников сейминско-турбинского транскультурно-го феномена, в т.ч. сибирских (Ростовка, Сатыга XVI) заметно выделяется информативный Юринский могильник, открытый автором настоящей статьи на Сутырской дюне близ современного устья р. Ветлуга – левого притока р. Волга на западе Республики Марий Эл [1, с. 168]. Уникальность погребальных комплексов могильника, оставленного кочевыми древнесибирскими популяциями, доказана результатами стационарных раскопок, предпринятых Марийской археологической экспедицией [2, с. 103–111; 3, с. 56–78].

По мнению основного исследователя, смытая Чебоксарским водохранилищем «(около 700 кв. м) и исследованная (934 кв. м) площадь, объем коллекции (53 предмета), количество достоверных (10) и условных (7) погребений позволяют предположить, что некрополь включал не менее 30 захоронений» [3, с. 56] начала позднего бронзового века.

Рекультивированные раскопы 2001–2003 гг. буквально уходили прямо на глазах вместе с обвалами песчаного грунта. Главная причина разрушений на нижней площадке некрополя – абразивные процессы, фиксируемые по всей береговой линии в зоне затопления Чебоксарского водохранилища.

Скорость возникновения обвалов и оползней почти не оставляла шансов на поиск остатков размытых могил эпохи бронзы. Наши усилия в этом плане лишь однажды увенчались успехом. Мы говорим об условном погребении 13, обнаруженном в 2003 г. на размытом пляже под исследованной площадкой некрополя [2, с. 110].

На сегодняшний день максимальная ширина рекультивированных раскопов на нижней площадке Юринского могильника составляет примерно 3,5–4 м (данные на 1 июля 2016 г.).

Наиболее ценные находки получены Б. С. Соловьевым при изучении верхней площадки погребального памятника. Социально-значимые (воинские) захоронения эпохи бронзы (могилы 10 и 15) вскрыты на вершине дюны – в 60 м к северо-востоку от основной площадки некрополя [3, с. 57].

Рекультивированные раскопы 2004–2005 гг. имеют почти идеальную сохранность в сравнении с остатками раскопов 2001–2003 гг., о которых шла речь выше. Единственная угроза исходит от неорганизованных туристов, рыбаков и охотников, которые часто посещают Сутырскую дюну в теплое время года.

В целях сохранения верхней площадки уникального погребального памятника необходимо осуществить ряд шагов, которые при должном финансировании, позволят еще много лет вести научное наблюдение за объектом археологического наследия.

Во-первых, нужно установить информационный щит, посвященный памятнику и его исследователям, во-вторых, соответствующим образом обозначить границы рекультивированных раскопов 2004–2005 гг.

В заключение отметим, что проблема сохранения верхней площадки Юринского некрополя сейминско-турбинского типа, требующая положительного решения, отражает не столько чей-то научный интерес к конкретному памятнику, сколько стремление цивилизованного общества к увеличению числа полноценно защищенных объектов культурного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев Б. С., Шалахов Е. Г. Воинское погребение Юринского могильника // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. – Чебоксары, 2006.
2. Соловьев Б. С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // Российская археология. – 2005. – № 4.
3. Соловьев Б. С. К вопросу о социально-значимых захоронениях сейминско-турбинского типа // Материалы и исследования по археологии Поволжья. – Вып. 5. – Йошкар-Ола, 2010.

Юдина Альбина Александровна,
*студент третьего курса, исторический факультет,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
Томск,
e-mail: yudina.albina2016@yandex.ru*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О СОБЫТИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТОМСКОЙ ТОПОНИМИКЕ

Обосновывается актуальность изучения исторической памяти жителей Томска о Гражданской войне в топонимике города. На основе социологического исследования показано, что ученики 9–11 классов в целом мало знают о данном событии. Информация о Гражданской войне постепенно искажается и стирается. Показана роль томских улиц в сохранении памяти о событиях Гражданской войны в общественном сознании, а также рассмотрены причины сохранения советской топонимики.

Ключевые слова: историческая память; топонимика; Гражданская война.

Yudina Albina Alexandrovna,
*third-year student, Historical Department,
National Research Tomsk State University,
Tomsk,
e-mail: yudina.albina2016@yandex.ru*

HISTORICAL MEMORY OF THE EVENTS OF CIVIL WAR IN TOMSK TOPONYMY

The article proves the urgency of studying the historical memory of Tomsk residents about the Civil War in the toponymy of the city. Sociological research shows that pupils of grades 9-11, on the whole, know little about this event. Information about the Civil War is gradually distorted and erased. The role of the streets of Tomsk in the preservation of the memory of the events of the Civil War in the public consciousness is shown, as well as the reasons for the preservation of Soviet toponymy.

Key words: historical memory; toponymy; civil war.

Распад СССР, становление нового государства – Российской Федерации, а также пересмотр и переосмысление событий исторического прошлого страны привели к кризису гражданской идентичности россиян. Это вызвало интерес ряда исследователей к проблеме формирования исторической памяти у нового поколения.

Целью данного исследования является выявление интереса у учеников 9–11 классов к событиям Гражданской войны, а также проверка школьников на знание томских улиц, названных в честь участников Гражданской войны.

Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом [1, с. 18].

Особое место в исторической памяти занимают события Гражданской войны. С целью выявления интереса у подрастающего поколения к данным событиям было опрошено 40 учеников 9–11 классов. На вопрос «Что вам известно из истории Гражданской войны?» упомянуть участников событий Гражданской войны смогли только 17% от общего числа опрошиваемых. Встречались такие фамилии, как А. В. Колчак, А. И. Деникин, С. Г. Лазо, С. М. Буденный. Указать годы войны смогло только 12% респондентов, однако, встречались и ошибочные даты начала Гражданской войны: 1905 и 1914 гг. Причины данного события смогли назвать только 20% одиннадцатиклассников и 27% девятиклассниц. Также встречались ответы с указанием движений во время Гражданской войны: белые, красные, зеленые – 22,4%.

О противоречивости восприятия данного исторического этапа свидетельствует тот факт, что у 58% респондентов Гражданская война не вызывает никаких чувств, 42% – испытывают чувство ужаса, страха, переживания.

Таким образом, можно сделать вывод, что в коллективной памяти подрастающего поколения одновременно могут уживаться различные образы прошлого и способы повествования о прошлом.

В современном обществе дебаты о советском наследии обращают нас к важной проблеме исторической топонимики, которая напрямую влияет на историческую память и образ советского прошлого в современной России.

4% от общего числа улиц города Томска (их насчитывается 855)¹ названы в честь участников событий Гражданской войны: улицы Артема,

¹ Улицы города Томска [Электронный ресурс] // mapdata.ru: подробный электронный список улиц городов России. – Режим доступа: <http://mapdata.ru/tomskaya-oblast/tomsk/ulicy/> – (Дата обращения – 28.05.2017).

Братьев Васильевых, Косарева, Котовского, Щорса, проспект Фрунзе и т. д. В этой связи возник вопрос, знают ли школьники эти улицы. 18,7% опрошиваемых назвали правильно улицы: Котовского, Сергея Лазо, Красногвардейская. Остальная часть либо не назвала совсем, либо указала на ошибочные улицы. Многие указали фамилии Ивана Черных, Олега Кошевого, Смирнова, а также переулок 1905 года.

Среди названий, присутствующих на карте современного города Томска, сохранились те, в которых советское наследие не может не вызывать вопросов. Одни из ярких примеров – улица Бела Куна, организатора и участника массовых казней плененных солдат и офицеров армии П. Н. Врангеля, и улица Войкова – участника расстрела царской семьи.

Возникает вопрос – нужно ли все-таки переименовывать такие улицы, или оставить все как есть? Если рассмотреть с чисто практической точки зрения, целой группе людей нужно менять документы. В современном обществе, где каждая секунда на счету, люди могут рассуждать: «я лучше буду жить на улице плохого человека, чем бегать по паспортным столам».

Примером этого может служить попытка переименования проспекта Ленина в Университетский проспект. Так, по результатам опроса, который прошел на сайте одного из томских новостных агентств, томичи считают, что проспекту Ленина нужно не новое имя, а хороший ремонт¹.

Таким образом, можно сделать несколько выводов. Во-первых, большинство школьников 9–11 классов не имеют представления о Гражданской войне в России. По нашему мнению, проблему можно решить с помощью хороших педагогов, которые действительно будут заинтересовывать детей изучать историю.

Во-вторых, историческая топонимика должна нести в себе минимум идеологии, и от перегибов прежних эпох можно избавиться. Сами по себе названия – это тоже история: меняя названия, мы отказываемся от прошлого своей страны. По нашему мнению, не стоит менять старое на новое, нужно давать новым объектам новые имена, чтобы был достигнут баланс в исторической топонимике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). – М., 2003.

¹ Университетский... проспект? [Электронный ресурс] // tv2.today: сервер томского новостного агентства. – Режим доступа: <http://tv2.today/TV2Old/Universitetskii-prospekt/> – (Дата обращения – 28.05.2017).

Список сокращений

- АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей
АХР – Ассоциация художников революции
АХРР – Ассоциация художников революционной России
ВО – военный округ
ВСЕХБ – Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов
ВУСО – Верховное Управление Северной области
ГААК – Государственный архив Алтайского края
ГАО – Государственный архив Архангельской области
ГАБО – Государственный архив Белгородской области
ГАКО – Государственный архив Кировской области
ГАОПДФ АО – Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области
ГАПК – Государственный архив Пермского края
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСПИ КО – Государственный архив социально-политической истории Кировской области
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области
Д. – дело
ЗСОИРГО – Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
КИР – краеведческие информационные ресурсы
КМЭЭ – Казахская международная этнографическая экспедиция
Л. – лист
МАЭ ОмГПУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного педагогического университета
МБУК – муниципальное бюджетное учреждение культуры
МКАЭЭ – Международная казахская археолого-этнографическая экспедиция
МНС ОФ ИАЭТ СО РАН – музей народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
НВМФ – научный вспомогательный музейный фонд
НКО – национально-культурное объединение
ОВК – отдел военного комиссариата
об. – Оборот
ОГИК музей – Омский государственный историко-краеведческий музей

ОМК – основная музейная коллекция
ОМФ – основной музейный фонд
ОФ ИАЭТ СО РАН – Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Оп. – описание
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА – Российский государственный военный архив
РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
РГО – Российское географическое общество
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
Св. – святой
СДРК – Совет по делам религиозных культов
СМО – Севастопольское музейное объединение
СОКМ – Свердловский областной краеведческий музей
Ст. – степень
ТЕВ – Тобольские епархиальные ведомости
УОБК – Уральское областное бюро краеведения
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания
Ф. – фонд
ХВЕ – Христиане веры евангельской
Худпром – Сибирский художественно-промышленный техникум
ЦАКА – Центральный архив Красной Армии
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Содержание

Доклады пленарного заседания

<i>Вибе П. П.</i> Монументальная коммеморация событий Революции и Гражданской войны в России: путь к примирению или расколу.....	5
<i>Добровольский А. В.</i> Эсеры Сибири: исторические альтернативы 1917 года.....	17
<i>Козлов В. Ф.</i> Церковь и власть. Судьбы православных храмов Омска и Омской области после Октябрьской революции 1917 г. (по материалам Государственного архива Российской Федерации).....	20
<i>Кокоулин В. Г.</i> Революция 1917 года в мифологическом измерении.....	25
<i>Красильникова Е. И.</i> Октябрьские торжества в Восточной Сибири: коммеморативный аспект (1920 – середина 1941 гг.).....	30
<i>Леонтьева О. Б.</i> «Вне обычной меры времени»: события 1917–1918 годов в восприятии российской интеллигенции.....	34
<i>Рыженко В. Г., Рыженко Л. И.</i> Возможности актуализации историко-культурного наследия в рамках партнерской программы «Сибирский тракт».....	38
<i>Сизов С. Г.</i> Повседневная жизнь горожан и эпидемия тифа в Белом Омске в 1918–1919 годах.....	43
<i>Смирнова А. Г.</i> 1917 год и судьбы отечественного краеведения.....	49
<i>Томилов Н. А.</i> Этнографические исследования культуры народов Сибири российскими учеными: вопросы периодизации.....	55
<i>Чуркин М. К.</i> «Человек власти», «человек культуры» и «колониальный субалтерн»: сюжеты внутренней колонизации в литературном наследии Н. М. Ядринцева.....	60

Шелегина О. Н. Актуальные тенденции в изучении музейного мира Сибири.....66

Шиловский М. В. Деятельность Г. Н. Потанина по мемориализации памяти Н. М. Ядринцева и выявлению его творческого наследия.....69

Шишкин В. И. Дипломатическая составляющая генезиса широкомасштабной гражданской войны на востоке России (конец мая – начало июня 1918 г.).....74

События Революции и Гражданской войны в России в междисциплинарных региональных и краеведческих исследованиях

Акопянц А. С. Оценка перспектив революции в меньшевистской публицистике.....80

Алисов Д. А. Историческая память и советский город: проблемы взаимодействия различных типов культурного ландшафта в одном городе (на примере Омска).....83

Байдалы Р. Ж. Политическая деятельность А. Турлыбаева в период гражданского противоборства.....88

Балюнов И. В. Тобольская ссылка императорской семьи Николая II. Отношение местного населения.....91

Бурнашев Э. Г. Амнистия марта 1917 г. в Тобольске.....95

Джумагалиева К. В., Аубакирова Х. А. Политические лидеры партии «Алаш» в период революции и Гражданской войны.....100

Долгова А. В. Кадровый вопрос в органах власти по борьбе с дезертирством в Пермской губернии в годы Гражданской войны.....103

Елизарова Н. В. Мифы революции 1917 года в кино.....107

<i>Запорожченко Г. М.</i> Роль кооперации в формировании гражданской идентичности и элементов гражданского общества.....	110
<i>Кабакова Н. В.</i> «В такое интересное время я родился».....	114
<i>Кибасова Г. П.</i> Судьба одной книги: И. Романов, Н. Соколов «Очерки истории революции 1917 г. в Царицыне (Сталинграде)» – Саратов, 1932.....	117
<i>Козлова А. А.</i> Бытование жителей сибирской провинции в условиях Великой Отечественной войны (на омских источниках).....	120
<i>Кондрашихин А. Б.</i> Тема Революции и Гражданской войны в публикациях севастопольского альманаха «Морской архив».....	124
<i>Конев Е. В.</i> Христиане веры евангельской Омской области в 1940–1960-е гг.....	127
<i>Коньшин А. Е.</i> Установление советской власти на севере России.....	132
<i>Косыгина С. В.</i> Воспроизводство городского населения Западной Сибири в 1914–1923 гг.....	139
<i>Кротт И. И.</i> Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири: практики адаптации и модели взаимодействия в условиях революции и Гражданской войны.....	144
<i>Ксенжик Г. Н.</i> Столетие революции в Казахстане: новые направления в междисциплинарных исследованиях.....	149
<i>Левина Ж. Е.</i> Формы краеведческой работы в социокультурной практике сибирских художников (20-е – 30-е годы XX века).....	163
<i>Лосунов А. М.</i> Мартовские события 1917 г. в Омске.....	167
<i>Минина Н. А.</i> Установление Советской власти в Новониколаевске: факты и мифы.....	173

<i>Наумов С. С.</i> Трансформация восприятия личности А. В. Колчака в работах западносибирских историков и публицистов в конце 1980-х – начале 1990-х гг.	177
<i>Озерова О. А.</i> Участие поляков в Гражданской войне в Западной Сибири (1918–1920 гг.).....	181
<i>Пахомчик С. А.</i> Вековой юбилей старейшего высшего аграрного учебного учреждения Сибири.....	186
<i>Подолько В. В.</i> Участие казаков станицы Котуркульской в Гражданской войне: люди и судьбы.....	190
<i>Позднякова А. С.</i> Портрет вятского бандита эпохи Гражданской войны: по материалам допросов вятского губернского революционного трибунала.....	193
<i>Соловьева И. А.</i> Архивные источники по истории Гражданской войны на Севере России.....	196
<i>Стельмак М. М.</i> Образ Японии в печатном органе Омской Директории (ноябрь 1918 г.).....	199
<i>Талапин А. Н.</i> Военнопленные Первой мировой войны в городе Томске глазами гласных Городской думы (1914–1917 гг.).....	203
<i>Хмуркин Г. Г.</i> О масштабах человеческих жертв среди священнослужителей Православной Российской церкви в 1917–1926 годах.....	210
Музей в социокультурном контексте: прошлое и настоящее	
<i>Адамсон А. Р.</i> Редкие Библии в коллекции ОГИК музея.....	216
<i>Ашихмин Е. Г.</i> О чайной-читальне Мотовилихи.....	219
<i>Балюнов И. В., Бурнашев Э. Г.</i> Мемориальный музей императорской семьи Николая II: на пути к созданию.....	223

<i>Беневаденская Е. Н.</i> Репрезентация местной истории в экспозициях государственных музеев Алтайского края во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х годов.....	227
<i>Блинова О. В.</i> Деятельность Западно-Сибирского отдела Русского географического общества в 1917–1919 гг.....	230
<i>Буслаева Г. Б.</i> Обзор материалов личных коллекций омских краеведов в фондах ОГИК музея.....	234
<i>Герасимов Ю. В., Здор М. Ю., Корусенко М. А., Полеводов А. В.</i> Археологические комплексы «Битые Горки»: история исследований и интерпретация.....	239
<i>Гуселетова Т. В.</i> Отражение исторических событий в советском искусстве.....	245
<i>Девятъярова И. Г.</i> Дмитрий Либеров – иллюстратор книги генерал-лейтенанта К. В. Сахарова «Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг.» (Мюнхен, 1923).....	249
<i>Дербуш О. Н.</i> Коллекция фотографий старообрядцев начала XX в. в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея как источник изучения традиционного русского костюма.....	253
<i>Доровенчик Е. И.</i> Исторические источники о событиях периода Гражданской войны в Томском крае и их представление в музейной деятельности.....	256
<i>Дьякова О. П.</i> История мемориального сквера Памяти борцов революции в фотографиях.....	259
<i>Ермола М. В.</i> Музейная каталогизация и музейное источниковедение: взаимодействие и соотношение.....	263
<i>Ерошевская Д. В.</i> Деятельность Усть-Ишимского краеведческого музея в 2000-е годы.....	266

<i>Каткова Е. И.</i> Библиографические указатели областной библиотеки о краеведах Омского Прииртышья.....	269
<i>Кокунина А. В.</i> Архив И. П. Сальцына в фондах Музейного комплекса воинской славы омичей.....	273
<i>Кошелева Т. Ф.</i> Сборы насекомых (insecta) из других регионов России в коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея.....	277
<i>Левочкина Н. А.</i> Корпоративный музей в системе корпоративной социальной ответственности.....	282
<i>Леонова Е. В.</i> Почтовая открытка первой половины XX века в коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея.....	286
<i>Лупинас Л. А.</i> Материалы омичей – участников локальных войн и межнациональных военных конфликтов второй половины XX века в фондах МКВСО.....	290
<i>Мудрая А. С.</i> Полезные ископаемые в геологической коллекции ОГИК музея.....	294
<i>Назарцева Т. М.</i> Муниципальные музеи Омской области.....	297
<i>Нуркина К. К.</i> Формы работы МКВСО с детьми: тенденции и перспективы.....	301
<i>Олещенко Л. М.</i> Тема революции и Гражданской войны в графике К. П. Белова.....	304
<i>Патрушева Г. М.</i> Галерейное движение в г. Омске в 2000–2016 гг.....	307
<i>Сорокин А. П.</i> Западно-Сибирский отдел Географического общества в период революционных потрясений XX века.....	312
<i>Таштимирова Г. М.</i> Коллекция музейных предметов, связанная с Гражданской войной, в фондах МБУК «Тарский историко-краеведческий музей».....	318

Тимченко Ю. В. Официальные визиты иностранных делегаций в Омск в первой половине 1960-х годов по материалам фотофонда Исторического архива Омской области.....322

Тихомирова М. Н. Об источниках по фаянсу и фарфору справочника «Кухонная утварь и посуда».....326

Томилов Н. А., Ахунова Э. Р. История сибирских музеев на страницах «Известий Омского государственного историко-краеведческого музея».....329

Федотова И. В. История формирования археологического фонда Омского государственного историко-краеведческого музея.....334

Шелегина О. Н., Запорожченко Г. М. Научный топос как пространственная модель освоения наследия.....339

**Историко-культурное наследие:
сохранение, изучение, использование»**

Агабемян Е. Б. Феномен краеведа. Субботин Анатолий Николаевич.....344

Акелькина Е. А. Диалог Н. М. Ядринцева с Ф. М. Достоевским.....349

Ахметова Ш. К. Влияние социальной памяти на формирование этнической идентичности казахов Западной Сибири.....354

Бродский И. Е., Наумов С. С. Из истории Старо-Северного мемориального кладбища Омска.....359

Генова Н. М. Октябрьская революция и культура России начала XX века.....365

Горелова Ю. Р. Историческая память и потенциал искусства как ресурсы формирования позитивного образа в представлениях горожан.370

Гуменюк А. Н. Н. Е. Вараксин. Инженер императорской армии – преподаватель советского Худпрома.....375

<i>Жигунова М. А.</i> Этнокультурные предпочтения восточных славян (на примере современного Омска и Барнаула).....	380
<i>Золотова Т. Н.</i> Празднование годовщин Октябрьской революции в Западной Сибири: проблемы становления и трансформации.....	383
<i>Ильина А. А.</i> Малые города и села: возможности сохранения национальной культуры и этнокультурной идентичности (на примере Омского Прииртышья).....	389
<i>Кассал Б. Ю., Конигов Б. А.</i> Псалми из южно-таежного Прииртышья...	393
<i>Келлер Л. И., Рыженко В. Г.</i> Образ участников революции и Гражданской войны в трудах местных историков и омских писателей-краеведов (вторая половина XX в.).....	397
<i>Конигов Б. А.</i> Из неопубликованного наследия В. А. Могильникова. (К 85-летию со дня рождения).....	401
<i>Корусенко С. Н.</i> Краевед М. Х. Шихова: роль личности в сохранении и исследовании исторической памяти.....	404
<i>Левочкина Н. А.</i> Историко-культурное наследие как основание формирования регионального культурного бренда (на примере города Омска).....	408
<i>Менщиков В. В.</i> Вклад Н. А. Абрамова в развитие сибирского краеведения (к 205-летию со дня рождения).....	412
<i>Моисеенко А. Д.</i> «Распишитесь, что не...»: трансформация политического юмора в позднесоветскую эпоху.....	415
<i>Селезнев А. Г., Селезнева И. А.</i> Новые экологические движения как объект антропологического исследования.....	419
<i>Скопа В. А.</i> Вклад Н. М. Ядринцева в развитие региональной статистической системы и ее деятельность (по материалам Западной Сибири последней трети XIX века).....	423

<i>Смирнова Е. Ю.</i> Невоенный военный человек Владимир Иванович Скалепов.....	426
<i>Татауров С. Ф.</i> Семья Айтикиных – как уничтожали купеческую династию в Таре.....	429
<i>Татауров Ф. С.</i> «Люди Сибири»: проект открытой социокультурной площадки в городском пространстве.....	434
<i>Тихонов С. С. Н. М.</i> Ядринцев: к прочтению биографии.....	437
<i>Тихонов С. С. Н. М.</i> Ядринцев и современная этноархеология.....	442
<i>Федотова М. М.</i> Александр Робертович Шнейдер (1897–1930): ученый и общественный деятель.....	446
<i>Чернова А. А.</i> Этнограф А. В. Анохин как организатор этнографического краеведения на Алтае в 1920-е годы.....	449
<i>Шалахов Е. Г.</i> Юринский могильник в Республике Марий Эл: к проблеме сохранения памятника, оставленного кочевыми древнесибирскими популяциями.....	452
<i>Юдина А. А.</i> Историческая память о событиях Гражданской войны в томской топонимике.....	455

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЧЕТВЕРТЫЕ ЯДРИНЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России

(Омск, 30–31 октября 2017 г.)

Ответственный редактор П. П. Вибе
Ответственный секретарь Н. В. Елизарова
Корректор В. А. Шаркова
Верстка Ю. С. Овдиенко

Сдано в набор 17.10.2017.
Подписано в печать 18.10.2017 г.
Бумага офсетная Формат 60x84/16
Усл.п.л. 27,3 Уч. изд. л. 29,3
Тираж 150 экз. Заказ №289090

Отпечатано в типографии «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»)
644007, г. Омск, ул. Орджоникидзе, 34